

НЕВА

10 • 2025

Ценим прошлое.
Открываем новое

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Михаил РАХУНОВ

Стихи • 3

Алексей ГОЛОВКО

Судьба пациента. *Повесть* • 8

Ольга ВИКТОРОВА

О чудесном. *Стихи* • 84

Андрей МАКАРОВ

Золотая чешуя. *Рассказ* • 88

Евгений ТОПЧИЕВ

Кирпичи. Не время. *Зимние рассказы* • 99

Ирина КИЙС

В стеклянном шаре. *Стихи* • 110

Игорь МИХАЙЛОВ

Что-то с чем-то... Девушка с причудой. Непенф.

Потом. Вельяминово. Все еще будет!

Рассказы. Пред. Е. Каминского • 114

Сергей МАККЕ

«Божественная комедия», или Новый год. *Стихи* • 132

Елена ДАНЧЕНКО

Звери, которые нас выбирают. Бабусенька. *Рассказы* • 135

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Александр СТРАШИНСКИЙ,

Мария НИКИФОРОВА

Судьба подлинных. *Стихи. Пред. Е. Каминского* • 156

ПЕРЕВОДЫ

**Стивен ХАГГАРД, Кит ФУТТИТ, Сидней КЕЙС,
Брайан ОЛЛВУД, Кит ДУГЛАС, Фрэнк ТОМПСОН**

«Мы просили многого от жизни, но сумели
и ее отдать». *Перевод с английского Евгения Лукина* • 165

ЛЮБИМЫЕ УГОЛКИ РОССИИ

Вера КАЛМЫКОВА

Небо и земля Старого Оскола • 170

ПУБЛИЦИСТИКА

Айгуль АХМЕТОВА

История одного дефолта • 181

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

К 130-летию Сергея Есенина

Анатолий СОБЕННИКОВ

«Радуница» С. Есенина в контексте
мифа о России в русской поэзии • 203

Татьяна НУЖНАЯ

Неизведанные территории: гимн Чукотке
в романе Светланы Забаровой «Ватыркан» • 217

ТЕАТРОТЕКА

Алексей СЕМКИН

Чехов о театре и людях театра • 225

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Рецензии. *Вера Чайковская.* Сомнительные маги: размышление искусствоведа. *Денис Сорокотягин.* Карамелька с табачными крошками • 233

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

У берегов Испании. Часть 2 • 239

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор). **Дмитрий Зенченко** (контент-редактор журнала, редактор интернет-сайта).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2025

Михаил РАХУНОВ

ЯНВАРСКИЙ СНЕГ

Бесшумно в городе ночном
Мы танец медленный начнем,
И закружим, и завертим,
И заиграем.
И сквозь январский этот снег
Совсем не видно будет тех,
Кто, спрятав лица в жесткий мех,
Недосягаем.

Мы увлекаемся игрой...
Ты нас ругай и матом крой
И солью — этакой икрой —
Стели дороги.
Но, дворник, шалости твои
Для нас лишь повод — раз-два-три —
Мы победили, посмотри
Себе под ноги!

* * *

Легкокрылый талантливый божик,
У него наготове есть ножик
Заточить неживые слова.
Он, как Пан, ходит девственным лесом
И деревьям — еще бестелесым —
Раздает на бессмертье права.

Грубой ветке он ножиком славу
Придает и цветенья оправу
Изымает ударом руки.
И слова, как улыбка ребенка,
Вдруг блеснут и улягутся звонко
На упругое ложе строки.

Ах, дружок, не давай нам советы,
Все мы знаем, куда ты и где ты,

Михаил Рахунов — поэт и переводчик. Родился в 1953 году. В настоящее время живет в Чикаго, где в 2008 году вышла его первая книга стихотворений «На локоть от земли». После этого он издал еще ряд стихотворных сборников в России и за рубежом. Переводы Михаила Рахунова печатались в журнале «Интерпоэзия». Стихотворения переведены на английский, французский, польский и вьетнамский языки.

Не гадай: если б что и кабы.
Хоть мы все по рождению боги,
Но расходятся наши дороги
По желанию строгой судьбы.

ИЗ ОКНА

Нечесанный люмпен садится в заезженный «додж»,
И рыжая девка мостится уверенно рядом,
Готовы они отоварить последний свой грош,
В какой-то дыре отдаваясь нехитрым уладам.

Под утро вернутся, ворча, в свой обшарпанный дом,
Собака лизнет их обоих и ляжет у двери.
И будет с печальной усмешкой все думать о том,
Что жизнь прожита, впереди же сплошные потери.

Рассвет заалевает, и выйдет хозяин, не рад
Ни солнцу, ни птицам, — пойдут они вместе по травке,
Свершая унылый и грустный такой променад
От дома пустого к набитой товарами лавке.

* * *

Памяти Василия Пригодича

Изучали дети Блока.
В этом было мало прока.
Про аптеку и фонарь
С ними лучше не гутарь...

«И медленно пройдя меж пьяными...» —
Шарманку ты не заводи,
Жила другими школа планами:
«Пиши, старайся, выводи...»

На полке — здесь не их вина —
Тома бессильные пылились,
Потом исчезли — испарились.
Исчезла вскоре и страна...

СКВОЗЬ НАБУХШИЕ ЖИЛЫ АРБАТА...

О годах семидесятых...

Сквозь набухшие жилы Арбата
Разношерстного люда поток;
Все, чем наша столица богата,
Предлагает здесь каждый лоток.

Расклешенные платья бананов,
Пирамиды вальяжные шпрот
Беспардонно толкают и рьяно
На покупки приезжий народ.

«Понаехали тут, понабрали...» —
Эта общая мысль москвича.
Курят «Мальборо» местные крали,
Носят куртки с чужого плеча.

И над всей этой пестрой Москвою
Легкокрылая юность моя
Пролетает жар-птицей — судьбою,
Улетая в чужие края.

ЦЕПЬ

Алле Михалевич

Повторяю за Блоком: «Фонарь и аптека...»,
Сколько раз этот ряд повторялся от века.
Но закрылась аптека, сгинул старый фонарь,
А за ними генсек, президент, государь,
Петербуржцы в своих длиннополых пальто,
Дамы в шубах тяжелых, в пенсне господ,
Длинноногий канкан, Бим и Бом в шапито —
Все ушли цепью длинной во тьму, в никуда...
Представляете цепь: вереница вещей,
Череп вперемежку с обрывками фраз —
Эту цепь тянет Время — безликий Кощей,
В ней, тяжелой и ржавой, есть место для нас.

Петербург разъедает болотная тля,
Правит бал, пироги жалких улиц деля.
Этот люд непотребный во все щели залез
(Тараканий общаг, недосып и обвес),
Грубым спиртом пропитан, он пахнет мочой,
Он живет без потерь, без удач, без любви,
Для него этот город — холодный, чужой,
Где во тьме, прозябая, жгут судьбы свои.
И вот эта толпа — без кровинки в лице! —
Позабыв про несчастную совесть свою,
Помогает тянуть злополучную цепь,
Зло сверкая глазами, на самом краю.

* * *

Я — маленький человечек,
Гуляю среди овечек.

Фуфайка и шапка — погода,
И не умывался — полгода.
На дудке играю скрипучей,
И жизни другие — не лучше.

Вот птица размеренным кругом
Все кружит и кружит над лугом.
А мне умирать неохота.
Лети-ка ты, друг, за болота:
Там ходят с винтовками люди,
Авось тебе что-то прибудет.

В деревне играют робяты,
Картошку копают солдаты,
И солнце за церковь садится.
Дымится костер при дороге;
В костюмах и галстуках боги
Шашлык уплетают — столица...

А впрочем, к чему тут сердиться!

ПОДАРОК

Барабанщик судьбы, по нечитаным книгам скиталец,
Мне бы крылья свои не навязывать праздной шпане.
Что им вечная жизнь? Покажи им, неверящим, палец —
И они будут долго трясти животом в стороне.

Но средь улиц чужих, где усталые взгляды мгновенны,
Иногда ты найдешь освященное мыслью лицо.
Вздрогнут крылья твои, разобьются стеклянные стены,
И ты робко войдешь на открытое взору крыльцо.

И прохожий поймет: все, что даришь ему безвозмездно —
Есть подарок судьбы, впрочем, как ты его не зови, —
Рассыпается в прах, исчезает зовущая бездна,
Открывается мир вечных истин и верной любви.

Ну а коль невдомек, что тобою поставлено на кон,
Что ж, он прав, тот прохожий, значит, чувства ему не даны —
И придут мужики, и поставят болезного раком,
И утащат его в царство вечных услад сатаны.

* * *

В этом месте глухом, что зовется Земля,
Где и снегом, и пухом белы тополя,
Где черны от дождей и от плача черны
Черноземы полей, лик вдовы — не жены;

Не жены, не жены; это странное НЕ
В этом месте глухом не лежит в стороне,
Поднимается НЕ, как зловещий рассвет:
Нет поэта на свете. Его больше нет.
Я не знал про него, я не думал о нем,
Не желал ему зла, так что я ни при чем;
Ни при чем, но меня задевает плечом
Горе тех, кто дружил и ходил с ним в кино,
Кто читал его книги и пил с ним вино,
Кто смеялся над тем, что и он, кто любил
Так же чисто, как он, так же искренне жил,
И поэтому — разве поэтому? — мне
Так не хочется быть бобылем в стороне,
И молчать, и читать впопыхах некролог...
Помоги же нам, Бог, и помилуй нас, Бог!

МОЛИТВА

Спасибо, Господь, за комфорт и достаток,
За легкую жизнь — карамелькой во рту.
Я знаю, Господь, — это только задаток, —
Сторицей воздам за твою доброту!

Стою пред тобой на коленях, как данник,
Принесший безропотно душу и плоть.
Но только не надо — молю! — испытаний,
Прошу, отведи сию чашу, Господь.

* * *

Поколение, пробующее на зуб метафоры.
Метафоры пробующее поколение.
Не вызывающее ничего, кроме удивления.
Поколение, строящее воздушные замки.
Выдувающее мыльные пузыри из соломки.
Поколение на грани поломки.
Простодушное поколение...
И где-то, в арьергарде, в обозе,
Два, три, еще не почивших в бозе,
Знающие, что поэзия за текстом,
Что она воздух между строк,
Энергия, поднимающее тесто, но не само тесто.
И еще, где-то высоко — Бог,
Которому, как известно,
Все известно...

Алексей ГОЛОВКО

СУДЬБА ПАЦИЕНТА

Повесть

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед.

Николай Тихонов

1.

В больнице одного сибирского города лежал сорокалетний Василий Журавлев. Среднего роста, худощавый, с обострившимися чертами исхудавшего лица, он удивлял острым взглядом из глубоких потемневших глазниц. Была весна восьмьдесят девятого года двадцатого века, общественные страсти кипели и бурлили, но в обыденной жизни еще держались советские порядки, осложненные крайним дефицитом всего: продуктов, денег, элементарных товаров для жизни, таких, как хозяйственное мыло. Бурно развивающиеся кооперативы, по сути становящиеся частными предприятиями, все более влияли на состояние общества. Василий работал научным сотрудником в лаборатории отраслевого НИИ.

Приходила к нему чаще всех Галина, молодая сотрудница лаборатории, худощавая подвижная любительница горного туризма. Кроме новостей из института, приносила она Василию на подпись по несколько бумажек, связанных с перемещением материальных ценностей из лаборатории и в нее, так как, несмотря на болезнь, от должности материально ответственного лица Василия пока не освободили. Почему не сделали? Довольно сложно найти замену сотруднику на такой своеобразной должности: надо, чтобы он и хозяйственной сметкой обладал, и технику знал, и по основной специальности не скучал на работе. Согласился Василий занять эту должность когда-то, подчиняясь начальству, но и имея в виду свои собственные интересы. Он поступил тогда в аспирантуру к известному профессору и взял тему, для воплощения которой требовалась сложная электронная аппаратура. Василий собирал ее из самых разных источников, и положение завхоза лаборатории упрощало задачу вовремя ухватить нужный прибор и вставить его в стойку, возвышавшуюся в его кабинете уже до самого потолка.

В эту пятницу Галина пришла раньше обычного, часа в четыре пополудни. Василия позвали, и он, еле сдерживаясь, чтобы не застонать, вынес свое костлявое тело в коридор, расположился на кожаном диване рядом с Галиной:

— Привет молодежи! Ты сегодня рано.

Алексей Алексеевич Головкин родился в 1949 году в Иркутске, где проживает постоянно. Окончил физический факультет Иркутского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института солнечно-земной физики Сибирского отделения РАН, кандидат физико-математических наук. Специалист по физике Солнца и солнечно-земных связей, автор более 120 научных работ, книги «Соль времени. Стихи и переводы» (М.: Рунета, 2010). Публиковался в «Журнале ПОэтов» (Москва), журналах «Нева», «Сибирь» (Иркутск), «Здравый смысл». Финалист литературного конкурса Российского союза писателей «Поэт года 2018».

— Здравствуй! Да, знаешь, с утра ходила на дирекцию вместо Куприянова, а потом включать установку уже не хотелось, мало времени оставалось.

— И что решала дирекция?

— Ой, был такой цирк! Проводил заседание Олег Дмитриевич, разложил свои бумаги и говорит так спокойно, ну он же всегда спокойно то ли говорит, то ли вещает: «Итак, товарищи дорогие, есть новости по финансированию. Хоздоговоров утвержденных пришло очень мало, господдержку только обещают увеличить, но ничего еще не пришло. Давайте решать, что делать. Закупки оборудования делать мы не можем, пишем письма и от всего отказываемся. Зарплату платить можем либо семьдесят процентов, либо сто, но во втором варианте половину состава института придется отправить в отпуск без содержания. Или же — тут пришло распоряжение искать дополнительные непрофильные источники финансирования, это значит: на панель! На панель!»

— Он так и сказал? — спросил Василий, улыбаясь. Ему трудно было представить эти слова в устах Олега Дмитриевича, всегда корректного и сдержанного, такого столпа общества, от которого всегда многое зависело, и поэтому слова его были скупы и точны.

— Да, так и сказал. Я сижу, напротив меня главбухша, плановичка и по снабжению Валентина Бойко, сидят улыбаются и не знают, что сказать.

Василий представил себе представительную, обычно невозмутимую главбухшу, та, конечно, промолчит и ничего на это не скажет, потом плановичку, интеллигентную сдержанную на слова даму, она тоже промолчит, а Бойко — ох уж эта точно что-то ответит, не удержится!

— Валентина сказала! — предположил Василий, все так же слегка улыбаясь.

— Ага, догадался! Естесно, Валентина ответила за всех дам: «Так на панель-то... может, мы и рады бы... попробовать, но возраст уже не тот, брать нас не будут!»

— А он что? — поинтересоваться Василий, оставив рот полуоткрытым.

— Ну что, что... Смутился, уткнулся в бумаги, стал перечислять эти нетрадиционные источники: сдача помещений в аренду, изготовление предметов ширпотреба в мастерских, выполнение заказов на разработки.

— Заставят ужиматься и освобождать комнату.

— Да, грядет. Кстати, ты почему так долго ничего не списываешь? Старых этих сгоревших выпрямителей целый шкаф.

— Ага, и еще фототелеграфные аппараты в подвале, и еще сгоревшие микросхемы, их на драгметаллы сдавать надо, и еще, и еще...

— Да, по драгметаллам, приходил один предприниматель, он хорошо платит за лом золото- и серебросодержащий, и Олег Дмитрич разрешил переговоры с ним.

— Здравствуйте, а пробирный надзор?

— Так у нас перебор по серебру, мы с фотоматериалов сдаем больше нормы. Вот они там на дирекции решили провести переговоры, как это лучше сделать и чтобы сверху разрешили.

— Ах, сверху. Ну, не знаю.

— Ой, да теперь каждый придумывает, откуда тянуть. Здесь, в больнице, наверное, тоже?

— Здесь, — он понизил голос до шепота, — суточная норма расходов на питание больных рубль две копейки, в столовой одни серые макароны в супе, на второе они же с подливкой. У столовских зарплата маленькая, они с работы полные сумки выносят! Мы спрашивали: что это? Отвечают: объедки пороссятам. Да кто их проверяет? Или — лекарства. Врач дает моей жене список — приносите, аптека рядом. Связи — прямее некуда... Знаешь, извини, мне полежать надо, устал...

— Ой, конечно, иди отдыхай, от наших дел у любого голова заболит! Ты как? Жена приходила?

— Да, была. Борщек мой любимый в баночке, как обычно. Я его то в холодильник, а то — греть на батарее.

— Болит? — спросила она жалостливо.

Он в ответ стал рассматривать потолок, и ей стало ясно, что отвечать не хочет. Простилаась и ушла.

2.

Василий вернулся в палату и прилег, разглядывая в окно зеленоватые тополя с набухшими почками, сидящих на ветках воробьев и белесое весеннее небо. Сообщенные Галиной новости не обрадовали его. Пусть его планы из-за болезни рухнули, но хотелось, чтобы работа института, нужная производству, продолжалась, чтобы изобретались и создавались новые дефектоскопы, интраскопы, приборы удаленного контроля для металлургии, поскольку стране и ее людям нужен металл. Мысли Василия переключились на Олега Дмитриевича Вергасова, заместителя директора, курирующего работу бухгалтерии.

Во всякой крупной организации есть такой человек, который поддерживает функционирование хозяйственной системы и к которому приходят ревизоры, «если что не так». Олег Дмитриевич, или О-Дэ, играл эту роль весьма исправно, иногда даже упреждая события, за что его хвалил директор. Если Вергасов наложил резолюцию на заявление или служебную записку, податель сего облегченно вздыхал: дальше исполнители отработывали принятое О-Дэ решение. При этом, если с исполнением что-то не ладилось, он вызывал виновника «на ковер» и своим негромким бесцветным голосом произносил примерно следующее: «Вы получили распоряжение? В чем дело? Кто? Сейчас сделаем звоночек...» Не в его характере было кого-то распекавать, ругаться, кричать, но его спокойный голос вызывал трепет у многих. Можно было лишиться премии, получить выговор или того хуже, если нарушить известные правила, для которых О-Дэ не делал исключений и для себя! На юбилей ему подарили удостоверение о сдаче экзамена по ТБ на слесарные работы. Он когда-то начинал трудовую деятельность слесарем завода, потом окончил университет и пошел в науку, но дома держал маленький школьный токарный станочек и точил поделки для квартиры. Вот начальник мехмастерских и придумал ему такой подарок.

Василий стал вспоминать все эти многочисленные бумажные формы, которые нужно было подать к такой-то дате и даже до определенного часа и на которых появлялись в верхнем правом уголке, а иногда на приколотой бумажке резолюции Вергасова с его уникальной сложной подписью, подделать которую никто не пытался. Единственное, что мог сделать податель сего, получив отрицательную резолюцию, это заполнить бумагу снова и подать как ни в чем не бывало. Случалось, это срабатывало, но в девяносто девяти процентах случаев О-Дэ отлично помнил, кому и почему он отказал, и прием этот не работал. Но многое начало меняться сейчас, так как наступили смутные времена.

Размышления Василия нарушил сосед по палате, морщинистый старик, которому недавно сделали резекцию желудка. Он закашлялся, потом стал кричать от боли в животе и звать медсестру. Та пришла, он и при ней продолжал материться и требовать обезболивающего. Укол был сделан, и на какое-то время вернулось спокойствие.

Вторым соседом по палате был Павел, молодой двадцатидвухлетний парень, сияющий здоровьем, что называется «кровь с молоком», присутствие которого казалось

странным, но он лечился от травмы головы, полученной в драке. Медсестры относились к нему с нежностью, прощая те моменты, когда он иногда обращался с ними грубовато.

Увлекательный кинофильм воспоминаний шел перед мысленным взором Василия, когда он закрывал глаза и успокаивался. В те часы ему не хотелось двигаться. Ему повезло, что медсестры понимали это его состояние и старались не беспокоить в минуты сладкого забытья. Вот только лежащий по соседству старик то и дело нарушал спокойствие, да и Павел обращался с вопросами, которые и сам мог бы решить и не задавать. Еще одна проблема была с руководством больницы, которое хотело перевести Василия куда-нибудь. Его жена Лена отважно выдерживала дискуссии с главврачом больницы, доказывая, что дома держать больного никак невозможно, что ей тогда надо не работать и то и дело звать «скорую», а на что тогда жить, непонятно. Все ждали «того часа», но жилистый организм Василия еще держался, и наплывавшие воспоминания детской поры давали духовную опору в его нелегком положении.

3.

На следующий день его навестил непосредственный начальник по работе, завлаб Николай Николаевич Куприянов. Полный, с выпирающим брюшком и окладистой черной бородой, весьма элегантно одетый, он своей харизматической внешностью вызвал поначалу некоторое смятение медперсонала. Потом, выяснив, кто это, успокоились.

Куприянов затребовал у медсестры халат и прошел прямо в палату:

— У окошка лежишь? Хорошие дела. Ну, здравствуй!

Василий приподнялся на локте, устроился поудобнее:

— Ага, Николаич... Видишь, как меня скрутило?

— Вижу. Так и меня скручивало, я же выкарабкался. Надежда есть всегда, это заруби на носу. Галина мне объяснила, где ты, я и решил сходить. Там в институте Олег Дмитриевич тебе материальную помощь выписал, передадут твоей Лене.

— Помощь? В такие трудные времена?

— Он меня увидел в коридоре, спрашивает, что-то тебя давно не видно, я и сказал, что лежишь. Он еще удивился, как ты бумажки по бухгалтерии подписываешь.

Василий с любопытством взглянул на Николая Николаевича и спросил:

— Так, действительно... Галина приносит, я подписываю. Принесли бы приказ о передаче моей должности Галине, я подпишу и дальше она...

— Да, но... Нужна полная передача дел. Появишься на работе, вот и поговорим! Кстати, я знаешь что раскопал о нашем государственном устройстве?

— Что, у Соловьева или Карамзина?

— Нет. Это мы графу Сперанскому обязаны тем порядком делопроизводства, который у нас установлен...

Николай Николаевич был «книжным червем» и любил раскапывать малоизвестные факты. В его квартире книги громоздились на стеллажах, лежали стопами на столах и на полу. Один раз стеллаж упал, и на раскопки груды книг ушел добрый месяц.

Старик в углу начал кашлять, и Василий предложил:

— Николаич, давай в коридор, там спокойнее.

Он с трудом стащил с кровати иссушенное тело, сунул ноги в тапочки и пошел, увлекая товарища:

— Сейчас вспомнил... Мы как-то в пионерлагере шурупами привинтили к полу тапочки нашего физрука, очень мы его не любили. Он встал в них утром, а сдвинуться не может...

Оба посмеялись, внося оживление в скуку пустого коридора с кожаным диваном и столиком дежурной медсестры. Василий пошел дальше:

— Пойдем... там место хорошее есть.

Они вышли во дворик из служебного выхода. На асфальтированной площадке стояли мусорные баки, а между кустов акации была импровизированная скамейка из досок.

— Здесь санитары обычно курят, но сейчас свободно. Старшая сестра может погнать, если увидит. Но пока посидим.

Они сели. Николай Николаевич коснулся живота товарища:

— И что, серьезно?

— Да, дело дрянь, Николаич! Уже метастазы пошли. По первости напичкали уколами так, что я распух, как дирижабль. Жена поговорила — отменили. Тоже, коновалы...

— Вот-вот. Бывает.

— Экстремизмом дело не поправишь. Из болота можно вылезать только медленно.

— Да... так вот, я начал говорить о графе Сперанском. Когда он получил отставку с высокого поста, царь ему поручил составить свод законов Российской империи. Видел я эти тридцать толстых зеленых томов! Он взял за основу законы Пруссии и переделал их под российские условия. И то, что мы сейчас имеем — приказ по организации... смета... требование на получение... инвентаризация, составы комиссий, — все это там регламентировано.

— А до Сперанского, ничего этого не было?

— Нет, ну было наше, доморощенное: приказные избы, челобитные, указы... при Петре еще было, но он кое-что поменял. А Сперанский уже ввел кардинально.

— Ясно. А вы бы лучше Галину оформили приказом на материальную ответственность!

— А передача дел?

— Так я вам все расскажу, пока могу. Есть приборы, отданные под расписку в другие подразделения и в НИИГИМС.

— Какой НИИГИМС?

— Институт геологии и минерального сырья.

— А я и не знал. Ты ж понимаешь, я имею дело с бумагой и ЭВМ, а вы экспериментаторы.

— Галина — экспериментатор.

— Ладно, мы там обсудим, — буркнул Николай Николаевич, а Василий подумал: «Отложит в долгий ящик, такая у него манера».

На крыльцо вышла старшая медсестра Людмила, наметанным взором заметила мужчин в акациях, но Куприянов смело двинулся к ней навстречу своим осанистым телом:

— Не гневайтесь, начальница! Уж больно хорошо здесь, пригрелись на весеннем солнышке.

Она улыбнулась этому странному человеку, провела ладонями по своим бокам, словно проверяя, ровно ли лежит халат:

— Понимаете, меня тут пьяницы достают. А с вами ладно. Недолго только.

— Так конечно, ему долго и нельзя. Скоро пойдет на койку.

— Пойдет, пойдет! — и она скрылась.

— Ну, ты вот что, — сказал Куприянов, подойдя к Василию, — надежда существует всегда, пока мы дышим. И мы всегда с тобой, не теряйся!

— Ну, так это говорится просто... — Василий умолк, отведя взгляд, и встреча их подошла к концу.

4.

Старика соседа по палате звали Палыч, он работал завгаром, а ранее шофером, сменил много мест работы и автомашин. У Палыча с Пашей тянулась нескончаемая беседа, центральное место в которой занимали женщины и общение с ними. У Палыча набрался богатый опыт по этой части. Каждый свой импровизированный рассказ он завершал собственным афоризмом «настоящий шофер никогда внакладе не будет!» Паша выражал свой восторг неизменным «зашибись!». Его черные усики на гладком, как коленка, лице топорщились каждый день немного по-иному. Медсестра Таня, изящная девушка лет двадцати с небольшим, стала лучше следить за собой, и Василий догадывался, что причиной тому — ее знакомство с Пашей. Это не доставляло бы Василию никаких переживаний, если бы не странная манера парня выкладывать Палычу свежие детали происходящих у него с Таней коротких встреч. Это казалось Василию довольно неприятным и даже оскорбительным, но он сдерживался и не подавал вида. Как-то раз Таня зашла в палату, где был только Василий, и спросила:

— Случайно, не знаете, где Паша?

Он молча оглядел ее грациозную фигуру, густые темные брови и столь же густые волосы на висках, где они были подобраны вверх. Он задержался с ответом, а она заметила:

— Ой, что это у вас окошко... — она залезла на подоконник, потянувшись и поправила болтающуюся форточку. Василий ощутил, какая она вся свежая и ждущая, с изящными точеными ножками под полами халата. Когда она спустилась вниз и стала перед ним с оттенком вызова во всей позе, он ответил:

— А посмотрите во дворе под акациями, может, он с Палычем там?

— В том-то все и дело, что Палыч там с другим мужичком. Ну, ладно, я пошла.

И она вышла. Паша появился через полчаса, вид у него был несколько смущенный, а на слова о посещении Тани он ответил, что ходил в другой корпус.

Василий закрыл глаза и забылся. Ему вспомнились школьные годы, друзья тех лет, влюбленность в девочку, чуть-чуть похожую на Таню. Как-то раз в шестом классе три девочки и Вася делали уборку в классной комнате, он был тогда еще низкорослым «шпендиком», а они были уже рослые девахи. Эти три кумушки-подружки придумали беготню за Васей с мокрыми тряпками, они хлестали его куда попадая, и он не знал, как выбраться из ситуации. Они смеялись, а он был в отчаянии, становясь все мокрее и злее, потому и смешнее, и его увещевания только раззадоривали их. Внезапно вошла девочка, в которую он был влюблен, и стала свидетельницей его позора. Появился Саша Жуцкий, считавшийся совестью их класса, и резкими репликами охладил пыл девочек. Но образ Васи в глазах той девочки померк навсегда.

Саша Жуцкий, крепкий темноволосый мальчик с благородными чертами лица, хороший музыкант и гимнаст, был для Василия путеводной звездой. Всегда подтянутый, целеустремленный, он ходил в музыкальную школу и делал успехи. У него был красивый баритон, и Вася пару раз слышал, как великолепно он пел. Но на уроках пения он не пел, и учитель объяснил, что Саша занимается по специальной программе постановки голоса. «Ишь, какой задавака», — иногда думал тогда Вася, но это не снижало авторитета Саши в его глазах.

Однажды, после одного из первых своих школьных вечеров танцев, Вася с ребятами, вшестером, провожали двух девочек до дома по центру города. У всех было хорошее настроение, обменивались шутками, как вдруг из-за угла вынырнула ватага парней чуть постарше — их не пустили тогда на вечер, так как они были посторонними для школы. Они остановились, стенка против стенки, и вперед выступил низкорос-

лый заморыш Юзик, известный своими хулиганскими проделками и исключенный из школы. Роль зачинщика-provokatora он освоил хорошо:

— Ага, Любка, ты почему меня в автобусе своими буферами толкнула? Такая большая, а толкаешься. Ребя, вы попробуйте, какие они у нее твердые!

Один здоровый увалень начал приближаться к Любе, зажмурив глаза и вытянув немые руки. Но тут вперед выступил Саша Жуцкий:

— Вы что, думаете, что здесь, на улице, вам все можно?

Хулиганы опешили. В темных глазах возмущенного и смелого Саши сверкнул такой огонь, и такая пружина чувствовалась во всем его теле, что они оторопели.

— А вот посмотри-ка, какой ножичек острый, — выступил вперед один, раскрыв перочинный ножик и выставив лезвие в грудь Саши.

— Если нет прочной рукоятки и кровотока канала, оружием не считается. Идите своей дорогой, ребята, и давайте не будем, — парировал Саша, смело заглядывая в глаза каждому по очереди.

— Да ладно, пойдем, — решил их старшой, оттянув за рукав парня с ножиком.

Образ Жуцкого воссиял в памяти Василия, будто освещенный изнутри. Ему вспомнилось, что Саша вскоре после школы поступил в Ленинградскую консерваторию, из Ленинграда потом они переехали в Москву, где он вскоре стал известным композитором. Позже в прессе Василий встречал сообщения о постановках с его музыкой на сцене Центрального детского театра и в других театрах, видел его фамилию как автора музыки в титрах кинофильмов. Он не удивился, что Саша стал композитором, но червячок обиды на исчезнувшего из родного города товарища шевелился. На традиционных вечерах встречи выпускников школы Саша не появился ни разу.

5.

Утром следующего дня Василия разбудил оживленный разговор Паши и Палыча:

— Ты пошто исчезаешь из корпуса? Она тебя искала.

— Так у меня кореш оказался в соседнем. Сидели трепались. Потом сестричка его знакомая подошла, втроем балдели. На анекдоты перешли.

— С картинками?

— Да какое там, обычные.

— Врешь.

— Какой резон, Палыч, мне врать?

— По глазам вижу. Возьми вот газетку местную, почитай!

— А что там читать?

— Ну, про кооперативы. Меняется же что-то.

— Так у меня у самого кооператив!

— Не у тебя, просто ты там работаешь.

— А я все знаю. Рыбу грузим, развозим по рынкам. Тудыть-сюдыть, бумажки в папке.

— Ладно.

Василий приподнялся:

— Палыч, дай мне газетку!

В газете первая половина была скучновата. Вести с молочно-товарной фермы... с пленума Областного совета... Далее пошло интереснее — о новых кооперативах и порядках в них. На последней странице — новости культуры. Василию бросилось в глаза интервью с композитором Александром Жуцким, приехавшим на премьеру детского музыкального спектакля. Он поднес газету ближе к глазам, разглядывая изменившегося с годами одноклассника: «Сашка! Ей-богу, он! Вот бы встретиться...»

Василий отдал газету и откинулся на спину, прикрыв глаза. Вспомнил себя перво-класской в темно-серого цвета гимнастерке, на черной парте с углублением для чернильницы в середине верхней части крышки. Фанерный пенал, ручки с металлическими перьями. Чернильницы-непроливашки из эбонита терпели на себе всё: их роняли, заливали водой, из озорства засыпали землей из цветника. Девочки были одеты в классическую форму с черными фартучками поверх коричневых штапельных платьев. При уборке они снимали фартуки и складывали их на спинки парт. С третьего класса некоторые девочки-модницы завели себе зеленые и синие школьные платья и таким образом обращали на себя внимание. В актовом зале за сценой на стене светлело прямоугольное пятно от висевшего там ранее огромного портрета, но чей он был, ребятам не говорили. В пришкольном саду была высокая круглая клумба с основанием для памятника, но гипсовая статуя, разбитая на мелкие куски, лежала поодаль, и невозможно было распознать фигуру.

Сад тот был непростой, это был сад юннатов Дворца пионеров. Осенью там сгибались от яблок стволы шафранного пепина, зеленели небольшие груши, а на одной поляне желтела спелая кукуруза. На той поляне Васю с приятелем поймал сторож сада, когда они выламывали початки. Он сдернул с них кепки и повел к Васиным родителям. Сторож дядя Саша был старый, но крепкий, с седой головой на заросшей сзади щетиной шее. Он носил одну орденскую планку на выдавшем виды пиджаке.

— Вот привел! Обламывали початки, — сказал он выразительно Васиной маме, отдавая ей кепки, — давайте принимайте меры! Чтобы не пришлось опять...

Он ушел, а мама, пожурив мальчиков, тут же решила устроить Васю в юннатский кружок, что и состоялось. Позже, работая там на грядках, он иногда встречал дядю Сашу, тот молча смотрел на него, и во взгляде было удовлетворение оттого, что Вася стал юннатом.

На окраине сада были вольеры с животными, там жили белки, лисы, кролики и куры. Лисы проявляли поразительную страсть к свободе, они прорывали лапами длинные ходы под сеткой и убегали наружу, их ловили прохожие на улицах и относили обратно к юннатам. Поздней осенью забивали кроликов, дядя Саша сидел на табуретке в углу крольчатника, ему подносили ушастых, и он, крепко держа очередную жертву, резко наносил ей удар по голове небольшой палочкой. Тушку подвешивали, и ребят учили аккуратно чулком стягивать шкурку, методично подрезая жемчужного оттенка нижний слой кожи.

Васе хорошо запомнилась комната кружка юннатов во Дворце пионеров. Там стояли высокие снопы ржи, пшеницы и кукурузы, висели восковые муляжи яблок и груш, в аквариумах резвились разноцветные рыбки, на столах в рабочем порядке были разложены гербарии, а над всем этим великолепием висело алое полотнище со словами Тимирязева: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». Слова эти казались необычайно мудрыми, нравилась их решительность. В центре города, в одном большом магазине висела доска из окрашенного стекла, на которой бронзовые буквы слагались в лозунг «Кадры решают всё. И. В. Сталин». Вася не понимал, что такое кадры, они представлялись ему людьми с квадратными безликими головами, и он не понимал, почему такие безобразные существа должны «решать всё».

Так обстояло дело с атрибутами власти режима, пошатнувшегося к 1955 году, в котором Вася пошел в школу. Довольно нелепо произошло его знакомство с православной церковью. Бабушка взяла его с собой на пасхальное богослужение. Отстояв очередь на входе в храм, они вошли, и показался высокий священник с большим латунным крестом в руках. Он приблизил крест к лицу Васи молча, ничего не объясняя, но мальчик отвернулся и прижался к бабушке, которая, пробормотав извинение, провела его

далее в зал с низким потолком, где сверкала позолота окладов икон, горели свечи и слышались странные голоса, напевавшие еще более странные и непонятные слова. Мальчику было душно, он мучился, выстаивая в толпе, из-за которой не было видно богослужения, он только и ждал конца церемонии...

Василий очнулся от забытья. Решил дойти до телефона, располагавшегося в конце коридора, и позвонить на работу.

— Да! — ответил голос Галины.

— Галя, мне бы товарища школьного повидать! В музыкальном театре в субботу спектакль для детей «Необычайные приключения на волшебном острове», там будет автор музыки Александр Жуцкий, увидишь его в литерной ложе. Объяснишь, что от меня и как меня найти в больнице. Прошу его прийти. Мы с ним дружили...

— Ладно, попробую. Схожу обязательно и своего Павлика свожу с собой. Слушай, а у нас тут события.

— Неужели передача моих дел?

— Да, уговорили меня, и к тому же О-Дэ потребовал. Он тут проводил планерку. Меняется порядок отпуска спирта. Пришло распоряжение, ну, это все в русле борьбы за трезвость. Дневная норма спирта должна выдаваться утром, использоваться в работах, а в конце дня списываться, излишки сдавать обратно, с росписью за фактически истраченное количество. Мы все восстали — некогда же будет работать! Комаровский сказал: «Получу я стопку спирта, поднесу начальнику, он крикнет и начнет работать — так, что ли?» Тогда О-Дэ согласился на недельную периодичность: утром в понедельник выдается на пять дней, а в конце дня в пятницу — отчет и роспись.

— Ну, слава богу! Так и это — слишком часто! Думаю, вернут месячную периодичность.

— Наверное. В стенгазете одна девушка написала, почти по Пушкину: «Мне Олег Дмитрич застудил течение месячных отчетов». Газету сняли. В общем, насчет передачи дел — мы придем с Куприяновым, я принесу все бумаги на передачу оборудования. И ты мне все расскажешь. Дня через два.

6.

Куприянов и Галина пришли в больницу немного ранее четырех часов, и вахтерша предостерегающе подняла руку: «Подождите, идет обход главного врача, пускать не велено!» Тогда они присели на стулья у выхода, и Куприянов заговорщически сказал:

— Я тут нашел статью медиков, как раз применительно к случаю Василия.

Он открыл научный журнал и показал график с четырьмя кривыми: зеленой, желтой, коричневой и красной:

— Видишь, тот случай, когда никакого лечения не проводится... красная кривая, пара лет — и летальный исход. Если проведено облучение опухоли — коричневая кривая, лет пять жизни. Если хирургическое удаление и радиационная терапия — вон какая уже долгая кривая, лет десять-пятнадцать. Много можно успеть! А если еще и химиотерапия — зеленая кривая, при возрасте больного сорок лет тянется аж до семидесяти, то есть практически на всю продолжительность жизни. Вот что дает современная грамотная онкология!

Галина взяла в руки журнал, всмотрелась в рисунок, в подпись под ним и заключила:

— Да, понятно, но обратите внимание: «В случае ранней диагностики». А у Василия — увы... даже и говорить не хочется.

— И куда бы ты поставила палец, на каком он этапе?

Она горестно покачала головой, поставив палец на окончание коричневой кривой:

— Только облучение и было, но оно почти ничего не дало. Если он сегодня будет ходить, это ремиссия, только ремиссия.

— А почему не стали резать? — спросил он шепотом.

— Там уже были затронуты жизненно важные органы, которые не обойдешь. Не могли же они... — пожала она плечами и вздохнула.

— Вот же паршивец, дотянул!

— А что удивляться? Жизнь требует крутиться, забывать о себе. Возьмите свой журнал и уберите. Он не поможет. Я говорила с одним знающим врачом, и он сказал: если выявить эту раннюю стадию, даже операция не обязательна, надо только перестроить жизненный режим. Витамины, микроэлементы в полном объеме. И питание кислородом тканей, физкультура на свежем воздухе. А как Вася жил — пренебрегал многим.

Появился ковыляющий Василий, улыбнулся им:

— Здравые. Пойдемте в ординаторскую, я договорился ради такого случая. Нам нужен стол — разложить бумаги.

В пустой ординаторской присели на диван, Галина разложила на столике развернутые листы инвентаризационной ведомости:

— Я тут смотрела, есть некоторые вопросы.

— Полностью к вашим услугам, — сделал Василий широкий жест.

— Тут вот пластинки и пленки, так много! Что не списывал?

— Ой, да руки не доходили! Надо сдавать шлам, у меня он накопился, лежит в сейфе на самой верхней полке, в черном пакете от фотобумаги. Отвесь, сколько надо сдать на количество истраченной пленки, остальное держи в резерве. Сэкономишь время.

— Хорошо. А вот эти источники питания, александриты, в списке одни спецификации, а в натуре другие.

— Да, это с самого начала так получилось, при получении. Будешь списывать, укажи те, что в списке, а Чердиченке объяснишь, так, мол, и так. Ты же не виновата. Он подпишет акт.

— А вот еще вопрос. Этот прибор мы нигде не нашли.

— Сейчас, сейчас, — Василий всмотрелся, — здесь указано, как в бухгалтерской описи, а в натуре он не БАН-100, а БНН-100. Блок низкого напряжения, вы найдете.

— А что же запись не изменили?

— Да с ними разговаривать — легче полпуда соли съесть.

— Так, ладно, я отметила. А вот еще. Пишущую машинку Ай-би-эм мы у тебя не нашли. Ни в одном шкафу.

— Да, про машинку я вам скажу. Вообще, имейте в виду, — он махнул рукой по длинному списку, — все это оборудование я собирал по всему Союзу, по многим предприятиям, даже включая «почтовые ящики». Это — полный комплект установки для томографического дефектоскопа, осталось только подключить супермини-ЭВМ, а программы у Николая Николаевича уже приготовлены — я правильно говорю?

— Точно, Василий, работаем мы с Качаловым, уже продвинулись, производительности большой ЭВМ пока хватает. Действуем через терминал. Но в этой сфере идет быстрый прогресс. Я в Праге видел ай-би-эмовскую персоналку. Впечатление — ого, я бы сказал! И пойдут кандидатские на собранном тобой оборудовании, вот и Галя защитится.

— О чем я и говорю! Меня еще вспомните. А машинка — дома она у меня, я там тюкал обзор к своей диссертации по вечерам. Позвонишь Елене, она вам ее отдаст. И я ей позвоню.

Эта пишущая машинка попала в лабораторию случайно. Портативная, компактная, сделанная с ювелирной точностью, подобно швейцарским часам, она вызывала восхищение каждого.

Закончив сверять бумаги и получив подпись Василия, Галина сложила их в папку. Куприянов с облегчением откинулся на спинку дивана:

— Да, ребята, плотину прорвало, и все, кто может, ринулись возглавлять фирмы. Недавно по «ящику» показывали председателя одного большого строительного кооператива. Он выходит утром на площадку, там собираются его люди, он их обходит и ставит задачи на день, сводит друг с другом: вы поедете, вы загрузите... Никаких бумаг! Приходят контролеры из госорганов, он их спрашивает: что надо? Сколько надо? Получив, уходят.

— Я видела. Как это — нет документов? Положено по уставу, — сказала Галина.

— Да, но... это разговор долгий. Он же кооперативный, но фактически частный владелец... Я устал, мне надо полежать. Галя, ты сходишь в субботу в музыкальный театр? — спросил Василий.

— Схожу, я уже и билеты купила. И твоего Жуцкого поймаю.

— Вот-вот. Пусть он придет.

Куприянов с Галиной направились к выходу, а Василий, чувствуя неприятную ломоту во всем теле, прошел в палату и лег. Передача дел вызвала чувство облегчения, но возникла и тревога: как будет без него?

Спустя полчаса в палату пришла его жена Лена с дочерью Викой, обе с серьезными лицами, а у Вики был к тому же испуганный вид. Морща нос под очками, Лена смотрела на сжатое лицо Палыча, который пересиливал кашель, заменяя его покрхтыванием.

Поговорили о домашних делах. Потом он спросил:

— А машинка портативная на моем столе лежит?

— Ой, правда, мама, я хотела печатать! — добавила Вика.

Лена сжала губы:

— Понимаешь, Вася. Был один момент, я не хотела тебе говорить. Все равно они найдут какой-то выход. Я увидела объявление в газете, что купят такую машинку. А у меня совсем денег не было. И знаешь, кто это оказался? Шаманов, писатель, мы с ним как-то на курорте отдыхали в один заезд. Он так просил, и я продала.

— За сколько, лучезарная моя?

— За хорошую цену, четыреста пятьдесят рэ. У него столько было отложено.

Василий сморщил лицо, будто съел лимон:

— А ты знаешь, сколько она по бухгалтерии?

— Что, больше?

— Пять тысяч рэ, голуба! Ты что наделала? Адрес этого Шаманова знаешь?

— Нет. И он в Москву собирался. А что? Ну, если что, я уже замучилась, знаешь.

— А кто будет выплачивать институту эти пять тысяч?

Лена сникла, лицо ее сморщилось, она сняла очки и заплакала. Вика приникла к ней, испуганно уставилась на Василия.

— Ну, ладно. Я скажу им, пусть как-нибудь спишут. Только надо сейчас, не на Галину же вешать недостачу. Я позвоню. Ладно, пока!

И он закрыл глаза. Лена с Викторией беззвучно прошли к выходу, оглянувшись на его застывшее утомленное лицо.

7.

На следующий день в институте, в большой комнате, где сидели инженеры лаборатории, за столом с ящиками, где ячейках лежали многочисленные радиодетали, сидела Галина и читала бумаги. Зазвонил телефон, она услышала в трубке голос Василия:

— Галя, я должен перед тобой извиниться. У моей Лены было совсем плохо с деньгами, когда нам задержали зарплату, и она продала машинку. Одному писателю, причем дешево — за четыреста пятьдесят рр. Передай Куприянову: надо составить акт на списание, там укажете поломку механизма или что-то вроде этого и за меня распишетесь. А дату вчерашнюю.

— Да? Я и не знаю, как это пишется, сейчас пойду к Ник-Ник.

— Образец есть у меня в бумагах. В желтой папке.

— А, в желтой, я найду. Ладно, пошла.

Куприянов выслушал сообщение Галины, поморщился и предложил:

— Может, мы потом это как-нибудь?

— Нет, я не согласна начинать с недостатков. Я тогда и в приказе не распишусь, и в договоре и ищите другую кандидатуру. Выплачивать пять тысяч я не буду.

— Ну, вот сразу про пять тысяч! Это если установлена твоя вина в присвоении или порче оборудования... Там же в договоре указано. Ты — не продавщица в магазине.

— Может быть. Но я не буду.

— Хорошо. Составь акт, как сказал Василий. Мы подпишемся, и я пойду к Куприянову за утверждением. Причем, как сказал Василий, вчерашней датой!

Спустя полчаса Галина вернулась и протянула акт.

— Ага, вот и причина — «кардинальная поломка механизма». Это вы хорошо придумали, — улыбнулся Ник-Ник.

Через несколько минут Николай Николаевич вошел в приемную заместителя директора, где энергичная спортивная секретарша Маша бойко стучала на машинке очередной приказ:

— Маша, мне срочно надо к Вергасову.

Она повернулась к переговорному устройству, нажала клавишу:

— Здесь Куприянов, говорит — срочно. Я заканчиваю печатать. Хорошо, — и она махнула рукой, приглашая пройти в начальственный кабинет.

Посетитель вошел. В дальнем конце кабинета, удобно расположившись в широком кресле, сидел Олег Дмитриевич, грузная фигура которого была упакована в безукоризненный костюм, бритая голова со смуглой кожей легко поворачивалась от панели переговорного устройства к бумагам на столе, а от них к ближайшему шкафу со справочной литературой. Крупные черты лица выражали энергию и целеустремленность. Это магнетически действовало на каждого посетителя, который обычно несколько минут слушал значительный разговор по телефону, и только потом следовал кивок головы О-Дэ, означающий приглашение к разговору. Однако сейчас телефонная трубка застыла в руках Вергасова и вернулась обратно. Он вышел из-за стола и пересел за столик для заседаний, пригласив Куприянова сесть напротив и пожав его руку.

— Олег, у меня действительно срочное дело, не совсем обычное. Ты же знаешь, Василий у нас в больнице, дела его почти безнадежны, и мы назначили Галину.

— Как же, знаю, я подписал приказ по передаче дел. Ценю вашу оперативную реакцию на обстановку. Что передача дел? Гладко — или есть нюансы?

— Один нюанс.

— Ну, один — это по-божески. А то тогда с Анной Федоровной мы помучились! Так все запустить, и потом — нате, на пенсию, и разбирайтесь сами. За столько лет накопила!

— Василий хорошо все делал. А тут просто его жена подставила.

— Жена? Но она же у нас не работает.

— Олег... — сказал с ударением Куприянов.

— Ну давай, что у тебя, сейчас порешаем.

Куприянов протянул ему акт на списание, тот прочел и поднял брови:

— Коля, ну что вы пишете? В восемьдесят седьмом получена, в восемьдесят девятом списывается. Причина — «кардинальная поломка». Где вы слова такие берете? Что в ней могло сломаться? Швейцарские часы «Павел Буре» шли два года и сами собой сломались? Может такое быть? Примерно то же! Что, ревизор может не знать, что такое ай-би-эмовская машинка «Интернейшенел бизнес машин»! Кстати, у меня такая же.

Олег Дмитриевич достал из полированного шкафа маленький чемоданчик, откинул крышку и повертел машинку, демонстрируя ее блестящие грани:

— Что может сломаться? Только если...

Он приподнял прибор на несколько сантиметров и отпустил, отчего раздался негромкий стук, но все клавиши стояли как влитые.

— Ни одного люфта! Вижу, ознакомиться вам надо...

Он подошел к переговорке, нажал клавишу:

— Маша, сходите в бухгалтерию и принесите мне оттуда инструкцию по списанию основных средств!

Вергасов вернулся в свое кресло и глядел тяжелым взглядом на Куприянова. Показалась Маша:

— Вот, возьмите, Олег Дмитриевич! — видимо, ей нравилось склонять его имя и отчество.

Куприянов удивился скорости исполнения, так как не знал, что в бухгалтерии недавно появился особый шкаф с маркированными отделениями, предназначенными для бумаг «к Олегу Дмитриевичу», и горе тому работнику, который вовремя не положит туда то, что требуется.

— Вот, читай инструкцию по списанию. К вашему акту должно прилагаться заключение специализированной мастерской о том, что ремонт невозможен или нецелесообразен.

Пока Куприянов читал бумагу, О-Дэ делал звонки в разные места, и отрывки его речи застревали в ушах:

— Это не решает проблемы... Цена вопроса такова... Засылаем гонца с бумагами в Москву... Разрешение на применение кабельной продукции где? Я не подпишу. Сделаете — и в добрый путь...

Куприянов понимал, что работа этого хозяйственного механизма нужна многим, что от этого зависят судьбы людей, и если директор хвалит О-Дэ, то это обоснованно. Но ему казалось, что сидевший против него человек иногда перестает видеть и понимать живых людей.

— Значит, нужна еще справка из мастерской? — спросил наконец Куприянов.

— Я вам помогу... Маша, узнайте по справочнику, где в городе «Рембыттехника». Позвоните туда и спросите, выдают ли они справки организациям о невозможности ремонта пишущих машинок. Машинка импортная... Сейчас, Николай, мы вам поможем, — и минуту спустя: — Маша, что? Только отечественных? И не дают для импортных? Это надежные сведения? Хорошо.

О-Дэ взглянул на Куприянова:

— Вам случайно повезло. Нет освидетельствования для импортных машинок. Сейчас спросим бухгалтерию... Анна Ивановна, тут в седьмой лаборатории составляют акт на списание импортной машинки, уронили по неосторожности. Как лучше сформулировать причину списания? Так и писать, — он взглянул на Куприянова, жестом показывая, что это нужно будет вписать в акт, — «поломки вследствие падения прибора в ходе перемещения»? Халатное отношение — нет? Если да, то акт служебного расследования? Нет, это не подходит. Хорошо.

— Так и написать? — спросил озадаченный Николай Николаевич.

О-Дэ взял акт, перечеркнул его крест-накрест, на обороте написал нужную формулировку:

— С этой подпишу. И еще... знаешь, Николай, ты доктор наук, а я вот задержался на старте. Я тут составил план докторской. Прочитать можешь? И свое мнение.

Он достал и протянул Куприянову тонкую папочку с несколькими листами бумаги, на которых собственноручно Олегом Дмитриевичем был напечатан текст. Его собеседник открыл папку и быстро пробежал текст глазами, потом произнес:

— Олег! Мы же обсуждали на семинаре, правда, по другому поводу. У тебя идет обзор методов. Так. Потом изложение результатов коллектива авторов. Кто предложил новые технические решения?

— Новые решения отражены в актах внедрения и авторских свидетельствах — да, соавторы есть — и в протоколах производственных испытаний. Документы эти будут даны в конце, как приложения. Я хочу, чтобы ты написал внизу свое мнение о диссертательности работы. Мне нужно для разговора с директором.

Черная борода Николая Николаевича задержалась вследствие покусывания им губ, после чего он произнес:

— Я не буду этого писать. Повторяю, свое мнение я высказал на семинаре. Все слышали.

— Ах, все! Ну, так и я не подпишу ваш акт! Совсем новая машинка. Вы что, сдурели? Где она?

— Жена Журавлева вынуждена была ее продать, так как у нее не было денег на жизнь! Есть было нечего! Задержка зарплаты — это что, законный акт? — патетически сказал бородач, понемногу возвышая голос.

— Жена Журавлева должна была спросить Журавлева, можно ли такое делать. Журавлев должен был позвонить и спросить, что делать в таком тяжелом положении. Мы могли прореагировать и выдать помощь из фонда дирекции. Собственно, я тебя недавно спросил в коридоре, и потом мы оперативно выдали им матпомощь. Почему ты сам не пришел ко мне и не сказал об этом? И что, куда ушла машинка? — ровно, почти не повышая голоса, ответил Олег Дмитриевич.

— Жена Журавлева... уступила ее за деньги одному знакомому.

— Ну вот... продала. Если знакомому, возьмите деньги, я распоряжусь, чтобы оперативно выдали из кассы, поезжайте к нему, объясните ситуацию и верните вещь назад. Что вы как дети?

— Этот знакомый уехал в Москву.

— Нет, ну что делается! Ты начальник лаборатории и обязан все знать. Проводить воспитательную работу.

— Олег, бывают ситуации, когда человек расстроен, может даже совершить самоубийство. Нужно быть чутким и внимательным. Но я же не был рядом с Журавлевой! А знаешь, я напомним тебе один случай...

Куприянов расширил глаза, и в ответ немного изменился в лице его собеседник. Когда-то они вместе были на военных сборах в Читинской области. Олегу выпала очередь совершить обход часовых с проверкой. Когда он с двумя студентами подошел к складу боеприпасов, оказалось, что курсант Петя Никитин заснул в будке, далеко отложив от себя автомат. Олег взял автомат, закричал «Встать!» и уложил Петю на холодную землю, послав за офицером. За те полчаса, пока тот не пришел, Петя остыл до дрожи и схватил воспаление легких. Он провалялся в лазарете две недели, а потом был отправлен на долечивание домой.

И Куприянов сказал:

— А Петька Никитин?

О-Дэ словно ожидал вопроса и ответил довольно многословно, сказав по сути, что сознает свою тогдашнюю проявленную жестокость, но что вообще он всегда стремится чутко и внимательно относиться к людям. Он закончил словами:

— Собственно, мы все уже решили. Я тебя не задерживаю. Перепишете акт, отдадите в мою папку, как положено.

— Хорошо. Тут какие-то тревожные вести о сокращении финансирования, это серьезно?

— Дорогой мой, уже сократили, пока ты был в отпуске. Вообще, такое творится... я могу панорамно это видеть, потому что везде бываю.

— И что, если в двух словах?

— Был вчера на расширенном пленуме райкома партии. Мало того, что они приглашают секретарей первичек, так теперь еще и хозяйственных руководителей. Открывает заседание второй секретарь, говорит: присутствует столько-то, кворум есть. И действительно, людей сидит много, есть иллюзия, что кворум есть. Но! Вся верхушка кинулась создавать кооперативы и совместные с иностранцами предприятия, прибирать к рукам и производство, и рынки, и собственность! Оставили для вида прикрытие: вроде идет пленум райкома, вроде что-то решают. Потом появился все-таки секретарь райкома Кузнецов и рассказывает «вести с фронта»: полный хозрасчет — это страшно! Крутиться надо, иначе разоришься, надо ситуационное управление вводить везде. Плановая экономика — под откос. А с нашей любимой металлургией как? Поставить на каждом частном участке домну, как делали китайцы? И что?

— Так металлургия остается в госсекторе!

— Если бы. Какое там! Приватизаторы за это еще не взялись, но для них это самый лакомый кусочек. Погрузил металл на поезд — и в Китай. Прибыль снял — и деньги за рубеж.

— Комитет не даст!

— А комитетчики сами туда ринулись. Создают частные охранные кооперативы. Вообще, у кооператоров этих идеал — танк, переоборудованный в киоск. И прибыль идет, и не ограбишь.

— Вот дикость! Да, грустно это все.

— Я и думаю, держаться надо друг друга. А ты не понимаешь меня, не идешь навстречу. Как же выстоим?

— Да, конечно, что-то надо... — пожал Куприянов плечами и вышел из кабинета.

8.

В воскресенье в больницу приехал Жуцкий. Он с удивлением оглядел кирпичные здания больницы — они были общежитского типа, временный вариант, ставший постоянным, в то время как рядом возвышались каркасные конструкции недостроенного нового здания больницы, оставленного на неопределенное время. Стройка заросла ивняком и полынью. Напротив входа в больницу, через улицу, располагался единственный в квартале кооперативный киоск — сваренный из толстого железа вагончик с зарешеченным стеклом, в котором была узкая бойница — люк для подачи товара, а также маленькая витрина. Ассортимент был довольно узок: пиво разных сортов, сушеная рыба и орешки к пиву, кое-что из еды — солянка в стеклянных банках, консервы, печенье, полвитрины занимали сигареты и папиросы.

Александр зашел в здание, прошел в дверь, ведущую в палаты. Там сидела на вахте старушка в сером оренбургском платке на плечах и в суконных сапожках. Она увидела невысокого мужчину, одетого в очень хороший импортный плащ, под которым

виднелся концертный черный костюм с атласными лацканами. Гармоничное красивое лицо bruneta с соболиными бровями и темными глазами дышало внутренней силой.

— Уважаемая, я к Журавлеву. Примете? — раздался приятный густой баритон гостя.

— А вы кто? — любопытствовала она.

— Его школьный товарищ, музыкант.

— Вот, то-то я и вижу. Это седьмая палата. Давайте сюда, в гардероб для персонала, я вам халат свободный найду и даже шапочку, — засуетилась она.

Александр переоделся и пошел по коридору в белоснежном облачении, напоминая своим видом врача, придирчиво оглядывающего обстановку. Медсестра Таня привстала из-за столика, широко раскрыв глаза, и потянулась в палату вслед за Жуцким. Тот оглянулся:

— Здравствуйте. Почему без шапочки?

— Ой, у нас многие не носят. Сейчас достану!

Александр улыбнулся снисходительно и царственно, вошел в палату.

Василий сразу узнал его: это был тот же Саша, теперь солидный и ухоженный, от лакированных полуботинок до прически. Тот подошел к кровати и, нагнувшись, приобрел Василия:

— Ты что же это болеть надумал? Не годится!

— Так я и не думал, а вышло! — оправдывался Василий, улыбаясь и оглядывая Сашу: — Ты откуда такой парадный?

— Из театра, сразу после репетиции, и до вечернего спектакля у меня «окно». Я взял себе партию фортепиано в спектакле. Так лучше видно, как все исполняется, и можно самому задавать тон!

— Ну да, ты внушаешь организованное начало!

Палыч и Паша, игравшие в домино, с удивлением оглядывали Александра. Палыч прохрипел:

— Мы думали, доктор!

— Чуть-чуть и доктор. Я проучился первый курс в мединституте, а потом уехал в Ленинград и поступил в консерваторию.

— И как? Стал известным композитором, я читал в газете, — заметил Василий.

— Да, у меня в активе уже три мюзикла, одна опера, четыре симфонии, музыка в пятнадцати кинофильмах.

— Вот-вот, в кинофильме видел тебя в титрах, но не знал, ты или не ты, — радостно сказал друг.

— Так-с, что мы имеем? Дай-ка пульс. Все-таки я немного медик, недоучившийся.

Саша прижал один палец к запястью Василия, оглядывая больного:

— Пульс слабый. Низкое давление.

— Да, знаешь, последние дни — возьми книгу, читаю-читаю и внезапно теряю контроль, глаза пробегают по тексту, а ничего не воспринимаю. Так еще не было!

Александр вздохнул:

— Ухудшение кровоснабжения мозга. Это очевидно.

Василий засуетился:

— Знаешь, я сейчас поднимусь, и мы пойдем куда-нибудь, поговорим. Если ординаторская свободна, можно там.

Они вышли из палаты, и Василий спросил у Татьяны про комнату.

— Сейчас, подождите минутку, — она подошла к двери кабинета, резко постучала по ней костяшками пальцев. Оттуда послышалось движение, и вскоре выскочила сладкая парочка, они поправляли одежду и удивленно взирали на Александра.

— Весна! — заключил он, улыбнувшись.

Оба приятеля зашли в кабинет, и Саша стал прохаживаться взад и вперед, видимо, по сложившейся у него привычке. Василий полулежал на диване, опираясь на его спинку.

— Вася, я очень рад тебя видеть после столь долгой разлуки. Я отлично помню наши школьные годы и наши поездки в лес. Я рад был увидеть наш город...

Они стали вспоминать по очереди всех одноклассников. Рассказывал о них в основном Василий, знавший, как сложились их жизни, а Саша внимательно слушал. Но в одном случае Саша знал больше — о Толе Быкове, с которым он начинал учиться на лечфаке и который навещал его потом в Москве. Толя стал известным медиком, доктором наук и возглавил крупный медицинский центр.

— А помнишь, мы после вечера провожали девочек, и ты... осадил хулиганов. Мне это иногда вспоминалось.

— В седьмом классе? Это был первый вечер, когда мы танцевали. Разве такое можно забыть?

— А ты женат?

— Нет, мы с мамой так и живем. Старенькая она стала, но держится. Есть у меня, правда, увлечение, но я не перехожу известную мне грань. Для творчества, мое положение, я считаю, наилучшее.

— Ты правда так считаешь?

— Вася. Музыка — это хрупкий мир. Надо постоянно быть в форме, писать новое, выступать. Мы в стране страдаем от засилия попсы. На концерты ходят все меньше и меньше. Но не в детской аудитории, для которой я пишу мюзиклы. И еще — я хочу создать такую симфонию, которая передала бы драму внутреннего мира современного человека. Поэтому стараюсь не отстраняться от всего, что происходит в жизни. Я обратился к вере, христианской вере. Подарю тебе запись — это я делал по заказу церкви. Они, кстати, хорошо заплатили. Попроси домашних, чтобы достали маленький плеер, и послушаешь. Мы, правда, воспитаны в атеистическом духе, но мне важно объединение всех людей, общечеловеческое начало...

Музыкант отдал Василию маленькую кассету с записью. Дверь внезапно отворилась, и вошел дежурный врач Валентин Сергеевич, который был одновременно и лечащим врачом Василия. Он с любопытством оглядел Сашу, а тот пояснил:

— Я — друг Василия со школьной парты. Московский композитор, а здесь я на премьере. Учился в мединституте, кстати говоря — вместе с наверняка известным вам Быковым, но оставил учебу, когда поступил в консерваторию. Мы можем поговорить?

— Конечно, я как раз бы хотел! С женой больного у нас контакт не блестящий.

— Вот и хорошо. Василий, ты пока подожди нас, я тебя найду.

Василий вернулся в палату и лег. Заглянула Таня, и он спросил:

— У вас есть маленький плеер?

— Есть китайский, я слушаю. Принести?

— Да, пожалуйста! Мне Жуцкий дал свою запись.

— А можно я попробую? Дайте кассету.

Василий отдал маленький блестящий предмет, и она ушла.

Спустя четверть часа появился Александр, возбужденный бурным диалогом с врачом:

— Так-с. Пойдем в коридор на стульчики, я тебе обскажу обстановку.

Они сели, и Саша, понизив голос, сказал:

— Я говорил с твоим врачом. Он предложил одно импортное средство — в нем содержится совокупность веществ для питания организма, поддержания тонуса, как раз для твоего случая, и еще иммуномодулятор. Тебе станет лучше. От работы ты сейчас

отключен, это хорошо, а теперь сможешь заняться семьей. Тебе надо переключиться. Прояви внимание к жене и дочери, они в этом нуждаются. Читай.

— А то лекарство — оно что-то стоит?

— Стоит, но я уже отдал, и не думай об этом. У меня как раз оказалась возможность. Я взял телефон врача, буду держать на контроле. Это не обсуждается! — сказал он громче и поднял предостерегающе руку, чтобы Василий не продолжал эту тему.

Александр встал, крепко пожал Василию руку:

— Мне пора. Провожу тебя до палаты. И — на выход. Валентин Сергеевич говорит, в лечении онкологических заболеваний вскоре наступит быстрый прогресс!

Они обнялись на прощание, и Саша прошел в раздевалку. Он снял халат и шапочку, аккуратно повесил. Внезапно показалась Таня:

— Александр Федорович, я послушала начало вашей кассеты, мне так понравилось! А у вас отдельный концерт будет?

— Возможно. Последите за афишами, что у филармонии, может быть, состоится. Я плотно занят на премьере, но, может быть, потом...

— Еще, знаете... У меня проблема с Пашей. Там парень в палате с Василием. Что посоветуете?

— Этот тот усатый гвардеец?

— Да. Я намекнула ему, что хорошо бы мы с ним поженились, а он в ответ завелся: дескать, я в эти игры не играю... И вообще, стал искать легких побед.

Александр посмотрел на ее покрасневшее от смущения лицо, ставшее от этого еще очаровательнее, легкую идеальную фигуру. Он прикрыл глаза и откинул слегка голову. Потом произнес:

— Девушка, вы столь очаровательны, что у вас есть все средства влияния на Пашу. Держитесь с достоинством. Растите душу, слушайте музыку, читайте, приобщайтесь к творчеству. И обращайте внимание на мужчин, кто рядом. Если нравится — поощряйте, вы можете. Не ищите любовь, а старайтесь быть ее достойны.

Она жадно впитывала его слова и, когда он замолчал, полурастерянно сказала:

— Да... я буду.

И он ушел.

9.

После встречи с Жуцким многое в судьбе Василия и в его окружении стало меняться, словно по мановению волшебной палочки. У Журавлева было ощущение, что так и случится, еще тогда, когда он прочел о приезде Жуцкого в город.

В понедельник на очередном осмотре лечащий врач Валентин Сергеевич обращался с Василием столь внимательно, что тот сам, будто в первый раз, стал вслед за ним осматривать исхудавшие руки, впалую грудь и плоский живот.

— Так вот, — сказал врач, — с сегодняшнего дня начнем инъекции модулятора, надеюсь, вы согласны, да и мне интересно, какой окажется эффект... — он глянул в бумагу, которую достал из кармана, — индивидуальные возможности организма у каждого свои, и мне представляется, вам это поможет.

Они взглянули друг другу в глаза, и Василий уловил во взгляде врача некий лучик, хотя до этого взгляд его обычно был бесстрастен.

Внимание врача перешло на другого обитателя палаты.

— Валентин Сергеевич, это, ну, выпишите меня, пожалуйста! Зажило уже! — жалобно попросил Паша.

— Так ведь, молодой человек, мы не для вида здесь вами занимаемся, делаем анализы, и если есть онкологический риск, значит, мы его установили по нескольким причинам. Впрочем, если вы стопроцентно обеспечите, что будете наблюдаться в поликлинике, причем ежемесячно, тогда мы подумаем!

— Да, стопроцентно, конечно, обещаю!

Вскоре врач ушел, пришла Татьяна и сделала Василию первый укол. На Пашу она перестала обращать какое-либо внимание, и это его озадачило.

— Ой, я вам сейчас плеер принесу, — сказала она.

Вскоре Василий приладил в ушах маленькие наушники в мягком поролоне и услышал приятный баритон Жуцкого. Тот говорил о евангельских истинах, о том, как следует на добродетельных началах строить жизнь. Голос действительно завораживал. Как бы в отдалении звучала фортепианная музыка, дополняющая эффект.

В среду пришла Галина и озабоченно принялась рассказывать о перипетиях на работе:

— Ну, была битва за списание машинки!

— Прямо битва? — спросил он с улыбкой.

— Представляешь, все акт подписали, пришла я к Бойко. А та — ну, ты ее знаешь, с характером!

— Восстала?

— Ну да! Она так мне показывает пальцами: где вещь-то, показывайте! Я ей стала объяснять, как все получилось и что Вергасов в курсе, он же для них святой человек...

— Ага, ты Валентину еще плохо знаешь!

— Теперь изучаю. Она в ответ как повысит голос: «У меня шофера раздетые ходят, им положены только ватники, а научные сотрудники ваши щеголяют в меховых пальто, крытых новой кирзой, будто постоянно в командировках!»

— Сильный аргумент! Действительно, дали бы уж шоферам полушубки.

— Я и поняла, что она так не сдастся, и говорю: «Так у меня в каптерке лежат два меховых костюма почти новых, забирайте!»

— И она?

— Ты знаешь — сразу! Взяла ручку и подписала акт. И я ей два пальто и одни меховые штаны притащила. Говорит: «Где еще одни штаны?» Отвечаю: «Влад Поляков на рыбалку взял». А она: «Ну все, если он меня с собой на рыбалку не возьмет, сниму с него штаны!»

Они посмеялись, и она добавила:

— Там, знаешь, дирекция обменяла контейнер лома на контейнер китайских пуховиков. Всем раздали, и у нас Ник-Ник демонстративно в пуховике пошел с работы, а пуховик настолько мятый — весь из морщин! Забавно так.

Она ушла, унося с собой ворох выпавших на ее плечи дел, по которым Василий чуть скучал, но больше радовался тому, что ноша завхоза с него снята и дело находится в надежных руках.

В среду пришла жена Лена и с ней Вика, радостная и возбужденная:

— Папа, мы вчера в театре были!

— Да, сходили на твоего Жуцкого, в смысле на спектакль, и самого видели, он на фортепиано играл и в конце выходил на сцену, кланялся.

— Как он вам показался?

— Ой, папа, он весь такой — жуцкий, у него усы, и в ушах волосы, и в носу, и на руках, как у жука. Мне кажется, он из жука вырос. Вообще, все люди из насекомых вырастают. Вот Владька — из кузнечика уж точно!

— Ой, Вика, болтуша ты, ну что ты несешь?

— Да, да, и он в конце говорил, когда кланялся, и голос был такой: ж-ж-ж! — упрямо продолжала Вика, подсакивая на месте.

— Его девочки в классе иногда называли «жуткий». Он возьмет так внезапно появится в темном коридоре, молчит, и глаза горят, — добавил Василий.

— Представляю. Наверное, все девочки были в него влюблены.

— Я бы не сказал. Но он имел сильное влияние. Совесть класса, можно сказать. Еще влиятельная была девочка, Валя Ивушкина, бессменная староста... Да, знаешь, Лена, машинку списали, можешь не беспокоиться.

— А я и не сомневалась, что спишут. Не люди, что ли?

— Люди, конечно, но есть всякие.

— Как и везде.

— Па, а тебя скоро выпишут? — встряла в разговор Вика.

— Может быть. Мне назначили новое лечение. Сегодня сделали первый укол.

— Серьезно? — спросила Лена и внимательно посмотрела ему в глаза, пытаясь прочесть в них новую надежду.

— Это Жуцкий организовал. Он поговорил с врачом, и нашлось это лекарство... Давай-ка пройдемся! — он спустил ноги с кровати и, опираясь на железную спинку, медленно выпрямился.

— А в бассейн со мной будешь ходить? Научишься быстро разгибаться! — сказала Вика.

— Конечно, доча, обязательно. Мне только резиновая шапочка нужна, у меня нету.

— А ты можешь пока шарик на голову натягивать. Я пробовала!

— Ой, Вика, опять ты болтаешь несусветное, — сказала Лена, увлекая ее к выходу.

Девочка шла по коридору, подпрыгивая:

— Ой, какие стулья старые! Они сейчас развалятся, я вот дерну...

— Ну-ка, резвушка, не трожь, а то меня отсюда исключат, — подал голос Василий.

— Ну и пусть, мы тебя домой включим!

Они вышли во двор, и свободная скамейка под акациями приняла их тяжесть.

— Так вот, Жуцкий дал деньги врачу, лекарство дорогое, а Валентину Сергеевичу важно попробовать, как оно подействует. Ему представляется, в моем случае оно может помочь.

— Да? — радостно переспросила Лена, и от ее голоса в его ушах зазвучали бубенчики, как под дугой резво помчавшейся лошади. Легкий свежий ветерок со стороны леса доносил первые запахи трав и молодой листвы тополей.

Они поговорили о домашних делах так, словно Василий скоро уже окажется дома и сможет прибить оторвавшийся подоконник, наточить ножи, прибрать на балконе. Лена с Викой ушли, а он все сидел, пригретый весенним солнышком, и думал, хорошо бы сделать то и это, выгнать из себя больничный запах и забыть хоть на какое-то время о болячках.

10.

Существуют в медицинской практике случаи странные, озадачивающие врачей неожиданным ходом событий. О них писал в своих «Опытах» Монтень: сила воображения и восстание духа иногда делают чудеса. В одном фильме девушка, смертельно больная белокровием, вместе с любящим ее юношей бросают вызов судьбе. Его отвага, горячая любовь и неотступность создают чудо исцеления. Один поэт на концерте — Василий был на нем и помнил это — рассказал, как лежал в американской больнице в почти безнадежном состоянии, его организм перестал вырабатывать эри-

троциты, и с каждым днем он терял силы. Доктор спросил, какова его профессия, и, узнав, что он поэт, посоветовал ему взять ручку и продолжать писать стихи. Пациент так и поступил, в итоге кризис миновал.

Прошла неделя. Василию показалось, что все силы природы и людей соединились, чтобы помочь ему. Погода стояла великолепная, теплая, но еще не жаркая. Новое лекарство, по-видимому, действовало, в наушниках плеера звучала его любимая музыка с записей, принесенных ему Таней. Слушал он и запись Жуцкого. Как-то раз он услышал донесшийся из коридора разговор Валентина Сергеевича с главным врачом. В нем мелькали слова «странно... ремиссия... метаболизм...». И еще: «Судьба пациента зависит от многих факторов: и правильное лечение, и условия больницы, и помощь семьи, и духовный настрой...»

В конце недели пришел Жуцкий. Он тотчас надел предложенные ему белый халат и шапочку и, кратко поговорив с Василием, встретился с Валентином Сергеевичем и главврачом. О чем они говорили, Василий не слышал, но сам Жуцкий, придя к нему в палату, заявил:

— Пройдешь обследование, и тебя выпишут. Думаю, дома тебе будет лучше. Выдадут эпикриз — там будут рекомендации по дальнейшему амбулаторному лечению, медсестра будет приходить с уколами — вот теми, которые мы начали, и как-то понемногу... У тебя есть привычка к утренней зарядке?

— Да, так, элементарно, рывки руками...

— Вот и правильно, мышечная радость — это хорошо, еще тебе придется разучить специальный комплекс, принесу тебе книжку. Это что? — спросил Александр, указывая на оболочку кассеты, заряженной в плеер.

— Седьмая симфония Шостаковича.

— Седьмая? Странно, и я о ней часто думал последнее время.

— Идеи носятся в воздухе?

— Да, и вот о сольном концерте — где ваша сестричка? Я ей обещал дать ответ.

— Спроси у дежурной, она ее найдет.

Александр нашел Татьяну выходящей из клизменной комнаты, снимающей на ходу резиновые перчатки. Она была распарена и утомлена нелегкой работой.

— Ой, вы! Можно, я хоть немного приведу себя в порядок, а то мне как-то неловко? — сказала она полусконфуженно.

— Милочка, такая практика и у меня была в «меде», я вас совершенно понимаю. Как вам будет угодно, я подожду.

— Ой, вы, наверное, торопитесь? Дайте я хоть халат скину...

Она быстро скинула халат, под ним оказались легкая кофточка, туго облегавшая грудь, и тонкое черное трико. Жуцкий сложил губы в добродушную улыбку, в глазах мелькнули искорки восхищения:

— Во всех нарядах хороша! Я, собственно, пришел вам сказать, что сольный концерт будет в филармонии в следующую пятницу, в шесть часов вечера. Приходите, приводите друзей.

— Конечно, приду! Я как раз выходная. А Журавлев сможет там побывать? Очевидно, нет, такой поход он не осилит.

— Василий — нет, что вы! А звуковых записей моих опусов у меня нет. Как жаль!

— А знаете что? Я живу здесь рядом, в деревянном доме, и у нас есть пианино. Я когда-то училась. Оно хорошо настроено.

— Пианино, говорите? Что ж, это хорошая идея! Так сказать, камерный концерт. Если большая комната, можно и других больных пригласить. Я сыграю что-нибудь такое... весеннее, вы меня понимаете?

Таня улыбнулась:

— У нас большая комната.

— Вот и отлично. Теперь — время. В субботу с трех до шести у меня свободное «окно». Сможете?

— Хорошо, я договорюсь подмениться. Еще надо стулья от соседей принести.

Александр оглянулся, сзади молча стоял Паша и ловил каждое слово.

— А вот кто стулья принесет! Поможешь Тане?

— Я вот и хотел спросить: Таня, мне можно? Я выписываюсь, вот и будет под послед.

Таня молчала, изучая лицо Паши.

— Раз выписывается, значит — здоров и могуч, стулья принести сможет, — под-держал Жуцкий.

— Ладно, — чуть слышно ответила она, и они разошлись.

Ночью Василию снился сон: из него вылетела зеленая амeba с глазами, летала вокруг него, меняя форму, потом появился Жуцкий в белом халате и с боевым копьём в руке, он ударял острием в амebu, она скукоживалась, но снова расправлялась по-одаль. Потом зазвучала красивая музыка, от которой зеленое чудище стало уменьшаться в размерах.

В субботу рано утром Василий почувствовал себя совсем хорошо, и ему захотелось пепси-колы.

Когда-то он привозил ее домой из Москвы и Новосибирска, и Вика смаковала каждый стакан, который ей наливали, пробовала и Лена. Василий тогда отказывал себе, чтобы больше осталось им. Теперь же ему захотелось именно этого напитка, который теперь всюду продавался. Похожее было в его общении с отцом: пока тот был жив, тянул «Беломор», Василий же не курил вообще. Когда отец умер, Василий иногда покупал пачку таких же папирос, Ростовской табачной фабрики, курил и вспоминал об отце.

Он прошел во двор, из него на улицу к единственному железному киоску. Постучал в окошко, там произошло движение, и показалась сонная девушка:

— Господи, рань-то какая! Что вам?

— Литровую пепси-колы, — ответил он и протянул в точности ту сумму, что стоил товар. Он приготовил ее еще в палате.

— Правильно, а то у меня сдачи нет.

Василий взял бутылку и повернулся уходить, но услышал громкий возглас:

— Отец!

Он повернулся и увидел подходящего к киоску молодого парня в рваном свитере, в трико лилового цвета, выцветшего из синего, с пузырями на коленях, в скоробленных туфлях на босу ногу.

— Отец, земля, добавь на бутылку!

— Так нету, вот купил напиток — и все! Я из больницы, еле хожу.

— А, дистрофик! Во, я сейчас анекдоты про них вспомнил. Щас Людке расскажу.

Парень постучал в окошко, из него раздалось:

— Здравствуйте, с утра пораньше с гастролями. Че надо?

— Люда, с праздником!

— Какой еще праздник? У тебя каждый день...

— Как какой? Как какой? День шпалопроепитчика!

— Ага, пропитываешься. Еще не успел и ко мне пришел.

— Слушай, дай беленькую в долг, под запись. У меня не хватает.

— Щас, разбежалась! Каждому давать...

— О! Вот женская мудрость пробивается, — осклабил парень.

— Ну и че, я должна твою дурость дальше слушать? Давай, а то закрою.

— Я тут щас землю встретил, дистрофика. Анекдоты про них вспомнил.

— Анекдоты про дистрофиков? Я что-то не слышала. Валяй, пока я с утра еще добрая, пока не озлились такие, как ты.

— Так вот. Из палаты крик слышен: выключите вентилятор! Сестра заходит, а дистрофики все под потолком кружатся.

Раздался легкий смешок, потом девушка попросила:

— А с картинками из этой серии есть?

— Ага, вот опять женская мудрость. Слушай, пусти меня в дверь, я на ящике посижу, у меня что-то нога болит стоять долго. Унижаюсь тут у твоей амбразуры.

— Ага, щас! Да ты и не помнишь ниче.

— Да нет, слушай! Дистрофик зовет: сестра! Сестра! Приходит сестра. Он ей: позови другую сестру. Пришли вдвоем. Он им: позовите третью сестру! Та пришла, он говорит: ты, сестра, и ты, сестра, положите меня на третью сестру.

Девушка заливисто засмеялась, потом раздался грохот замка, отворилась железная дверь, и парень зашел в киоск.

Василий слушал все это, ковыляя по улице от ларька, и ему горько думалось: и на этой улице будет играть Жуцкий? Вдруг он услышал возглас:

— Ой, да что это вы ходите? Вам же нельзя!

Он присмотрелся и с трудом узнал Татьяну, которую до этого видел только в халате. На голове ее красовалась новая замысловатая прическа, туфельки отливали золотом, ловко сидел на фигуре синий плащ.

— Таня! Я вас и не заметил, вы такая необычная! Да я ничего, ходячий.

— Тогда сегодня в три у меня дома, помните? Вон он, дом с зеленым палисадником!

Василий обернулся и увидел обычный деревянный одноэтажный дом и аккуратный палисадник с акациями под окнами с синими наличниками:

— Хорошо, буду знать.

— До встречи! — и она зацокала каблучками по узкому асфальтированному тротуару.

11.

Заходя вдвоем с Жуцким в дом Тани, Василий с удовольствием отметил, что у них нет злой собаки, какая бывает часто во дворах и обычно исходит из истощенным лаем на чужака. Они прошли по чистому дощатому тротуару к крыльцу, на который уже вышла нарядная Татьяна:

— Заходите, милости просим!

В сенцах висели сухие пучки различных трав, стояла обувь. Открыли обитую войлоком тяжелую дверь и вошли в прихожую, отгороженную дощатой перегородкой от остальных комнат. В доме стоял чуть кисловатый запах, свойственный подобным домам, и к нему примешивался благодный аромат свежей выпечки.

— Вот моя мама, Таисия Ивановна, — сказала Таня, и к ним вышла невысокая симпатичная пожилая женщина в нарядном платье из китайского шелка, поверх которого был надет новый кухонный передник.

— А я вам пеку пирожки с печенкой, тут соседи кололи поросенка и половину печени мне отдали, — сказала Таисия Ивановна, внимательно разглядывая вошедших. Руки ее были в муке.

— О, как я соскучился по домашним пирожкам! Моя мама тоже меня балует, — сказал Александр радостно, чуть пожав плечо старшей хозяйки.

— А вы живете с мамой?

— Да, так вот и живем. Она заботится обо мне, а я — о ней, — улыбнулся Александр.

— Так и мы примерно так же. У меня пенсия маленькая, а у Тани — все-ж таки зарплата!

Комната была квадратов сорок, деревянными перегородками были выгорожены кухня с печью и спальня. На окнах бурным цветом взметнулась навстречу солнцу герань. Боком к окну стояло хорошее коричневое пианино.

— Вот только стулья у нас такие, что на них лучше не садиться, — сказала Таисия Ивановна.

— Это мы сейчас организуем. Вон Паша идет, — взглянула Таня в окно и вышла.

Кроме Паши, там оказался и Палыч в новом свитере, аккуратно причесанный. Он воскликнул:

— Там, где красавицы и мюзик, ищите нас, благие музы!

— Ого, да вы и стихи сочиняете! Полный донжуан, — усмехнулась Таня.

— Можем. Что, где брать стулья?

— Идемте к соседям. Там должен быть Валера, — и они прошли в соседскую калитку. Из дома доносилась громкая классическая музыка.

На стук никто не отозвался, тогда Татьяна потянула на себя тяжелую дверь. В кухне за обеденным столом, усыпанным объедками и окурками, сидел тот самый парень, которого встретил у киоска утром Василий. Он был изрядно пьян, а источником громкой музыки был стоявший перед ним большой кассетный магнитофон. Увидев гостей, Валера быстро увернул звук и привстал.

— Валера, я с тобой договаривалась насчет стульев. У нас гости, музыкант из Москвы, — напомнила Татьяна.

— Пож-жалуйста! — сделал тот широчайший жест в сторону комнаты, где стояли рядком венские стулья.

— С нами послушать музыку — как? — предложил Палыч.

— А у меня это и так есть. Иоганн Себастьян Бах! — и он снова включил магнитофон на полную громкость.

— Ну, ты даешь! — буркнул Паша, пронося три стула стопкой.

— Но взглянуть и поприветствовать зайду, — прокричал парень сквозь громкую музыку.

Оказавшись рядом с Татьяной на улице, Паша спросил:

— А че это ты на меня внимания не обращаешь? Раньше напротив было!

— «Эти глаза напротив»? Только и всего. Значит, ты пересел не напротив. Что же должна думать я?

— Да... кореш ведь у меня в том корпусе!

— Тома у тебя в том корпусе. Тебя и после там видели, и не просто видели. С ней проще, да?

— Да это я так, несерьезно.

— Ой, знаешь, давай не будем...

Жуцкий сидел на диване рядом с Таисией Ивановной, держа в руке тарелку с пирогами, и смаковал один за другим. У них шла беседа, зело приятная для обоих, и по доносящимся словам было слышно, что речь шла о детских годах Тани, потом Жуцкий говорил о своей маме. Они продолжали и продолжали, хотя слушатели уже устроились на стульях. Палыч сходил на кухню и поправил печку, а потом откашливался, глотнув дыма. Когда наступила полная тишина, прозвучавшая сигналом для Александра по привычке его концертной жизни, он встал у пианино и сказал:

— Друзья! Я хочу исполнить для вас вначале две свои песни — я их буду предлагать в репертуар Александру Малинину. Одна из них уже исполнялась в кинофильме. Потом исполню кое-что из музыкального спектакля, премьеры которого идет в городе.

И напоследок сыграю начало той вещи, которую я сейчас пишу для симфонии, — Василий, я тебе о ней говорил.

Он сел за пианино и начал играть и петь своим приятным баритоном: «Кони, ой вы, кони...» Слушатели переглянулись, и Таня шепнула: «Это из того фильма, что недавно шел по телику, слышите, знакомая!» — «Да, да», — ответила ее мать шепотом и почтительно взглянула на музыканта.

Александр спел вторую песню, лирическую и задушевную, от нее таяла Таисия Ивановна, а молодежи, видимо, больше понравилась первая, задорная и молодецкая. Таня слушала уперто, вся поглощенная Александром, тот взглядывал на нее иногда с оттенком удивления, и она опускала глаза. В своем розовом шелковом платье, с изящной прической Таня была очень хороша.

В дверях тихо появился Валера, послушал минут пять, буркнул: «Ну, это мы еще поговорим», махнул рукой и вышел.

Когда раздалась первые бурные аккорды последней музыкальной пьесы, Василий вздрогнул. Его захватила и понесла мелодия, как будто он был на платформе мчащегося поезда, и открывались новые дали — «ну, что появится дальше?» — думал он, но потом игра стала стихать и закончилась на тихой ноте. «Это он будет еще продолжать», — подумал Василий.

Александр повернулся и взглянул вопросительно на Таню. Она первая захлопала в ладоши, остальные поддержали, а Таисия Ивановна пошла на кухню и стала выносить оттуда свернутые классическим способом бумажные кульки, дала еще один кулек Паше: «Понесете стулья, отдашь Валере!»

Тепло попрощавшись с хозяйками, Жуцкий с Журавлевым прошли во двор больницы на скамейку под акациями, и музыкант предложил:

— Давай посидим чуток, поговорим. У тебя ничего срочного нет?

— Конечно, посидим! — и они сели.

— Саша, я начинаю понимать направленность твоей вещи. А скажи, в начале Седьмой симфонии Шостаковича, в первой части, там льется такая сложная мелодия, переливается многими струями, как бурный горный ручей, — как это создается, эта серебристость звучащая?

— А-а, дорогой! Ты слушаешь запись, тебе не видно, а это играет симфонический оркестр, большой коллектив музыкантов. Это прежде всего скрипки, у каждой своя партия, которую для них пишет композитор, все они и создают это переливчатое звучание.

— А что выражает эта... тема в начале Седьмой, я ведь не образован совсем в этом смысле.

— Русская жизнь, со всем ее очарованием, но и со свинцовыми мерзостями, в начале двадцатого века. Ты что, не читал? Это же он воплотил в музыке историю страны за первую половину века. Чудом удалось исполнить Седьмую в осажденном Ленинграде. Это была моральная помощь Шостаковича людям города. А потом, после войны, когда раскусили, ее не исполняли много лет. Композитора просили писать лубочные музыкальные картинки, прославляющие советскую жизнь. Помнишь, их исполняли по радио?

— Как же не помнить! Конечно. А сейчас — ты хочешь написать свою симфонию и помочь людям?

— Да, я хочу. Чувствую подспудно, что должен, так как впереди трудные времена. Хватило бы... образования, вдохновения! А шанс есть.

— А любовь? Как смотрела на тебя Таня!

— Да, это, — Александр вздохнул судорожно, отвернулся в сторону, — а знаешь, если бы она пришла ко мне, мне кажется, я бы, очертя голову...

- А твоя мама?
- Вот то-то, что моя мама.
- А помнишь, в школе ты появлялся внезапно в темном коридоре, пугая девочек?
- Я и сейчас так. Есть у меня знакомые московские дамы, они мне иногда говорят: «Ну что ты, Саша, появляешься как чертик из коробочки, потом — бах, месяцами тебя не видно, не позвонишь». Что ж, так складывается жизнь. Творчество, концерты, дома с мамой. Только я иногда думаю: она же не вечна. А я и готовить путем не умею. Испорчу желудок.
- Вот кто-то и должен вмешаться. Но с умным сердечком, не эгоистка. То есть в разумной мере.
- Промажусь, как пить дать промахнусь! А ты-то как? По всем признакам стало лучше! Не зря мы так решили.
- Да, в понедельник начнут гонять по всем анализам и, может, выпишут.
- А и лучше! Освоишься дома, уделишь внимание дочери. Это же как пить березовый сок! Он тебе и нужен.
- Конечно! — Василий представил прыгающую по тротуару в «классики» Вику.
- Ладно, старина, я пошел!
- И Александр ушел, а Василий некоторое время сидел, любясь вечерней зарей на взбаламученном и дымном городском небе.

12.

В понедельник в середине дня, когда обычно происходит выписка больных, Паша зашел в палату со взятой из склада сумкой с вещами:

- Все, мужики! Переодеваюсь — и пошел. Хватит, отлежался.
- Ой, да че ты, давай я чайник принесу, под послед хоть посидим на дорожку.
- Давай чайник, пока переодеваюсь. С нами чайку, а? — спросил он Василия.
- Это можно.
- Палыч принес чайник, заварил в кружке заварку, порезал кекс:
- Давайте, ребя, ближе к тумбочке.
- Они придвинулись, налили чай, и Палыч сказал:
- Эх, Пашка, упустил ты Таньку! Такая девчонка — золото! А ведь в твоих руках была...
- Была, была. Но куда я ее поведу? Какая женитьба? Деньги заработать надо, чтобы новые кругом, квартира, машина. Слушай, Палыч, мы с корешком хотим взять борт на севера наши, загрузить под завязку спирт и распродать там по ларькам. Мы прикинули, прибыль будет хорошая.
- Ну, про то я ничего не скажу. Если бы ближние перевозки... Это знать надо, примут ли вас там с этим товаром. Там свои ребята шуруют. У меня знакомый один парень вывез вагон леса-кругляка, обменял на вагон сахара — это ж ухитриться надо! — хотел распродать. Так ночью на станции замки с вагона сбили, подогнали грузовики, погрузили быстренько — и все! Ищи ветра в поле, сахар ничем не меченный. Он кинулся искать — какое там! Милиция молчит, никто ничего вроде как не видел. Во как! А ты говоришь — коммерция!
- Ну, ты, Палыч, думаешь, ничо не меняется?
- А что, ругают сейчас сталинскую систему! Конечно, жестокая была — за колоски садили, но надежная! И все устроены! Я думаю, побазарят с этой перестройкой, да к прежнему и вернется. С такой большой страной, с такой длинной границей — как еще? Или же — «на границе Германии с Кореей, по Уралу, все спокойно».

— Ладно, Палыч, спасибо за всю твою науку, конечно, много ты полезного рассказывал, если же надо будет, я всегда...

— Да и ты меня, Паша, порадовал, молодость мою заставил вспомнить, может, оттого и живот лучше зажил!

— Да, уж ты своего не упустил. Зато теперь маешься один.

— Ну, так вот Василий — человек ученый, не даст соврать — Ломоносов еще сказал: если от чего-то отнимется, к другому столь же прибавится. Погулял, а теперь «отдыхаю». Эти прежние страсти, как хмель от шампанского — улетучились в дым! Бывает, посмотришь фильм, и что-то зацепит, а так... Одну бы тебе бабу, Паша, надежную и чтоб любила и ты ее. Целее будешь, помани мое слово!

— Если повезет. Вот даже артисту не очень-то пока повезло, да, Василий? — спросил Паша.

— Да, пока бобылем ходит. Дома мать хозяйствует, заботится.

Паша собрался и ушел, а Палыч пристально посмотрел на Василия и сказал:

— Дурак еще парень. Надо и то не упускать, чтобы деньги были, и с девчонкой не пропустить момент. У меня вот не получилось то и то, ездил в командировки все время. Какая-то душа беспокойная. А ты — как, на одном месте?

— Да, углубляюсь в свои задачи, в электронику, работа интересная. Но бывают и командировки.

— Бывали!

— Бывали, — вздохнул Василий.

— А уколы новые помогают?

— Да вроде с ними лучше.

В палату вошел Валентин Сергеевич и обратился к Василию:

— Ну-с, как вы? Будете проходить все анализы, а судя по тем, что сдали, картина очень хорошая. Даже, я бы сказал, такой глубины улучшения с таким диагнозом я еще не встречал! А не согласитесь ли вы полежать еще две недели, чтобы мы обследовали во всех деталях, случай уж больно интересный, как?

— Ой, нет, уж вы закончите за неделю! Домой хочется, дочкой заняться, скучает она, и супруга, и я тоже.

— Да, дочка — это важно. Сколько ей?

— Шесть. Очень шустрая, донимает меня: когда тебя выпишут? Надо, Валентин Сергеевич!

— Ладно, сделаю, что смогу.

В коридоре к Василию подошла Татьяна, оглянувшись по сторонам и тихо спросила:

— Скажите, Василий, а Жуцкий — когда идет его спектакль, он ведь тоже там выступает?

— Да, играет на фортепиано, ближайший спектакль в среду. Хотите сходить?

Та вздохнула тем особенным вздохом, что понятен чутким людям, и спросила:

— А можно? — вложив в этот вопрос глубокое содержание, и он, подумав, ответил:

— Можно!

— Ну, тогда я буду искать, с кем мне подмениться на тот вечер...

В среду вечером она была в партере среди детей, которые сами по себе, и детей, которые с мамой, или папой, или с учителем, а она была одна и, вероятно, выделялась на фоне низкорослых зрителей. Когда Жуцкий вышел на сцену в конце спектакля, он увидел ее в зале и помахал ладонью, потом заметил, что и она в ответ улыбнулась и кивнула. Переполненная радостью и смущением, она вышла с толпой в фойе и долго разглядывала фотографии артистов, надеясь, что покажется Александр, но он не по-

явился. Догадавшись, что у него свои дела — «теперь все на работе пьют чай», — она надела плащ и ушла, перебирая в памяти каждое его движение.

На сольный концерт в пятницу она пришла в филармонию рано и прошла внутрь, как только начали впускать зрителей. Дверь в артистическую была полуоткрыта, Таня села на диван так, чтобы ей было видно, как собираются и готовятся артисты. Потом пришел Жуцкий, прошел в артистическую и стал общаться с музыкантами. Ждали кого-то важного и незаменимого, и она видела, как напряжено лицо Александра, она различала даже бисеринки пота на нем — так было обострено ее зрение!

Артистов собиралось все больше, некоторые несли с собой инструменты в футлярах, потом группа музыкантов стояла кружком, что-то обсуждая.

Таня осмелилась и подошла близко к двери. Перемещаясь, она увидела лицо Жуцкого. Он тоже увидел ее и вышел:

— Таня, очень рад вас видеть, — и поцеловал ей руку в лицевую сторону ладони.

— После спектакля вы заняты? — спросила она чуть слышно, и он скорее угадал ее слова по движению губ:

— Свободен, встретимся на выходе! Сейчас очень занят, — чуть развел он руками и вернулся в артистическую.

Концерт начался, ведущей была местная музыковед Ирина Чижова. Эта энергичная, свободно держащаяся брюнетка сразу стала заряжать зрителей хорошим настроением. После обычных вступительных слов она продолжила с подъемом в голосе:

— Большим подарком Александру Федоровичу и вам, зрителям, является участие областного симфонического оркестра... поприветствуем!

Зрители зааплодировали, занавес раздвинулся, а к роялю вышел Жуцкий и заиграл свой фортепианный концерт. После оваций песни Жуцкого исполняли певцы филармонии и детский хор музыкальной школы, а сцену из мюзикла сыграли артисты музыкального театра. Концерт шел часа полтора без перерыва. Таня держала в руках букет и, когда Жуцкий прощался со зрителями, вышла и подарила ему. Он поцеловал ей ладонь точно так же, как перед концертом, и кивком дал понять, что ждет ее для продолжения встречи.

Она вышла со зрителями из зала, отстояла очередь в гардеробе, оделась и вернулась в фойе. Она видела, как Жуцкий прощался за руку с каждым из артистов и находил для каждого особенные слова, продолжалось это долго, но она понимала необходимость этого. Потом он вышел в незастегнутом плаще, распаренный и возбужденный, взял ее под руку, что получилось неожиданно как бы само собой, вызвав ее румянец, и они вышли на улицу, сопровождаемые взглядами многих глаз.

Был теплый апрельский вечер, пахло тополиными почками и немного гарью от сжигаемого мусора. Александр заговорил:

— Мне выпала большая удача с участием симфонического оркестра. Здесь есть одна дама, композитор, председатель местного отделения союза. Пришлось ее уговаривать, чтобы поддержала. И потом, когда разрешили, мы начали репетировать с оркестром в сжатые сроки, едва успели. Виолончелист приболел, и была опасность, что он не сможет. Знаете, эти апрельские сквозняки...

— Знаешь, эти апрельские капли, — полувопросительно продолжила она, остановившись и повернувшись к нему. Он вопросительно поднял брови, оглянулся кругом и предложил:

— А вот кафешка! Зайдем и отметим концерт, идет?

— Идет! — и они вошли в кафе, расположились за столиком и взяли меню.

— Шампанское есть? Давай по бокалу и... что бы еще? — спросил он деловито.

— Шампанское принимается. Еще я хотела бы мороженое с вишневым вареньем, — благосклонно ответила Таня.

— Отлично! Сейчас закажем.

Вино было принесено, и, разглядывая пузырьки в бокале, он предложил:

— На брудершафт?

— Согласна.

Они сплели руки с бокалами, выпили и поцеловались трижды согласно обычаю.

— Знаешь, эти апрельские капли... — не договорила она.

— Приводят к большим сосулькам, которые могут даже убить! — продолжил он.

— И потому надо оберегать друг друга, заглядывать на карнизы... — закончила она.

— «Нам кажется — мы властвуем, решаем... Нет, только тех мы женщин выбираем, которые нас выбрали уже». Поэт Николай Доризо.

— Почему ты это сказал?

— Но ведь ты первая предложила перейти на «ты», вот почему. Все идет так, как должно идти. Впрочем, я в нетерпении и хотел бы услышать твое мнение о концерте.

— Это было замечательно! Даже дети выступали с большим чувством!

— Говори еще!

— А ты баловник. Скажи, что не любишь сладкое.

— Я не люблю сладкое. Более того, свою порцию мороженого отдаю тебе.

— Ты просто проявляешь великодушие.

— Разве это плохо?

Принесли мороженое. Александр передвинул свою порцию Тане. Та отделила в свою чашку половину его порции и пододвинула ему то, что осталось:

— Кушай! Если не попробуешь, это будет не по-товарищески. Все-таки сладкое ты любишь.

— Согласен. Иногда. Ты проводишь меня до гостиницы?

— А ты проводишь меня домой на такси?

Они смотрели глаза в глаза, изучая друг друга.

— Хорошо, я провожу тебя домой на такси.

Они прошли до гостиницы и зашли в холл. Он был довольно просторен, в тени пальм стояли диваны, а на возвышении эстрады красовалось пианино.

— А зачем здесь пианино? — спросила она.

— Чтобы ты поиграла мне. Твоя очередь! А я отдохну.

— Бедненький, ты совсем устал, — провела она рукой по его плечу.

Они сели на ближайший к пианино диван и скинули плащи. Он подошел к женщине-портю и сказал, понизив голос:

— Можно, если девушка чуть-чуть поиграет на пианино?

Та оглядела его концертный костюм и после некоторой паузы ответила:

— Только негромко.

Он вернулся к Тане:

— Разрешили, только негромко. Сыграй мне что-нибудь.

Она взяла аккорд и сыграла ноктюрн Шопена.

Он полулежал на диване, отдыхая, и после окончания игры заметил:

— Неплохо! Я тоже люблю Шопена.

— Я последнюю неделю упражнялась. Знаешь, я настойчивая, когда захочу!

— Да, долго не играть, а потом вернуться — непросто, я знаю.

— Медсестра — артистичная профессия.

— Охотно верю. Попробуй-ка попасть иглой точно в вену!

— А давай я спрошу, как в интервью: каковы ваши творческие планы?
— Если наши, то победить.
— Почему?
— Потому, что глагольной формы «победу» не существует, а есть «мы победим».
— Чтобы «мы», надо быть вместе.
— Мм... Я пишу симфонию, часть ее играл вам в субботу — помнишь, это была самая последняя вещь.

— Да, помню!
— Для меня победить — написать эту симфонию!
— Это, наверное, невероятно сложно?
— Я автор трех симфоний, это — не такие великие произведения, как Седьмая Шостаковича. Но та музыка, которая сейчас во мне, — это совсем другое, гораздо сильнее, чем было, я думаю! Но все так хрупко...

Он посмотрел на часы:

— О, уже двенадцать! Твоя мама беспокоится.
— Так поедem! Где такси?

Они вышли и сели в машину, Таня назвала адрес. Поехали, вдоль улиц тянулись бесконечные тополя, самые многочисленные и самые многострадальные деревья города. Их обрезали, корчевали, насаждали снова.

— Таня... когда ты сказала «вместе» — это...

Он обнял ее за плечи, и его волнение передалось и ей.

— А скажи, Саша, когда мы были в гостинице, тебе не хотелось позвать меня в номер?
— Танюша. Это публичное место, и приглашение означало бы, что я смотрю на тебя, как на девушку определенного сорта, а я... нет.
— Нет? — переспросила она радостно. — А скажи, Саша, тебе уже сорок лет, а ты не женат, ты что, и не жил с женщиной?

— Только встречался. Но ведь и ты только встречалась?

— Да. Но мой опыт был такой крошечный! Знаешь, эти женские медицинские комплексы ... недостает мужского общества.

— Творчество — еще более глубокая ловушка. Постоянно жаль времени.

— Значит, мы товарищи по несчастью.

— Видимо, так.

Они замолчали и сидели обнявшись, созерцая влажными глазами пустынные улицы. Когда подъехали к дому Тани, вышла Таисия Ивановна в наброшенной на плечи белой шерстяной кофточке:

— А я уже заждаюсь! И Александр с тобой? Заходите, чаю попьем!

— Здравствуйте, Таисия Ивановна! К сожалению, не могу держать такси, да и мне надо возвращаться.

— Тогда хоть пирожков возьмите!

Она вернулась с мешочком пирожков и подала их Александру в окошко, когда машина уже развернулась:

— С рисом и яйцом, свежие, кушайте на здоровье!

И машина тронулась.

13.

Елена Журавлева пришла в больницу утром. Вахтерша посмотрела на нее особенным внимательным взглядом и позвала Василия. Тот пришел довольно бодрым шагом и улыбнулся жене:

— Уже совсем ходячий!

— Да? — удивилась и даже смешалась она.

— Принеси мне эспандер! Там у меня на вешалке висит, с двумя рукоятками. А борщ принесла?

— Ой, знаешь, я что-то замotalась. Пока не приготовила. Завтра!

— Ничего, в столовую схожу пообедать. Меня, знаешь, должны были бы уже выписать, но приходится страдать для науки. Они проведут все обследования, может быть, привезут сюда светило медицинской мысли, чтобы оно убедилось, что все чисто, и тогда мы сядем на такси и покинем этот приют.

— Не приют! — воскликнул появившийся за спиной Василия Валентин Сергеевич, — а славное медицинское учреждение, которое ставит на ноги! Хромые бросают костыли, почечники и язвенники начинают мечтать о водке, лодке и молодке. Или хотя бы им светит вино, кино и домино!

Лена превратилась в сплошной знак вопроса. К ним присоединилась Татьяна, она поправила Василию воротник, словно заботливая близкая подруга. Елена стала изучать лицо Тани, словно пытаясь прочесть в нем отгадку. Валентин Сергеевич пришел к ней на помощь:

— Курс лечения с новым средством дал удивительные результаты! Готовьтесь вскоре встречать Василия дома. Кстати, вот и главный волшебник, — врач отступил в сторону, поклонился и вытянул руку, как на сцене приглашают артиста на выход к зрителям. В дверях показался Жуцкий с букетом роз и в новом коричневом костюме:

— Сердечно рад всех видеть! Это тебе, Танюша!

Теперь пришла очередь удивиться всем, так как Таня приняла букет и, взяв Александра под руку, пошла с ним в тамбур:

— Что ты, Саша? Не терпится увидеть?

— Да, — поцеловал он ее в щеку, — знаешь, я хочу у вас с мамой снять угол. Диванчик и рядом пианино меня вполне устроит. Буду дописывать симфонию.

— Ой, как здорово! — она обняла его за шею, пробуя щекой его щетину.

— Давай быстренько сходим к вам и договоримся.

— Хорошо, я сейчас.

Валентин Сергеевич озабоченно сказал:

— Он не только больного у меня уводит, что хорошо, но и лучшую медсестру, что не очень хорошо. Непонятная штука жизнь!

Четверть часа спустя Таня с Александром стояли перед Таисией Ивановной, держащей ладошки домиком и слушающей обоих.

— Таисия Ивановна, мы с вами уже знакомы, пирожками вашими я очарован и всем домом... Тихо у вас — вот что главное. Я хотел бы снять угол, вон тот диванчик в большой комнате, мне тут поработать неплохо бы. Как вы смотрите?

— Ой, и не знаю, это так неожиданно!

— И причем с завтраком и ужином, чтобы мне не отвлекаться, я оплачу то и другое.

— Надолго?

— Думаю, недели две хватит. Закончить надо обязательно, обстановка хорошая, дело это большое! — в его голосе появились просительные нотки.

— Ой, мама, ты бы видела, как он выступал с оркестром! А потом детский хор исполнял его песни, и полный зал народу! Это так здорово было!

— Тут бы соседи не беспокоили, в нашей-то слободке, народ у нас всякий! — показала головой пожилая женщина.

— Интересно, мама, всякие южные люди живут, и ничего, а именно Александра придут беспокоить? Он человек бывалый, с любым договорится, — поддержала Таня.

— Значит, так, — Александр достал бумажник, — мне приходилось снимать комнату, вот я как за большую комнату и отдаю вперед, плюс за питание, — протянул он тонкую пачку денег Таисии Ивановне. Та сложила ее пополам, приткнув ладонь обратно к груди:

— Таня, надо будет простыни новые взять. Там, у рынка, есть место, комплекты продают дешево.

— Хорошо, сходи!

— Ладно. А то у нас...

— Вот и договорились, — Александр потянулся к выходу, — пойдем, Таня, еще одно дело есть. Возьми с собой паспорт!

Они вышли, а Таисия Ивановна раздумчиво произнесла:

— Они уже и на «ты»! Вот тебе и концерт на Пасху. А вот деньги кстати, я же к себе съездить хотела...

Александр с Татьяной пошли по улице к большой магистрали, разговаривая. Их появление не осталось незамеченным постоянными жителями. У соседского дома стояли Валера и плотный светловолосый мужчина лет тридцати.

— Серега, так как наш бизнес? — спросил Валера.

— Сейчас, сейчас... Скажи-ка, это кто прошел с Танькой под руку?

— Да это артист из филармонии, у него тут друг в больнице лежит, дистрофик.

— А сам не такой?

— Нет, сам крепкий. Но что он с Танькой, это новость.

— Во фрярки метит? Клинья бьет? А нам это надо?

— Конечно, не надо.

— Значит, надо поговорить с ним по душам. Зачем глаза лишние? И участковый у нас новый, ходит, разнюхивает. Я тебе стулья венские привез? Привез. Ты когда за них отдашь?

— А работой отдам, — предложил Валера.

— Вот то-то, что работой.

Александр с Таней дошли до небольшой площади и зашли в сбербанк.

— Мне открыть счет, — сказала Татьяна, протянув паспорт. Оператор молча записала все необходимое и выдала круглый металлический жетон. В кассе Александр отдал деньги. Таня получила сберкнижку.

— Ну вот, вторая проблема решена. Не таскать же их тут с собой, — довольно заметил Жуцкий.

— Нам бы телефон поставить. Тебе же звонить требуется? — спросила Таня.

— А это можно быстро сделать?

— Знаешь, тут ситуация такая. Очередь длинная, и вместе с тем они за плату стали ставить по ускоренной схеме.

— Хорошо, ты узнай, пожалуйста, про эту возможность. Так я поехал за чемоданом! Где тут остановка? Ага, вижу.

Они дошли до стеклянного павильончика, встали в редкой толпе ожидающих.

— Подожди, у меня идея! — сказал он и увлек ее за павильончик, к голой клумбе с гипсовой вазой.

— Что ты, Саша? Мне надо бежать в больницу. И я дежурная до утра, так что с мамой за стенкой будешь ночевать. Покормит она тебя хорошо. Что, что?

— Я соскучился.

— Правда? — радостно спросила она. — А какой завтра день?

— Воскресенье. Пасха.

— Вот и ходим в церковь на службу и там стряхнем скуку.

- Только там?
- Она провела рукой по его щеке:
- Сначала там. Колючка. Утром побрейся!
- Обязательно. Ты завтра сонная будешь с дежурства.
- А я умею прикорнуть в середине ночи. Если не помешают.
- Ты прикорни!

Она мигнула глазами в знак согласия, потом повела глазами на подходящий автобус. Он побежал и забрался внутрь.

14.

Александр проснулся на новом месте от бьющего в щеку солнца. Он открыл глаза и увидел Таисию Ивановну, раскладывающую крашенные яйца в большую вазу, где уже лежали высокие куличи.

- Проснулся? Доброе утро! Христос воскрес! Уже оладушки вас ждут.
- Утро доброе. Воистину воскрес! Ничего себе я сплю! Обычно встаю раньше.
- День воскресный, не грех и проспать. Вставайте, я все равно на кухне.

Он вскочил, натянул трико, прибрал диван и начал делать зарядку, пружинисто работая мускулами.

- О, какой силач! — заметила хозяйка, показавшись в кухонном проходе.

Александр привел себя в порядок и сел завтракать, макая оладьи в сметану.

- Тут может Иван Трифонович зайти, — сказала она.

— Кто такой?

- А это у нас местный правдоискатель, заступник народный.

— О, как интересно! А я ему зачем?

- Как же! Он в столицу все пишет, в верховную власть.

— Есть такие. Ну, поможем, чем можем.

Легок на помине, в двери показался высокий седой старик с орденскими планками:

- Здравствуйте, люди добрые!

Подал руку Александру:

— Старостин Иван Трифонович. Слышал, вы из столицы. Имею честь доложить вам небольшую просьбу.

Александр назвал себя и пригласил гостя сесть напротив за стол.

- Оладушков положить, Иван Трифонович?

— Нет, чайку плесни, Ивановна, да и хорош!

Гость достал из черной дерматиновой папки газетную вырезку с заголовком «Награда наша героя» и с картинкой, где военный вручает медаль сгорбленному старику:

— За пять лет мы с учениками местной школы нашли двадцать семь ветеранов войны, которые вовремя не получили свои боевые награды, и добились через военкомат вручения почти пятидесяти орденов и медалей!

— Солидная работа. Просто удивительно! Я музыкант, сейчас сяду за свою работу, место у вас здесь тихое, мне свое дело продвигать надо, — пояснил Александр.

— И очень даже нужное ваше дело, товарищ музыкант, мы с советскими композиторами, с их замечательными песнями победили, и если есть в стране такие замечательные мастера искусств, как вы, мы обязательно эту гидру капитализма и новых приватизаторов победим! — подхватил Старостин с отяжкой в голосе, как отдают боевые приказы, потом достал еще пригоршню газетных вырезок:

— У меня все сведения собраны! Кто в какой кооператив ушел, и сколько народных денег перетащил, и какие объекты приватизировал. Целые ведь речные суда по цене

металлолома — подумайте, какая наглость! — я все систематизирую и готовлю обращения в центральные органы. Ко времени вашего отъезда я дам вам несколько пакетов с материалами и адресами — вот только марки какие нужны по Москве, не знаю, так я вам просто деньги на них дам.

— Хорошо, через две недели буду уезжать, отдадите, и я сброшу в ящик в Москве.

— Да, вот так. Там на улице Горького, в Центральном телеграфе, есть большие ящики, мы этот вариант уже опробовали, как правило, доходят. А отсюда — нет, теряются документы. Так что вы поймите уж наше положение.

— Хорошо, понимаю, — Александр пожал руку гостя и пошел в большую комнату, а гость с хозяйкой продолжили разговор.

Александр разложил ноты и погрузился в работу. К обеду нагрянули Таня с Василием:

— Здравсьте! Ма, я тебе еще одного гостя на обед привела.

— А что, супа на всех хватит, я и геркулеса наварила, и кулич разрежем. Никто голодным не будет, — добродушно ответила Таисия Ивановна.

Александр оторвался от работы:

— О, здоровеньки булы! А я теперь здесь.

— Отдохнешь от городского шума!

— Точно. Там этот транспорт гудит, а я сплю чутко. Зато здесь блаженство, тихо, лес рядом. Когда-то я здесь поблизости в лесопитомнике подрабатывал.

— Да? Даже я, твой одноклассник, не знал.

— С восьмого класса. Не хватало нам с мамой денег, вот и приходилось. Нарабатывался почти до упаду.

— А какая работа-то была? — спросила Таисия Ивановна.

— Какая? Земляная, с лопатой. Саженцы распределять вдоль борозд, закапывать. Готовые деревца выкапывать, грузить на машины. Зато мускулы накачал. Смелости у меня хватало, а сила, чтобы за себя постоять, появилась не сразу. Но с игрой были проблемы, пальцы грубели. Меж двух огней метался.

— Вот почему ты такой занятой был, на вечера не ходил. Мы все думали — музыка поглощает. Оказывается, не только она, — с расстановкой сказал Василий.

За обедом Таня сказала:

— Я сейчас свободна, а в ночь дежурю.

— Опять? — удивилась ее мама.

— Накопятся отгулы, они мне пригодятся. Зато сейчас можно съездить в церковь на праздничную службу.

— Да, мы ведь хотели, — сказал Жуцкий.

— А я вот на такой церемонии ни разу не был, — сказал с сожалением Василий.

— Это красивая служба. В Москве, конечно, обстановка шикарнее, но канон один.

— Поезжайте! Да спешите, захватите хотя бы конец богослужения! — сказала озбоченно Таисия Ивановна.

Александр с Таней быстро собрались и, проводя Василия, пошли на автобус.

В церковь еще входили и наружу выходили прихожане, пара нищих тянули руку за милостыней. Стоя в полутемном приделе, в душном воздухе с запахом свечной гари и ладана, Александр с Татьяной обменялись долгими взорами. «Христос воскрес!» — шепнул он, глядя осветленно, она ответила так же: «Воистину воскрес!» — и приложила свой палец к губам, вытянув лицо.

Они вышли на каменную дорожку и там, повернувшись друг к другу, поцеловались. Пошли по улицам старой деревянной части города, чудом уцелевшей в давнишнем пожаре.

— А вот и мой бывший дом, — сказал Александр, увлекая Таню во дворик по деревянному тротуару. В глубине стоял двухэтажный четырехквартирный дом с большими окнами.

— Вон там, на втором этаже справа, мы жили с мамой и сестрой.

— У вас было пианино?

— Было. Отец рано умер от болезни. А вот... зайдём-ка сюда!

Он повернулся к одноэтажному длинному флигелю с маленькими окнами и отворил незапертую дверь. За ней оказался коридор коммуналки. Жуцкий постучал во вторую дверь, за ней раздались кашель и шарканье, и показался седой сгорбленный старик:

— Ой, кто ж это? Со света и не вижу.

— Я это, Михалыч, Саня, бывший сосед ваш, теперь в Москве живем.

— Ой, Саня, да неужто? — серые выцветшие глаза старика подслеповато шурились.

— Здесь в филармонии выступал, скоро домой поеду.

— Стал-таки артистом! Вот это молодец, узнаю характер. Я ведь сразу приметил: у этого получится! Давай-ка портвейную откроем на радостях!

Они прошли в глубь комнаты, к столу, на котором лежали крашенные яйца и лужковница, и Михалыч достал заветную бутылку портвейна:

— А ведь ты у меня впервой попробовал. Сколь тебе было, лет тринадцать? Я тогда по глазам увидел, что впервой.

— Точно, портвейн розовый по рублю двенадцать копеек.

— А потом «Фрага» пошла везде по овощным, хорошее вино, часто его брали. Помнишь, еще семечки крошечные на дне...

— Мы и за город ездили — ее брали.

— А ты почему ее кондером называл? Я никак понять не мог, почему такое слово.

— Кондером? Даже сам не помню сейчас, почему так называл. Вроде как конденсатор заряженный, шибает. А Сергеич жив?

Михалыч погрузился, потом вздохнул, и глаза его стали влажны:

— Нет Сергеича. Помянем? Ведь тебя не было тогда на поминках.

Они выпили, и Александр пояснил Тане:

— Трудно жили, и вот Михалыч с Сергеичем выручали. Или мы их. Чуть что — к ним.

— Какой ты стал! Интеллигентный. Женился?

— Нет еще. С мамой вдвоем живем, а сестра замужем в Питере. Дочь у них родилась.

— У Вали дочь? Что делается! — сказал Михалыч как о чем-то удивительном, понять которое трудно.

— Я ведь композитором стал. Спектакли мои идут, концерт здесь был в филармонии. Областной симфонический оркестр участвовал, — гордо сказал Александр.

— И оркестр? — изумился Михалыч. — Нет, прошло мимо меня. Но я раньше много раз говорил: из Сани толк будет.

— Ой, знаете, я была на концерте, это так грандиозно! — поддержала Таня.

Михалыч заволновался, встал, схватил пачку «Беломора», смял пальцами в нужную форму картонную часть папиросы, вставил в рот, потом отложил на пепельницу, воскликнул:

— Саня!

— Что, Михалыч? — улыбнулся тот.

— Ты же всегда к нам, и в день рождения свой, и с демонстрации — отца-то не хватало, знаю... Так вот теперь... Хочешь, угадаю?

Молодые переглянулись, и Александр задорно воскликнул:

— Угадай!

Михалыч сел снова, допил свою рюмку, весь сморщился, как от уксуса, сгорбился и выдал:

— Да горько же! Ну, пожалейте старика!

Таня смутилась и опустила глаза, Александр нежно убрал завитки волос с ее щеки.

— Да не смущайтесь, горько же, Господи, в такой день — Пасха сегодня, ну!

Молодые сблизили лица и продолжительно нежно поцеловались.

— От! Потешили старика, порадовали...

— Ну, раз познакомились, расскажите мне про Сашу, каким он был в детстве, мне же хочется. Я-то не видела, — попросила она.

— Вот молодец Таня, воистину умное сердечко просыпается. Совет вам да любовь! Саня, он... деловой был, конечно, на скамеечке с лузгой не сидел. Да и девчонок у него не водилось. Пройдет с нотной папочкой после музыкальной школы, и слышно: заиграл. И много, много играет. Мы привыкли, если куда уедет — тихо, и как-то не по себе. А потом совсем уехал.

— Не грустите, будет приезжать. Я-то местная, мама у меня здесь живет в своем доме.

— Собственный? А где?

— Да на Госпитальной, возле больницы. И я там медсестрой.

— Сестрой, говоришь? Наверно, на музыке тоже играешь?

— Она хорошо играет и учиться дальше будет, — поддержал Александр.

— Вот и хорошо. Сибирь-то не забудете?

— Да как же ее забыть-то? Здесь начинал жизнь.

Они еще немного поговорили, и Александр с Татьяной вернулись домой:

— А вот и мы!

— Заждалась я вас, уже беспокоиться начала. И Валера этот все ходит мимо, поглядывает — че ему надо? Яичко ему подарила.

— Мама, а мы в Сашином старом доме побывали, со стариком, его давнишним соседом познакомились. Рассказал чуть-чуть про Сашу, — радостно сообщила Таня.

— А в церкви были, похристосовались? — сузила глаза мать.

— Таисия Ивановна, мы отдельно втроем подробно поговорим, — внушительно сказал он.

— Да уж надеюсь.

— Да, мама. Знаешь, мне на дежурство бежать, — сказала Таня и вскоре ушла.

Александр прилег на диван, прикрыл глаза. Тут же словно приблизилось лицо Тани, и ему вспомнились ее недавние взгляды, томно и сладко стало на сердце. Он улыбнулся и почти задремал, потом спохватился и занес в блокнот несколько музыкальных фраз. Посмотрел другие нотные записи, нахмурился. Работы с симфонией было еще очень много.

15.

Утром в шесть часов какая-то сила словно подтолкнула Александра в спину, он перевернулся и открыл глаза. За окном бирюзовое небо обещало солнечный день, от легкого ветерка колыхались сухие былинки в палисаднике.

Он сходил во двор, сделал зарядку и развернул свои нотные блокноты. Накопившийся эмоциональный заряд выплеснулся в мелодии, он заносил ноты в тетрадь так быстро, что некоторые значки трудно было разобрать. Он не снижал темпа, рассчитывая потом переписать набело. Появилась Таисия Ивановна:

— Завтрак на столе. А ключ мы оставляем под крыльцом — пойдем, покажу где.

Он оторвался от работы, прошел и посмотрел, где располагается укромное место для ключа, потом наскоро позавтракал и сел за пианино. Проиграв то, что хотел, он буркнул: «А это надо обязательно со скрипачом, поеду-ка в филармонию».

Хозяйка, одетая по-дорожному, сказала ему:

— Я уезжаю к сестре на несколько дней. Будете с Таней сами домовничать. Я сейчас зайду к ней на работу, обскажу все, что надо. Вы тут со здешним народом держите ухо востро! Люди разные.

— Так между разных людей всю жизнь живу, с детства привык. Не беспокойтесь!

И она ушла, а он тоже собрался и поехал в центр, оставив ключ от замка в тайнике.

Вернулся он поздно, когда уже смеркалось. Работа со скрипачом не заладилась, к тому же пришлось отбиваться от планов директора филармонии послать его с концертной бригадой по удаленным районам области. «Я и сама с вами поеду», — говорила эта полная энергичная блондинка, поводя ресницами и не желая вникать в его творческие планы, от которых он никак не мог отказаться. Потом он был в музыкальном училище и уговаривал молодую преподавательницу-скрипачку поработать с ним эти две недели. После нелегких уговоров та наконец согласилась.

Приехав на знакомую уже окраину, зайдя в дом и включив свет, он глянул на свои вещи, и ему показалось, что они лежат по-другому, чем он их оставил. «Наверное, была Таня», — подумал он и взглянул в сторону больницы, полной света и скрытого движения.

Хлопнула входная дверь, и внезапно показался Валера:

— А Таисия где? Мне тут надо с ней по-соседски...

— Она уехала к сестре.

— А куда?

— Я не знаю куда. Это можно Таню спросить, она на дежурстве.

— А ты тут как?

— Снимаю угол. Мне поработать надо.

— А, вот оно что...

Валера повернулся и ушел, а Жуцкий подумал, что его уединение в этом доме не столь надежно и спокойно, как показалось сначала.

Пожинав тем, что оставила ему Таисия Ивановна на еще теплой печи, он снова сел за свои бумаги. Не прошло и полчаса, как стукнула дверь, и в прихожей появились двое: Валера и плотный светловолосый мужчина, которого Жуцкий видел мельком в больнице среди санитаров.

— Снова здорово! Это Серега, тоже сосед наш. Надо бы поговорить.

Александр окинул их взглядом:

— Ребята, я работаю, давайте недолго.

У Валеры топорщился карман, и под вопросительным взглядом Жуцкого он вытащил из него бутылку водки и поставил на кухонный стол:

— Ну, сядем, что ли?

— Ребята, я не буду, занят очень. Хотите, пейте сами, там закуска есть на столе. А я только что ужинал.

Парни сели за стол, достали стаканы, налили и хватанули по полному. Александр присел к ним, внимательно ловя их движения.

— Мы тут соседи, выручаем всегда, когда дровами, когда рублем на хлеб, ты ж понимаешь. Везде есть своя жизнь.

— Близкий сосед важнее далекого родственника, — продолжил мысль Александр.

Сергей вынул из кармана финку с наборной рукояткой из цветного пластика и положил на стол:

— Хороший нож, как думаешь?

Александр спокойно взглянул на нож и улыбнулся.

— Что, смешной, что ли? — с раздражением спросил побагровевший от выпитой водки Сергей.

— Да нет, я случай вспомнил. Были мы на гастролях в Монголии. В Улан-Баторе жили в большой гостинице на берегу пересохшей реки. Там берега укреплены дамбами, плитами, мост идет через реку, а воды нет. Пошел я утром прогуляться по руслу этой реки, ковыляю по камням, людей никого нет. И вдруг наперерез мне идет здоровенный монгол, толстый, как борец сумо, в руках нож вроде вашего, подходит и говорит мне: «Хороший нож!» И больше ничего, глаза сверкают. Я ему объясняю, что мне этот нож не нужен, а он снова повторяет то же самое...

— Купить этот нож у меня хочешь? — спросил Валера. — Понимаешь, земля, деньги сильно нужны. Я у Таисии иногда занимаю, по-соседски.

Александр взял в руки нож, посмотрел на него под разными углами, крепко взял его в правую руку и вонзил в полено, лежащее возле печки на полу. Вытащил и пошевелил рукоятку:

— Ручка чуть ходит, а не должна, — сказал твердо Жуцкий, глядя в глаза гостям.

— Да не, рукоятка в порядке, ты не понял, сейчас подстукаю, — Валера упер нож в пол и поленом постукал рукоятку сверху, — смотри, шас не ходит. Нож новый, необмятый еще.

— И на станке надо кровотоотводный канал заглубить! Но, ребята, мне не надо. У меня вот какой ножик есть, швейцарский, мне на фестивале один немец подарил, — и он достал из кармана швейцарский перочинный нож, стал раскрывать и демонстрировать отдельные его инструменты, пробуя их все на том же многострадальном полене.

— А это че там беленькое виднеется?

— Это пластмассовая зубочистка, — он вытянул и показал ближе.

— А напротив нее что торчит? — спросил Сергей.

— О, это пинцет, очень полезный инструмент, — Жуцкий вытянул из ножа маленький стальной пинцет, — это может подруга брови себе подправить, или ты можешь тонкий винтик достать, если что-то разбираешь — наручные часы, например. Скажем, ты один в тайге, а у тебя часы встали.

— Слушай, хороший ножик! Как бы мне такой же? — воскликнул Сергей.

— А у меня дома лежит второй, примерно такой же. Я тебе привезу, если не забуду.

— Привези, а? Я тебе деньги отдам. Или этот уступи, когда уезжать будешь.

— Этот не могу. Привык я к нему, да и память о человеке.

— Слушай, а че тебе вообще у нас, ты же в филармонии там, а здесь-то че? — запальчиво спросил захмелевший Валера.

— Творчество! Вообще, я здешний, когда-то в лесопитомнике тут подрабатывал, еще школьником.

— В питомнике? Тут? Мы там бываем. Ладно, мы не будем нарываться, что называется. Я только хочу попросить: ты сидишь, пишешь и пиши. А в окошко сильно не интересуйся, кто куда что... Понял? Договорились? Ну, руку пожмем, да мы пошли, — предложил Сергей.

— Ну, ребята, я так скажу. Меня ничего в особенности в окошке не интересует. Но если окажется, что я что-то видел, и будут спрашивать, по совести и ответу. Как любой нормальный человек.

— К Таньке клинья бьешь? — вдруг сказал Валера протяжной фистулой и резко пододвинул швейцарский нож обратно к Александру. Тот недоуменно поднял плечи, и его темные глаза разгорелись:

— Не советую!

Внезапно резко хлопнула дверь, и на пороге появилась Татьяна. От ее взора не укрылась лежащая на столе финка, а также напряженность в фигурах трех мужчин. Она сильно побледнела, губы ее задрожали. Валера быстро сунул финку в карман и подошел к Тане:

— Мы тут по-соседски, знакомимся. Оказывается, Саня тут в питомнике когда-то работал. Слушай, Таха, десятку займешь? Мы ножик предлагали купить, а ему не надо.

Татьяна ничего не ответила, подошла к Александру и посмотрела ему в глаза долгим пытливым взором. Тот выдержал взгляд, спокойно достал бумажник, раскрыл его на виду у всех, достал десятку и протянул Валере:

— У Тани, может, и нет. Так я тебе даю. По-соседски.

— Ну, так конечно, друг друга выручим всегда. Пойдем, Серега!

И они ушли, а Таня обняла Сашу неразрывным объятием, сцепив у него за спиной пальцы.

— Ну, что ты? В больнице неприятности? На тебе лица не было, когда ты зашла.

— Я так дальше не могу, Саша!

Она выключила свет, бросила плащ и стянула с него рубашку. Он взял ее на руки и отнес в спальню. Когда первый бурный порыв миновал, он прошептал:

— И я не могу розно! Будем решать, Танюша.

16.

Первые лучи солнца осветили голую спину Саши. Он повернулся, открыл глаза и стал любоваться ушком и щекой Тани, розовевших в утреннем луче, потом отодвинулся и стал любоваться ею. Как она вся божественно красива, подумал он и шепнул: «Давай вставать, я не люблю валяться».

За завтраком он мягко сказал:

— Что ты, Танюша, переживаешь? Вчера с этими мужиками — так. У меня ситуаций было сколько угодно. Если хулиганы, идет по классической схеме. Сначала пытаются чем-то припугнуть. Скажем, нож показать. Потом стараются понять, сколько у меня с собой денег и других ценностей. Скажем, просят займы десятку, а для этого я вынужден достать бумажник. Следующим номером — попытаться заставить меня делать то, что им хочется. И поверь мне, ни в одном случае я не уступил.

— Я тебе верю, Саша. Но пойми меня: в отношениях с соседями я хочу знать все, что тебе известно.

— Предлагали одно: спеть песенку.

— Песенку?

— Да. «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу». Я и вправду пока ничего не знаю.

— Этот Сергей мне не нравится. Я же его вижу в больнице. Не потому, что он всего лишь санитар, а вид у него преуспевающий. Мало ли что. Просто он делец и нечист на руку. И хорошо бы его вывести на чистую воду!

— У меня идея. Здесь есть такой Иван Трифонович, пенсионер-правдоискатель, давай сходим к нему и поговорим.

Она согласилась, и вскоре они подходили к зеленым воротам с красной звездочкой. Иван Трифонович возился во двореке с зеленым мотоциклом «Урал», осторожно закручивая винты на двигателе:

— Вы ко мне? Сейчас закончу сборку. Заходите в дом, там Матрена Тимофеевна.

Они зашли в дом; планировка и мебель были похожи на обстановку в доме Тани. Поздоровались с хозяйкой, приземистой дородной старушкой, хлопотавшей на кухне. Та воскликнула:

— Смотри, какая помидорная рассада у меня добрая! Вам дать?

— Не знаю, у мамы спрошу.

— Ну да, прямо ты все у нее спрашиваешь! Такого молодца себе отхватила, однако без маминого спроса!

— Да, сама! — улыбнулась Таня, заодно взглянув на Александра. Вошел хозяин:

— Так, значит, ко мне с разговором. Очень хорошо! Только давайте не на кухне, а здесь, за столом, — сказал он и провел их к письменному столу, где лежали папки с газетными вырезками, а на видном месте стоял прямоугольный ящик динамика городской радиосети с прикрепленным к нему портретом Сталина в военном кителе со многими орденами и медалями, — я вас внимательно слушаю!

— Иван Трифонович, мы все знаем, как хорошо вы привлекаете подростков к военно-патриотической работе, поискам героев войны и сколько сделали добрых дел, — начала уважительно Таня и, видя, что старик готовится докладывать о последних успехах своей работы, подняла руку:

— Но есть враг, который пропагандирует среди тех же подростков совсем иные ценности.

— Знаю, есть подростки, которых втягивают. «Получать кайф», например. И это для меня большая трудность, как тех врагов перебороть.

— Вижу, что понимаете. У нас в больнице работает один человек, Сергей Шестаков. Есть у меня подозрения, что он и втягивает подростков в наркоманию. Но человек он скользкий.

— Шестаков? Знаем такого. Сейчас у нас участковый новый, я с ним еще не говорил. Но раз вы сказали, поговорю. И если есть основания, нам нужна профилактика. Нужна!

— Еще бы с директором больницы вам поговорить не мешает.

— И с директором. Все, сигнал понял. Вы сами ничего не предпринимайте, вам сейчас это ни к чему, надо ведь жизнь устраивать, верно? Ну, да — совет да любовь!

— Будем благодарны, — сказал Александр и встал, — а пакеты ваши я обязательно в Москву увезу.

— И это готовлю. Весна, горячее время, тут еще мотоцикл к техосмотру надо сделать. Но сделаю.

Они пошли к выходу, и молодые, тепло попрощавшись, ушли.

Дома Александр сел за свои бумаги, а Таня присела рядом и стала разглядывать его вчерашние записи:

— О, как у тебя поплыл почерк в конце, разобрать трудно!

— Переписать сможешь?

— Давай чистую тетрадь, попробую.

Спустя полчаса Александр взял у нее тетрадь, почитал и предложил:

— Проиграй мне это на пианино! Мне очень интересно!

Он замер на диване, ловя взором все ее движения. Она заиграла, но остановилась:

— Тут у тебя трудные переходы, мне еще надо привыкнуть.

Он сел за пианино, и буря звуков набрала силу.

— Саша, у тебя импульсивный характер. И в любви. Мне нравится, но я совсем другая.

Он улыбнулся, подсел рядом на диван и стал осыпать ее поцелуями. Она увернулась и воскликнула:

- Давай натопим баню!
- А есть баня?
- Конечно, она там дальше, на краю огорода.
- А дрова есть?
- Есть, но надо колоть. Пойдем займемся. Я тебе мамину куртку дам.

Он надел серую куртку, она оглядела его критически и навернула ему на шею длинный зеленый шарф: «Так лучше!»

Апрельская почва на дорожке была еще влажной. Куча дров возле бани была свежей, березовая кора на поленьях парила на солнце.

- Я тебе покажу, — она взяла колун и расколола одну чурку.
- О, какая ты ловкая!
- Так что же, пришлось научиться.

Александр взял колун, поправил рукоятку и стал азартно работать, далеко откидывая поленья. Таня стала складывать поленицу, уворачиваясь от летящих дров.

Через несколько часов баня была натоплена.

- Пойдем вместе? — спросил Александр.
- Хорошо.

В бане, стоя друг против друга под отсветом пламени из печи, положили руки на плечи друг друга и замерли. Он сказал:

- Я беру тебя в жены и обещаю хранить верность.

Она улыбнулась и в тон ему ответила:

- Я беру тебя в мужья и обещаю быть тебе верной и любящей женой.

Позже, лежа обнявшись, они почувствовали, что наступила минута полной открытости. И она спросила:

— Саша, а та симфония, которую ты пишешь, — в чем ее главная идея? В нескольких словах.

Он откинулся навзничь, сложил руки за головой и, подумав, ответил:

- Драма современного человека.
- Человека вообще? Как у Горького в пьесе «На дне», где «звучит гордо»?
- Да, во многих конкретных людях — общее. Сознание человека можно предста-

вить как сосуд с водой, на дне которого затаились скользкие и мерзкие чудовища, взбаламутишь — они выползают и пожирают все. Мне вспоминается строчка, не помню чья: «Я мир на ладонях взвесил: на правой качалась мерзость, но левая не уступала, сжимая горячее сердце!»

Она порывисто обняла его и поцеловала чуткие нервные пальцы Саши.

17.

Александр лежал, широко раскинувшись, на широком диване. Постель еще хранила тепло Тани, хлопочущей теперь на кухне.

- А я, пожалуй, займусь установкой телефона, — крикнула она ему, и он одобрил:
- Весьма полезная сейчас вещь, Танюша. Вот уеду — и нас свяжет провод с нашими голосами.
- Уедешь... Что, скоро? — спросила она раздумчиво, но с легкой тревогой.

Александр встал, накинул одежду и прошелся по комнате, потирая лоб рукой.

— А знаешь... да, мне нужно ехать. Симфонию я заканчиваю, инструментовку удобнее делать там и к тому же там надо готовить репетицию. Договариваться, чтобы все из оркестра еще были на работе, не очень спешили в летние отпуска. Уговаривать, убеждать, чтобы поддержали репетицию в июне. Да-да, так надо сделать!

— Ах да, симфония! — вздохнула Таня, вытирая замасленные руки полотенцем.

— Я буду звонить, часто звонить! Вот моя визитка с московским номером, ты позвонишь, когда поставят телефон, а я буду знать твой номер и запомню.

— У тебя хорошая память, Саша! — широко улыбнулась она.

После завтрака Александр сел за работу, а Таня ушла оформлять установку телефона. Вернувшись, возбужденно рассказала:

— Представляешь, пришла в телефонные сети. Так и так. Они: очередь. А я: срочно нужен телефон для связи с родственниками, по семейным обстоятельствам, — она выразительно подняла брови, полувопросительно устремив взгляд на Сашу.

— Хорошо придумала. Убедительно!

— И так далее. Вот и уговорила по-срочному. Завтра поставят.

— Завтра? Ну, ты, наверное, вся светилась.

— Светилась, милый! — приласкалась она к Саше.

— С телефоном-то... будут звонить, интересоваться нами?

— Ах да! Я с тобой хочу серьезно договориться. Эти темные делишки, что делают Серега с Валерой, могут интересоваться только меня как местную жительницу. Ты только занимайся музыкой и ни на что не обращай внимания!

— Как это? А если они тебе будут угрожать?

— Будут или не будут, но это мой дом, моя слободка вокруг, мои соседи с детства, и мое дело — навести порядок, если что не так. Как было, когда люди жили в пещерах? Мужчина уходил на охоту, а жена его занималась и детьми, и очагом, и оборонной очага и пещеры. Ведь так?

— Да, но она еще умела звать своих вот так, — он сложил ладони черепашкой, приложил к губам и издал громкий воющий звук.

Она засмеялась, вложила два пальца в рот и громко свистнула.

— Ого! — открыл он рот, потом почистил мизинцем ушное отверстие. — Побереги мой слух!

— Хорошо, не буду, — провела она ласково по его ушам, — езжай спокойно в свою Москву и позванивай оттуда, а мы как-нибудь справимся.

— Пойдем в больницу, проведем Василия? — предложил он.

— Знаешь, сходи один, а я лучше подомовничаю. Мне там все равно на работе надо быть скоро, — с легким вздохом сказала она.

Василий встретил Александра обычной радостной, но чуть грустной улыбкой: я тебе рад, но ты видишь, в каком я положении.

— Уже молодцом? Надо же, чтобы за неделю человек мог так измениться! И за живот не держишься, и осанка, и цвет лица нормальный.

— Так Лена даже ошарашена была, что меня выписывают. Сейчас уже приготовилась, кровать для меня отдельную купила.

— А как анализы?

— Ты знаешь, улучшение остановилось, но в общем состояние у меня неплохое. Читаю не отрываясь. Смогу дома возиться с домашними делами, с дочерью.

— Это тебе пойдет на пользу. Знаешь, когда я жил в Питере, учился в консерватории, одно время насмотрелся на разные корабли. Есть у них такое состояние — безразличного равновесия, при определенной загрузке, когда центр масс совпадает с центром плавучести. Мне кажется, так же и ты: организм и болезнь... эти вредные клетки, возомнившие себя бессмертными, паразитируя... То и другое находятся в равновесии, и пока что-то одно не переборет, так будет продолжаться долго. Много, конечно, зависит от Лены.

— А ты как, счастлив с Таней?

Александр смущенно посмотрел на носки своих полуботинок, потом прижал руки к груди, улыбнулся и возвел глаза вверх:

— Я молчу, ибо глубоко в сердце своем я прячу радость.... Знаешь, мне не давалась одна тема, нужная для симфонии, а теперь она открылась, и я едва успеваю записывать ноты. Таня мне их переписывает набело...

— Ну, дай Бог, — улыбнулся Василий.

— Таня пошла договариваться об установке телефона.

— Телефон будет?

— Возможно, уже завтра. Так что будем созваниваться. Буду помогать, чем смогу, пока я здесь.

— Как хорошо!

И они расстались.

18.

На следующее утро в дом Скворцовых явились два техника, подвели линию и установили телефонный аппарат. Он висел теперь у входной двери, сиреневый, блестящий, изящный, воплощая силу технической цивилизации. Александр вернулся из центра города и, только зайдя, ощутил приятный запах пирожков с печенкой:

— О, какой аромат!

— Ищу пути к твоему сердцу, милый! — обняла его руками за шею Таня.

— Что-то сердце сегодня поднывает, — чуть озабоченно сказал он, — а ведь мне надо посидеть с бумагами, дописать одну часть. Кстати, пора бы нам и авиабилеты взять. Пожалуй, на второе мая.

— Билеты? — удивилась Таня.

— Приглашаю тебя поехать со мной. У нас двухкомнатная квартира с лоджией на Пятницкой, Кремль видно. Нам там будет хорошо, как и здесь. Что, Танюша?

— Нет, я так не смогу. Мне надо уволиться, собраться, тут все решить, и как с мамой дальше...

Александр откинулся на спинку дивана, закусил губу:

— Ах, черт... Что-то сердце заныло....

Таня побледнела, села рядом, взяла его за руку и определила пульс:

— Саша, да у тебя тахикардия! Давай-ка вызовем «скорую», снимут кардиограмму.

— Нет, это бывает. Утомление, невроз. Сейчас пройдет.

— Извини, я так сказала, потому что обстоятельства, и ты не должен думать...

— Хорошо, я не думаю.

Он отдохнул минут пять и сел за стол, развернув бумаги. Таня возразила:

— Ну уж нет, ты лучше поиграй, а то согнулся крючком!

— Да, пожалуй, — он сел за пианино, и звуки возвышенной и свежей мелодии были созвучны потокам теплого весеннего воздуха за окнами.

Спустя полчаса она снова нащупала его пульс:

— Ну вот, уже лучше.

— А у тебя умное сердце, — улыбнулся он. Они приласкались друг к другу, и она шепнула:

— Как хорошо ты сказал!

— А знаешь, тебе стоило только заикнуться о том, что не поедешь сейчас со мной — и меня резануло. Даже не ожидал. Хотя мог бы сообразить, что ты ответишь.

— Теперь и я буду осторожней... на переходах. Я тебе нужна, Саша. Мне кажется, любишь того, кому ты нужен.

— Какая простая формула! Ты уверена?

— Я так чувствую. Я не знаю.

— И я ничего не знаю. Меня увлекает к тебе какой-то поток. Это как вешний ручей увлекает щепки, куски коры — неудержимо...

— Знаешь, я такая стала блаженная и бесстрашная. Кажется, моих коллег это раздражает. Всегда же бывают моменты, когда нужно что-то быстро сделать, они наезжают с приказами, а я улыбаюсь и делаю не сразу.

— И я сейчас тоже. Перехлест. Сержусь на себя и стараюсь войти в нужную мелодию.

— И получается?

— К счастью, да. Ведет вышняя сила. Такой хаос, который связан с высшим порядком.

Следующие дни прошли спокойно. Таня работала днем в больнице, Александр ездил в училище и работал там со скрипачкой, дома дописывал партии создаваемой симфонии. Перед самым Первомаем позвонил Василий, которому Таня сообщила номер:

— Здорово, Саша! А я уже дома. Вот отлеживаюсь после переезда, люблюсь в окошко. Как-то все видится по-новому!

— Мemento мори, помнишь, я говорил.

— Да, она самая. Помню, что смертен. А как твоя симфония?

— Дописываю, шлифую. Работы много. Мы как-нибудь к тебе приедем.

— Отлично! Буду ждать. Можете первого мая.

— Да, хорошо, приедем первого. А второго я улетаю в Москву.

Появилась Таисия Ивановна с сумками, стала доставать деревенские творог и сметану, копченое сало, выставляя это все на стол в кухне:

— Ну, погостила изрядно, обо всем наговорились. Я и не спешила домой, думала — уживаетесь, вам будущее строить, а мое дело старушечье, внуков потом нянчить.

Татьяна покраснела:

— Мы тут на диване в большой комнате.

— Вот и славно! А я — в спальне. Через вас и свою молодость вспомню. Понимать меня будете, так я все силы приложу, чтобы вам помочь.

— А мы телефон поставили!

— Мать моя мамочка, прямо как в сказке. А я двадцать лет на телефон стояла.

— По-срочному дорожке, но ставят быстро.

— Вот и сестра себе поставила. Будем созваниваться.

Подал голос Александр:

— Я звал Таню с собой поехать, а она не может, дела ей надо устроить. А давайте — вы со мной поедете, Таисия Ивановна? Москву посмотрите, у меня квартира в центре.

Пожилая женщина испуганно обронила:

— Да куда же я наперед Тани-то? Вы устроитесь, да и меня позовете. Только не летом, огород засохнуть может. Тут кому поливать-то, кругом три калеки, а на Валеру этого и смотреть не хочется.

— Тогда, значит, осенью.

— Вот осенью — самый срок, когда-то все свадьбы в основном осенью и бывали.

Они сели втроем за ужин и долго беседовали о жизни в Сибири и в Москве.

19.

Первого мая Василий сидел в деревянной беседке во дворе своего дома, любуясь на играющих в песочнице детей, среди которых была и его дочь Вика. Она задавала тон всей игре:

— Здесь у нас столовая. Нарви сюда морковки и одуванчиков... пусть это будут дыни. И вот этого жука посадим, это будет жилец.

Младший мальчик послушно принес сорванные одуванчики и траву, напоминающую ботву моркови. Стеклышки изображали заливное, а круглые плоские камешки — котлеты.

Василий взялся было за чтение книги, но его отвлек возглас:

— Что, выписался?

Он поднял голову и увидел Георгия Александровича Незнамова, ветерана войны, фронтовика. Это был крепкий жилистый старик с лысой головой на морщинистой шее и цепким взглядом водянистых глаз из-под седых бровей.

— Да, уже дома. Пригости болячку, — ответил Василий, жестом приглашая Незнамова в беседу. Тот вошел, присел и закурил папиросу:

— Да и правильно. Что с этими болячками церемониться? Мне так вот всю жизнь недосуг болеть, я и не болел. Сначала Халхин-Гол, молодым лейтенанчиком после училища, потом четыре года войны. Дважды горел в танке, удалось выскочить. Вернулся в сорок пятом — а у жены уже другой, не дождалась. Вот я и остался один.

— Так вы молодцом! На восьмом десятке — и все за рулем.

Георгий Александрович работал в институте водителем на легковом уазике и как бывший танкист ездил по прямой, не особенно огибая ямы. Некоторые не любили с ним ездить, так как машина то и дело подскакивала на выбоинах. Но находились и такие, среди них был и Василий, кому нравилась такая езда под аккомпанемент непрерывных рассказов Незнамова.

— Молодцом-то молодцом, да дирекция запретила мне рейсы за город, только в пределах. После того, как мы в Сосновке застряли.

— А что было в Сосновке?

— А на яме саданулись, рессора сломалась. Сидели, ждали тягача. Пришел наш ЗИЛ, а он горючки много жрет. Отбуксировали нас, да я поцапался с замдиром насчет того, что на старье ездим, вот и... — старик махнул досадливо рукой.

— Березки-то зазеленели, небось помните май сорок пятого?

— Конечно, помню. Хоть и с семьей тогда не сложилось, но все равно радость. Незнакомые люди на улицах целовались. Разве забудешь? Но я тогда в армии остался.

— И долго еще служил?

— Так пока по возрасту в запас не вышел. Я сейчас вот что вспомнил. Случай был интересный, лет пять назад.

— Расскажите, а? Мне сейчас спешить некуда, на домашней отсидке.

— Возвращаюсь я в город один на своем «бобике», подъезжаю уже, у Чистых Прудов смотрю — маячит одна дамочка, голосует рукой. «Жигули» стоят на проселке, мужчина сидит, но не выходит. Женщина такая приятная, лет тридцати. Посадил ее, едем. Деревья с листочками, как сейчас, благодать. Проехали километров пять, смотрю — догоняет нас «жигуленок», встал поперек дороги, вышел тот мужчина, видный такой, в костюме, руки поднял: стоп, дескать! И кричит: «Высади эту потаскушку, если хочешь остаться жив!» Ну, видит — старик, что церемониться. А я же в силе и приемы знаю, и ретивое разыграло. Вышел, подошел к нему, он замахнулся, а я ему на ногу наступил и коротким ударом его — кулаком под дых, в солнечное сплетение. Упал, где стоял!

— Ну, вы даете! — удивился Василий.

— А что он на меня замахивается? Соперника себе нашел. Жизнь учит, парень, — глаза Незнамова посуровели, лицо ожесточилось:

— Загнал я его машину на обочину, его самого мы с этой женщиной, Ириной, внутрь запихнули. Сели в свою машину и ждем. Время прошло — глядим, очухался, сел за руль

и на нас смотрит. Ирина мне говорит: «Это из нашего заводского начальства». А я говорю: «Поехали!» Я ж знаю, это проходит. Въезжаем в самый город — она меня просит: «А можно я у вас переночую, а то Геннадий снова меня найдет». Вот, думаю, попал в переplet, киваю головой, а самому радостно. Ладно, отвечаю, только у меня дома еды нет. Остановились у магазина, она домой маме позвонила из автомата, чтобы не волновалась. Набрала продуктов, вина бутылку, и завалились мы с этим в мое однокомнатное холостяцкое жилье. Уже вечерело, она там на кухне, а я думаю, что бы такое ей порассказать. Ну, отвлечь от тяжелых мыслей. Вспомнил фронтовые истории, хорошо так посидели.

— Так уж бы влюбился, женился? — предложил Василий.

— Ну, куда мне, поздно начинать. А ей тридцать, в самом соку. Бухгалтершей работает. Правда, потом она устроилась на кровати, а я в кухне на скамеечке — не могу заснуть, да и все тут. Подошел на нее взглянуть. Она спросонок так это ко мне потянулась, а меня холодный пот прошиб: пользоваться положением — никогда! Я и на вой не пользовался...

— А сам в семье вырос?

— Какой там! В детдоме. Незнамовы, Беспрозванных — такие фамилии нам и давали.

— И что, ушла она утром — и все?

— Нет, не все. Один раз позвонила и еще раз. В тот день, следующий после нашей встречи, Геннадий на работе не появился, сказался больным. А потом виделись на работе, но он и вида не подавал, что был тот случай. Там как получилось? Она согласилась с ним прокатиться на машине, а он заехал на проселок и стал приставать в грубой форме. Вырвалась и убежала на тракт. А там я еду. Вот ведь какое стечение... Дома-то показывал ей фотографии прошлые семейные и сказал, как у меня получилось. Ну, что скажешь?

— Так уже сказано. «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана...»

— Не, ну ты не брехни где-нибудь, она же не...

— Не буду.

— Ой, смотри-ка, Виталька идет! — оживился старик, и все морщины на его лице будто сгладились.

К ним подошел всегдашний приятель Незнамова, Виталий Квадратов, в руках авоська с бутылками и закуской, одет празднично. Братсковатое лицо Виталия лоснилось, глаза горели предвкушением застолья:

— Ну что, Георгий Саныч, пойдем к тебе? Первомай отметить надо.

— Ну кто еще ко мне так придет? Пойдем, пойдем, — и старый танкист пожал Василию руку, прищурившись: — У всех свои семьи, а Виталька — вот он.

Василия всегда занимал вопрос, почему непутевый Виталий — лучший приятель Незнамова, а сейчас ему стало ясно: свой в доску, что ж поделать.

Появились Александр с Татьяной: она нарядная, в новом синем плаще с алым газетным шарфиком на шее, волосы блестят в свежей прическе; он аккуратно одетый, в сером костюме с новым галстуком, держа спутницу бережно под локоток.

— А вот и мы! Дочку прогуливаешь?

— Скорее, себя. Какие нарядные! Просто картинка. Что, пойдем в квартиру?

— А давай сначала здесь посидим. Елена дома?

— Готовит стол. Я ей сказал, что вы будете.

— Как самочувствие?

— А как ты сказал, так и идет. Ни шатко ни валко. Уколы те продолжаются. Насчет питания Лена учла, готовит все правильно. С работы ребята заходят, консультирую.

Есть такой замечательный парень Юра Калачев — золотые руки! Скоро мою установку будут запускать с новым компьютером.

— Работой чрезмерно не увлекайтесь, — вставила Татьяна, которая уже знала, как увлекает творчество.

Василий стал с увлечением рассказывать о развитии своего проекта, а Жуцкий внимательно слушал, задавая уточняющие вопросы.

— И как начальство? — спросил гость.

— Да знаешь, оно признало проект перспективным. Чего не было раньше, как-то он все побоку был. Вергасова встречал тут во дворе, расспрашивал он меня обо всем. Обещал всяческую поддержку. Может, мы пройдемся?

Они вышли втроем на улицу и пошли по тротуару вдоль дома, оглядывая прохожих. Легко на помине, показался Олег Дмитриевич в элегантном бежевом костюме, черные очки контрастно на лице, голова обрита. Под руку — красивая, празднично одетая жена. Он подал голос:

— Василий, здравствуйте! С праздником и скорейшего выздоровления!

— Спасибо.

— На бюллетене?

— Да.

— Вы вот что. Пусть вас продолжают табелировать, скажите это Куприянову, сославшись на меня. Вы же консультируете людей. Работу эту надо продвигать. Есть кому?

— Галя и Калачев продолжают эту тему, бывают у меня. Скоро запуск установки.

— Да? Это хорошо! — и пошел дальше, кивнув всем трем по очереди.

— Кто это? — спросил Жуцкий.

— В институте, почти самый главный начальник.

— Видно, что при власти. Заботится.

— Знаете, Таня, я хотел вам сказать — когда лежал в больнице, наслушался разговоров и повидал ваших людей. Так вот, в том микрорайоне вовлекают подростков в наркоманию, причем это они здорово организовали. Дают что-то легкое для кайфа. Видят, что «кдюет» — дают другое. На это много денег надо. Но главное — втянуть, чтобы начал «ширяться». А потом он уже готов на все ради дозы. Тут они его и эксплуатируют. Поймать этих дельцов очень трудно. Он получит пакет, оставит где-то в условном месте, другой найдет как бы невзначай. И с обеих взятки гладки. Но есть общий дирижер всей этой структуры. Присмотритесь к одному санитару, Сергею Шестакову. Может, общими усилиями выведете на чистую воду, а? — сказал Василий, приостановившись.

— Да, я тоже кое-что слышала. Мы там пытаемся через депутатскую группу что-то сделать. Может быть, получится. Мне это тоже важно, — ответила она, и лоб ее порезала морщинка.

Они вошли во двор с другой стороны и пошли в квартиру Журавлевых.

20.

Их встретила Елена в переднике, и тотчас вслед за ней в прихожую вбежала Вика:

— Первой! Первой! Догони, тогда поймай!

— О, разыгралась, как здорово, и даже в рифму, — тепло отозвался своим сочным голосом Александр.

Вика молча изучала его взглядом. Все прошли в большую комнату, где в лучах яркого солнца желтели, зеленели и краснели различные блюда на столе.

— Ма, а можно огурчик? — спросила Вика.

— Знаешь, дружок, я тебе сейчас на детский столик поставлю еду, ты голодна, а мы не торопимся, — Елена наложила еду в тарелку, налила сок в стакан и отнесла на столик.

Раздался телефонный звонок, и Василий ответил в трубку:

— Да, Николай Николаевич. Уехали на дачу? Конечно, приходите к нам... Кто? Мы с Леной и еще мой школьный товарищ Саша Жуцкий. Да, музыкант. Ждем!

— Что, Куприянов? — спросила Лена, морща носик, отчего приподнимались очки.

— Да. Поставь еще один прибор... Дорогие милловзоры, подождем еще Николая Николаевича! Начальника лаборатории, где я работаю.

— Начальника? Это удачно, очень удачно! — отозвался своим густым голосом Александр.

Все сели на диван, и Василий достал толстый альбом с фотографиями. Александр и Татьяна перелистывали, всматриваясь в молодые лица.

— Вижу много энтузиазма и вдохновения на ваших лицах в лаборатории, и здесь в кузове грузовика — в колхозе, наверное... — важно заключил Жуцкий.

— А кто эта девушка? — спросила Таня про белокурую красавицу на художественном фото из хорошего ателье.

— Это уже не имеет значения. Она предпочла другого, — ответил Василий, усмехнувшись.

— Как же не имеет? Тоже часть жизни. Вот так вы, мужчины, нас и обижаете, — сказала Таня с некоторым вызовом.

— А по мне, все правильно. Эта блондинка ведь не приедет к Васе в больницу. Наша жизнь ее обошла, у нее — своя, — подала голос Лена, раскладывая по столу салфетки.

— Вася, а чем ты сейчас больше всего занимаешься?

— Читаю, консультирую по работе, и вот еще у меня — столярные дела, — он показал на какие-то конструкции в углу, накрытые покрывалом, — полки, столик мастерю. Вспоминаю нашего трудовика в школе. Чему-то же он нас научил!

— Такой высокий, морщинистый, Владимир Павлович? Мне он тоже иногда вспоминается. Учил правильно держать шерхебель. Отстругаешь дощечку, он подойдет, возьмет мою руку и проведет по ней — дескать, чувствуешь неровности? Чтобы их не было. Помню. Тогда мы и начинались.

— Да, были годы. Я иногда ударялся в воспоминания, особенно в больнице...

Пришел Куприянов — черная смоль бороды, острый, устремленный на Жуцкого взгляд, крепкое рукопожатие:

— Рад встретиться, очень рад. Вы прямо чудодей! Василия из больницы вытащить, это надо же!

— Спасибо за комплимент, но и Таню не обижайте, больница тоже делает свое дело.

Николай Николаевич повернулся к Тане, глаза выразили изумление от вида этой сияющей красивой девушки:

— Не узнал! Простите, ради всего святого! В другой обстановке и не в халате. И вообще, изменилась удивительно!

— Мы теперь вместе. В четыре руки создаем музыку, — гордо добавил Александр, обняв Таню за плечи.

— Это хорошо, — сказал Куприянов, и во взгляде его что-то мелькнуло.

— Да вы проходите, садитесь сразу за стол, — вышла к ним Елена, снимая передник.

За столом Куприянов и Жуцкий сразу вступили в беседу, в которую другие иногда вставляли свои реплики, но разнять эту связку уже не могли.

— Слышал о вашей успешной премьере и концертах. Я, знаете, когда выбираюсь в Москву или Питер, по молодости, бывало, каждый вечер посещал театр или концертный зал, а позже — уже реже, но с выбором. На Таганку и в БДТ мне друзья до-

ставали билеты. В зале консерватории в Москве слушал концерт Елены Образцовой и еще несколько — классической музыки.

— А в театре Наталии Сац? — спросил музыкант.

— Сожалею, не был. В командировки, понятное дело, без ребятишек ездил.

— У меня там ставятся мюзиклы, а симфонии и малые опусы исполняются в Гнесинке и зале консерватории.

— Над чем сейчас трудитесь?

— Сейчас? О, Боже, сейчас целая гроздь всего пишется, а симфония — о драме современного человека в современном обществе...

Куприянов перевел взгляд на Таню, словно стараясь прочесть в ее облике разгадку, почему у Александра «целая гроздь всего пишется», и все за столом тоже посмотрели на нее. Таня чуть смутилась, кровь прилила к ее вискам, сделав еще очаровательнее ее щеки и уши, куда падали мягкие каштановые волосы. Выручая ее, Куприянов перевел разговор на другую тему:

— А знаете, общая теория систем вырабатывает визуальные образы таких явлений, как психика человека, техносфера, живые системы, — Куприянов достал из кармана небольшую книжку и открыл иллюстрацию, показывая ее всем, — видите, как разнятся эти картинки? У меня дома много книг, я бы вам мог показать. Может, потом пройдем ко мне?

На картинках в книге были поверхности, напоминающие рельеф местности, и другие, похожие на панельные здания с прямоугольной архитектурой.

— А что это за коробки наподобие дома, где мы сейчас? — спросил Александр.

— Это образы искусственных технических систем. Не только Земля — дом человечества, но и научно-техническая сфера — дом человечества. Без науки, с одним только патриархальным крестьянским хозяйством, на планете могли бы жить комфортно только примерно полмиллиарда человек.

— А музыка?

— Музыка — скорее, эти плавные рельефы. Вообще, сейчас изобретены компьютерные файлы, в которые можно записывать музыку. Поначалу это были последовательности звуков разной высоты и длительности, а потом был изобретен формат, где кодируется и тембр звука, сто двадцать восемь видов тембра в «волновой таблице», и дальше изобретаются более сложные форматы, так что все богатство звука скоро будет выражаться численно.

— Я знаю, у нас есть энтузиасты информатики, но и скептиков хватает. «Все богатство звука»... Приблизительно все. Запись музыки... есть и нотная запись, это — как текст литературного произведения. Но один и тот же текст — скажем, «Анчар» Пушкина — разные исполнители могут прочесть совершенно по-разному. А у актеров есть упражнение — какую-нибудь короткую фразу, скажем «кушать подано», произнести с различной интонацией, и у кого больше диапазон, выше и актерское мастерство. Поэтому музыкальное произведение всегда имеет исполнителя, личность его всегда присутствует, и машиной его полноценно не заменишь.

— Мужчины, давайте немного отложим философские обсуждения и начнем наш обед. Николай Николаевич, с вас первый тост, — вмешалась хозяйка дома.

Куприянов встал, держа в руках рюмку бордово-красного вина:

— Мои дорогие друзья! Что объединило нас сегодня за этим столом? Думаю, связывает нас то, что мы любим этих молодых людей, Василия и Лену, только что переживших тяжелые испытания — им и предстоит немало, — и давайте пожелаем им успешно преодолеть эти трудности, а поддержка с нашей стороны всегда будет!

Дальше беседа за столом потекла по известному руслу новостей и событий, после чего компания разбилась на женскую половину в лице Тани и Лены и мужскую, яд-

ром которой были Куприянов и Жуцкий, продолжавшие свой диалог. Василий слушал их, но быстро устал и прилег отдохнуть. Куприянов увлек Жуцкого продолжить разговор в его квартире. Саша сказал Тане: «Вы тут с Леной пока пообщайтесь, я ненадолго», и они пошли.

21.

Показался четырехэтажный дом типа тех, которые когда-то стали называть «сливочный коттедж». Заборчики из камня обрамляли газоны, окружавшие кирпичное здание замысловатой конструкции со сплошными лоджиями вдоль окон. Железная дверь подъезда была оборудована кодовым замком, а над подъездом мигал красный огонек сигнализации. В квартире их встретила небольшая собака породы боксер, мягко ворчавшая на незнакомца.

— Свои, Лорд, свои, «фу» я говорить не буду, — улыбнулся Куприянов, — проходите, не разуваясь, в комнату!

Еще в коридоре Александра встретили штабеля книг, стоявшие вдоль стен и на антресоли. В комнате, видимо служившей хозяину кабинетом, книг было гораздо больше: все стены заняты стеллажами, и посередине комнаты возвышались пыльные стопы. Лишь вокруг письменного стола, оживленного зеленым стеклянным абажуром настольной лампы и радиоприемником первого класса с боковинами под орех, было свободное пространство. На широком подоконнике сложены коробки от трубачного табака.

— Здесь у меня кабинет... н-да, завал ужасный, я же книжный червь, сам привык, а гостю и деться некуда... пойдём-ка в столовую!

Они прошли в смежную комнату. Очевидно, там были владения жены, так как порядок был совсем иной, а книги виднелись только за стеклом на полке шкафа. Стоял столовый гарнитур под орех и такого же стиля стол и стулья, диван, было и пианино. Обстановка располагала к отдыху и беседе.

— У меня есть коньяк «Арманьяк», лучший друг желудка, и я еще нарежу сыр, одну минутку, — сказал хозяин и вышел.

Александр открыл крышку пианино, на клавишах была пыль. Он протер их салфеткой и попробовал настройку инструмента, она оказалась неплохой. Он сел на диван. Показался хозяин, держа тарелку с нарезанным сыром, достал из буфета бутылку и две рюмки, налил:

— Ну что же, за знакомство! Я так надеюсь, что запомните дорогу, и наша встреча здесь станет не последней.

Они чокнулись чуть зазвеневшим хрусталем и выпили. Николай Николаевич, со значением глядя гостю в глаза, промолвил:

— Василий мне дорог. Вместе начинали лабораторию, собирали оборудование. Здоровье у него вообще неважное, это было заметно сразу. Съездим на картошку — на следующий день его на работе нет, отлеживается. Но это, конечно, не мерило полезности человека или его таланта. Я очень вам благодарен, Саша, за поддержку. Это было просто здорово! Но теперь нам надо решать, как действовать дальше. Его жена Лена... у меня такое впечатление, что взросление у нее еще только продолжается.

— Все мы продолжаем созреть, Николай Николаевич. Все рекомендации Лене и самому Василию выданы. Я думаю, вы понимаете, что основная проблема — с иммунной системой.

— Но ведь, есть еще необходимость хирургического вмешательства, — прищурился Куприянов.

— Конечно, есть. И когда врачи найдут, что Вася сможет выдержать операцию... тут есть критерии... они скажут. Я записал телефоны врачей, буду звонить.

— Вот-вот! Дайте-ка и я их запишу, а то упустил. Звонить лучше буду я, мне же тут рядом. Еще вот что: стоимость и название того лекарства, что ему впрыскивают.

Александр назвал. Николай Николаевич прикусил губу:

— Солидно. Хорошо, я сниму с одной темы, оформим надбавки и заплатим. Делать нечего. А химиотерапия?

— Спустя месяц после операции, лучше осенью, когда организм становится крепче.

Куприянов покрутил головой, выражая сомнение:

— Многовато на бедную голову Васи!

— А что можете взамен предложить? — спросил Александр.

— Можно предложить ничего не делать, кроме уколов модулятора и общеукрепляющего режима. И все.

— Боюсь, что к этому все и сведется, — Александр поднял брови и щелкнул языком.

— Вообще, в геноме человека есть участки, отвечающие за рассасывание опухолей. Беда в том, что иммунная система — эта огромная армия в три эшелона — по-настоящему раковых клеток не видит, они мутируют и маскируются. В Америке ведутся исследования... пока на животных, конечно. В организм вводится специальный вирус, который иммунная система атакует как врага, он уходит, и вся эта армада берется за опухоли, так как вирус-вектор присваивает раковым клеткам свой ярлычок для опознания. Но это долгая программа, по прогнозу где-нибудь лет через десять провозгласят открытие иммунотерапии рака. Не раньше.

Оба помолчали. Куприянов походил маятником по комнате и внезапно выстрелил вопросом:

— Что вообще происходит в стране, вы себе представляете? Что в Москве?

— Происходят кооперативы, как вы и сами знаете. Можно вкусно пообедать в кооперативном кафе. Это можно рассматривать как зримый результат перестройки.

— Негусто! А во времена Андропова круто события разворачивались?

— Тогда — да, круто. Теребили торговую мафию, а она оказалась... Директор Елисеевского гастронома передавал свою неучтенную прибыль аппаратчикам, те делили между собой. Помимо права на распоряжение госсобственностью, которое у нее было, номенклатура решила завоевать право на частное владение. И начинается дележ. В этом суть, хотя слова для прикрытия применяются совсем другие.

— Да, у меня сходные представления.

— И чем закончится перестройка, как думаете?

— Отходом от Союза прибалтийских республик. Падением производства. Обогащением небольшой части общества, обладающей информацией и связями. Уходом части средств и активных людей за рубеж. И что болезненно для нас — сокращение отраслевой, прикладной науки. Здесь импорт для предприятий становится предпочтительнее, приносит и эффект, и разные личные подарки судьбы. Вообще, важно понимать связь фундаментальной и прикладной науки, это как бы два крыла исследования, — Куприянов вытянул в стороны руки.

— А где видите выход для вашего института?

— Наверняка он будет акционироваться и перейдет в собственность коллектива. Нам нужно вовремя предложить сохранившимся предприятиям металлургии и машиностроения свои разработки, без которых они не смогут развиваться. И тут тема Василия оказалась актуальной. То-то Вергасов принялся ему помогать. Он ничего не делает просто так.

— Это кто?

— А вы его встретили на улице, в очках, помните?

— А, «почти самый главный начальник»?

— Да. Но знаете, сказать, что он бесполезен или вреден, я бы не рискнул. Мы же не говорим, что вреден сам хозяйственный механизм. Это — как соединительная ткань в организме. Общество — организм, нужна и соединительная ткань.

— А опухоль нужно вовремя отсекать и прижигать! — Александр сделал рубящий жест рукой.

— Вот именно.

— А что есть здоровая клетка общественного организма?

— У нас это — малая исследовательская группа. Скажем, Василий, Галя, Юра, еще несколько человек. Группа, где каждый ценен, — это та ячейка, где человек счастлив. Индивидуализм — это тупик. Диктатура, где за тебя думает фюрер, тоже тупик, ведет к катастрофе. А группа — то, что надо. И строй, опирающийся на нее.

— Три мушкетера.

— Да! И знаете, я отвожу огромную роль культуре. Мне думается, культурный бюрократ может остановить свои действия сам, когда увидит их вред и противоречие здравому смыслу... — подумав, добавил: — Знаете, я хотел бы заходить к вам в Москве, когда бываю.

— Хорошо, записывайте мой адрес... телефон... лучше договариваться о встрече вечером.

Куприянов записал, потом налил еще по рюмке:

— За встречу в Москве! Свадьба когда?

— Наверное, осенью. Мать Тани летом не сможет приехать, а мне без нее проводить неловко.

— Вам бы с ней на природу, отдохнуть?

— Я у нее сейчас живу, можно сказать — отдыхаю от большого города, от своей Пятницкой. Здесь утром такая хрустальная тишина!

— Вот и славно!

— Я, пожалуй, пойду, а то Таня заждется.

— Ага, уже заскучал? Ну, всего хорошего!

Александр вернулся к дому, где жили Журавлевы, зашел в обшарпанный, никогда не запирающийся подъезд с запахами кошачьей мочи и горелой бумаги, поднялся в квартиру.

— Гость пришел, гость пришел! — запрыгала Вика, увидев его.

Полчаса спустя с Татьяной под руку он шел к остановке.

— Ну вот, мы впервые сходили в гости. Как хорошо! Но эта Лена — совсем как девочка, я объясняла ей элементарные вещи относительно Василия. Хорошо еще, сам он достаточно практичен. Видимо, он часто выручал ее по жизни, — молвила Таня.

— Похоже на то. Как ты находишь, Вика у них хорошо развивается?

— Думаю, нормально. Активная, становится заводилой в любой компании.

— Вот и хорошо. Захотелось завести такую же?

— Ой, да, конечно! — и она поцеловала его.

22.

На следующий день, погожим майским утром, Таня провожала Жуцкого на самолет в Москву. Они встали в хвост длинной очереди на регистрацию, и она пододвигалась

ла его чемодан, а он спохватывался и говорил: «Не надо, не поднимай!», потом снова задумчиво смотрел за широкое окно, туда, где на летном поле гудели, взвихряя свежий утренний воздух, серебристые лайнеры. Вдруг Тане показалась знакомой фигура мужчины в элегантном плаще и кепке, с дорогим кожаным саквояжем в руке. Его глаза были закрыты черными очками, но плотная фигура и характерная манера двигаться, чуть выпячивая живот, будто гордясь им, не оставляли сомнения в том, что это был санитар больницы Сергей Шестаков.

Таня шепнула Александру: «Там в очереди Сергей, санитар из моей больницы, в черных очках». Александр пожал плечами, стараясь разглядеть Сергея, но тот уже нагнулся над стойкой регистрации. Кроме того, внешность его была малопримечательной. Александр шепнул в ответ: «Таня, я тебя прошу, не ввязывайся!» Но та поджала губы, и лицо ее приняло строгое выражение. Когда прощались у выхода на посадку, она сказала:

— Саша, я тебе говорила. Это моя задача — навести в доме порядок, и я справлюсь. Не желаю быть заложницей или прикрытием для этих дельцов. А вообще, помни: для меня ничто не имеет значения больше того, что мы с тобой вместе. Душою вместе!

И они расстались. В полете Александр смотрел в окно и любовался высокими грядами облаков, прогалами глубин воздушного океана и на дне его — мозаичным панно полей и лесов. Сказанные Таней слова «ничто не имеет значения» вызвали в нем целую лавину раздумий, мелодических ассоциаций и образов.

Ничто не имело значения, лишь памятна горечь была...

Любите или страдайте одни, и не верьте поэтам,
Поэты и сами себе-то не могут помочь...

Отрывки стихов возникали из его памяти и забывались снова, потом возникло лицо Тани со слегка поджатыми губами: «Мой дом...» А чего ты хотел, приятель? Ты вот самоутвердился в жизни прочно, а Таня не соглашается на роль просто подруги жизни, и ей тоже хочется стать личностью, чего-то в жизни добиться. Получится ли это с тобою рядом — еще вопрос. Но она будет выстраивать свою жизнь, и нужно будет искать компомиссы. Он пытался представить в своем доме Таню, но картина пока не складывалась, и это мучило его.

Почему именно эта девушка из тысяч, встретившихся ему на пути? Почему не Светлана, преподавательница Гнесинки, проговорившаяся как-то в кругу друзей, что «готовит себя в жены Жуцкому»? Она такая веселая и практичная, с ней легко, и круг приятелей у них общий. Но с Таней все произошло взрывным образом, и сразу возникла гармония и пришло блаженство — почему? Какие космические силы отвечают за это?

Москва встретила его веселыми дождиками, первыми тюльпанами на клумбах, толпами украинцев и кавказцев с корзинами продуктов для рынка, нищими и псевдонищими в переходах. Выйдя наружу из метро «Новокузнецкая», он, по обыкновению, встретил несколько человек, ищущих дорогу к Третьяковской галерее. Чаще всего, он шел с озабоченным лицом, и к нему не обращались с вопросом, но иногда ему хотелось общаться, и его лицо становилось «контактным». На этот раз он выбрал из толпы миловидную девушку с черной косой, этакую дивчину из Полтавы, улыбнулся в ее ищущие глаза и любезно объяснил ей дорогу.

Поднявшись в лифте на девятый этаж, позвонил и услышал знакомое пошаркивание маминых ног.

— Ну, наконец, приехал! А я уж думала... не знала, что и думать, — сказала озабоченно его мама Евдокия Михайловна, низенькая пожилая женщина, кубышка фигурой, с приятным голосом и хорошими манерами.

— Ой, мама, а я и не знал, что говорить. Вдохновение нашло, написал много музыки. Ну и — премьера, концерт, работа с симфоническим — это же не шутка...

— Тебе дали областной оркестр для концерта?

— Да, решили внезапно, пришлось мобилизоваться. Оркестр большого набора. В родном городе это у меня в первый раз.

— Да раздевайся же, наговоримся еще! Чаю с дороги налить?

— Налить! И в ванну окупусь.

Приведя себя в порядок, он вынул из чемодана на стол папки с бумагами, нотные тетради:

— Смотри, как много!

— Ого, впервые так много! — она присела за стол, перебирая записи. Александр доверял ей абсолютно. Среди записей она сразу заметила сделанные чужим почерком, красивым и аккуратным. Такое было впервые. Он пояснил:

— Это переписывала Таня.

— Таня? Ты ничего не говорил, когда звонил.

— Такое просто не скажешь.

Она уловила в его словах такое, что заставило ее спросить:

— Ты женишься?

— Мама, от тебя скрыть что-нибудь совершенно невозможно! Да. Она придет, вы с ней познакомитесь и подружитесь.

— Ох, наконец-то и мне придет облегчение в жизни.

— Мы все будем дружны, у нее чудесный характер.

— Так говорят, когда влюблены. Покажи хоть фотокарточку!

Он достал из бумажника маленькую, для паспорта, фотографию Тани — другой не было, хорошо, нашлась и эта. С нее глянула — Евдокии Михайловне показалось, что вживую глянула — красивая темноволосая девушка с правильными чертами лица и серьезным взглядом. Чувствовалось, что у нее сильный, настойчивый характер.

— Ты ее любишь?

— Да. Мы все полюбим друг друга и будем держаться вместе, а твоя помощь для меня просто неоценима.

— Очень хочется верить. Если бы у твоего отца оказалось больше здоровья в лишнюю минуту и он бы мог сейчас видеть... — она смахнула слезу, — и когда ждать твою красавицу?

— Ей надо устроить дела. Не сразу получится. Будем созваниваться.

— Для творчества это оказалось хорошо?

— Оказалось хорошо, — повторил он как эхо, — мне нужно месяц поработать, чтобы сделать всю инструментовку новой симфонии и начать репетировать с оркестром.

— Новой симфонии? Той, о которой мечтал?

— Да, именно той. Я сделал ее, мама!

Александр сел на диван, откинулся на спинку, и по его торжественно победному виду она поняла, что произошло значительное событие, превосходящее по силе даже перемены в его личной жизни. Она залюбовалась им:

— А ты изменился. Возмужал, что ли.

— Ты находишь? Это в сорок-то лет? Я сейчас позвоню Тане.

Он сел к телефону, заказал звонок. дождался соединения, встал напружинившись, услышав знакомый голос, ответил:

- Таня! Я уже дома, мы тут с мамой. Долетел нормально.
 - Это хорошо, Саша. У меня все в порядке.
 - Таня. Будь осторожна.
 - Я буду, буду! Будем. Как Москва?
 - Как всегда. Растревоженный улей.
 - Будешь дорабатывать свои опусы?
 - Да, мне надо плотно... и начать репетировать примерно через месяц. Хочешь побывать на репетиции?
 - Ой, как хотелось бы! Может, дадут отпуск.
- Саше хотелось отойти от суховатого тона, но он глянул на маму и закончил разговор:
- Был очень рад тебя услышать, Танюша. Позвоню утром.
 - Моим утром?
 - Конечно, твоим. А то уйдешь на работу.
 - Пока. Буду ждать.
- Евдокия Михайловна заметила тревогу в его настроении и спросила:
- Почему «будь осторожна»?
 - Ты не знаешь, мама. Среди ее знакомых оказались нечистые на руку дельцы, а она — за то, чтобы их наказали.
 - Это опасно?
 - В том-то и дело, что да.
 - Кем она работает?
 - Медсестрой в больнице. Еще она хорошо играет на пианино, помогала мне.
 - Есть такие, которые нечисты на руку. А сейчас популярен лозунг «обогащайтесь!».
 - Твое замечание, возможно, имеет под собой основу. К Тане это не относится.
 - Я и не думала относить это к Тане. Ведь она борется, правда?
 - Да.
 - Она борется, и ты борешься, чтобы твоя симфония зазвучала, а как тебе кажется — вы смотрите в одном направлении?
 - Да, мама. И у меня такое впервые! И тревога, и гармония вместе. Моя музыка не отгорожена от реального мира. И в той кристальной тишине на окраине города я нашел то, что искал. Давай я тебе что-нибудь сыграю.
- Он сел за пианино и, не открывая нот, по памяти стал играть, взглядывая иногда на портрет Бетховена перед собой выше на стене. Темп был бурным, тон — патетическим. Окончив, он опустил голову, фиксируя свои собственные ощущения от проигранного.
- Как красиво! — сказала она, восхищенно смотря на него. Ее мальчик жил музыкой, не оставляя ее ни на минуту, и это радовало.
 - Ты всегда, мама, говоришь, что красиво.
 - Это для меня главное.
 - Буду писать дальше. Настроение как раз то. Обстановка привычная помогает. И он углубился в работу.

23.

Дни Александра потянулись сплошной чередой нагруженного каравана. Лишь общение с музыкантами оркестра и театральными деятелями было приятным отвлечением.

Иногда он звонил Тане и Василию. Таня отвечала односложно, какая-то забота тяготила ее, а о сути он мог только догадываться. Сообщала, что набрала дополнитель-

ных дежурств, чтобы больше заработать. Это тяготило Сашу, вызывало бессонницу. Тревожный разговор произошел в конце мая.

— Здравствуй, Таня! Дела мои продвигаются успешно. Расскажи про свои.

— Здесь... события разворачиваются. В больницу приходил участковый милиционер, общался с директором. Я увидела, что он заходит, и вошла тоже. Сказала, что живу здесь и могу помочь.

— А о чем шла речь?

— Да... о том, о чем мы с тобой говорили. Приедешь — вот и обсудим. Завтра буду участвовать в рейде депутатской группы по микрорайону.

— Что же, депутатская группа — наверное, дело стоящее.

— А у тебя, Саша, голос хороший, объемный. Тебе его ставили, да?

— Конечно, в свое время, в консерватории. Мы даже в столовой за едой продолжали упражняться. Семечки запрещены, от них садится голос.

— Семечки? А я-то лузгаю!

— Перейди на кедровые орешки, и будет хорошо.

— Перейду. Пиши свою музыку, не буду тебя отвлекать!

— Я пишу, меня трудно оторвать. Но почему так говоришь?

— Я соскучилась.

— И я.

Разговор с Василием тоже не порадовал Александра.

— Как ты там, Вася?

— Как говорят, помаленьку.

— В инвалиды, что ли, записался?

— У меня так бывает, возьмусь читать — бац, отключаюсь, глаза пробегают текст, а смысл ускользает.

— Давление меряешь?

— Меряю, у меня свой прибор есть. Иногда низкое.

— Так надо питание хорошее, фрукты.

— Питание вроде ничего, а какие сейчас фрукты? Огурцы тепличные покупаем иногда. Но они дорогие.

— Овощи из погребов, морковку, свеклу.

— Это есть, борщ, как всегда. И Вика его любит.

— Вот и славно. Гуляешь?

— Помаленьку. Слабость какая-то. Еще, к сожалению, твоя запись в кассете стерлась. Вика случайно не так включила.

— Ничего, привезу новую. Вот что. Таня передаст тебе деньги, я ее попрошу, и выезжайте за город на свежий воздух.

— Так у нас Лена с Викой ездят, к ее подруге на дачу. Та ей выделила пару грядок. Лена сажает овощи. Говорит, скоро будет редиска. Чем не фрукт?

— А тебя не берут?

— Отказываюсь. Для меня час в электричке — тяжело.

— Ну, брат, не ожидал от тебя. Ты крепись, скоро редиска пойдет, первые фрукты с юга. А на дачу — бери такси и приезжай к ним. Таня принесет деньги.

— Да деньги что, я же на зарплате. На работе я свою задачу выполнил, как-то расслабился, может быть, устал, — ответил Василий, и Александр понял, что так пока и будет тянуться эта ситуация. Пока... что?

Это «пока что» пришло в середине июня, когда Александр позвонил Василию в очередной раз. Голос сибиряка был слабый, и пришлось переспросить:

— Повтори, не слышу!

— Говорю, слабость какая-то с утра. Ходил в поликлинику, анализы натошак, вернулся, аппетита нет.

— А Лена дома?

— Уехала на дачу, скоро приедет. Она затеяла побелку и ремонт, ухнула на это авансом все наши деньги. Вот-вот должны привезти известь, караулю у окошка, надо встретить... Ага, Саша, извини меня, показалась машина. Надо встречать! Перезвони мне чуть позже, хорошо?

Связь прервалась, и спустя полчаса Александр позвонил снова. Ответил голос Лены, слабый и прерывающийся:

— Занесли его. Только что. Не дышит, руки холодные.

— Кто не дышит? О чем вы?

— Да вы не знаете! Вася спустился вниз, там бак с известкой занесли в подъезд мужики. Он над баком наклонился, обвязать тряпкой сверху и сдвинуть в угол, и вдруг упал. Видно, сердце остановилось. Я как раз зашла, а он лежит и уже не дышит.

— Лена! Срочно зовите врача, соседей, делайте искусственное дыхание. Человека обычно еще можно спасти. Тонувших же спасают! Делайте, я позвоню позже.

Александр позвонил через час. Тот же слабый и дрожащий голос Лены сказал:

— Увезли его. Умер.

— Умер... Когда похороны? Пошлите мне телеграмму, чтобы легче было взять билет.

— Я и не знаю. Позвоню Куприянову. У нас тут шурум-бурум в квартире из-за ремонта. Наверно, послезавтра.

— Как послезавтра? Я же могу не успеть приехать на похороны.

— Ой, не знаю, устала от всего....

Связь прервалась. Александр оделся и поехал в ближайшее агентство за билетом. Ситуация была нелегкая: сезон отпусков уже начался, авиарейсов в Сибирь было мало, в кассу стояла очередь. Он протиснулся к окошку:

— Мне на завтра, человек умер.

— Родственник? Телеграмму покажите.

— Друг умер. Нет телеграммы, но скоро будет.

Кассирша пощелкала клавишами компьютера, устало ответила:

— Нет билетов. Только на послезавтра.

— Но как же, экстренный случай!

— Вы интересный такой, а если билеты проданы, я их что, могу у кого-то просить обратно? Так не делается.

— Но ведь бронь какая-то может быть, скажите, когда еще спросить.

— В такое время рейсы нагружены, и обещать не буду. Единственное посоветую: возьмите на послезавтра и просите на стойке регистрации, чтобы вас посадили.

Александр взял билет и отошел огорченный, не зная, что делать. Вернувшись домой, позвонил Тане:

— Таня! Вася умер, послезавтра похороны. Я вылетаю к вам.

— Ой, а у меня дежурство.

— Я могу опоздать на день.

— Ничего, сходим вместе к ним и на кладбище. Приезжай! Кстати, устройся здесь в гостинице, а то у нас... непорядок.

Его успокоили голос Тани, ее нескрываемая радость по поводу его приезда. На замечание о гостинице он даже не обратил внимания. Тоже ремонт, решил он.

Показалась мама:

- Что, не удалось взять билет на завтра?
- Да... Что мне делать?
- Поезжай, когда сможешь. И Таню увидишь.
- Да, придется.

Через день, прилетев налегке в одном портфелем в родной город, Александр взял номер в гостинице, принял душ и поехал к Тане.

Его встретила Таисия Ивановна:

- Саша, наконец-то, здравствуйте!
- Здравствуйте, Таисия Ивановна! Хотя и не по счастливому поводу приехал, а вам рад очень! — обнял он ее. — Таня на дежурстве?
- На работе, дорогой. Она почти без перерыва там. Проходи, снимай свою хламиду. А у меня пирожки!
- С печенкой?
- Нет, не балует судьба, поросят никто не колет в июне-то, сейчас самая травка, а пирожки — с рисом и яйцом. Да яйцо-то свое, несущки у нас.
- Неужто несущки?
- Да, у Тани на работе записывали и привезли с птицефабрики, да породистых, много яиц несут. И на стряпню, и на завтраки, а то и на ужин яичница. Бывает, и Валере дам — он, конечно, паршивец, но глядишь, совесть шевельнется — не подпалит все-таки. Проживем теперь!

- Слышал, у вас какие-то беды?
- Оно верно, поджигали. Пойдем, посмотри-ка на угол!

Они вышли, и он увидел обгоревший с поверхности угол дома. Кто-то уже начал скрести его под покраску.

- Правда, поджигали! Вот варнаки!
- Хуже, Александр Федорович, чистые нелюди.
- А кто, нашли?
- Не нашли, но догадываемся кто. Как Сергей попал под подозрение у милиции... вот и началось.

- А вас-то почему?

— Так Таня на депутатской комиссии сказала, что Сергей в Москву ездил на майские праздники. Вот и нашлось, говорят, недостающее звено. Только доказательств пока нет. Затаилась эта шайка-лейка.

Пришла Таня, похудевшая и с тенями под глазами. Бросилась в его объятия, спросила:

- Переживаешь, что опоздал к другу?
- Я ведь ему звонил, и когда звонил, привезли ту злосчастную известку, он пошел ее накрыть тряпкой, и...

- А может, двигал ту бадью тяжелую? — спросила Таисия Ивановна.

— Может, и двигал. Он по телефону мне сказал, что ему плохо с утра. Ему лежать надо было, а тут эта известка.

— Как же мы? Сегодня уже поздно, может, завтра съездим к ним и на кладбище? — предложила Таня.

- Конечно, завтра.
- Ой, мне надо возвращаться в больницу. Ты ведь в гостинице, да?
- Устроюсь, да.
- Завтра поговорим.

И она ушла, Александр заселился в гостиничный номер и размышлял о случившемся. Встреча с Таней успокоила его.

24.

Когда они поднялись на этаж и позвонили в квартиру Журавлевых, там было необычно тихо, потом послышались легкие шаги, открылась дверь, и они увидели Лену — можно сказать, то была ее тень, заплаканная, исхудавшая. Она поправила очки привычным своим жестом, словно это было пенсне, и махнула рукой в сторону комнаты, видимо приглашая войти. В квартире царил ремонт, полы были застелены газетами, а со стен содраны обои.

За отцовским письменным столом сидела Вика и молча рисовала, глаза ее казались большими, и она молчала.

Таня и Александр присели на диван и молча оглядывали комнату, в которой Василий провел свои последние дни. По сути, в ней мало что изменилось, только на письменном столе возвышалась стопка чертежей и других бумаг: видимо, он продолжал работать.

Лена чуть слышно сказала:

— Куприянов просил позвонить, как появитесь.

Таня спохватилась:

— Примите, Лена, наши соболезнования.

— Спасибо, — ответила та.

Вика сползла со стула, подошла к Александру и сказала:

— Дорогой дяденька Жуцкий. Я вашу запись нечаянно стерла в плеере. Извините. Папа любил слушать.

— Да жаль. Теперь не поправишь.

— А вы дайте мне новую!

— Да, знаешь, я спешил и как-то забыл взять.

— Жалко, — сказала она, и в больших ее глазах стояло совсем недетское горе.

Куприянов отозвался сразу, как они позвонили:

— Александр, сразу узнал ваш голос. Давайте-ка ко мне, и я Галину позову.

Когда они приблизились к подъезду «сливочного коттеджа», дверь была отворена. Они зашли, и сверху раздался голос Куприянова:

— Поднимайтесь сюда, я вас ожидаю!

В квартире мордастый плюшевый боксер Лорд ворчал и обнюхивал их, а черная бороды Николая Николаевича казалась еще черней в полумраке. Вслед за ними пришла и Галина. Обменявшись приветствиями, прошли в столовую.

— Мне неловко говорить, но мы вчера по-настоящему и не помянули Василия. Как-то все... — сказала Галя.

— Так ведь Лена и не ожидала, что так внезапно случится. Ничего, у меня тут бутылка «Арманьяка» припасена и еще вино. Сейчас организуем. Ты мне помоги, Галя, с нарезкой салатов, — сказав так, Николай Николаевич поспешил на кухню.

Когда стол был готов и рюмки наполнены, Куприянов сказал:

— Давайте помянем Василия, нашего Васю, которому мы многим обязаны. Всегда брал нагрузку наравне со всеми, хотя здоровья ему было отпущено меньше. По-иному он не мог. Прости нас, если в чем-то были неправы, и взирай на нас со своей улыбкой. Для нас ты живой, и всегда будет так. Да будет тебе земля пухом!

Все выпили и помолчали минуту.

— А знаете, что мы с Калачевым хотим предложить? Будут выполняться работы на установке Васи, и так как он ее собрал по элементикам, вынужен, его фамилия должна стоять в списке авторов каждой такой статьи, — сказала Галина. Куприянов продолжил:

— Поддерживаю! А через несколько лет, если все пойдет хорошо, подведем итог и напишем монографию под названием, скажем, «Томографическая дефектоскопия в металлургии». Василий будет ее полноправным автором, я это обещаю.

— Вы слов на ветер не бросаете, значит, выйдет книга, без всяких «если»! — улыбнулась Галина.

— А то! В трудные времена книга поможет. Лет через пятнадцать выжившие научные коллективы будут решать, как восстанавливать нарушенное, и найдут эту книгу.

— В эти два последних месяца была написана симфония, и в ней найдете отражение того, чем мы жили это время. Надеюсь, люди найдут и мою симфонию тоже, — подал голос Александр.

— Да, мне посчастливилось видеть, как она создавалась, я даже переписывала ноты, — продолжила Таня и слегка смутилась. Галя легким движением поправила шпильку в причёске Тани.

— Нелегко быть подругой жизни известного человека. А я бы предложил выпить за человека очень скромного, за Лену, — сказал Куприянов, — что бы мы ни думали, но справедливости ради я должен сказать, что ей досталось треволнений и нагрузки больше, чем каждому из нас. К тому же работа в школе учительницей математики плюс классное руководство — это такая ноша, которую не каждый потянет. Ведь эти сложные времена отражаются на школе усиленным образом. И наш долг помочь Лене, как сможем, на первых порах. У меня лежат деньги на следующую порцию лекарства — отдам ей в помощь. Будем встречаться, спрашивать, не нужно ли чего.

— Вообще, на поминках можно вспоминать и веселые минуты. Последний месяц, когда Вася был дома, он пытался помочь Лене в проверке тетрадей учеников. Он ей предлагал это, а она все отвергала, дескать — это ее ответственность. Тогда он стал проверять, когда ее нет, и вкладывать в тетрадки листочки с оценками и замечаниями про ошибки. Она делала вид, что не видит эти листочки, когда проверяла, но иногда сверялась с ними, и он это с удовольствием отмечал про себя.

Все улыбнулись.

Когда застолье завершилось, Куприянов позвал Александра в свой кабинет:

— Зайдем-ка на небольшую тет-а-тет!

В кабинете пахло трубочным табаком и пылью. Освободив старое кресло, Куприянов усадил в него Александра, а сам сел за стол с зеленой лампой:

— Вот так и плыву по времени в своем ковчеге. Я думал иногда о вашем творчестве, почитывал литературу по компьютерному моделированию музыкальных шедевров. То, что музыка создается по законам красоты, как и в искусстве вообще, это очевидно, но вот выражение меры красоты здесь еще до конца не найдено.

— Как и в живописи! А в чем секрет чисел Фибоначчи? — спросил Александр.

— Ну, тут секрета особого нет. Ноль, потом следующее целое число — один. А все последующие числа получаются суммированием двух предыдущих. И соотношение последовательных двух чисел стремится к «золотому сечению» одна целая шестьсот восемнадцать тысячных. Золотое сечение — это соотношение красоты. Например, прямоугольник с таким соотношением длин сторон представляется нам наиболее гармоничным.

— Да-да, золотое сечение в музыке есть. Если оно возникает так, как вы сказали, значит, соотношение красоты скрыто элементарно в свойствах нашего пространства? А откуда же берется безобразное?

— Наверное, человеческий произвол... Или произвол в эволюции биологических видов — муха цеце, например, или каракурт.

— А что, — спросил Александр с затруднением, — последнее время вы бывали у Василия?

Николай Николаевич встал, принялся выстукивать пепел из трубки на лист бумаги, сказал:

— Знал, что спросите. Я больше на улице общался, видел его с дочкой, иногда видел Лену, спрашивал. А Галина заходила и домой. И другие консультировались по работе. Я хотел, чтобы он побольше окреп. Видел, что со здоровьем дела его обстоят неважно, а что было поделать? Он и в больнице в апреле мог... хорошо, вы появились. Все-таки он многое успел. Ну а у нас начинается бурное движение вокруг дефектоскопов в индустрии.

— Успел? — повторил с удивлением Александр.

— Да, ключевые вещи. Приходит *memento mori*, и человек успевает завершить самое главное.

— А к вам оно приходило?

— Знаете, да! Была у меня тяжелая операция, думал — все, каюк. Потом вышел из больницы, собрался с духом, докторскую написал и стал думать, как поднять людей, собрать лабораторию.

— Василий лежал в больнице — погружался в воспоминания. Детские годы, утро жизни. Говорил мне, как это сладостно бывает. Тоже ведь творчество.

— Это и у меня было, и тоже в больнице. Вернулся к активной жизни — прошло.

— У вас творчество такое основательное, все проверяется другими учеными и практикой. А в искусстве — произвол большой, свободы много. Оно — для людей крайне свобододлюбивых. Был у меня знакомый, хороший рассказчик. Один и тот же жизненный факт, случай, который и я знаю, а он рассказывает и из него такого нагородит, семь верст до небес — заслушаешься! Или еще один, говорил мне, что в антарктических экспедициях есть специальность «подниматель пингвинов», дескать, видят самолет, падают, а сами подняться не могут. И я верил. А потом увидел американский фильм о пингвинах, так они сами поднимаются свободно, мускулы у них я т-те дам!

— Подниматель пингвинов, — засмеялся Куприянов, — это надо же сморозить! Да им люди только мешают.

— Кстати, приглашаю на прослушивание моей симфонии, в училище Гнесиных, репетиция в конце июня, концерт в июле. Я вам позвоню, когда будет известна дата.

— Благодарю за приглашение. Приезд не обещаю, но мало ли...

Выйдя от Куприянова, Александр с Таней поехали на кладбище. Войдя в ворота, шли по основной дороге, где на обочине, впритык к старым могилам, были новые захоронения с черными обелисками. На одном из них гравировка изображала молодого парня во весь рост, рисунок был очень искусен, и парень выглядел как живой.

— Кто это — мэр, что ли? — спросил Александр.

— Какое там! Совсем молодой.

— Вишь, как повернулась жизнь. А где приют Васи, ты точно знаешь?

— Мне описали где. Вот сейчас развилка дорог, отсчитать четырнадцать шагов и повернуть направо. По тропинке между оградок, идем шестьдесят шагов — и пришли. Рядом с приметной могилой моряка, где оградка с цепями и морским флагом.

Могила Василия оказалась более чем скромной, с железным надгробием без фотографии и с несколькими венками. Возложили цветы, помолчали и пошли назад. У выхода с кладбища на плите сидели два молодых парня, согнувшись со сложенными на голове руками. Рядом валялся одноразовый шприц. Пройдя немного, Таня сказала тихо:

— Вот и напоминание о рейде депутатской группы.

— Наша замечательная молодежь, — отозвался Александр.

Саша с Таней добрались до гостиницы, где он остановился, когда уже начало темнеть.

— Зайдем поговорим? — предложил он.

Она согласилась, и они зашли. В номере оказался удобный диван, они с удовольствием присели, вытянув ноги.

— Находились мы с тобой сегодня! — вздохнула она.

— И нашлись, — скаламбурил он, полуобнял ее, они всмотрелись в лица друг друга. — Ты похудела, Таня.

— Тут похудеешь, дежурство за дежурством. Мне в больнице спокойнее, чем дома.

— Сейчас-то ты мне расскажешь все, что приключилось.

— Ой, Саша! У нас с тобой все хорошо, — она погладила его голову.

— Это главное, — сказал он, — хорошо, не будем о прочем? Останешься на ночь?

— Как девушка определенного сорта? Не-а!

Она положила свой палец на лоб Саши:

— У нас все серьезно, не так ли? Я пойду, а ты улетай. Я прилечу к тебе в Москву.

25.

У Василия на работе события стали развиваться в лихорадочном темпе. Томографический дефектоскоп, над которым работала группа Куприянова, был почти готов к запуску. Аппаратную часть готовил Юра Калачев, а программную — Куприянов с Галиной и аспирантом Володей Качаловым. Володя был интереснейшей личностью, о чем следует сказать особо.

Он окончил университет, специализируясь по прикладной математике, и ловил все новое, общаясь со многими знакомыми и приятелями. Его манера общения многих вначале озадачивала: он рассказывал о своих алгоритмах подробно, удерживая собеседника в положении «пойманного за пуговицу». Но упертый честный взгляд его серо-голубых глаз, стройная логика речи удерживали собеседника. Как-то раз Василий увидел Володю на «птичьем рынке» в ряду аквариумистов. Тот стоял, возвышаясь над своим большим аквариумом, и произносил окружающим его покупателям непрерывную лекцию о достоинствах имеющихся у него рыбок. Он прерывал речь только на продажу, ловко вылавливая сачком нужную особь и пересаживая ее в банку покупателя. Когда Василий приблизился к нему вплотную, Володя, несколько не смутившись, улыбнулся и доверительно сказал ему: «Я тут охочусь за очень красивыми редкими харациновыми, они пользуются большим спросом». Рыбки служили для него источником дополнительного заработка. Как и должность дворника на участке возле своего дома, которую он исполнял добросовестно с шести до восьми утра. И там у него был свой особый порядок. Он ставил картонные коробки для мусора у каждого подъезда и напоминал жильцам, чтобы мусор бросали в эти коробки: так удобно для уборки!

В лаборатории, в большой комнате, где работали сотрудники группы Куприянова, шкафами был отгорожен уголок со столом. На нем располагались чайник и посуда для чаепития, на которое собирались обычно утром в десять. Дирекция неоднократно пыталась закрыть такие уголки свободного общения, но они возникали снова. Во время последней такой атаки Галина заявила: «Если я, сидя за работой, держу в руках стакан чая, я в этом нуждаюсь, и никто не вправе мне это запрещать!»

В очередной понедельник за чаем Куприянов заявил:

— Все! Завтра устроим пробный запуск дефектоскопа! Юра, аппаратная часть готова?

— Готова, Николай Николаевич! Антенная система будет из шестнадцати акустоприемников.

— И потом перейдем на тридцать два?

— Это и от вас зависит. Программа усложнится, оперативной памяти может не хватить. Вы задействуете ресурсы большой ЭВМ, через терминал?

— Да. Компактного прибора, как видите, еще нет. Будем пробовать для этого первую советскую «персоналку».

К ним вдруг присоединился Володя Качалов в новом облачении — джинсовом костюме, и к широкому ремню был подвешен телефонный аппарат с антенной:

— Здравствуйте, все! Как видите, я теперь буду постоянно на связи!

— Ого! — расширил глаза Куприянов, — наш Фигаро в новом виде! Встречал я в Китае коммерсантов с такими аппаратами, только антенны у них длиннее!

— Мне хватает и короткой, — Володя тронул свою антенну толщиной с палец, — и мне чаю! Что обсуждаем?

— Ты вовремя подошел! Завтра проводим испытание дефектоскопа. Программа обработки сигнала отлажена?

— Да, конечно. Я даже пробовал с ребятами прогнать на еэсовской персоналке, которая восемнадцать сорок, но у нее какие-то проблемы с электроникой, пока не получается.

И тут Володя потряс обеими руками перед собой:

— Надо доставать ай-би-эмовскую персоналку, они в Союз уже поступают. Теребите дирекцию!

Куприянов нахмурился:

— Ну, до нас еще не сразу дойдут. Западное чудо, работает без сбоев. Но программу тогда придется переводить на язык ассемблер!

— Без такой машины компактный прибор у нас не получится. Я читаю лекции в Политехе по языкам программирования и даю материал по персональным ЭВМ, они скоро к нам придут, и надо готовиться.

Отозвалась Галина:

— Володя весь у нас такой прогрессивный! Возьми нас с собой в светлое будущее информационного общества!

Тот улыбнулся:

— Сейчас уже начинают появляться книги по этой теме, есть автор Фигурнов, готовьтесь, не отставайте!

Следующим утром в большой комнате Юра, Галя и Володя готовили к запуску дефектоскоп. На лабораторном столе возвышался большой металлический короб, куда будут помещаться образцы. К этой «голове спрута» подходили кабели от приборов, находившихся в этажерке-стойке, детище Василия Журавлева. Рядом стоял терминал от большой ЭВМ, размещавшейся в соседнем зале.

Юра Калачев был виртуозом отладки аппаратуры, он находил выход из любой сложной ситуации, когда «сигнал уходил в землю» или на устах появлялось выражение «Мистика какая-то!». Невысокий, но плотный и, как говорится, «рукастый», обликом он походил на Юрия Гагарина. Веселый, скромный, неунывающий, внушающий оптимизм. Как-то раз один командировочный, изрядно выпив, сказал с чувством: «Вот, кажется, я не напрасно появился на свет, если встретил такого Юру!» На что тот смутился.

Пришел Куприянов, Юрий сел за пульт и включил питание, Володя с терминала запустил программу. Когда все заработало в штатном режиме, Юра пошел к ящику с образцами и вытащил две железинки. «Возьми тот, что со сваркой!» — попросил Куприянов. Конструкция из сваренных вместе обрезков уголка была помещена в короб. Володя вывел на экран изображение образца, настолько искаженное, что лица сотрудников вытянулись. Но Ник-Ник провозгласил: «А вот и шов сварки!» Действи-

тельно, шов был виден как рваная полоса. «А вот и недовар!» — воскликнул Куприянов, ткнув пальцем в разрыв линии шва. Потом он позвонил Олегу Дмитриевичу, и заместитель директора вскоре появился, настороженно оглядывая установку и экран монитора. Куприянов растолковал ему конструкцию установки и смысл изображения, где был виден дефект сварки.

— Хорошо, вижу, действительно работает. Но все так громоздко, нетранспортабельно! И без большой ЭВМ рядом мы бы ничего не увидели.

— Ну, вот и надо работать дальше! Володя пробовал программу на советской «персоналке», вон она стоит, но наши инженеры так и не смогли добиться, чтобы она нормально работала!

— А составили рекламацию на завод-изготовитель? — важно спросил Вергасов.

— Еще нет. Но я слышал, что Энергетический заказал десять таких машин, они пришли, но не работает ни одна.

— Ясно. Зайди ко мне, надо поговорить.

Когда Куприянов вошел в кабинет Олега Дмитриевича, в глаза его бросился новый предмет — стоящая на столе американская персональная ЭВМ «Пи-си двести восемьдесят шесть», какую он раньше видел только в Праге и на картинках. Яркий оранжевый кружок на задней крышке монитора смотрелся как горящая лампочка, но то была лишь наклейка. Прибор фирменного цвета «белая ночь» не был включен.

— Как, вы уже достали «пи-си»? — удивился Куприянов.

Его визави поморщился, но произнес:

— Да, удалось выбить в министерстве. Кстати, я говорил им о скором пуске у нас дефектоскопа и необходимости компактного исполнения.

— Догадываюсь, что импортный компактный приборчик ты уже достал!

Вергасов вздохнул, залез в шкаф и поставил на стол импортный дефектоскоп размером с портфель:

— Смотри, как умеют делать капиталисты! А мы — пока нет.

На приборе лежала книжка с документацией. Куприянов взял ее, открыл и прочел, переводя на русский, несколько строк, потом резюмировал:

— Для дефектоскопии металлических образцов размером до десяти сантиметров! Но это не уровень тяжелой индустрии, у нас размеры гораздо больше. Это уж для проб мы берем небольшие, как ты только что видел у нас.

— А у тебя есть кто-нибудь понимающий в «персоналках»? Включить и далее.

— Да, есть! Мой аспирант Володя Качалов. Я скажу, и он зайдет!

Куприянов вернулся в лабораторию и подошел к терминалу, за которым работал Володя:

— Знаешь, тут такой случай. Вергасов получил «персоналку», двести восемьдесят шестую модель, и просит, чтобы ты ему помог. Справишься с включением ее?

Володя встал и резко щелкнул ладонью о локоть:

— Я так и знал! Мне говорили, что начальство себе достает эти машины и не знает, как на них работать!

— А ты знаешь?

— Естественно! Мне друзья переправляли литературу, а пробовал машину в другой организации. Могу дать мастер-класс!

И Володя пошел к О-Дэ, который оторвался от всех текущих дел, внимательно выслушивая объяснения Володи, который уж не преминул использовать все свое красноречие. После того он уговорил начальника дать ему на время импортный дефектоскоп — проверить, как он работает. Они с Куприяновым включили прибор, поводили датчиком перед образцом. Ник-Ник заключил:

— Видно, что работает, но поле зрения — с детский носовой платочек. Нам нужно создать прибор для больших образцов!

Володя пошел и вернул дефектоскоп Олегу Дмитриевичу. Тот убрал его в шкаф, после чего внимательно всмотрелся в глаза молодого человека:

— Вижу, можешь! А перевести свою программу в код ассемблера для этой «персоналки» — справишься?

Он провел ладонью вдоль стенки системного блока, на что Володя уверенно взглянул ему в глаза:

— Да, влет! Времени и труда это, конечно, потребует. И тогда эту «персоналку» дайте нам в лабораторию, будем осваивать и потом стыковать с дефектоскопом!

Начальник прошелся мимо него по комнате, покрутил головой и, припомнив что-то, изрек:

— Надо, надо сконцентрироваться! Знаешь, я как-то видел тебя рано утром в форме дворника. Подрабатываешь?

— Ну, так вот ведь у моей жены Маргаретушки дочка готовится в первый класс, надо то и то, а Рита — на маленькой зарплате библиотечарши, не хватает!

— Н-да. Лучшее утреннее творческое время. Некому, что ли, мусор мести? Ты у нас — на ставке мэнэса, последний год аспирантуры. Как дела с готовностью диссертации?

— Хорошо дела. Программная часть сделана, оригинальные алгоритмы реализованы на большой ЭВМ. Осталось только «лирику» написать во введении, для чего это все. Что касается устойчивости вычислительных схем...

Володя осекся, ибо дальше могла последовать получасовая лекция о его борьбе за устойчивость, но это было бы излишне.

— Знаешь, Володя... Я видел, как работают твои алгоритмы во время испытания дефектоскопа. Давай мы вот что: переведем тебя на должность старшего научного сотрудника без степени, там разрядная сетка оклада гораздо выше, и будете с Ритой довольны!

Володя радостно протянул ладонь Вергасову, пожал мягкую ладонь начальника и улыбнулся. Тот продолжал:

— Второй вопрос — компактность. Тот шкаф Журавлева следует заменить небольшим ящичком, блоком на интегральных микросхемах, они нам уже стали доступны.

— А ограничения «Коком»? — прищурился Володя. Он имел в виду ограничения на экспорт в соцстраны новой наукоемкой техники.

О-Дэ хлопнул ладонью по столу:

— Обходим. Уже достаем, через третьи страны, скажем — королевство Бутан. Как думаешь, Юра Калачев справится с задачей? Сейчас позовем его сюда.

И через несколько минут они уже втроем горячо обсуждали задачу создания компактного прибора, поглядывая на извлеченное на стол импортное «чудо». Юра отвинтил с него верхнюю крышку и разглядывал плату с паукообразными прямоугольниками операционников, похожую в целом на вид города с борта самолета. В конце дискуссии О-Дэ удовлетворенно хмыкнул, буркнув: «Перевожу тебя, Юра, на должность ведущего инженера!»

26.

Прошло недели две. Группа Куприянова напряженно работала, и в одно прекрасное утро в комнату, где собрались на утренний чай, явился Олег Дмитриевич:

— А мне стаканчик найдется? Галя, мне чайку слабого, крепкий я уже не тяну. Тут вот что. Мы можем заключить хоздоговор с местным заводом тяжелого машиностроения — деньги нам очень нужны.

— И что мы им покажем? Огонь энтузиазма в глазах и картинку на терминале большой машины? Вы только импортный прибор не приносите, нам до такой компактности еще далеко, — заметил Куприянов, знающий, что такое заводское производство.

— А я и не буду. Понимаете ли, наши научные усилия в сравнении с работой цехов, где идут литье и сварка, — песчинка, полезная или бесполезная в глазах производственников. У них — прямая линия с министерством, доступ к валютным фондам. А мы должны так показать им свою работу, чтобы поверили в нашу полезность. Иначе — уходить нам в дворники. Вы остроту момента понимаете? Есть у нас плюсы: испытательный стенд, куда можно помещать большие образцы, не только ту сварку, что мы тогда смотрели. Потом, кроме каверн, вы научились выявлять участки сдвигов доменной структуры, которые иногда ох как подводят. Подберите подходящие образцы, а я приглашу людей с завода. Идет?

Куприянов почесал над ухом и произнес:

— Приводите! Также позовите Гошу Кубасова из мехмастерских с молотком, пусть постукает, а потом мы откроем картинку на терминале. Сработаем на контрастах, а?

Оживилась Галина:

— Ой, а может, им не чай, а коньячок с лимоном предложить? Как говорят китайцы, создать «кам-пэй», дружескую атмосферу.

— Если хорошо пойдут переговоры, можно и это. Под настроение. Но главное — показать им, что не спим, а хорошо работаем. Юра покажет плату с операционниками — увидят, что скоро будет компактный прибор!

Когда все разошлись, Володя зашел в мастерскую электронщиков, где Юра Калачев на большом лабораторном столе пропаивал макет схемы, а на экране осциллографа сменяли друг друга синусоиды:

— Хочу увидеть твою кухню. А готовая плата хоть одна есть?

— Есть, мне в бюро изготовили. Технология печатных плат у нас освоена!

И он достал из ящика стола электронную плату, поблескивающую полосками электродов и черными прямоугольниками больших интегральных схем.

Володя взял ее в руки и полюбовался под разными ракурсами:

— Хорошо! Как вы это называете, «уже в интегральном исполнении»?

— Да, в нем. Есть что показать заводчанам! Я думаю — видно, что не муляж.

— Уж куда там! Ты программы для «персоналки» пишешь?

— Да вроде того. Покажем то, что сделал, на мониторе, рядом поставим «персоналку» и на ней некоторые картинки. Правда, по-честному, я уже меню обработки сделал!

После тщательных приготовлений к показу Куприянов осмотрел расположенную в зале аппаратуру и спросил Володю, сидящего за клавиатурой «персоналки»:

— Ну, покажи свои достижения!

— А запросто! Сейчас, переключусь.

И Володя, набив в мерцающей на сером фоне командной строке три буквы, стукнул ввод, и открылась сложная цветная картинка с клавишами разного цвета и надписями. Перевел курсор на первую из них, с надписью «Режим», и в спадающей вниз таблице нажал ввод на первой полоске:

— Это общий обзор детали, которая будет лежать в приемной камере... ее нет, но мы еще не в рабочем режиме. Только эмуляция. Когда соединим с тем, что делает Юра, вот и получится удобный для производственников прибор.

— Хорошо, ты выступишь и это расскажешь. Сводим их в мастерскую Юры, он покажет и расскажет свое.

— Абсолютно! Будет успех!

Побывав у Юры, Ник-Ник убедился, что деталей для одного экземпляра электронного блока достаточно, и, удовлетворенный, пошел к Олегу Дмитриевичу. Кабинет замдира немного потускнел из-за отсутствия «персоналки» цвета белая ночь. Начальник поднялся ему навстречу:

— Ага, чем порадуешь? Готовы?

— Да. Можем принять гостей.

— Давай обговорим процедуру, чтобы не было сбоя. Я решил — бутылки минералки на столе будет достаточно. А то, знаешь, индейцев подпаивали «огненной водой», у нас не тот случай.

Ник-Ник хитро прищурился:

— А мне припомнилась одна картина американской живописи — невольничий рынок, стоят цветные строем с табличками на шеях: имя, возраст. Покупатели щупают их мускулы, смотрят зубы — хороши ли, это очень важно, перетирать грубую пищу...

— Ну уж, пересмешник! Тебя бы на мое место! Ты спроси, кто именно придет?

— И кто?

— Я их немного знаю. Начальник цеха Иван Агафонович, организатор производства хороший, «все сообща мы достигнем», в этом духе, но как специалист по новой технике он слабоват. А вот Николай Рубцов, руководитель отдела КИП и автоматики, он «сечет» эти вопросы на современном уровне. От него в основном зависит решение. Молодой, всего лет тридцать. Мог бы работать у нас, но втянулся там, со всем интересом. Языки знает, поездил по загранке.

— А мы напустим на него Володю Качалова, он своими успешными алгоритмами его помучает.

— Ну, это надо осторожно. Ты его сдерживай! Нужно показать хороший темп нашей работы: сделали первый громоздкий вариант и далее привлечение интегральных схем для блока, кодирование алгоритмов для «персоналки». Обсудим сразу производство малой серии.

— А наше бюро электронной аппаратуры справится?

— Расширим штат, повысим зарплаты. За счет хоздоговора, ты понимаешь.

— Хорошо, вот и порешили.

27.

Как и ожидалось, заводчан пришло двое. Иван Агафонович, огненно-рыжий, с лысиной на макушке, весьма энергичный, вел себя, как в окопе на передовой. В кабинете замдира он даже не сел на предложенный стул. Пожав руки Вергасову и Куприянову, он потребовал: «Ну, ведите на экскурсию, посмотрим ваши предложения в натуре, или в железе, или на экране — что есть». Николай Рубцов, интеллигентного вида молодой человек в очках, держался сдержанно и оглядывал обстановку кабинета.

Пришли в зал, где стоял уже включенный дефектоскоп. Мигали лампочки на приборах стойки Журавлева, от которой аккуратно были проведены кабели к испытательному стенду. Начальник цеха, оглядев установку, тихонько присвистнул, но Куприянов предупредительно воскликнул:

— Это старый вариант со знакомой нам всем электроникой, но мы уже готовим и новый, в интегральном исполнении.

— Ну да, эти ящички нам знакомы с далекой нашей юности... — протянул Иван Агафонович.

Тут в зал вошел и кивнул всем пожилой мужчина в слегка замасленной спецовке, из кармана которой высовывалась деревянная рукоятка. У него было малоподвижное замкнутое лицо, и он внимательно оглядывал всех собравшихся.

— А это наш слесарь, ветеран наших механических мастерских Георгий Кубасов, автор многих рацпредложений. Мы недавно выдвинули его на звание заслуженного машиностроителя. Он будет участвовать здесь с нами, — представил рабочего Куприянов, тронув его за плечо.

— Хорошо, показывайте в деле! Вижу ящик с образцами. Давайте загружайте в стенд! — махнул рукой Иван Агафонович.

Юра Калачев вытащил довольно большую стальную прямоугольную болванку и опустил ее на стол.

— Так! Сейчас попросим Георгия определить, есть ли там дефект. Полная тишина! — и сказав так, Ник-Ник поднял руки.

Кубасов подошел, достал молоток и стал священнодействовать. Он ударял в различные точки болванки и напряженно слушал отзвук, сохраняя суровое выражение лица. Потом чертил воображаемые линии на стенке отливки и наконец заключил:

— Здесь просто. Раковина изрядного размера, примерно в центре образца. Я могу идти? У меня работа.

— Можешь. А теперь посмотрим действие дефектоскопа.

Юра загрузил болванку в зев приемной камеры, приладил акустоприемник, нажал нужные кнопки на блоке электроники, Володя включил программу, и на экране дисплея стали появляться картинки из разбросанных по полю точек, потом он изменил режим, и стали появляться контуры образца с овальным цветным пятном в центре. Наконец он остановил одну картинку и произнес:

— Вот она, раковина! И линейкой можно даже измерить ее размер и где расположена.

Приложив потертую ученическую линейку, он назвал числа.

— А знаете, неплохо! Вижу точность. Такой слесарь Гоша, конечно, и у нас есть, но это диагностика на качественном уровне — есть дефект или нет. Когда идет литье из ковша в форму, металл кипит и чудит, понимаете ли. Без контроля отливки — никуда! Еще бывают очень большие отливки, скажу фигурально — литая башня танка. Хотя это не у нас. Хочется иметь приборчик с датчиком, которым можно поводить и видеть на экранчике, есть ли дефект. Имеются у нас импортные игрушки этого рода, но с ними все что-нибудь не так. Если сделаете хороший — я, Николай Николаевич, ваш бюст отолью из бронзы и поставлю у нас в цехе!

— Я, конечно, пожилой человек, но бюст — все-таки рановато! — засмеялся Куприянов и продолжил: — А теперь возьмем образец, дефект которого не сможет определить Кубасов, как бы ни прослушивал свои стуки.

Юра достал болванку, похожую на предыдущую, и вложил ее в приемную камеру. Володя стал гонять картинки сканирования, нашел одну и произнес:

— Раковин и других явных нарушений вроде нет. Но смотрите здесь: слои металла сдвинуты, как если бы нарушен строй солдат на смотре!

Все приблизились к экрану и старались понять мысль Володи, который смещал картинку по экрану.

— А это известная вещь! Вроде без дефекта, но если это, скажем, лист брони, его прочностные свойства там теряются, и это место можно пробить обычной пушкой! — возбужденно сказал Иван Агафонович.

— Рад, что вы поняли! Есть различные тонкие особенности отливок. Иногда, чтобы сформировать нужную доменную структуру, сталь или чугун охлаждают медленно, много дней, — взбодрился Куприянов, со лба его струилась струйка пота.

— Да, иногда так и охлаждаем, — согласился начальник цеха, — я вижу у вас «ай-би-эмовскую персоналку», но почему она стоит без дела?

Володя оживился:

— Она не стоит без дела! Мы переводим на нее программы детектирования. Я покажу одну эмуляцию, к стенду подключения пока нет.

И он вывел на экран меню создаваемой программы, включая приложения и комментируя. Разошелся в своем красноречии так, что Куприянову пришлось его остановить:

— Спасибо, Володя! Это — наше развитие компактного прибора.

— Осталось вам только эту стойку заменить блоком с интегральными микросхемами, — включился в беседу Николай и продолжил: — У нас есть заводская лаборатория, и хорошо бы вам побывать, полюбоваться, какие у нас контрольно-измерительные приборы. Пришлось поехать по границам, один раз вез из Англии платы электроники, и меня чуть не тормознули на таможне. Удалось найти и показать им маркировку — обычные, типовые платы. Но у нас они дефицитны.

— А сейчас мы пройдем в хозяйство Юры, и вы увидите нечто похожее, — позвал Куприянов.

Они прошли туда, где на большом столе лежали макеты схем, дымился включенный паяльник и на экране осциллографа мелькали замысловатые фигуры. Юра перехватил нить беседы:

— Тут сильно не смотрите. Вот вам первая плата в интегральном исполнении, — и он достал из ящика стола изделие, подал ее Николаю, — такие вы везли в багаже?

— Да, этот стиль обычен, правда, здесь нет фирменной маркировки — значит, это ваше творчество, — отозвался тот, вглядываясь в ландшафт деталей.

— Мое и Василия Журавлева, который создал блоки на старой элементной базе, а я повторил в этом стиле.

— Что же, давайте на этой оптимистической ноте закончим экскурсию и пожалте ко мне... Николай Николаевич и гости, договоримся о принципиальных моментах, — сделал широкий жест Олег Дмитриевич.

— Я хотел бы позвать и вашего Володю, у меня с ним есть кое-какие моменты, — предложил Иван Агафонович.

В кабинете замдира их встретила секретарша Маша:

— Я поставила две бутылки минералки, как вы просили.

— Хорошо. И чистой бумаги несколько листов.

— Здесь оставался мой портфель... а, вот он, — начальник цеха тронул свою вещь и поставил ее рядом со своим стулом.

Когда все расселись по сторонам стола, Иван Агафонович начал:

— Как хорошо у вас тем, что тихо! Отдыхаю от нашего заводского грохота. Есть у нас свой слесарь Гоша, но его приходится заводить в специальную комнату с шумоизоляцией, чтобы он простукал дефекты — в ответственных случаях. Конечно, со временем — а в космической индустрии, может быть, уже есть такая картина — в цехе по транспортеру движутся отливки и конструкции, проходят один туннель с ультразвуковой диагностикой, потом следующий — с мягким рентгеном, и все просвечено и ясно, как на ладони. Есть дефект — удаляется с ленты. На переплавку. А мы пока еще должны к этому прийти.

— Вы еще не видели, как хорошо мы умеем определять непровар шва на детали.

— Конечно, важны и такие тонкие детали. Итак: мы все видели, впечатление хорошее, сотрудничать с вами желаем. И люди — специалисты классные, так и хочется к нам позвать, но — ладно, провоцировать не буду. Насколько я понял, вы можете изготовить

для нас опытный образец компактного дефектоскопа с блоком в интегральном исполнении и с выходом сигнала на персональную ЭВМ, — внушительно сказал начальник цеха.

— Вы сформулировали правильно, мы на пути к этому. Хотелось бы еще два пункта: возможность для нас показать прибор на ВДНХ, это нам важно для реноме института, и дальше изготовить малую серию прибора. Но для этого нам нужно дополнительное снабжение большими интегральными схемами нужной спецификации, какие требуются, и... персональные ЭВМ, лучше ай-би-эм триста восемьдесят шесть, — четко выговорил Олег Дмитриевич, а Володя Качалов добавил:

— Оперативную память надо добавить, хотя бы на уровне двух мегабайт. Иначе... зависают они, эти машинки, там более что планируется переход на тридцать два акустоприемника. Все-таки программа анализа скана сложная!

Володя продолжал и продолжал объяснение, пока О-Дэ не хлопнул ладонью по столу:

— А вот это можно продолжить в кулуарах.

— А где у нас кулуары? — спросил Володя с делано наивным видом.

— Вот-вот! Я почему и позвал сюда вашего Володю. Он хорошо рассказывает, с таким знанием матчасти, что в этом качестве хочется пригласить его поучить наших пользователей, как работать на «персоналках». Мы их набрали — и в бухгалтерию, и к плановикам, но пока на них смотрят как баран на новые ворота.

— Согласен! Одно маленькое условие: мне одну «пи-си» сюда, с подключением через модем к выделенной телефонной линии, буду скачивать нужный всем софт. Скажем, редактор Лексикон — научитесь готовить электронные тексты для принтера. Если не будет такой возможности, ну я не знаю...

— Володя, стоп! Софт — это что? У молодежи сейчас пошел такой странный жаргон, скажем, говорят «какая мама», имея в виду не маму, а материнскую плату компьютера, — вступил в разговор Вергасов.

— Софт или софтвер — пакеты программного обеспечения, иногда со своими дружественными интерфейсами, и каждая «персоналка» конфигурируется под задачу. Я это умею.

— Надо это учесть в договоре.

— Я более вам скажу: нам нужно сделать не один опытный образец, а два идентичных прибора! В космической отрасли это практикуется: делается сложный аппарат, скажем марсоход, в двух экземплярах: один запускается и ходит по Марсу, а второй — по площадке во дворе фирмы. И если возникает проблема на Марсе, диагностика земного близнеца помогает разобраться, что не так, — вошел в азарт Володя.

— Поддерживаю! А то отдадим прибор, а с чем остаемся мы? На нашем экземпляре Володя с Галиной будут развивать программы для дефектоскопа, — быстро вставил Куприянов.

— Тогда у Володи на вашем «пи-си» будет возможность «качать софт», чему он будет рад. Я согласен с вашим предложением и попрошу Николая задержаться здесь на часок. Подготовить список на снабжение вас элементной базой. Коля, ты с Володишкой можешь идти в лабораторию! Уточните все, без упущений, — отозвался Иван Агафонович.

— Хорошо, и после этого будем в диалоге готовить и проводить через плановиков текст договора, — легонько хлопнул по столу Олег Дмитриевич.

Рубцов и Качалов ушли. Начальник цеха достал из портфеля бутылку коньяка и пакеты с закусками:

— Давайте отметим наши принятые хорошие решения!

Вергасов и Куприянов переглянулись, а заглянувшую в кабинет Машу попросили оформить стол. Вышли в холл, продолжая беседу, затем вернулись в кабинет. Иван Агафонович пристально взглянул на Олега Дмитриевича и произнес:

— Я вспомнил: в апреле видел вас на пленуме райкома партии. Было?

— Да. Приглашали хозяйственных руководителей, от организаций района, и директор мне поручил сходить. А некоторые штатные члены комитета не явились. Заняты созданием кооперативов!

— А помните, опоздавший секретарь райкома Кузнецов как выступил! «Мы вошли в рынок, а хозрасчет — это страшно! Обанкротится кооператив — и все на улице, без зарплаты!» Вот именно тогда я понял, в какую полосу наша страна попала. Надежда на всесильное государство, что оно дотирует за счет экспортной выручки, — это уже в прошлом. Надейся, а сам не плошай! А как Петр Савельев в конце выступил, помните?

— Извините, я, наверное, тогда уже ушел. Кто это, как выглядит?

— Это наш технолог, заслуженный ветеран Великой Отечественной. В коричневом пиджаке с орденскими планками, впереди сидел. Как-то он нам в цехе рассказывал, что был в составе группы разведчиков с задачей предотвращения подрыва Праги нацистами.

— Ах да, видел его, такой седой, благообразный.

— Он всегда режет правду-матку, когда его «разберет». Активный член парткомиссии. Так вот, он встал и устроил Кузнецову чуть ли не допрос. Спрашивает: а почему не присутствует такой-то и такой-то... у него память хорошая, назвал фамилий десять. Кузнецов в ответ что-то лепетал, но видно было: не знает! А Петр Степанович: «Я знаю: они сейчас делят госсобственность. Тогда как должны блюсти интересы государства!»

— В том-то и проблема, что идет эрозия государства. Есть расхожий девиз: «Куй железо, пока Горбачев!» — заметил Куприянов.

— Да, что-то идет, но я верю, что наше государство еще крепкое. В войну выстояло, так неужели сейчас упадет? Не верю! — убежденно ответил Иван Агафонович.

— Знаете, весной у нас был сложный период — наш дефектоскоп конструировал Василий Журавлев, но немного не доделал, а сам заболел раком. Казалось, он скоро уйдет совсем, и с его работой случится провал. Но там в больнице его лечащий врач, он еще так философски говорил о сложной судьбе пациента, нашел выход из ситуации. Достал импортный препарат, иммуномодулятор, хотя и дорогой. Помог деньгами друг, и мы подключились, врачи начали делать те уколы, и ему стало лучше. Временно — то есть ремиссия. И он доделал свою задачу, в хорошем контакте с Юрой и Галей. Потом все-таки ушел. Я иногда о нашей стране думаю как о пациенте, вышедшем из своего застойного состояния. Понимаете?

— Да, понимаю. И судьба пациента зависит от нас. Так давайте для очистки сосудов после застоя выпьем по маленькой, за начало нашего сотрудничества!

Все выпили, и Куприянов продолжил:

— Мы здесь, в нашем маленьком коллективе, ощутили, что пройдем трудную полосу, если постараемся ничего не терять: ни наследия Василия, ни знания информатики Володи, ни золотых рук Юры. Знаете, что я услышал однажды от Гоши Кубасова? Мы были на одном собрании, кого-то ждали, со мной рядом сидел Гоша и вдруг заговорил своим гулким голосом. «На Ленинградском металлическом заводе провели конкурс „Лучший по профессии“ среди токарей. Задание было сложное: выточить полую сферу, внутри нее на оси вторую полую сферу и так же внутри третью, самую малую. Победил токарь, который выполнил задание за тридцать девять минут!»

— Я верю в подлинность этого рассказа! — воскликнул Иван Агафонович, — умельцы есть, из поколения в поколение, а в космическом машиностроении, с его супер-

надежностью, они просто незаменимы! И у нас тоже. Что касается нашего договора, я вам откровенно скажу: такой контроль нужен нам в особо ответственных случаях. Скажем, мы строим по заказу драгу — плавучую фабрику для добычи золота где-нибудь на Витиме. Очень сложная штука, со множеством деталей, и нагрузка на них разная. Если это валики транспортера, требования невелики и дефектоскоп не нужен. Но в механизме дробилки и центрифуги есть детали весьма нагруженные. Делаем из хорошей легированной стали, из чего же еще нам делать, и качество проверяем, как только можем. Вот при этом нам дефектоскоп ох как нужен! Представьте: драга запущена, идет по реке, этакая гроссмясорубка, и вдруг: крик! Сломалась та самая нагруженная деталь. Мы высылаем ремонтную бригаду, заменяем, что надо, но задержка, простой — ох как дорого обходится горнякам! Потому к вам и обращаемся.

Когда гости уехали, в закутке за шкафами собрались Володя, Юра и Галина. Володя достал из кармана пакет с конфетами «Мишки в сосновом лесу»:

— Умыкнул из начальственного кабинета. Зачем им?

— Интересное кино! Положил в карман и унес? — удивилась Галина.

— А что? Справедливо и демократично.

— Ну, говори! Что там решили с договором?

— Хорошо решили, максимально хорошо для нас. Готовим два экземпляра дефектоскопа, наш и отдаваемый, далее в случае успешных испытаний — выпуск малой серии. Материальная поддержка со стороны завода будет достаточная.

— Слава богу! Ты как, боролся за наши интересы?

— Естественно! Первый вариант договора был довольно куцый, подготовить один экземпляр для завода. Но я восстал, потребовал сразу делать два экземпляра, и принял!

— Ты гигант! — восхитился Юра. — А про список комплектующих я знаю, участвовал с Николаем. На него, конечно, свалится нагрузка все это достать, но договор есть договор.

— Справедливость прежде всего. Вы же знаете мою работу в жилищной комиссии профкома.

— Еще как хорошо знаем! Но есть мнение, что ты заигрываешься, — Галина погрозила указательным пальцем.

— Ну, вот опять! Есть мнение, но не говорится, чье это мнение. Я старался, чтобы при распределении квартир учитывалась нуждаемость работника в жилплощади! Кто-то получает, «как положено по очереди», а кто-то живет чуть не на вокзале, и у него сложное положение, — начал возбуждаться Володя.

— Но ты признай, что в правилах распределения жилья есть только очередность по дате подачи заявления, а все остальное — наша самодеятельность, и твоя «нуждаемость» нигде не прописана!

— Пусть так. Но в принятии решения профкома и дирекции нуждаемость должна быть учтена! Еще против чего я восставал — сдача в очередь освобождающихся квартир. Получил двухкомнатную — и занимаемую однокомнатную надо сдать нуждающемуся! А то Иванов взял — да и не сдал, поселил там мать, переехавшую из деревни. И доказывает, как это хорошо. Извините!

— Ладно, спорщики, умерьте пыл! Мы благодарны Володе за то, что он борется против бюрократических извращений и за справедливость, по совести. Тратит нервы. Не каждый умеет за себя постоять, а закон — что дышло, куда повернул — туда и вышло, — резонно заключил Юра.

Володя повернулся к нему и молча пожал руку.

Вскоре все разошлись, но в кабинете Куприянова еще горел свет. Постучался и зашел Володя Качалов:

— Николай Николаевич, есть еще один разговор. Я веду занятия по информатике в Политехе, студенты хорошие, интересуются в плане применения этих знаний. Если задают вопросы из области финансовой сферы — я отвечаю, но, по правде говоря, мне они не нравятся. Хочется, чтобы ребята занимались конкретной работой — в науке, на производстве, а не шуршали бумагами в конторах. И я хочу им предложить небольшую практику здесь, на дефектоскопе, хотя бы в нынешнем его состоянии. Чтобы руками выбирали расположение образца в камере, смачивание, прилегание к приемнику, расшифровке изображения в разных режимах и как работает программа. Разрешите такую практику!

— Разрешаю, дело хорошее. Только вы с Юрой обеспечьте организацию практики, чтобы не портачили и установку не повредили.

— Конечно, обеспечим! — и Володя ушел.

Куприянов задумался об одном сказанном начальником цеха словом — «гросс-мясорубка». Он его где-то встречал и теперь мучительно вспоминал когда и где, так как привык раскладывать в уме все слова и понятия в порядке «по полочкам». Заварил себе крепкий кофе, выпил и наконец вспомнил. В детстве он прочитал книгу Самсонова «По ту сторону» о нескольких подростках, угнанных во время войны на работу в фашистскую Германию. Они жили у некоей Эльзы Карловны, которая кормила их хлебом, испеченным пополам с древесными опилками, и работали на болоте, на сложной машине, выпускающей торфяные кирпичи, они называли ее «гроссмясорубкой». Физически истощенные ребята иногда подбрасывали на транспортер небольшие камни, от которых машина ломалась, давая им отдохнуть. Механик-немец разбирал и ремонтировал механизм, поглядывая на ребят и догадываясь о причине поломки, но не донося об этом начальству. И Куприянов представил себе драгу, грохочущий ее механизм с ответственными деталями, о которых говорил начальник цеха, и заключил мысленно: мы должны им помочь нашим прибором, мы не можем этого не сделать!

Вскоре он встал и пошел на выход. На крыльце института он увидел красивую девушку в синем плаще с газовым шарфиком. Он минуту разглядывал гармонию цветов в ее облике и вдруг понял, что видит медсестру Таню, которую не раз видел в больнице и у Журавлевых:

— О! Да это вы! В неожиданном месте, и я не сразу узнал.

— Да, я хотела увидаться с вами. Завтра улетаю в Москву, к Александру Жуцкому.

— Уж замуж невтерпех?

— Шутки шутками, а для меня это серьезно. Передам привет от вас. Как ваши дела после ухода Василия — расскажите, а я перескажу Саше!

— Передавайте ему привет, и я говорил, что, будучи в Москве, позвоню и можем встретиться.

— Это будет уже дома у нас с Сашей. Как я хотела бы увидеть вас там! И чтобы ваши посещения вошли в обычай.

— В институте у нас... бурные события, по сути хорошие, давайте пройдемся вместе, я вам расскажу.

Они пошли, и он описал последние события с запуском детища Василия и договором с производственниками. Она внимательно слушала его рассказ в живой увлекательной манере, ей хотелось слушать еще, но они подошли к подъезду и стали прощаться.

— Я уж заходить не буду, мне надо спешить домой, собираться в дорогу, а ваш рассказ я во всех деталях передам Саше, — заключила она и, поцеловав ученого в щеку, быстро упорхнула.

28.

Александр прилетел в Москву. По дороге из аэропорта он тер себе лоб, соображая, сколько срочной работы с оркестром ему требуется выполнить в самое ближайшее время. Даже три дня его отсутствия давали о себе знать. То, что Таня скоро придет, настаивало его на бурный темп: успеть, чтобы на репетиции симфонии показать ее Тане во всем блеске. Ему приятен был этот приток адреналина в крови, и самолюбию льстило ощущение того, что он переживает свои звездные часы.

Его усилия не пропали даром: репетицию удалось подготовить, несмотря на досадное отсутствие некоторых людей на месте в нужное время. Например, пришлось срочно искать другого виолончелиста. Времени ушло больше, чем он рассчитывал. Александр был то крут, то мягок и внушал коллегам уважение своим стремлением к совершенству исполнения. Музыканты оркестра жертвовали своими летними отпусками, домашними делами, чтобы не подвести Жуцкого.

Таня прилетела в столицу в чудесное июльское утро. Александру удалось выйти на верхнюю открытую площадку здания аэропорта Домодедово, и когда сообщили о прибытии самолета, он нашел взглядом серебристую сигару, вырливавшую со взлетно-посадочной полосы на стояночную площадку. Ему казалось, что в медлительности лайнера таилась весомость явления Тани. Когда подкатил трап и по нему стали спускаться вначале синие фигурки экипажа, потом вереница пассажиров в разноцветной одежде, Александр разглядел Таню. Она была в своем блестящем синем плаще, похожем на плащи стюардесс, и у нее на шее был красный газовый шарфик. Композитора охватил прилив сил, и тут же он подумал, что его бурная радость есть то, что он так и не дописал в симфонию, потому что в этом состоянии писать музыку просто невозможно.

Он спустился в зал для встречающих и смешался с толпой людей, напряженно смотрящих в еще пустой коридор. Минут десять спустя — они показались ему вечностью — там показались первые пассажиры, то были спортсмены и торопыги, стремившиеся успеть к своим делам в столице как можно скорее. Таня шла не спеша, уверенная во встрече с Александром, и, заметив его, махнула рукой. Пройдя стеклянную дверь, она подошла, и они с Сашей обнялись. Отстранилась, чтобы лучше рассмотреть его. Отметила про себя элегантный костюм, аккуратность во всей одежде, тщательно причесанные волосы.

— Какой ты! — воскликнула она с радостью.

— Какая ты, — отозвался он, любуясь, — у меня!

— А ты у меня! — повторила она, и они под руку пошли в багажное отделение за чемоданом.

— У тебя багаж? — спросил он.

— А как же! Наряды! — подчеркнула она, улыбаясь.

Часом позже они подъехали на такси к его большому девятиэтажному дому, потом в арку и узкий двор. Лифт в подъезде был вполне современен, Таня удивилась чистоте стенок кабины. На самом верхнем этаже лифт остановился, они подошли к массивной двери, Александр позвонил и в нетерпении открыл ключом замок. В коридорчике их встретила Евдокия Михайловна, очарованно улыбающаяся:

— Здравствуйте, молодые люди, какие вы красивые!

— Мама, это Таня! — сказал он с гордостью и нежностью, обнимая подругу за плечи.

— Проходите сразу за стол, я тут приготовила, — захлопотала пожилая женщина.

— Ой, мама, мы пойдем на балкон, я покажу Тане город, — сказал Александр и увлек подругу через свой кабинет, где она отметила пианино и портрет Бетховена, на обширный балкон:

— Смотри, видна колокольня Ивана Великого!

Она всматривалась в панораму города и заметила две рубиновые звездочки и колокольню, блестящую золотом куполов в свете поднимающегося дневного солнца:

— Вижу, там звездочки. А высотное здание — это что?

— Просто жилой дом на Котельнической набережной. А левее видны еще высоты гостиницы «Украина» и Министерства иностранных дел на Смоленской.

— А здание, где ты репетируешь, видно?

— Нет, это невысокое здание, вон в том направлении. Мы там будем завтра.

— Уже завтра? Исполнение симфонии?

— Да! Знаешь, время так спрессовано! Но до разгара отпусков мы успели. Хотя кое-кого пришлось уговаривать. Удалось!

— Ты говоришь отрывисто, будто торопишься.

Он продолжал рассказывать о разных примечательных зданиях и уголках центра столицы, а Евдокия Михайловна, сидя в столовой, радостно прислушивалась к переливам его голоса — так вдохновенно он никому еще не описывал город. Потом он спросил об общих знакомых, о Куприянове, и она передала рассказ Ник-Ника о последних событиях в институте.

Когда они сели втроем за стол, Евдокия Михайловна взяла инициативу разговора на себя, и основной темой стал, конечно же, ее Саша, перипетии его учебы и начало карьеры. Таня чему-то удивлялась, на что-то восхищенно восклицала, но больше просто улыбалась, так как многое открылось для нее впервые. Александр иногда смущался, иногда отговаривал мать рассказывать некоторые подробности их жизни в Ленинграде и в Москве. «Ну, мама, отказались грузчики, и мы тащили — что, это важно? Притащили же». Евдокия Михайловна попросила:

— Саша, скажи, как сейчас проживают твои творческие планы? Ты полностью доволен?

Он повернул голову к окну, словно облака в небе могли помочь ему ответить на непростой вопрос:

— Знаете, мои дорогие, полного довольства у меня никогда не бывает. Я давно вынашиваю идею такого мюзикла, который помогал бы молодежи избавляться от засилья попсы, дурновкусия, угарного кайфа. Понимаете?

— Ой, как интересно! Ты сказал «попса», а есть же популярные певцы, им даже звания народных присвоены, и есть их любители и даже фанаты — это как? — спросила Таня.

— Популярные певцы... тут все не так просто. Песни их гуманны, доходчивы, хорошо действуют на публику, объединяют. Но бывает, что коммерсанты раскручивают и таких, с позволения сказать, певиц, которых на пушечный выстрел не надо к эстраде. Китч, эпатаж. Как и в природе: есть чистое течение реки, а тут же вдоль берега есть и грязная пена.

— То есть твой мюзикл будет как прививка от дурного, да? — спросила Евдокия Михайловна.

— Да, примерно так.

— А завтра что у тебя состоится?

— Завтра в Гнесинке — генеральная репетиция моей симфонии. Идем втроем, готовьте ваши наряды и прически.

— Я готова, — сказала Таня, поправляя заколку в укладке волос.

— Я дам специальную шапочку, чтоб не смялись. И мне надо подготовиться. Я сейчас надену бархатное платье, а вы, Таня, скажете, как оно на мне. Может, где-то прихватить ниточкой. Ведь я с тех пор похудела.

— Конечно, прихватим, — ответила Таня простодушно.

Минула чудесная ночь, в высотах которой беседовали три счастливых души, пришло утро. Приведя себя в порядок и спустившись во двор, Александр с Таней и мамой пошли медленно к станции метро, лавируя в потоке прохожих. Он бы и рад был взять под руки обеих, но в толпе сделать это было невозможно.

Они явились в училище заранее. Александр усадил дам в середину пустого зала и пошел работать с оркестром. Звуки настраиваемых инструментов образовали хаотический фон. Евдокия Михайловна нашептывала Тане о своих посещениях этого зала, и той не было скучно.

Наконец наступила тишина, и они увидели за дирижерским пультом Александра во фраке и с палочкой в руке, в царственной позе повелителя действия. Симфония началась бодрой переливчатой мелодией, и движение рук дирижера слилось со всем движением оркестра. Главным действующим лицом стали не музыканты, а музыка. Тане стали вспоминаться события последних месяцев, но потом она спохватилась, что отвлекается от восприятия симфонии, в которой шла борьба двух основных тем, вероятно добра и зла. Потом обе темы растворились в многоголосье, подобно тому как зеркало троллей в сказке Андерсена разбилось на множество кусков, и в этом космосе участников битвы можно было потеряться. Потом возникло что-то... она почувствовала сразу — это была мелодия любви, созвучная теме добра. И разгорающаяся мелодия любви вознесла тему добра вверх. Снова вспыхнула борьба, драматическая и многообразная. Таня снова отвлеклась от музыки, и ей стало казаться, что ее видения важнее, чем сама музыка. Возможно, для нее в тот момент это было святой и истинной правдой!

Ольга ВИКТОРОВА

О ЧУДЕСНОМ

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ

Где-то там, где нас нет, зеленее листва,
Ярче солнце и «котики-бантики».
Мы стремимся уехать из пункта «А»,
Как в учебниках по математике.

Мы — такие! Экватор бы обогнуть!
Больше мира! И больше движения!
Зная скорость и время, найдите путь,
Как в задачке на умножение.

Перемножил? Отлично! Пиши ответ.
Как не знаешь, в какую клеточку?
Говорят, хорошо где-то там, где нас нет,
И листва зеленее на веточках...

* * *

Если оглянуться в начало —
кричала,
рычала,
стучала —
Никто не слышал.
И не дó смерти, но огорчало.
Качало.
Причали
молчали,
и блекли крыши.

Если вправду, чаще болела —
и тлела.
Не пела —
терпела.

Ольга Сергеевна Викторова — поэт, родилась в 1984 году в Воркуте, живет и работает в Нарьян-Маре. Дебютировала в литературно-публицистическом, художественном журнале «Арт» (Сыктывкар) в 2023 году. Участница республиканского семинара молодых авторов в Сыктывкаре. Публиковалась в журналах «Нева», «Дальний Восток», в альманахах «Белый Бор», «Заполярье».

Никто не понял.
Где-то между черным и белым —
алела.
И тело
потело
не в тех ладонях.

Крыши обошла и причалы,
встречала.
Молчала,
а ты — услышал.
И для сердца вдруг зазвучало:
«Скучала?
Сначала?»

Ты дан мне свыше.

Я РОЖУ ТЕБЕ ДОЧЬ

Я рожу тебе дочь. Чтоб банты и косички.
Неумело, но разве плохи?
Я рожу тебе дочь. Чтоб в костюме лисички
С табурета читала стихи.

Чтобы да, Дед Мороз! Борода чтоб и шуба!
(В этом деле же нет мелочей!)
Чтобы голос был ниже, но все же не грубый.
Торт и елка. И много свечей.

Я рожу тебе дочь. Сарафаны, сандали,
И разбиты коленки опять.
Чтоб к тебе через двор эти ножки бежали,
Чтобы ручки спешили обнять.

Я рожу тебе дочь, чтоб она по секрету
(И в унынии, и в озорстве)
Говорила с тобой и о том, и об этом,
Что творится в ее голове.

Чтобы на руки брать и кружить до упаду,
В сердце эти минутки храня.
Я рожу тебе дочь. Кареглазку. Отраду.
Лишь за то, что ты есть у меня.

О ЧУДЕСНОМ

Кошка дремлет в кресле,
Тянется вальяжно.
Никакое «если»
Мне уже не важно.

Тесто в кухне спеет,
Пахнет сдобой свежей.
Смысла не имеет
Никакое «прежде».

Мысли — на поверку,
Чувства — как улики.
За стеклянной дверкой
Книги, книги, книги...

Лампа пожелтела,
Светит на страницы.
Все, как я хотела,
В действиях и лицах.

Кошка дремлет в кресле.
Самую большую
Книгу о чудесном
Каждый день пишу я.

СОЛОВЬИНОЕ

Соловьи поют весь май
Голосами светлыми,
Будто опустился рай
С неба предрассветного.

Соловьи поют в тиши
Снизошедших сумерек,
Будто бы другую жизнь
Нам с тобой придумали.

Тут черемуховый дух
Разметался на́долго.
Пахнет летом все вокруг,
А на небе — радуга.

Полуявь и полусон
На бумагу просятся:
Легкий, теплый перезвон
Из листвы доносится.

ВВЕЧЕРУ

Затихала — пронзительно, чисто, —
И разъяснилась, и затемнела.
Обнимала прохладой росистой
Не спеша, но голубить не смела.

Сладким медом разлилась по крынкам.
Разнотравьем пахнула допьяна.
Торопила девичьи косынки
Собираться, пока до тумана.

Лес темнила неровной оборкой,
Будто глаза людского чуралась.
Ни души! Августовская зорька
Ввечеру почивать собиралась.

ГРЕШНЫМ

Посиди, отдышись, выпей чаю.
У тебя нет души. Ты — душа
Та, у кой в роли личного рая
Путь от паперти до шалаша.

Не ошибка, а будто нечестно.
Нет, не драма — идет и идет.
Пусть молитва твоя бессловесна,
Все тебе прощено наперед.

Оглядись-ка! Цветы расцветают!
Недалеко — так лучше пешком.
ОН тебя в самом деле прощает
Между папертью и шалашом.

Андрей МАКАРОВ

ЗОЛОТАЯ ЧЕШУЯ

Рассказ

Самолет оторвался от земли и натужно загудел, набирая высоту. Земля внизу была неровна и бугриста, словно лицо пожилого, махнувшего на себя рукой клоуна, а торчавшие тут и там, словно недобрита щетина, клочки густых темных перелесков только усиливали впечатление. Впрочем, чем выше поднимался самолет, тем симпатичнее делался вид. Неряшливые детали сглаживались туманностью воздуха, и вместо привидевшегося было лица возникала за иллюминатором игрушечная картинка обретающего объем глобуса: сплетались в загадочный лабиринт ломаные линии дорог, становились жилами драгоценных металлов холодные проблески рек, посверкивали, будто брошенные убегающей ведьмой зеркальца, небольшие озера и таинственные таежные болота. Где-то позади — уже и не разглядеть — остался город, широкий и шумный, но все же, как ни крути, провинциальный. Там в раз и навсегда размеренном ритме текли чьи-то жизни, собираясь в ручьи и речушки, но потоки эти, никуда не особенно не стремясь, собирались не в море и даже не в озеро — всего лишь в большое туманное болото. Блестящее сверху и беспощадное, по сути, ко всему живому, кроме разве что земноводных.

Ада улетала без сожаления. «Пусть лягушки сожалеют!» Она чувствовала себя небольшой юркой рыбкой, нащупавшей неожиданную протоку из застойного водоема и с легким сердцем устремившейся туда, где будущее было хотя и туманно, однако манило переменами, чудесами, опасностями и открытиями.

«Интересно — на земле каждое дерево особенное, а стоит подняться, и они перестают быть деревьями, утрачивают уникальность. Появляется общее неразборчивое название: „лес“. Что там в этой зеленой гуще? Поди отличи березку от рябинки. Высота равнодушна: ей чем предмет ниже, тем безымяннее... Хотя... Это ведь откуда смотреть. Птицы летают высоко, но для наблюдателя с земли они тоже — стаи. Только орлы индивидуальны. Но совсем не всякая птичка — орел. Чтобы тебя заметили, это ж какой надо размах крыльев иметь...»

На взлете, как всегда, кто-то заохал, кто-то взвизгнул. Ада пожала плечами — у нее то боязнь высоты отсутствовала напрочь. Бонус профессии. Воздушная гимнастка, цирковая девочка. Страх перед падением был купирован еще в детстве, когда папа начал ставить ее, едва достигшую трехлетнего возраста, на ладонь и поднимать выше

Андрей Викторович Макаров родился в 1976 году. Образование высшее финансово-экономическое, второе образование МВА ВШМБ АНХ при Правительстве РФ. В 2020 году в Издательстве Коми республиканская типография вышел художественный роман «Дорога к Белому берегу», в 2021 году роман выиграл конкурс Минцифры РК как социально значимая литература для комплектации библиотечных фондов Республики Коми. Публиковался в журналах «Нева», «Север», «Сибирские огни» и др. Живет в Москве.

собственной головы. И не просто поднимал — требовал сохранять равновесие, балансировать. Плакала, боялась, тряслась, но в один неумовимый миг паника ушла. Узенькие детские ступни стали органично реагировать на колебания руки, включились позвоночник, плечи, голова... И потом уже она сама просила отца: «Падими!!!» И он поднимал, поворачивал, учил спрыгивать, кувыркаться в воздухе.

Самолет лег на крыло, потом на другое, отыскал курс. Земля отдалялась, даль смыкалась в круг, превращалась в арену. Что ж, все как всегда. Никаких поводов для беспокойства.

Звякнуло оповещение, погасло требование пристегнуть ремни. Ада привстала, отстегиваясь, и быстрым взглядом окинула салон. Теперь, когда пассажиры уже не стояли в проходах, распахивая «невпихуемую» ручную кладь по верхним багажным ящикам, их можно было рассмотреть повнимательнее. Но взгляду не за что оказалось зацепиться. Средние лица, средние фигуры, средняя одежда — люди и есть люди. Тут они — пассажиры, а когда глядишь сверху из-под купола цирка, называются «публикой».

Ада вновь села и прислонилась лбом к стеклу иллюминатора. «Расстояние имеет значение. Стаи птиц ловят комаров, лес дает древесину, публика гремит аплодисментами и платит за билеты. Ничего личного. Совсем ничего. Ни имени, ни личности. „И надеюсь, что это взаимно“. Тебе хлопают, пока ты кувыркаешься под куполом, шпехштаймейстер громко оповещает всех о том, что смертельный трюк выполняет Ада Пуш, но стоит публике выйти из дверей цирка, она распадается на индивидуальности, а ты становишься частью одной большой безликой общности: „цирковые“... И кому какое дело до уставшей Ады Пушкиной, бредущей в гостиницу отдыхать. Сколько лет уходит на то, чтобы сделаться узнаваемой, сколько за этим трудов, сколько разочарований. А если разобраться, то что взамен? „Простите, а можно с вами сфоткаться? А автограф не дадите? Можно прямо вот тут, на пакете с чипсами!“ Стоит оно того или нет?»

Ада усмехнулась: «Конечно, стоит! Куда я денусь с подводной лодки? Мы — цирковые — на успех подсажены, как на морфий! Фуророманы...»

— ...И не думай сомневаться! Еще немного — и полный успех! Прорвемся! Зря, что ль, я тебя с малолетства по тренингам и конкурсам таскаю? Заслужили! В одни эти ваши дефили сколько бабла вложено! А макияж? А платья-костюмы? Это мне надо было сомневаться, если на то пошло: мои ж кровные — папочки твоего треклятого алименты — в твою судьбу вбуханы. Ан вот и результат! Летим, Владка, летим! И не куда-то, а в Первопрестольную! На финал!

Ада вздрогнула от неожиданности, отняла голову от стекла иллюминатора и повернулась. Решительные интонации и хриловатый голос принадлежали соседке — полноватой крашеной блондинке лет под пятьдесят. Обращалась женщина к молоденькой девочке, похожей на Барби в китайской версии, сидящей рядом с ней по другую руку. Правда, кислое выражение лица юной собеседницы с энтузиазмом матери не гармонировало.

— Ну, ма-ам...

Ада вспомнила их циркового клоуна — дядю Лешу, или, для афиши, Бим-Бома. Тот всякий раз выдавал на манеже новую репризу, удивительно точно попадая в стиль «человека из народа», хотя сам был дядькой начитанным и большим любителем поэзии. «Откуда вы это берете так точно, дядь Леш?» — спросила она как-то у него.

— Подслушиваю.

— Как это?

— А ты подмечай. У простого работника на все случаи жизни штук десять заготовленных интонаций. И столько же реплик. Если комбинировать, получается хорошее разнообразие. Узнаваемое.

Вот и ответ девушки прозвучал узнаваемо. «Ну, Ви-ть!..» — это когда молодой человек зажал вечером у забора и лезет нетерпеливой горячей ладонью под кофточку. Когда положено сопротивляться, но и самой хочется чего-то эдакого, запретного и не по возрасту. «Ну, Лари-ис!..» — а это когда подружка-дрянь сомневается, дать ли поносить на школьный вечер новые сережки. «Ну, Марь-Иванна!» — это когда вместо вожделенной тройки в дневник вписывается жирная красная «пара». И тут вот — «ну, ма-ам!..»

— Сколько раз я тебе говорила, не смей «мамкать»! Зови меня по имени. Привыкай заранее, а то в Москве при всем народе брякнешь.

— Ладно, Галя... — в интонации прозвучала покорная обреченность. Следы многодневной домашней муштры и дрессировки.

— То-то. И что тебе не нравится, не пойму?!

— Ничего не нравится! — девочка решила продемонстрировать самостоятельность. — С чего ты взяла, что вообще какой-то результат будет? Отобрали по заявке, портфолио зашло — это еще ни о чем. Запросто можем зря туда-сюда смотаться.

— Не тупи! «Отобрали»! Таких портфолей у жюри было тысячи полторы. А пригласили тебя. Не зря, значит, с нас Гришка-фотограф тридцать тыщ слупил. Вернемся, поставлю ему пузырь бонусный. Чтобы оптика в глазах не потела. Кстати, дорогу-то оплатили. А она немалых денег стоит!

— Ма... Галя! — в голосе прорезалось легкое превосходство. — «Портфолио» среднего рода. Оно — «оно».

— Да хоть «она»! Главное результат! Не умничай!

— Какой результат? Там пятьдесят претенденток в финале — конкуренция «вырви глаз»! — зло фыркнула Владка. — Все места и номинации заранее раскуплены. И у всех мамышки в победе уверены. А мы, типа, особенные? Забесплатно на пьедестал?

Блондинка на секунду сбилась, прикусила губу, но быстро сменила тон и напор с восторженно-энергичных на вкрадчиво-убедительные.

— Не менжуйся. Уныние — смертный грех! Как наш отец Филимон говорит: «Хочешь в рай — не пугай на исповеди!» Сколько мы с тобой трудились, старались! Случайных побед не бывает. Попала в отбор, значит, так судьба распорядилась, ангел-пособник помог...

— Не судьба, а ты! Вы меня с теткой Глашей в областной конкурс чуть не тапком в попу пропихали. А я, между прочим, не хотела. Так и знала, что перед олдэми со свинными харями икру метать придется. То им пантомимы, то им танец, то им песню, то «а теперь быстро переоделись в купальники и встали по номерам»! Типа, все по-взрослому. Только толку-то что? Вертелась, как белка в колесе от «Лады» в ДК этом с тараканами. И вот тебе, Золушка, награда: «вторая вице-мисс», корзинка с дешманским парфюмом да годовой абонемент в фитнес для престарелых. Кринж какой-то! Перед днюками краснеть.

— А что ты хочешь? Что хочешь? С разгону и сразу в дамки? Так не бывает. Хочешь подиум покорять — играй по правилам. Мало что потрудиться надо, а еще подстроиться, понравиться, своей стать... Рыбу в ресторане тоже не сразу из икринки на стол несут. Сперва вырасти, выкорми, перчиком посыпь, лимончиком укрась, на блюдо серебряное выложи. А уж потом клиенту счет выставляй, какой хочешь, пока он от роскоши бдительность потерял.

— Ой, да не надо меня агитировать! Кто в курсе, те все уши прожужжали: не родись красивой, а родись... со связями в жури.

— Владка, связи связями, но и природа имеет значение. Ерша под осетра не загримируешь ни за какие бабки. Тебя вон хоть завтра на рекламный щит вывешивай. В семнадцать лет расцвела — будьте нате! Да на тебя глядя, сам Голливуд соплями бы умылся от зависти. Порода-то первосортную не скроешь. Что рост, что фигурка, что грудь, губы... Люкс-бинилюкс! Любой юрист поймет, какого класса девочка! Главное, случай не упустить. У нас в городе и корзинка с парфюмом за счастье, а тут шансы другие. Тут столица!

— И че? Мало что ли таких прилетит за шансами?

— Может, и много. Но если не лететь, то слаще парфюма того никогда ничего не увидишь. Гляди вон хотя бы: Водянова в Нижнем на рынке фарцевала, а теперь супермодель. Весь мир ее знает. За одно только имя на афише миллионы платят. А без грима там, между прочим, без слез и смотреть не на что. Ей до тебя как на мопеде до Хургады и обратно!

Ада с интересом оглядела Владку-конкурсантку повнимательнее. Девушка была упакована в модный хлопковый костюмчик светло-бежевого цвета с золотистой тесьмой на рукавах и штанах. Каштановые волосы собраны в два симметричных пышных пучка по бокам головы с распущенными в стороны свободными прядями. Несколько коротких, не собранных в пучки локонов спадали на лоб, не позволяя оценить его высоту. Пухлые от природы губы были старательно подпорчены толстым слоем алой помады, аккуратно подведенные карие глаза с длинными ресницами выглядели крупными и выразительными, но и их упрощали дорисованные стрелки. «И зачем ей, — подумала Ада, — „боевая раскраска“ в самолете? Проход ведь не красная дорожка, а пассажиры — не зрители».

— Ты как на продажу меня везешь, — с досадой оценила аргументацию матери Владка, поправляя рукой на шее небольшой кокетливый красный бант, повязанный в стиле собачьей чемпионской ленточки.

— А ты чего хотела? Народная мудрость так и говорит: «У нас товар — у них купец». Упаковка должна соответствовать, — со смаком произнесла женщина. — Хочешь кататься — полезай в кузов!

В проходе звякнуло. Владка, словно легавая, вставшая в стойку, вытянула шею и приподняла подбородок, рассматривая, как в дальнем конце прохода стюардессы покатили тележку с напитками. На груди девушки блеснула, усиливая впечатление от бантика, золотая подвеска в виде двух закольцованных рыбок, украшенных мелкими бриллиантами.

— Еду везут! Отстой какой-нибудь, наверное.

— Ничего, потерпим и отстой покамест, — не унималась блондинка. — Станешь известной, тогда заживем! По приемам и фуршетам от завтрака до ужина ходить будем! Омаров, лангустов кушать будем и шампанским с «Амаретто» запивать. И чтоб тарталетки с черной икрой и мороженым на серебряном подносе. Настоящий стиль! Пять звезд! Официанты в белых передниках расшаркиваются. И мы — представь! — такие завидные, красивые. Обязательно в модных шляпках! Чтоб нас сразу видно было, за километр, как Киркорова или эту... как ее?.. лвицу-маникюрщицу. Точняк, в светской хронике будем на первых полосах... — лицо дамочки на мгновение сделалось наивно-мечтательным, но вскоре складки на лбу вернули себе серьезный излом, она наклонилась к дочке и негромко произнесла: — Подожди, мы еще всех этих бьютискаутов в бараний рог скрутим.

Ада кашлянула, замаскировав смех. Женщина повернула голову в ее сторону и, обнаружив, что соседка уже не смотрит в окно, а вроде бы прислушивается к разговору, присанилась и снисходительно пояснила:

— В Москву летим. Прошли в финал конкурса «Мисс Россия». Большая честь!

— Поздравляю! — улыбнулась Ада, уже в открытую рассматривая соседку.

Глубокое декольте леопардовой блузки, открывавшей взору слишком много пышной груди, и ожерелье из крупных бусин гранатового цвета на шее делали блондинку той самой «знойной женщиной — мечтой поэта» в исполнении Крачковской. Мясистые руки с разнокалиберными золотыми красноватыми кольцами на пальцах степенно покоились на короткой гипюровой юбке с алой подкладкой. «Да уж, в самолет как на банкет. Праздник, который всегда с тобой. Упаковка должна соответствовать... Китайская драгоценность, турецкий бренд, золотишко пять восемь три», — констатировала Ада.

— А вы чего в столице забыли? Отдыхать или по работе? — поинтересовалась между тем мадам.

— По работе.

— А чем занимаетесь?

— В цирке служу. Я гимнастка, — Ада решила сказать, как есть, ничего не выдумывая. — Вот в Московский цирк пригласили.

— В столицу пригласили?! Надо же! Ну конечно, ваша работа заметная, праздничная... На зависть.

— Праздник-то праздник, да труда много. Снаружи завидно, а на деле на манеже мало кто выдерживает. У нас никого со стороны и не бывает почти. Все потомственные.

— Неужто так трудно? А вы не думали тогда ориентацию сменить? С вашими данными вам и в модельный бизнес дорога открыта! — оглянувшись на дочь, блондинка добавила: — Если что, можем посодействовать. Вы очень даже симпатная.

Ада слегка поморщилась и засмеялась: слово «симпатная» непроизвольно срифмовалось с «компотная», а следом представился и граненый стакан — гордость «общепита», — наполненный полупрозрачной светло-коричневой жидкостью, где, словно в банке из Кунсткамеры, плавала она — изюминка вместе со сморщенными кусочками других сухофруктов.

— Да нет, что вы. Мне своего дела довольно.

— А что?! А вы задумайтесь! Серьезные люди в цирк не ходят, а вот на подиуме глаза оставляют. И не только глаза, кстати... У вас ведь, сколько ни крутись, выше гонорара небось не прыгнешь. А дефиля на то и сделаны, чтоб на дорожку выйти в Жмеринке, а закончить в Куршавеле! Заметят тебя — и в полет!

— Везде свои профессиональные требования, — улыбнулась Ада. — Внешность ведь и у вас не все решает, правда? Просто так никто ни в кого денег не вкладывает. Их потом отрабатывать надо.

— Да бросьте. Тут как карта ляжет, как симпатия разгорится. Большим дядечкам лестно красавице судьбу позолотить, оправу новую исправить. Идет такой где-нибудь в Париже по Бродвею, а вы с ним рядом — народ-то и ахает. Видит, что человек не простой, что связи нужные имеет и антураж миллионерский: дачу, машину с водителем, отели-мотели, спутницу роскошную... — соседка смотрела покровительственно. — Он же не просто так деньги имеет, ему признание требуется. Вот и выбирает себе девушку по рангу. Чем сам богаче, тем она красивше. А цирк в основном кто ходит? Обыватели, деревня всякая приезжая. Поразвлечься, поахать, над клоунами поржать. Вот этим подавай представление. А элита — она в высокой красоте разбирается, в натуральной, чтоб всё от природы. Им не трюки нужны, а ноги...

Владка тем временем листала экран своего айфона. Фотографии знаменитостей сменялись едой, еда — шмотками, шмотки — брутальными мужиками, мужики — котиками.

— Я по-другому думаю, — пожала плечами Ада, прерывая агитацию. — В цирк люди приходят за радостью, праздником, в детство возвратиться.

— Ой, девочка моя! Ну вы прям по учебнику. Да было бы куда возвращаться! Что там у элитников нынешних в этом детстве? — всплеснула руками женщина. — У любого олигарха в памяти навоз родимого коровника. Он туда не то что вернуться, обернуться боится! За плечами почти у каждого стандартный набор: восемь классов школы, техникум, где в общежитии, как в тюрьме. Потом перестройка с перестрелкой, ни родины, ни флага — одно слово: «братских народов союз вековой». Конечно, они по красоте скучают! Где ее видеть-то было? А тут как раз мы — «только добавь воды», в смысле денег. «Есть только миг — за него и держись», как говорят философы.

— Так человека хорошего и рядом встретить можно, если приглядываться, разве нет?

— Где?! — собеседница от возмущения чуть не подпрыгнула в кресле. — В нашем Старосибирске? Где только и слышишь с шестого класса: «Наши Галки и Наталки — сплошь дешевые давалки!» Или «что не сделает Галина за две дольки мандарина!» Эти, что ль, хорошие люди? Только и бережешься, чтоб в кровать в общежитии по пьяни не заташили. И дома то же: коли папаша на рогах домой приползет после трудовой смены, так беги на двор или под кровать прячься, чтоб не заметил. Жди, пока утомонится и заснет. А то такое высшее образование по заднице пропишет, чтоб свою родительскую заботу обозначить — неделю с красным дипломом ходить будешь...

— Бывает, конечно, — Ада решила не спорить. — Но у меня тут своя правда.

— Романтика в вас, молодых, пока не выветрилась, красивой жизни в кино насмотрелись, а у нас, милочка, правда поправдивей... — посчитав продолжение беседы бессмысленным, соседка выдохнула и принялась копаться в сумке. Выудила из ее чрева сложенную вчетверо стопку печатных листов, развернула их, прищурилась, и, обозначив деловую активность, принялась вчитываться в текст. — Так, Владка, а что у нас там на третий день по программе-то?

— Мам... Галя то есть, че, я нанялась, что ль, все помнить? — буркнула девушка, не отрывая взгляд от своего смартфона.

«Почему я — это я? Как я стала той, кто я есть, и почему я не сделалась этой юной килькой, плывущей со своей беспардонной Тортиллой на конкурс красоты?» — подумала Ада и, прислонившись вновь к иллюминатору, погрузилась в воспоминания.

* * *

«Браво! Брависсимо! Браво!» — восторженно вскрикивала, свистела и рукоплескала публика, полностью заполнившая амфитеатр на анатолийском побережье. Нет, нет, это не было приветствие актерам пьесы Аристофана, Эсхила или Софокла, или ответом на бравурное приветствие идущих на бой гладиаторов, или единым порывом сопереживания мятущемуся на подмостках Гамлету. Отдых есть отдых: какое уж там «быть или не быть?» Курортнику подай шведского стола и зрелищ.

Бурные овации предназначались ей — семилетней белокурой девочке в блестящем золотом коротком платье-купальнике. Два парня-гимнаста, взяв с разных сторон за руки и ноги, вращали ее в воздухе, словно скакалку, через которую энергично прыгал папа, двадцатисемилетний глава небольшого циркового коллектива, колесившего в летний сезон по прибрежным отелям Турции. Родители называли романтиче-

ское «турне» коротким прагматичным словом «чёс» и вечерам скрупулезно пересчитывали заработанное. Ну а ей просто нравилось быть центром внимания пестрой, как прибрежная галька, толпы. В конце выступления труппа строилась на сцене в сложную акробатическую пирамиду, на вершине которой была она — «золотая» девочка.

— Ты в порядке, Ада? Все хорошо? Справишься? — спрашивал папа перед каждым выступлением.

— Конечно, — совсем по-взрослому отвечала Ада. — Не переживай. Не впервой.

— Она постарается, — слышала девочка ласковый голос подходящей сзади мамы.

— Мама, а мороженое же будет после выступления?

— Проголодалась уже? — вздохнула мама.

— Ага, — кивнула девочка. — Сосет.

— Потерпи. Будет тебе и ужин, и мороженое. Ты же знаешь, перед выступлением нельзя наедаться.

— Знаю, мама. Я ж понимаю.

— Ты молодчина.

— Папа, а ты всегда хотел стать артистом?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну это же так здорово, когда ты делаешь людей веселыми, и они тебе за это хлопают. Им ведь тогда не грустно.

— Да, рыбка моя, они смотрят наше выступление и забываются. Им весело и хорошо. И они ни о чем не думают.

— Совсем, совсем не думают? Разве так бывает?

— Так они же на отдыхе, — усмехнулся папа и пригладил рукой взмокшие от пота белобрысые волосы. — Мозгам тоже нужно отдыхать.

— Когда я вырасту, я стану настоящей артисткой, — произнесла тогда Ада.

— Звезду тебе над головой, овации в зале и гонорар в мешок! — так отреагировал проходивший мимо дядя Леша Бим-Бом.

* * *

«Да, девочка стала артисткой. „Girl, you'll be a woman soon...“¹ Настоящей артисткой. Призером международных соревнований и конкурсов. Известная труппа сделала тебе предложение стать частью их коллектива, жить в Москве, выступать в Московском цирке и по всему миру. Родители теперь довольны — сбылась мечта. Теперь, можно сказать, династия».

— Слушай, Владка! Ты ведь там совсем одна будешь три недели в санатории! — опять прервал мысли Ады хриплый голос соседки. — Меня-то к тебе не пустят теперь уже до самого финала. Дескать, по их опыту родители только отвлекают и мешают подготовке. Скажите, пожалуйста, как я могу мешать родной дочери?! Ну да бог с ними... Поэтому я тут подготовила тебе всякие выдержки с Интернета, — женщина зашуршала печатными листами в руках, — что главное, как себя вести, какие вопросы могут быть на конкурсе.

— Вот ты, мама, неугомонная. Ну и че там пишут?

— Итак, начнем с главного: «Будь всегда позитивна и дружелюбна. Выполняй то, что говорят. Помни, с тобой наблюдают. Забудь о зоне своего комфорта. Будь активна и всегда на виду».

— Вау. Мам, ты у нас претендентка на звание «миссис очевидность», — скривилась Владка, продолжая тыкать пальцем в смартфон.

¹ Девочка, ты скоро станешь женщиной (англ.).

— Так, ладно, — женщина перевернула страницу и продолжила: — «Конкурс „Мисс Россия“ — это не только про красоту, а про образ девушки в целом. Мисс — это не только красивая внешность, это энергетика, искры в глазах, плавные движения рук, повороты головы, походка, осанка, речь и еще многое другое. Мисс — это эмоции, настоящие и неподдельные. Мисс — это искренность, естественность, легкость».

— Издеваешься? Или ты просто решила меня сегодня так побуллить? Я и так все эти отборочные туры была как шелковая. А ведь там знаешь как: живот втяни, голову поверни, волосы убери, улыбнись так, улыбнись сяк, еще и зубы покажи — будто я не человек, а рабыня на рынке. А эта самодовольная визажистка с вонючими дредами... Сама краситься не умеет и еще мне что-то советует. Бесит! Фотки подъехали для буклетов — ва-а-ще отстой! А всё с умными мыслями лезут! — девушка раздраженно выключила смартфон и убрала его в карман куртки.

— Рыбка моя, потерпи. Всякое бывает. Главное — это уверенно плыть к цели, — пожала плечами Галя. — Ты же хочешь стать известной моделью? Стать своей в тусовке! С нормальными культурными людьми общаться!..

— Не знаю... Что-то я засомневалась в своих «хотениях».

— Владка, сомневаться нельзя. Вот выступишь конкурс, тогда и сомневаться будешь, — сказала женщина голосом, не предполагавшим возражений, и переложила страницы в руках. — Вот, к примеру, некоторые вопросы, которые задавали участникам на конкурсах в прошлые года: «Назовите величайшие изобретения человечества...»

— Величайшее открытие, мам, это смартфон — все сейчас живут в нем!

— «Что бы вы выбрали: быть умной или быть красивой?» — продолжила мама.

— Красивой, конечно! Конкурс читала, как называется? Кому нужна умная уродина?

— «Что вы делаете, чтобы быть красивой?»

— Пилатес, аэростретчинг и помазульки. И сон! Я мало того, что красивая, я еще и добрая после хорошего сна.

— Это да, — согласилась женщина. — Если не выспишься, к тебе на хромой кобыле хрен подъедешь. «Какой ваш любимый литературный персонаж?»

— Этот... как его... Ричард Гир из «Красотки».

— Владка, это актера так зовут, а не героя. И это фильм, а не книга. И вообще, это мой любимый персонаж и актер! Ты можешь назвать, например, Золушку. Хороший образ: из низов, усердно трудилась, за это попала на бал и выиграла место принцессы.

— Мама, ты хочешь, как в этой сказке, чтобы я после конкурса в замарашку превратилась, обратно в нашу хрущевку вернулась? Или ты думаешь, что современные мужики по всему городу в поисках бабы с туфель будут бегать? Они себе быстро новую найдут! В двух туфлях от «Гуччи». Если не на вечеринке, то в Тиндере точно.

— Ну хорошо. Тогда можно Ассоль из «Алых парусов».

— Еще лучше. Махнул мужик девке алой тряпкой, та сразу и растаяла. Так хочешь?

— Ну это же классика...

— Ага, классика, — глаза Влады сверкнули недетской жесткостью. — Полчаса ночью на пляже, соцпособие на ребеночка, а он перед новой телкой на другом пляже парусами семафорит. Еще проверить надо, своя ли яхта, а то, может, и прокатная.

— Ладно, согласна. Верно мыслишь! Витающих в облаках нам не нужно. Нам нужны герои серьезные, основательные, крепко стоящие на ногах... Такие, чтоб «для сержки из ушка вынул денег полмешка». Золотой рыбке — золотой поднос, — женщина приоткрыла рот и провела пальцами по кромке своих ярко-красных губ. — Ладно, подумаем еще, кого из героев можно назвать. Чтоб все, как надо, легло и с намеком... Итак, следующий вопрос: «Что заставило бы вас светиться от счастья?»

— Вот же глупые вопросы! Бриллианты, мама, бриллианты! Все знают, что лучшие друзья всех девушек — бриллианты. От них и сама девушка светится! Алмазы наше всё! *Diamonds forever!*² — Владка взяла в руки с груди кулон с рыбками, потеряла его большими пальцами. Рыбки отозвались тихим блеском.

— Нет, детка, так нельзя. Скажешь, что для тебя счастье находиться на этом курсе и ты счастлива, что в зале тебя поддерживают твои близкие. Мы с тетей Глашей вместе приедем — как раз привстанем и помашем!

— Угу. Как прикажете, мадам! Слушаюсь и повинуюсь.

— Так, следующий вопрос: «Кем вы мечтали стать в детстве?»

— Сюзанной Розочкиной, — мечтательно произнесла Владка.

— Какой еще Сюзанной Розочкиной? Кто это?

— Никто. Просто мне в детстве нравились это имя и фамилия! Они красивые.

— И чем это тебе твое имя не угодило? Зря, что ли, мы с моей мамой тебе его целый вечер выбирали?! Владислава значит «владеющая славой». Владислава Забоева — это звучит гордо!

— Мам, это пока никак не звучит. В Москве никто меня пока не знает.

— А Сюзанна Розочкина, значит, звучит?!

— Запоминается, — шмыгнула носом Владка.

— И нас запомнят! Еще как запомнят! Сначала мы работаем на имя, а потом имя будет работать на нас! Сюзанна Розочкина — это ж надо было такое придумать! — ухмыльнулась женщина и продолжила: — Так кем ты мечтала стать?

— Звездой.

— Звездой чего?

— Да без разницы чего, — флегматично ответила девушка. — Звезда — она и в Африке звезда! Все смотрят и восхищаются! Ты же сама, мама, мне так говорила с самого детства.

— Я?! Не помню. Но лучше скажи, что хотела быть балериной или вон — акробаткой. Звездой цирка! Отличный ответ, кстати. Вряд ли кто-то так же ответит. А вы, — вновь обратилась она к Аде, — что в цирке делаете? Какие трюки?

— Я воздушная гимнастка, канатоходка, — ответила девушка, отвлекаясь от иллюминатора. — Ходим с партнером под куполом по канату, ну и выполняю соло на трапеции.

Владка впервые с интересом взглянула на Аду:

— Фигасе! Но у вас же там страховка есть, если что?

— У меня есть. А вот мой партнер выполняет некоторые трюки без лонжи, без страховки. Наш парный номер один из самых травмоопасных в программе.

— Ну и вот зачем вам все это? — спросила Аду женщина. — Случись чего, не дай бог, конечно, и вы никому не будете нужны. Зачем так рисковать?!

— Я люблю свое дело. С четырех лет на манеже. Мои родители — цирковые артисты.

— Ясно, — цокнула женщина. — Родители в профессию затащили. Повели дитя по своим стопам.

— И да, и нет. Просто занимаюсь тем, что мне нравится, — спокойно ответила Ада. — Цирк — он без вранья. Под куполом понимаешь, что все зависит от тебя — и твое выступление, и твоя жизнь. В прямом и переносном смысле. Выполнила трюк или нет — только твоя ответственность. Вот это для меня важнее всего.

— Слышала, Владка? — женщина кивнула дочери. — Бери пример. Готовиться надо, а не груши околачивать! Вот тебе очередной вопрос: «Если бы вам пришлось объяс-

² Бриллианты навсегда (англ.).

нить инопланетянину, что из себя представляет Земля и земляне, что бы вы ему рассказали?»

— Что за треш?! Это правда спрашивают на таких серьезных конкурсах? — выдохнула возмущенно Владка.

— Добрый день! Что будете? Чай, кофе, вода с газом, без газа? — раздался сбоку вышколенный голос стюардессы, докатившей к их ряду тележку с напитками.

— Я кофе с молоком. Мам, заканчивай свою викторину и раскладывай столик, — сказала Владка, радуясь возможности прекратить репетицию.

— Мне тоже кофе с молоком. А кормежка, простите, когда будет? — спросила женщина стюардессы.

— У нас на борту для пассажиров предусмотрена одна раздача бесплатных напитков. Если вы хотите перекусить, то это за отдельную плату. Принести вам меню?

— Вот жлобы! Солидный конкурс, а билеты купили на бюджетный рейс. Даже жрать бесплатно не дают. Все за отдельные деньги, еще и втридорога, — возмущенно покачала головой женщина. — Интересно, а если мы заплатим, нам возместят расходы на питание?!

— Мам, ты что, голодная? Мы же перед вылетом поужинали, — удивленно вскинула брови Владка.

— Нет, не голодная. Но я из принципа.

— Ваш кофе с молоком, мадам, — стюардесса передала женщине наполненный буажный стаканчик и обратилась к Аде: — Вам, девушка?

— Можно мне, пожалуйста, чай с лимоном?

Ада пила горячий чай и задумчиво смотрела в темень за окном. Догнавшая их ночь смело вступала в свои права. Впереди, над еще синей полосой горизонта, за которой скрылось солнце, проступали во тьму первые звезды. Земля внизу была то тут, то там покрыта, словно золотыми чешуйками, сверкающими желтоватыми россыпями — огнями больших и малых селений. Девушку вдруг охватило щемящее чувство беспокойства.

«Как тревожна ночная Земля! Лишь люди зажигают на ней огни... Зачем мы здесь? — Ада, сама того не осознавая, задавала себе вопрос, ответить на который однозначно никому не удалось за тысячи лет. — Что от нас остается, когда мы уходим и наши огоньки гаснут? Дым кострищ или память о свете и тепле?»

Память вновь вернулась в детство. Она отчетливо помнила, как ослепительно блестя и переливались в свете софитов золотые чешуйки на ее эстрадном костюмчике, как она легкой, плавной поступью выбежала на сцену на повторный поклон, как задорно громыхнули аплодисменты в амфитеатре под открытым ночным небом, на котором огни большого города делали невидимыми звезды, а главное — как после за кулисами обнял ее папа, сказав: «Рыбка ты моя золотая! Гордость моя! Звездочка моя ясная!»

Ада нервно потерла рукой джинсовую ткань на колене и подумала: «Хотела бы я, чтобы ты был здесь, папа, чтобы поговорил со мной сегодняшней. Когда я была ребенком, меня одели в золотую чешую и закрутили, и с тех пор все кручусь и кручусь... Возможно, это моя судьба... А может, и нет. Кто я все-таки? Рыбка или звездочка? Скажи, папа».

— Уважаемые пассажиры, наш самолет приступил к снижению и будет готовиться к посадке. Просим вас занять свои места, пристегнуть ремни безопасности, привести спинки кресел в вертикальное положение, опустить подлокотники, закрыть откидные столики и открыть шторку иллюминатора...

Получив багаж, Ада направилась к выходу в зал ожидания аэропорта. Стеклопакетные двери автоматически раздвинулись перед ней в стороны, и толпа встречающих открылась взгляду — совсем другая, чем в провинциальном городе. Здесь ждали не один борт, а сразу несколько, кипели, подталкивали друг друга, вставали на цыпочки. Выходившие из зоны прилета люди останавливались, пытаясь в считанные секунды разглядеть лица ожидающих, найти среди них своих.

Чуть особняком от общей толчи держались те, кого в аэропорт прислали официально. У этих людей в руках были таблички: на них чаще всего было написано название фирмы или нарисована эмблема мероприятия. Невысокий парень в широких джинсах и полностью расстегнутой клетчатой рубашке навывпуск, надетой поверх ярко-зеленой футболки с каким-то мультяшным рисунком, приветливо улыбнулся и озорно поднял высоко вверх большущий лист ватмана, на котором красным маркером было выведено: «Звезда цирка мисс Ада Пушкина».

За спиной раздался недовольный хриловатый голос:

— И где наши встречающие? Я надеюсь, нам по статусу нормальную машину предоставили, или опять сэкономили? А вон! Вижу! Алё! Мы тут!

— Где? — спросила Владка, подтягивая к себе за ручку коричневый брендовый чемодан на колесиках.

— Да вон, глаза-то разуй наконец! Полполета проспала, как сурок, — указала пальцем женщина на рыхлого мужика лет сорока в черном помятом костюме, белой классической рубашке с узким черным галстуком. С равнодушно-утомленным видом он держал в руках небольшую пластиковую рамку, в которую был вставлен белый лист, где в две строки крупным текстом было напечатано: «Мисс Е-бург».

— Ишь ты! Акробатку нашу по имени встретили! — заметила удалявшуюся смеющуюся Аду Галя. — А эти че? Ну, пойдём, рыбка моя. Взбаламутим ихний омут.

ЗИМНИЕ РАССКАЗЫ

КИРПИЧИ

И часу не прошло, как Кирилл уехал с объекта — позвонил Тимур и сказал, что течет подвал. Кирилл сначала даже не поверил. Подумал: рабочий это нарочно сочинил, чтобы вызвать Кирилла на денежные разборки. Но вот звякнул «WhatsApp»¹, пришла размытая фотка: половина подвала, там, где еще не успели положить керамогранит, и правда залита водой! Кирилла будто лбом об стену ударили. Он осадил старый «паджеро», дождался левого поворота, развернулся и помчал обратно в СНТ «Грин Винд».

Мимо в сумерках проплывал зимний лес, мелькали еловые лапы в белых рукавицах, мягко сеялся на землю снежок. Не может быть! Откуда натекло?! Час назад он трогал стены: едва влажные. Конденсат, обычное дело. Невозможно, чтобы столько! С сентября, с тех пор, как сделали ливневку, протечек не случалось. Теперь заказчик черта с два заплатит! Как же Кирилл с Жанной будут отмечать Новый год?! Кирилл забронировал ресторан, номер с видом на Кремль — специально, чтобы помириться. Где теперь деньги на эту роскошь взять?! Кредит не дадут: он давно у банков в черных списках.

Если он не успеет до тридцатого, заказчик, старинный школьный друг Петя — ныне большой человек в «Газхолдинге», — не въедет на праздники, а ведь там серьезная публика приглашена. К тому же об этом моментально узнает Жанка: они общаются с Петинной женой. Вот и выйдет, уже не в первый раз, что Кирилл — неудачник и трепло. Еще летом, перед тем, как любимая съехала, он обещал закончить «тевтонский замок» к концу сентября, клялся, что вот-вот порешает финансовые проблемы. Порешал, нечего сказать. Он давно чувствовал, что с «замком» все не слава богу. Он в эту стройку (а особенно в уникальные кирпичные скульптуры собственного авторства) всю душу вложил. Не давался объект Кириллу, выстреливал подлзянками, взбрыкивал. Не мог и под конец не поднести фатальной лажи.

В восемь Кирилл подкатил к шикарным кованым воротам с лианами и львами. Открыл с брелока, въехал на парковку. В белом свете фонарей сыпал и сыпал частый снег, однако отпечатки протекторов еще не занесло. Каких-то два часа назад все было хорошо, они с Петей обошли объект, зафиксировали последние косяки, долго жали руки перед тем, как разъехаться.

Евгений Леонидович Топчиев родился в 1980 году в Москве. Окончил мастерскую прозы писателя Ольги Славниковой в «CWS». Две книги выпущены издательством «РИПОЛ-классик». Лонглист международной литературной премии им. Фазиля Искандера (2024). Финалист конкурса «Все счастливые семьи» на портале «Год литературы» (2024). Финалист международной литературной премии им. А. И. Левитова (2025). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Аврора», «Пролиткульт», «Новая литература». Живет в Москве.

¹ Компания «Meta» признана в России экстремистской организацией.

— Ты уж доделай, старик, обещаешь? Последний рывок, а? А то и так в зиму ушли... Мне уже, честно, перед родней неудобно.

Сейчас Кирилл накрыло ощущение дежавю. Как будто все это уже было в его жизни — вот такая зима, фонари и собственные следы на нетронutom снегу. И поднимался он точно так же к темной громадине дома по широкой пологой дорожке, вглядываясь в едва светящиеся окна. Где-то там внутри затаился Тимур: наученный хозяевами рабочий никогда не жег электричество по чем зря, оставлял на ночь одну-две лампы на весь дом — чтоб не оббивать углы. Так и жил в полутьме, нелюдимый привратник.

А вот и тевтонцы. По обеим сторонам крыльца, подсвеченные снизу, стоят рослые кирпичные рыцари без лиц, с чугунными щитами — Кирилл их сам сложил, по любимой своей технике: из цельных и половинчатых, распиленных вдоль и поперек брусков из обожженной глины. Пять лет назад Кирилл изваял первую пару для одного военно-исторического клуба в ЦАО и совершенно неожиданно получил престижную премию как архитектор малых форм. Скульптор-новатор, внесший пусть малый, но безупречный вклад в облик города. Петьке, прознавшему об успехе одноклассника из «ВКонтакте», тевтонцы так понравились, что он заказал Кириллу дюжину, а заодно и доверил строить родовое гнездо.

Перед тем как отворить тяжелую дубовую дверь, Кирилл застыл на секунду, положил ладонь на плечо ближайшего крестоносца — наверное, чтобы заручиться его поддержкой, мало ли что ждет там, внутри. Кирпич показался Кириллу горячим, словно внутри у рыцаря имелась маленькая печь.

Войдя в дом, Кирилл врубил сразу все выключатели, щедро осветил огромную гостиную. Разулся, поставил кроссовки на тряпку, чтобы не натекло. Нацепил шлепанцы.

Скользнул взглядом по камину, стилизованному под готический собор, и остался доволен. Повторно отметил неряшливо выведенные швы на декоративной стене, разделяющей кухню и гостиную. «Это халтура, это ты мне, дружок, переложешь. И пока не исправишь, не видать тебе расчета» — так сказал он сегодня Тимуру, оттого рабочий на него обижен — да и черт с ним! Довольно прощать чужие огрехи и самому за всех переделывать.

Из спальни выплыл Тимур в самодельных картонных сандалиях: зажмурился на яркий свет и как-то словно съёжился, стал еще тщедушней, чем был.

— Ты пьяный, что ли? — строго спросил Кирилл, оглядывая рабочего, — А ну-ка дыхни...

— Э-э, кто пьяный? Только чуть-чуть выпил! Сегодня у дочки день рождения!

— Поздравляю, — смягчился Кирилл. — Сказал бы, я бы торт привез... Ладно, води, показывай!

Тимур развернулся и, чуть сгорбившись, пошаркал в глубину дома, к лестнице, ведущей в подвал. За ним тянулось густое водочное амбре. А ведь Бога то и дело вспоминает, на любое замечание Кирилла возражает: «Э, Бог так не велит!»

Спустившись, оказались в небольшой удобной мастерской с отлично освещенным верстаком и компактными японскими станочками. Тут Петр будет учить сыновей редкому по нынешним временам искусству — работать руками. В мастерской было сухо.

В дальней стене — арка из кирпича, проход в котельную. Арку сложил Тимур — вот здесь хорошая работа! Рядом — остатки материала. Аккуратная рыжая стопка тяжелых брусков. Но вот за этой аркой пол мерцал и слегка колыхался: *котельную затопило!* У Кирилла упало сердце. Он схватил со стены лампу-переноску, отодвинул Тимура, сунулся в проход: откуда течет? И вдруг увидел: кран на фильтрационной установке слегка отвернут. Кто-то его крутил! Точно не Петя! Неужели Тимур?! Но зачем?..

Он услышал сзади негромкий лязг кирпича... Не успел обернуться... Страшный удар по голове расколол мир на огненные куски. Кирилл рухнул на колени, повалился лицом в воду.

Снег... Набегающий снег, разлинованный санками и лыжами... Они с сыном несутся на снегокате с огромной горы. Он узнает исполинский склон на выезде из Красногорска.

Но вот они уже у подножия... Тут никого нет и тихо — сонная лощина, замерзшие деревца, журчит родник. Вода в нем прозрачная, из-под снежной кромки торчит косматая прослойка из черных листьев. Сын палкой ломает ледяные закраины. Ему лет пять. Копия Жанки! Приоткрытый рот. Скуластое, сосредоточенное лицо... Кирилл никак не может вспомнить, как зовут сына... Как он мог забыть?! Что стряслось? Почему так болит голова? Видно, падая, он сильно ударился затылком о заледеневший снег... Ужасно хочется попить из родника. Он ложится на живот, подползает к ручью, свешивается — не получается ухватить воду губами. Он вглядывается в свое отражение в роднике, видит в нем...

— А, начальник, проснулся!

Звуки долетали до Кирилла как-то криво, обрывками, искаженные эхом, как будто в гулкой, изрезанной ходами пещере. Где он? Кажется, он теряет сознание... Сквозь зыбкую пелену перед глазами проступала знакомая крашеная стена. На бетоне отпечатались доски опалубки: красивые древесные узоры. Он в подвале у Пети! Тщедушная фигурка расхаживает туда-сюда... И вдруг его словно обдало кипятком: потоп в котельной... удар...

— Тимур... — почему-то шепотом позвал он, — Тимур!

Попытался пошевелиться. Вышло только чуть покрутить головой. Адская боль в затылке — как будто огонь облизал обнаженный мозг. Кажется, он сидит на стуле... Руки, ноги привязаны. Свитер тяжелый, мокрый. Господи, это кровь!.. Капли на полу. Мазня возле кирпичной арки. Испятнанная подушка валяется в углу, простыня, какое-то тряпье... Как сказать Петьке?! Господи! Да эту мастерскую теперь никогда не отмыть!

— Дурак, что ты устроил! — облизнув сухие губы, с усилием проговорил Кирилл. — А ну, отвяжи меня... Быстро...

Тимур на это подскочил, размахнулся и ударил Кирилла ребром ладони по лицу. Из Кирилла будто выплеснулся мозг. Некоторое время он ничего не соображал, не существовал.

— Сейчас буду с тобой по-мужски говорить. Ты отвечать будешь, понял? — Рабочий склонил к нему перекошенное злобой лицо. — Где деньги? Где деньги, шакал? С собой есть деньги? В машине, а?!

— Отвяжи меня, — Кирилл хотел добавить «утырок», но раздумал, видя эти бешеные зенки: еще убьет, чего доброго. — Тимур, — строго сказал он, — послушай, Тим... Ты хочешь по-мужски... я готов... только отвяжи. Давай поднимемся... Посчитаем твои работы... Я тебе деньги отдам, и ты уйдешь, хорошо? Я дам тебе уйти. Обещаю!..

Новая затрещина — и опять Кирилл едва не вылетел из тела. Он будто витал под потолком и сверху смотрел на себя — кровавый куль, привязанный к стулу. Рабочий бежал перед ним, сжимая маленькие кулачки.

— Где бабки? Гони ключи от машины! — орал мучитель. Подскочил, стал охлопывать на Кирилле сырые джинсы. — Где, говори?!

— В куртке ключи, — прохрипел Кирилл. — Тимур... Перестань... Забери все, что найдешь... Отвяжи, у меня кровь идет... Можешь закрыть меня в доме... Ты успеешь уйти...

— Здесь сиди! — грозно выпучил глаза Тимур. — Я скоро приду!

Он убежал, шлепая сланцами, пятная пол Кирилловой кровью. Кирилл, рыча и стелая, оглядел себя. Рабочий скрутил его проводом от переноски. Причем не поспешил. Должно быть, потратил все пятьдесят метров. Кирилл дернулся, попытался порвать путы — едва не навернулся. Ноги примотаны кое-как, пожалуй, он даже сможет встать вместе со стулом, сколько-нибудь пройти, скособочившись... Левая рука, кажется, привязана не так уж прочно... Что если попробовать ее освободить? Кирилл стал что есть силы дергать плечом, подпрыгивая на стуле — путы врезались в кожу, занемели пальцы, — но потихоньку, миллиметр за миллиметром, кисть выходила из петли.

Однако он не успел.

Вернулся Тим, изрядно повеселевший, с Кирилловой сумкой и початой бутылкой водки. Еще бы он не был веселым! В сумке у Кирилла — сто тысяч налом. Бросил сумку на пол, подвинул себе стул, уселся напротив Кирилла, стал что-то искать в своем маленьком телефоне с надтреснутым экраном. Из динамика неожиданно заиграла «Звезда по имени Солнце». Поднялся, устроил телефон на верстаке и снова уселся. Свернул крышку с бутылки, запрокинул голову: буль-буль-буль...

Белый снег, серый лед на растрескавшейся земле...

В ритме песни двигался поросший черной щетиной кадык. Заглотив граммов двести, Тимур откинул бутылку в угол — на окровавленную подушку — и блаженно прикрыл глаза, притопывая в такт музыке. Тут Кирилл заметил, что у Тима в кулаке строительный нож. Он поигрывал, выдвигая и убирая лезвие большим пальцем. У Кирилла застучали зубы.

Одеялом лоскутным на ней город в дорожной петле...

Рабочий слегка шевелил губами, подпевая группе «Кино».

— Тим, отпусти меня. О дочке своей подумай... — тихо попросил Кирилл.

Тот и ухом не повел. Похоже, он впал в транс. Острые коленки в старых трениках подергивались, притопывали ножки в грязных сланцах.

...И две тысячи лет война, война без особых причин...

На этих словах Тимур вдруг вскочил, забежал справа, полоснул Кирилла по уху — там обожгло, как будто прислонили раскаленное железо. Отбросил нож, схватил там, рванул, поднес что-то к глазам Кирилла. Окровавленный хрящик. Все порозовело, расплылось.

...Красная-красная кровь через час уже просто земля...

— Не надо, Тимур, я прошу тебя... — зарыдал Кирилл. — Я же тебе ничего плохого не сделал!

— Будет тебя урок! Свинья! — Тимур, размахнувшись, швырнул ухо к ногам Кирилла. — Говори: я свинья!

— Я свинья! — послушно повторил Кирилл.

— Говори: я больше не буду Бога халтурщиком называть!

— Я не называл, — помотал головой Кирилл, — ты неправильно понял. Я про работу говорил!

— Говори: я больше не буду деньги чужие воровать!

— Я не воровал!

Горячая кровь сочилась из уха, щекотала шею, затекала под свитер.

— Че?! Сколько тебе хозяин дал за камин?!

— Сотню, — выдавил Кирилл.

— А мне сколько?! — зарычал рабочий. — Ничего не дал!

— Ты не доделал, — помотал головой Кирилл. — Тим! Забирай все, что в сумке, больше у меня нет! Толькопусти... Богом молю! Ведь он все видит!

Он почти высвободил руку... Еще чуть-чуть и... Он незаметно нащупал подошвами пол. Пожалуй, сможет...

И мы знаем, что так было всегда, что судьбою больше любим...

— Что ты про Бога говорил? А?! — опять заорал мучитель.

Кирилл, как во сне, увидел занесенную над ним руку с тусклым ножом.

Он рванулся вперед со стулом, ткнул изувера в живот головой, опрокинул, подмял под себя, сам оказался сверху, выдрал левую руку из пут и схватил рабочего сначала за запястье, заставил выпустить нож, потом за горло — стал давить, душить.

Тот захрипел, заклекотал. Глаза — черные, страшные, едва не вылезают из орбит. Маленькими, но поразительно сильными ручками пытался оторвать от шеи Кириллову клешню — не тут-то было! У Кирилла хват каменщика, может из кирпича воду выжать, что ему мягкое и податливое человеческое горло? Сейчас Кирилл его прикончит. Что ж, туда ему и дорога. Ну и что, что посадят? Может, оно и к лучшему... Все одно: он жизнь эту не вывозит... Тюрьма так тюрьма!

Человек, творение божье, бился под ним в страшных судорогах, выгибался дугой, как будто к нему подключили электрический провод, и вдруг затих.

Нет, не может он убить!.. Кирилл ослабил хватку, зашипел недвижному Тиму что-то угрожающее в его черно-багровое лицо, захлебываясь и плюясь, марая его собственной кровью. *Ведь я мог тебя задушить сейчас, звереныш! Спасла тебя чистая случайность. Бог увидел тебя в агонии и сжалился!.. Вместо этого я перережу пути, которыми ты меня связал, и поведу тебя в ментовку, — на тебе верхом поеду!*

Тут рабочий дернулся и открыл пустые глаза. Зашарил руками, будто выписывая солнце над своей дурной головой. И рука звереныша наткнулась на обломок кирпича, пальцы жадно впились, скрючились. Кирилл только успел заметить, что мордочка Тима на миг сделалась затаенно-коварной и торжественной. Звереныш резко выгнулся — и тотчас Кирилла вышибло из сознания... Он увидел ослепительно-белую звезду — и мир померк.

...Ему чудилось: вокруг дома ходят тевтонцы, бьются в двери, ищут вход. Он слышал глухой каменный скрежет суставов в их кирпичных телах, глухой перестук тяжелых ног. Они ступали по бетонной отмостке: КЛАТ-КЛАТ, долбили в заднюю дверь: БУХ-БУХ, и весь дом от их попыток войти содрогался, и даже каменный мешок подвала вибрировал. Его суровые, слепые дети!.. Они хотели помочь. Они стучали по газовой трубе: БАМ-БАМ — «Ты жив, отец?» И Кирилл слышал близкий грохот трубы, он даже видел ее — тонкую желтую вену под потолком — сквозь зернистую красноватую зыбь.

Интересно, где Тим... А впрочем, яснее ясного: сбежал с деньгами, наверняка уж в аэропорту, пытается улететь, пока его не схватили... А Кирилла запер в доме — сто пудов!

Страшно хотелось пить. Кажется, он полз — туда, где, он помнил, есть вода. Забылся. В горячечном бреду представлялось ему, как он пожирает снег. Хватает руками ледяную, водянистую кашу, набивает ею рот, и каша истает живой влагой... Но напиться не получалось: снег был соленым, горячим. Он нацеливался в арку и опять полз, царапая ногтями бетон. Вода! Он вполз в арку, вытянул шею, стал лгать с пола котельной — жадно, торопливо, как животное на водопое... Вода отдавала сырым бетоном, но ничего вкуснее, ей-богу, он в жизни не пробовал!

Потом отдыхал, уложив голову на стопку кирпичей. Он словно прирос к шершавым брускам своим окровавленным ухом — тем, что от него осталось. Из раны перестало течь. Кирпичи врачевали рану, они остановили кровь. Кажется, он заснул. И снова пришли тевтонцы — и снова гремели и шаркали вокруг дома, на этот раз они попытались попасть в подвал через низкое окно котельной. Светили себе факелами, опускали в бетонный приямок копы, царапали наконечниками стекло: ЗЯЗГ-ЗЯЗГ, отец, ты здесь?

В какой-то момент, очнувшись, Кирилл заметил в самом углу, в полуметре, от себя испятнанную бурым подушку. Приподнялся на локтях, прополз, подволок себя к ней, устроил на ней голову. Подушка была заскорузлой, но мягкой, не то что кирпичи! Он было успокоился, стал думать, как быть дальше, но тут ему резко подурнело. Из уха снова потекло. В потолке образовалась дыра — страшная вращающаяся воронка. Кирилла крутило, как щепку, затягивало в эту дыру; он умирал. Он уже попрощался с женой и сыном — как вдруг услышал треск, затем оглушительный звон: с той стороны арки осыпалось стекло... Грохот и плески — как будто невидимый грузовик поднял кузов и вывалил камни прямо в затопленную котельную. Из последних сил Кирилл поднял голову, попытался сфокусировать взгляд. В арке выросла уступчатая, словно выпиленная из темно-красной скалы, фигура.

— Отец! — пророкотала статуя. — Мы пришли. Мы не дадим тебе умереть.

НЕ ВРЕМЯ

Он невероятно обрадовался, услышав, что у них будет второй ребенок, а его жена отвернулась к окну и заплакала. Она заплакала не горько, но было видно, что она сильно взволнована.

Февраль, выходной день, пять часов. За окном крупными хлопьями падал снег. Снег был сырым и летел к земле удивительно быстро. Фонари еще не зажглись, и на улице быстро темнело.

Новость, что у них появится второй общий ребенок, подействовала на них по-разному. В комнате в деревянной кровати уже посапывал первенец, которому едва исполнилось полтора года. Ее старшая дочь ушла на день рождения. Старшая девочка, не его ребенок, была на чьем-то дне рождения.

В первую очередь он подумал, как здорово, что они никому не пообещали детскую коляску. И здесь же — как, должно быть, обрадуются его родители. Во вторую очередь он представил, сколько счастья принесет новый ребенок в их семью.

Ольга не понаслышке знала, как теперь придется трудно — очень трудно придется в ближайшие годы! Андрей угадал ее мысли и попытался под них подстроиться и потому не говорил лишнего и вместе с женой молча смотрел на падающий снег. Он подумал, что снег наверняка очень душистый, должно быть, он пахнет, как первый, когда на смену сухому ноябрьскому холоду приходит опрятная зима, а воздух приобретает мягкую свежесть.

Он подошел сзади, обнял жену и начал произносить слова, через которые сообщал ей свою радость. Радость передавалась вместе с этими словами, но главным образом она передавалась через объятия, неуклюжие от кипящего в них ликования. В конце концов уверенность мужа ее здорово согрела и приободрила.

Его суровое время закончилось, он по-настоящему ждал этого; когда они занимались любовью, он старался оставлять следы. Она не выражала протеста, ни тем более негодования, потому что была уверена, что зачатие — дело нелегкое, для него потребуется огромное старание, как в случае с их первенцем. То, что случилось, случилось все-таки очень неожиданно. Его суровое время закончилось, для нее же оно только начиналось.

В ее жизни уже дважды случалась молодость: первая молодость — обычная, вспоминать о ней было неинтересно. Вторая пришла, когда Ольга устроилась на новую работу, как только смогла перевести дух после рождения дочери. Там она встретила Андрея, и с этого все началось. Тогда началась новая — хорошая, интересная — жизнь. Вторая молодость оказалась намного лучше первой. Они начали жить красиво и беззаботно, и много развлекались, и много нового успели увидеть и попробовать. Вторая молодость распустилась гораздо более сильным и редкостным цветком. Прошлое было сброшено, словно старая кожа, и Ольга во вторую свою молодость разительно похорошела.

Вторая молодость продолжалась, пока не родился Саша. Она продолжалась довольно долго, несколько лет. Когда радостное событие наконец случилось, они были счастливы, как ни одна другая пара, потому что у них долго не получалось детей. Родив, Ольга вновь расцвела. Друзья и родные не переставали удивляться ее новой красоте и наперебой говорили ей комплименты. Две молодости она познала и, признаться, здорово рассчитывала на третью, и поэтому полоски на тесте застали ее врасплох.

Она вытерла слезы и в который раз подумала, что условия задачи очень быстро, буквально на ходу меняются.

Он стоял на балконе и в который раз повторял про себя слова благодарности: «Господи, спасибо, что ты меня услышал! Я стану хорошим, самым лучшим мужем и отцом». За несколько минут в сердце поселилась тихая и упрямая надежда, что все получится. Он немного боялся за это новое счастье, всеми силами хотел защитить его, но не понимал как. Он знал, как это бывает с такими вещами, и на всякий случай приготовился ко всему, и все же ничего не мог с собой поделать — одновременно ликовал и боялся.

Она была уверена в муже, но столь же сильно уверена и в том, что он не изменится. И поэтому твердо знала, что все трудности лягут не на чьи-нибудь — на ее плечи. Он был романтиком, она — твердым реалистом. Он любил ее за умение прекрасно держаться и не в последнюю очередь за умение не обременять его трудностями. Ольга знала, что такое трудности. С маленькими детьми удивительно трудно. Те, кто говорит обратное, или врут, или устроены как-то иначе. Она сделана из иного теста, нежели большинство восторженных мамаш. Эти мамы всегда зациклены на детях. Рано или поздно они все превращаются в куриц. Встречаются диктаторы-курицы и курицы-жертвы, но суть одна.

Она не такая. Ольга слишком жива и жизнерадостна. Она знает цену счастью материнства и платит всегда из своего кошелька. Но она никогда не дает понять, что ей трудно. Как мать она держится просто блестяще и умудряется при этом шутить и заряжать оптимизмом колысочных подружек, когда те пристают с разговорами. Ей не нравится с ними дружить, но она не прочь иногда огорошить их свеженькой остротой, наблюдением, замешенными на присущем ей шутиливом цинизме.

Скоро они свыклись с новым положением и начали мечтать о будущем. Они наслаждались мягкой добротной зимой и короткими выходными, которые неизменно проводили вместе. Они гуляли по парку и возили подрастающего малыша в коляске с большими резиновыми колесами. Колеса уверенно проминали снежную кашу и держали дорогу; с такими колесами можно было легко брать бордюры, едва надавив на ручку пальцем. Они радовались, что купили коляску-трансформер, а значит, придет время, они смогут опять пристегнуть люльку.

Полуторагодовалого Сашу они начали время от времени оставлять с родителями Андрея сначала ненадолго, но очень скоро он привык, и появилась возможность отдавать мальчика на ночь. Оля была на четвертой неделе беременности, когда друзья пригласили их с Андреем на день рождения в кафе. Собралась бесшабашная и бездетная компания, все молодые и счастливо взвинченные в предвкушении предстоящего веселья. В этот вечер много веселились и выпивали; пили все, кроме Оли, она сидела с единственным бокалом и загадочно улыбалась. Виновница торжества, давняя подруга и взбалмошная греховодница, набросилась на Олю и потребовала объяснений. Пришлось ей рассказать. У той округлились глаза, и она воскликнула:

— Вы что, староверы?! Ну вы даете! Куда вам столько! Скорей шампанского!

Андрей с Олей рассмеялись: они давно знали именинницу и знали, что она прямолинейна и остра на язык. Но все же подруга сказала ласково:

— Ну, хоть поздравлять еще рано, но — поздравляю! — и осушила разом свой ледяной бокал, похожий на тюльпан.

После этого она горячо целовала Ольгу, похоже, это доставляло ей особенное удовольствие. Оля нравилась ей, она не раз говорила, что Олина кожа пахнет сладкой грушей.

После этого Ольга, не удержавшись, выпила и второй бокал. Еще она не удержалась и танцевала, на танцполе играл хороший рок-н-ролл, крутили «Dire Strates», «Genesis» и Джо Кокера. Оля танцевала аккуратно, боясь потревожить плод; во время ее красивых плавных движений с ее лица не сходила застенчивая улыбка.

Они танцевали, и играла старая и такая знакомая и любимая песня:

Jesus knows, he knows me
And he knows I'm right,
I've been talking to Jesus
All my life...

Андрей выпил много, но не был пьян, он пребывал в превосходном настроении, он чувствовал, что мог бы выпить и гораздо больше.

На следующее утро они забирали сына от родителей Андрея. Они успели здорово соскучиться по маленькому человеку за это время.

Отец Андрея был подспудно чем-то недоволен. Он не стал завтракать со всеми и ушел к себе. Мама Андрея выставила на стол большую тарелку с яичницей на луке; предполагалось, что каждый будет накладывать себе сам. Яичница остывала, и тогда Андрей решительно положил куски себе и Оле и начал есть. Оля сидела на полу с малышом. Яичница получилась очень вкусной, снизу она была еще горяча. Проколотый нежный желток растекался под ножом. Как жаль, что у родителей опять не оказалось хлеба. Мама Андрея все же нашла в холодильнике кусок сладкой булки и дала сыну. С булкой яичница стала еще вкуснее.

Мама Андрея, желая хоть как-то разрядить обстановку, спешно заварила чай. Чай в пакетиках резко окрасил кипяток; он горчил и немного отдавал жженым деревом. Она пошла в комнату мужа и позвала его пить чай. Наконец он присоединился к молодым.

Отец Андрея часто бывал недоволен в последнее время. Он не понимал, почему Оля не собирается выходить на работу, как только закончится отпуск по уходу за ребенком. В их семье женщины всегда работали. В ту возможность, что Оля еще родит, он не верил. Он был пессимистом и ни во что такое не верил, хотя желал этого больше всего на свете. Родители часто давали понять Андрею, что желают рождения внуков больше всего на свете.

Когда молодые засобирались, мама Андрея, оставшись наедине с Олей (они одевали Сашку в дальней комнате), очень мягко спросила у нее, могут ли они предложить одним знакомым детскую коляску после того, как малыш из нее вырастет. Оля кивнула, показывая, что поняла суть вопроса, и спокойно и доверительно сообщила свежести новость.

— Оленька! — мама Андрея выпрямилась, застыла и прикрыла рот ладонью. — Да ты что! Что ты говоришь! — зашептала она, и глаза ее счастливо заблестели. — Я упаду сейчас...

— Ну, я надеюсь, что все хорошо будет, — бодро откликнулась Оля и подмигнула: — Только вы пока никому!

После этого она сняла с Сашки майку, надетую наизнанку, вывернула ее и надела как следует. Затем, взяв рюкзак с вещами, повела малыша надевать сапожки. Андрей заметил, что в глазах у мамы стояли слезы, когда они выходили из родительской квартиры.

Он был на работе, когда Оля сообщила ему, что у нее началось кровотечение. Голос у нее был сух и спокоен. Несмотря на то, что голос у нее был выверен и спокоен, Андрей услышал и понял, что она еле сдерживается, чтобы не запаниковать.

— Ты смотри,мышь, если можешь, то закончи пораньше и приезжай домой. Если меня заберут, тебе придется посидеть с Сашей, — сказала она. Потом добавила с едва заметным волнением в голосе: — Я вообще, честно, не знаю, как быть. Если можешь, приезжай пораньше.

По пути домой он заскочил в церковь. Он не успевал в любимую церковь на Пресне, навигатор показывал вокруг нее сплошные пробки, поэтому он заскочил в храм возле «Новослободской». Он знал, что если что-то и может теперь помочь, то только молитва. Он не умел молиться, но иногда, довольно редко, он приходил в церковь и совершал что-то наподобие молитвы. То, что он делал, он называл «обратиться к Богу».

Было уже темно, но храм был хорошо виден даже за заснеженными ветвями деревьев, он смотрелся очень красиво. Он был красным с белыми вставками, вернее, насыщенно розовым с изящными белыми вставками.

Андрей проделал в церкви то, что обычно проделывал в трудные минуты жизни: купил несколько свечек и, подержав над язычком пламени, поместил их в кадила напротив случайно выбранных икон. Он не разбирался в иконах — выбор делался интуитивно. Ставя свечи, он горячо просил у Бога не прерывать маленькую жизнь, зародившуюся в животе у Оли. Еще он попросил оградить жену от мучений, как бы там ни обстояло дело с его первой просьбой. Ничего больше поделать он не мог.

Поздно вечером они вызвали «скорую». Пока ждали, Оля объяснила Андрею, как ухаживать за малышом, если ее увезут в больницу. Основные правила он усвоил. При-

ложил значительное усилие, чтобы усвоить все самое важное. Возле Ольгиных ног терлась кошка. У них жила удивительно ласковая и совершенно черная кошка в «белых стрингах»: тонкие полоски белой шерсти на ее тельце до смешного напоминали женские трусики.

Врач-гинеколог вошла с чемоданом инструментов. Она была в белом халате и, войдя в квартиру, извлекла из кармана и надела на сапоги бахилы.

После осмотра врач вышла и спустилась к машине первая. Оля спустилась вслед за ней спустя десять минут. За это время она наспех собралась и еще раз повторила мужу все самое важное. Перед тем как выйти, она прижала к груди и крепко поцеловала Сашку. Выходя, она растерянно улыбнулась Андрею и помахала рукой.

Когда «скорая» отъехала от подъезда, Андрей усадил малыша в центре комнаты и вышел на балкон. Сигареты он успел купить по пути с работы. Он бросил курить недавно, и теперь был весомый повод нарушить запрет. Пока он курил, он следил за Сашкой через стекло, не спуская с него глаз. Сынишка сидел на ковре и глядел на окно, за которым скрылся Андрей. Скоро мальчик начал беспокоиться и подошел к двери балкона. Тогда Андрей затушил сигарету о парапет балкона и вернулся в тепло комнаты.

Ту ночь он впервые провел вдвоем с Сашкой. Он забрал сына к себе в кровать. Сашка с удовольствием спал там, где обычно спала Оля. Отсутствие Оли накладывало на Андрея небывалую ответственность. Было горько-приятно осознавать, что в данную трудную минуту он полезен. Успокоительно осознавать ответственность за малыша. Это — единственное, что его могло хоть сколько-нибудь успокоить.

В спешке Оля оставила дома зарядку для телефона. Утром она позвонила и сказала, что не взяла зарядку. В это время Андрей кормил Сашку, сидящего в детском стуле.

Он обрадовался тому, что ей нужно что-то конкретное. Он сразу же придумал план, как он привезет ей зарядку и таким образом сможет увидеть жену. Пока он метнется туда-сюда, с мальчиком посидит теща. Оля уже сообщила своей маме, что находится в больнице.

Еще она сказала Андрею, что ее осмотрели и что толком ей никто ничего не объяснил. Но плода нигде не видно.

— Скорее всего, будут делать... чистку... Я боюсь... — тут ее голос впервые сорвался на плач, и она зарыдала в трубку: — Мышь, я не хочу!..

Разговаривая с женой, он разминал в пальцах сигарету. Она отчетливо пахла сырým запахом табака. На ночь он оставил пачку на балконе, и сигареты слегка отсырели.

Потом Оля успокоилась, отдышалась и сказала:

— Приезжай к двенадцати. Раньше меня не заберут.

Перелезая через невысокое ограждение в скверике на пути к больнице, он зацепился ботинком и рухнул в снег. Поднявшись, он растер снег по лицу руками, как бы умываясь. Сегодня он еще не умывался. Потом он осмотрелся. Это был Даниловский район. То, что он видел вокруг, ему в целом понравилось. Светило неяркое солнце, и было не по-московски тихо. Но это — не «их» район. Оля не раз говорила, что районы делятся на «свои», «нейтральные» и «чужие». Андрей подумал, что этот, должен быть, относится к нейтральным.

Больница оказалась старой и «заслуженной», здание медицинского учреждения, построенное еще в прошлом веке. Оно было выполнено в классическом стиле, в нем сочетались спокойное достоинство и обстоятельность, и Андрею это понравилось.

Оля встретила его в коридоре больницы, они присели на диван. Она была очень бледна; сквозь ее тонкую кожу просвечивались синие жилки. Но она выглядела спокойной; на ее лице читались теплота и радость от встречи с мужем.

И лишь единожды за короткую встречу она тоскливо усмехнулась, чуть скривив губы:

— Видишь, как получается... Наверное, рано нам еще второго. Не время. Ну, тебе второго, а мне-то, на минуточку, третьего! Но ты знаешь, я обязательно попрошу, чтобы меня не сильно там... испортили. Меня уже спрашивала врач, собираюсь ли я еще... Я ей ответила, что, допустим, собираюсь, и что? Тогда она сказала: «Тебе-то куда? Тут молодые-то бездетные, а у нее двое! И сколько тебе лет — не забывай!» Потом, правда, смягчилась...

— Оль... ты боишься? — спросил он.

Она вздохнула и опустила глаза:

— Ну, есть немножко... Себя жалко. Никого живого там, — она показала глазами на живот, — уже, видимо, нет...

Он возвращался из больницы, и в его голове крутились строки. Совершенно неуместные стихи крутились у него в голове:

...Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

«Что за... — раздраженно подумал он. — Вот же привязалось!» Он начал анализировать строчки, силясь выяснить причину, по которой они столь необъяснимо вплыли. Скоро ему это удалось. «Он уважать себя заставил...» относилось, конечно, вовсе не к пушкинскому дяде, а к високосному году. Час назад на пути в больницу он вспомнил, что нынче високосный год. Мало того, сегодня двадцать девятое февраля, самый что ни на есть... лишний, ни к чему не рифмующийся день. Он всегда немного опасался високосных годов. Он знал, что от них не следует ожидать ничего хорошего, а случится, так и слава богу. Вот так, неосознанно, он и приписал високосному году стремление заставить себя уважать. Так они обычно и всплывают, всякие обрывки — стихов там... песенок... как бы ниоткуда, а на самом деле — очень даже к месту.

После этого его сердце в очередной раз пронзила острая жалость к Оле. Потом она сменилась чувством горькой опустошенности от несбывшихся надежд. Сразу после этого он перекинулся мыслями на родителей и пожалел, что Олька поторопилась сообщить его маме о беременности. Затем он вспомнил о Саше, который ждет его дома, и, вспомнив о нем, испытал болезненный прилив нежности. Тогда Андрей сразу весь подобрался и ускорил шаг.

Ирина КИИС

В СТЕКЛЯННОМ ШАРЕ

1.

Колодцы разрезают рты вдоль берегов нагих,
И звезды падают на дно — сегодня много их.
В тепле двора листва быстра, и, странно невесом,
Качается слепой фонарь, и длится этот сон.
На Гаванской шумит трамвай, кренится, дребезжа —
И вздрогнет чашка, вспыхнет блик на острие ножа.
В глубинах лабиринта — тьма, и лестницы пусты,
Когда выходит человек и смотрит с высоты:
Огромные дома молчат — печальны и черны,
Ложатся тени их назад с нечетной стороны
На дом десятый — там окно раскрыто в духоту,
И замирает огонек, что поднесен ко рту.

2.

Старый мост перекрыли — он пуст.
Словно крылья, дрожат облака.
Я вхожу в нетерпении чувств
В тишину и покой тупика.
Здесь когда-то тебя я встречала:
Безответное «здравствуй», горча,
Никогда не вернет мне начала.
Пламенеет река, горяча,
Не видны красноперые рыбки.
Я молчала, встречая тебя
Блеском жалкой короткой улыбки.
Отражается город, скорбя,

Ирина Кийс родилась во Пскове в 1980 году. Окончила СПбГХПА им. Мухомовой в 2007 году, художник-реставратор. С 2022 года член Союза художников. Посещает ЛИТО Лейкина, участвовала в поэтических мероприятиях, таких, как Осколков фест, поэтические встречи в Еврейском центре у Бориса Григорина, где была опубликована большая подборка в ретроспективах. Автор двух книг стихов.

В этих водах, и слышу теперь я
Пустоту в сером шуме людей.
Ветер сносит с небес лебедей,
Куст цепляет их белые перья.

3.

С холма спускаясь, осторожно входишь в лес —
Он освещается болотными огнями,
Качает ветошью разорванных завес,
Пугает старыми обугленными пнями.
Но ты, дрожащий на ветру, не бойся птиц,
Что вылетают, как любовь, тебе навстречу
Из хвойных недр — зияющих глазниц —
И незнакомые слова тебе щебечут.

4.

Наступил подobaющий вечер
Для внезапных и диких затей —
Вот и вышло, что глупым нам нечем
Отличаться от мудрых детей.
И когда куковал в изумрудах
Летней зелени кто-то родной
И пророчил нам сколько-то чуда
В этой жизни нелепо смешной —
Целомудренно Ева молчала,
Обнажался беспечный Адам,
Было солнце вечернее ало —
Растекалось огнем по щекам.
И мерещилось — шепчет у входа
В рай несмелый, в цветение куш
Соглядатай особого рода,
Словно утренний свет — вездесущ.

5.

В стеклянном шаре не померкнет свет —
Снежок, слетая с маленького дома,
Блестит, кружится, будто он согрет
В твоих руках, ложится невесомо
На рыхлую поверхность облаков,
На холмики, деревья и дорогу,
И мир красив, хрустален и таков,
Что можно жить внутри, и понемногу
Любить и плакать, глядя на метель,
Благословлять искусственное солнце,
И знать: из детских пальцев колыбель
Не выпадет вовек, не разобьется.

6.

Стремится лес к земле — иглой, сухой и редкой,
 Пергаментной листвою и мертвым мотыльком,
 В пустых руках берез качнет короткой веткой
 И вороном во тьму спускается тайком —
 Туда, где тень кустов легла в ладонь оврага,
 Где вдоль кривой тропы — печальна, как зола,
 Все капает на лед и промерзает влага,
 Не двигается лист, не колется игла.

7.

Снег не летит, а падает отвесно —
 Неудержимо, густо, долго, честно —
 На плечи зданий, на деревья, сквозь
 Печаль идущих по дороге врозь.
 Заметены следы, ступени, стекла.
 Кружится ночь, и все вокруг замолкло,
 Сверкает ель на площади пустой,
 Бело везде, и наступил покой.
 Но скрип шагов доносится оттуда,
 Где черный блеск и льда седая груда,
 Из бездны страшной, из ее глубин
 Вдруг появился человек один.
 И через площадь, где дома застыли,
 Идет бедняк, звенят его бутылки,
 И в темном доме, в теплоте гнезда
 Ждет не тоска, а спит его звезда.

8.

Из неба льются облака быстрее, чем мы бежим.
 Вода везде и давит нас — суров ее нажим.
 Сливаясь с неевским серебром, не различу уже,
 Где мы с тобой, где этот дом, где блики в витраже.
 Сквозь нас проходит горизонт — из самых дальних мест
 Волну пригонит пароход, мы заплывем в подъезд.
 Заходит ночь в свои дворы, как мы в ее луну.
 Ты здесь возьмешь свои дары, остановив волну.

9.

Листок сорвался, падает в Неву,
 Во тьму беды, в общину обреченных.
 В холодных бликах облака плывут,
 Дом отразился силуэтом черным
 В реке, неспешно уносящей вдаль
 Распятые листья. Но сегодня много

Таких скитальцев. Льется, как из рога,
Всегда веселый дождевой хрусталь.

10.

Когда неясен грех, дороже нет вины...

Иван Жданов

Вода черна, как сон в туманном одеяле,
В прибрежный камень бьет усталая волна.
Цветы легки в реке, когда они завяли,
Но грех тяжел во тьме и не всплывет со дна.
Течет река сквозь лес и радость листопада,
Блестит в пустых полях, где вниз глядит одна
Полярная звезда — не отнимая взгляда,
И гонит прочь волну неясная вина.

Печальный день ослеп — бредовым сном замучен
И отражен в реке, когда идет к морям
Вода без глубины, в безумии излучин,
И в горечи своей вскипает по краям.

Игорь МИХАЙЛОВ

ЧТО-ТО С ЧЕМ-ТО...

Рассказы

Впервые я увидел Игоря Михайлова лет пятнадцать назад в редакции журнала «Нева» на церемонии вручения премий журнала за прошедший год. Одну из премий тогда получал главред журнала «Юность» поэт Валерий Дударев. Поэт стоял с гордо поднятой головой чуть ли не в центре маленького зала, недоступный и немноготрагичный, как и полагается беззаветному певцу земли Русской. При поэте был человек, которому ничего не вручали. Этот просто стоял рядом и помалкивал, такой спокойный и невозмутимый, как каменный идол с острова Пасхи. Когда кто-то из присутствующих на церемонии обратился ко мне по фамилии, этот человек, не изменившись в лице, поприветствовал меня по имени: «Привет, Женя». Так запросто, словно мы давно знакомы. Оказалось, что идол с острова Пасхи — замглавреда «Юности» Михайлов. Но мы прежде не были знакомы, разве что заочно: предыдущие несколько лет я публиковался в «Юности», и замглавреда, видимо, узнал меня по фотографии, которую я выслал в адрес редакции по ее требованию. Я еще раз взглянул на замглавреда: на лице полный штиль — ни саркастически вскинутых бровей, ни сardonически изогнутых губ, невозмутимое, слегка усталое и чуть ли не каменное лицо идола.

Спустя десятилетие мы оказались в соседних номерах ярославской гостиницы, приглашенные на Некрасовский фестиваль гражданской поэзии. И тут я увидел, что мертвый идол с острова Пасхи очень даже живой. (Михайлов уже не служил в «Юности».) И все в нем живо и прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, поскольку, не сговариваясь, мы тут же единодушно устремились в «Пятерочку» за вином и закуской. Подумать только: мертвый идол оказался живым и без всякой фанаберии и даже малой доли заносчивости принимал мои выпады в сторону московских литераторов. Но самым удивительным оказалось то, что у него живая, веселая и талантливая проза, и критические статьи его не без лукавой искрометности — почти той, что в бокале с игристым вином.

Игорь Михайлов родился в 1963 году в Ленинграде. В 1989 году окончил филфак МГПИ им. Ленина. Работал в местной газете «Современник», в подмосковной газете «Домашнее чтение», в «Московской правде», в журнале «Литературная учеба». С 2008-го по 2019 год — редактор отдела «Проза» журнала «Юность». В настоящее время — главный редактор сетевого журнала «Вторник». Лауреат премии журнала «Литературная учеба» в номинации «Проза» за 2002 год. Лауреат премии Валентина Катаева в номинации «Проза» за 2006 год. лауреат премии имени Сергеева-Ценского за 2021 год. Публиковался в изданиях «Комсомольская правда», «Общая газета», «Алфавит», «Московская правда», «Книжное обозрение», «Независимая газета», «Московский журнал», «ОМ», «Четыре сезона», «Golf style», «Юность», «Литературная учеба», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Наш современник», «Москва». Автор пяти книг.

Теперь самое время этому агенту под прикрытием скинуть с себя каменные околы редактуры, корректуры и сверки да и предстать перед читателем с озорной и немного хулиганской улыбкой от уха до уха.

Его время наконец пришло.

Евгений КАМИНСКИЙ

ДЕВУШКА С ПРИЧУДОЙ

Эта история произошла черт-те знает когда. В начале нулевых. Тогда я работал в журнале «Юность».

Работы никакой не было. И денег тоже.

Но зато были мечты.

Под вечер в «Юности» собиралась разношерстная публика: жуликоватые прозаики и поэты, авантюристы, авангардисты, сталинисты, стюардессы, греческие певцы, волоокие девицы с видами на жизнь, мрачные студенты Лита, буддистские монахи, бомжи, жены бандитов и прочая.

Все эти забавные люди приходили в «Юность», словно возвращаясь в свое прошлое.

В то время, когда они не были прозаиками и поэтами, авантюристами и авангардистами. И все еще было впереди, а не позади.

Ну так вот.

Однажды «Юность» пригласили в библиотеку Одинцова. В библиотеке были одни старушки и дородная девица с ласковыми, как у коровы, глазами, по имени Оксана.

— Оксана, — сказали мы ей, чтобы хоть что-то сказать, когда сказать уже нечего, а попрощаться рано, — приходите к нам в гости.

И Оксана в следующий вторник пришла в «Юность».

На улице бушевал ноябрь, рубль корчился, как эпилептик, а «Юность» не унывала. «Юность» не унывала никогда.

Вокруг бурлила жизнь, воевали, устраивали путчи, а в «Юности» ничего не менялось. Все было покрыто плесенью.

Ни войны, ни землетрясения «Юности» не касались. Авторы, какие-то замухрышистые полубомжи, или миллионеры с безумными глазами, или медведи с северов, приносили деньги в авоськах.

В «Юности» не знали ни кризисов, ни дефолтов. Главный редактор появлялся на работе часов около восьми вечера, а мог и не появиться вовсе.

А потом, словно со дна озера, как налим, всплывал, звонил, и я плавал в этом топком, карамельном веществе и не понимал, что происходит, где я и зачем.

Оксана работала на фабрике «Причуда». «Причуду» купили французы, по телевизору показывали рекламу о том, что печенье «Причуда» — это вкус советского детства.

Французские эмигранты русского происхождения или бандиты пытались вернуть вкус советскому детству, канувшему в Лету.

«Юность» в то время была тоже с причудой. Особенно когда ты входил в маленькую железную дверь в стене на Тверской-Ямской, поднимался на пятый этаж.

В сизом от сигаретного оттенка полумраке площадки пятого этажа стояли тазик с окурками, большое кресло, баночки, вазочки с помидорами и фикусами. За дверью лаяли собаки. А в кресле сидела рыжая халда в шортах, на ее голове разгорался пожар в джунглях.

Когда очередной посетитель, как альпинист, взбирался на пятый этаж, спотыкаясь о дополнительную ступеньку бывшего доходного дома на втором этаже, халда басом спрашивала:

— К Валерке?

Халда — хохлушка из Харькова, приехала в Москву и поселилась на Тверской. Занималась она всем и сразу.

Халда была бандершей Тверской управы.

Валерка категорически не совпадал со временем. Ему казалось, что время спешит, и он пытался обуздать время, всегда опаздывая.

Валерка был поэтом.

Поэтому иной раз и вовсе не приходил. Но писательский и поэтический, разного рода околослитературный сброд собирался и терпеливо ждал Валерку.

Главная интрига очередного вторника состояла в том: придет или не придет Валерка?

Валерка всем был нужен. Он это прекрасно понимал. Потому не все и не всегда были нужны Валерке.

Такая вот валеркозависимая странность. В жизни должно быть все непоправимо и странно.

Кто-то мечтает накопить денег и купить майбах, а кто-то — дожидаться Валерку.

«Юность» был таким абсолютно нелитературным, но довольно странным местом тусовки. Язык не поворачивался назвать литературой то, что там печаталось.

Особенно по части гостей.

Так вот.

Оксана пришла во вторник с добрыми глазами коровы из Одинцова. Оксана с фабрики «Причуда».

Оксана, естественно, принесла с собой три пачки «Причуды». И мы стали пить чай с «Причудой», погружаясь в детство с его дурацкими шуточками и приколами.

В детском саду печенье с молоком давали на полдник. С густой и жирной, как веки у Вия, пенкой!

Вкус детства!

После того как Оксана многословно и заковыристо рассказала о том, что работа на фабрике «Причуда» не сахар и что бригадир Юрка пристаёт к ней, все как-то оживились.

Юрка сразу всем понравился своей прямоотой. Особенно Валерке. Юрка был простым и честным, как печенье «Причуда». И если хотел, то и говорил, чего он хотел.

Мы слушали Оксану, ели невкусное печенье, сочувствовали Юрке, осуждая Оксану за черствость. Но Оксана шуток не понимала.

Оксана возмущалась и спрашивала: как же так?

А мы ей цитировали Чехова:

«В купе зять ей: „Но чего вы боитесь? Что в этом ужасного? Разве вас убудет от этого?“»

Оксана со всей серьезностью и непосредственностью провинциальной наяды с коровьими глазами говорила: почему я должна ему уступить?

Потому, говорили мы, давясь невкусным вкусом советского детства, что тебе это все равно, что высморкаться, а для Юрки — это жизненная необходимость.

Пойми! У Юрки жена беременная, он с ума сойдет!

Но Оксана не хотела ничего понимать. Не понимал и Валерка.

И на следующий вторник, словно очередной аргумент в пользу того, что она Юрке ничего не должна, она привела с собой подругу. Подругу с фабрики «Причуда».

Подругу тоже звали Оксана.

Оксана была маленькая и пугливая. Бригадир Юрка приставал и к ней, не добившись ничего путного от первой Оксаны.

Но и маленькая Оксана ему отказывала во взаимности. Оксана любила Леонардо ди Каприо. А некрасивый и всегда пропитой Юрка из Подольска не был похож на Леонардо ди Каприо из фильма «Титаник».

Но мы спрашивали и вторую Оксану:

— Ну что же ты, Оксана?

Маленькая Оксана хихикала, как мышь.

А мы ели невкусное печенье «Причуда», говорили о литературе, которая умерла, о Чехове и ждали Валерку.

Иногда Валерка приходил. А иногда и не приходил, борясь с минутными и часовыми стрелками.

Когда однажды Валерка пришел и увидел еще одну Оксану из «Причуды», он очень развеселился.

Как мало надо человеку для счастья, Бог ты мой!

Он пил чай, ел печенье, смеялся. И казалось, что жизнь наконец всем улыбнулась широкой голливудской белозубой улыбкой Леонардо ди Каприо из фильма «Титаник».

И так будет всегда: молодость, печенье «Причуда», «Юность», две Оксаны...

А в следующий вторник Оксаны привели с собой еще один аргумент в пользу того, что Юрке уступать нельзя.

Аргумент звали тоже Оксаной.

Три Оксаны сидели за столом с самоваром и рукописями, как матрешки. Одна большая, вторая, которая хихикала, как мышь, поменьше. И наконец, самая маленькая и толстая Оксана.

Три Оксаны в фирменных комбинезонах. Третья Оксана к комбинезону напоминала воздушный шар в корзине.

Третья Оксана работала на фабрике «Причуда», казалось, с момента ее основания. И тоже знала Юрку.

Но Юрку она послала давно туда, куда Юрка и так хорошо знал дорогу. Дорога столбовая и хорошо утоптанная.

А в «Юности» третья Оксана сидела и молчала.

Она молчала три вторника подряд, а потом мы наконец попросили ее:

— Оксана, ну скажите же хоть что-нибудь.

Третья Оксана улыбнулась и ответила:

— Блин, вы тут все люди такие интеллигентные, о книжках, о литературе рассуждаете, а я последний раз читала книжку в школе. Блин, я работаю на фабрике «Причуда». Работа у нас такая, что простыми словами о ней не расскажешь. Только матом. Поэтому я и молчу все время. Извиняйте!

Очень нас растрогала третья Оксана. Растрогала своей честностью. Но больше всех она растрогала меня. Так растрогала, что я взял свою книгу и подарил ей.

Третья Оксана попросила, чтобы я ей надписал книгу. И я надписал этой героической девушке мою книжульку...

...Умчалась «Юность» угорелой электричкой, Валерка, не дождавшись срока, улетел на небо, как божья коровка.

Нет больше юности и «Юности», хотя тогда казалось, что этот цирк будет здесь всегда...

Но я очень хорошо помню надпись на моей книжке:

«Оксане, девушке с причудой!»

Мне кажется, что это — самая удачная дарственная надпись, которую я когда-либо придумывал.

И я до сих пор не понимаю: почему Оксана на меня обиделась?

НЕПЕНФ¹

1

Когда я попадаю сюда, трава опутывает меня по рукам и ногам, словно русалки.

Дурман-трава, и я забываю город, электричку, я запутываюсь в траве, как в прошлом, я запутываюсь в запахах и звуках, которые сразу становятся беззвучными.

В цветах и красках. И смотрю на то, как сныть рассыпалась по поляне, словно пончик в обсыпке.

Сныть, сны, длинные, бестолковые...

Туман!

В конце апреля или мая яблоня, словно платье, сменила снежно-розовый наряд на будничный, а соловей орет во всю глотку.

Соловей захлебывается от счастья и любви на голой ветке березы, отчетливой, как литография.

Все вокруг черно-белое, потому как выключили свет.

Тьма — это цвет, который лишили невинности.

В деревне днем светло, а вечером светит подбитым глазом луна, как брошенная мужем жена.

Луна висит на избой армян, как надкушенное яблоко. Армянин по имени Наирий купил избу. И теперь полная луна улыбается, как армянка. Светлый ореол фонаря вокруг тополя напоминает Арарат.

В черной тьме ко мне приходит черный, как сажа, кот. Я его не вижу, лишь слышу, слышу его выходную арию Россини.

Иногда громыхает гром, осторожно, словно не взаправду, а понарошку, как будто снимают кино, ударяя в литавры.

С подсветкой и грохотом. И бегают с мегафоном угорелый режиссер. Режиссер орет: — Больше света, дайте больше света!

Так еще грохочет оцинкованная ванна. Когда ее наполняют водой, в опрокинутую изнанку окунаются, словно веник, березовые ветки. Тонкие, вьющиеся, смеющиеся.

Ночью в ванне купаются звезды. И я достаю их влажной рукой, но они растворяются, растекаются по ладони, космос пуглив. Он холодный и бездонный, как отражение в ванне. Как луна и Арарат. Дождь падает вверх ногами.

Целая вселенная в оцинкованной ванне. В ванне купаются небо, облака, словно девки в бане.

Но история начинается с того, что я сижу во тьме и пробую ужинать.

Темнота такая черная, как будто стекло вымазали сажей. Как будто черный кот смотрит в окно.

Черным-черно, как в желудке у кита. Если бы меня, как Иону, проглотил кит, я бы удивился не меньше.

Хорошо в утробе ночи. Сидеть и сочинять небылицы. Вроде этой.

Темная зелень огорода, как щавелевый суп, когда лес берет тебя в свои еловые лапы, а голубые со светлой вытяжкой облака, заблудившийся в ночи и красноватый от жаркого заката зайчик возвращают отраженное в зеркало.

Забавно сидеть в темноте и сочинять!

И моя вселенная в тысячи тысяч световых лет от настоящего и будущего. Вся вселенная в ванной. Я вообще как выброшенный кукушкой из гнезда.

¹ Непенф — зелье, трава забвения.

Нет ни времени, ни деревни, а есть только звезды и соловей. Все остальное надо выдумать и записать, иначе все это исчезнет.

И я вкушаю хлеб и вино, покуда Всевышний занимается сотворением мира.

Едва светится аспидный огонек мобильного телефона, который вдруг после полуночи охватила падучая.

Звонят!

После полуночи звонят сумасшедшие или поэты.

Один мой знакомый по фамилии Дудкин, который уже заказывает с доставкой ужин на том свете, звонил мне строго после нуля часов. Он читал мне свои стихи.

Стихи были о любви. Любил Дудкин часто и бурно, поэтому стихи заполняли весь его и заодно мой досуг.

Я слушал его внимательно, как психиатр. Потом Дудкин толковал, словно Библию, свои стихи, чем только усугублял мою меланхолию.

Ничто так не умаляет слово, как толкователи!

И стихи были плохие. Но Дудкин был моим начальником. Поэтому я малодушно слушал его стихи, как воскресную проповедь батюшки, куда вмещаются грехи, прелюбодеяния и скаредность прихожан.

Сныть, сны, дожди, полоумные разговоры о поэзии...

Туман!

И на сей раз звонила Наташа. Поэтка.

Наташа — это не имя, а образ жизни. Наташа живет тем, что заполняет пустоты в жизни других. Она считает, что жизнь обывателя бессодержательна.

Поэтому, взяв сразу высокую ноту, как дирижер в партитуре, жалуется на невыносимую тяжесть бытия.

Она словно беременна невыносимой тяжестью бытия.

Мой хрупкий мирок набряк, словно туча.

Наташи не могут болеть в одиночестве.

Когда все сведения в моей голове перемешались в плотный мрак, Наташа спросила:

— Я больна, почему всем на это наплевать?

Я подумал, как поднять ей настроение? И сказал:

— А у меня конец света.

— Тебе лучше! — сказала она.

Конец света, и если это мой последний ужин, как будто бы на фреске ultima сена, то, конечно, Наташа не ведает, что я беззастенчиво рвал зубами багет, запивая его вином!

Ничто так не сближает людей, как несчастье чужого человека.

Я ем и слушаю, поражаясь своему цинизму.

Я утешал Наташу дежурно и громогласно, как будто бы испугавшись, что отдам швартов, как говаривал мой знакомый морячок, не закусив.

Морячок плавал туда-сюда, покуда однажды не оказался в кочегарке в Питере на улице Толстого, где мы и отпраздновали его приземление. Бурно и радостно.

Я представил, что мы в кочегарке на улице Льва Толстого.

Кромешная тьма накрыла деревню. Плечи мои я подставил тьме, как будто старый пиджак на вешалку повесили.

Я пил вино и даже, кажется, слегка вздремнул.

Мне снилось, что ванна — это вселенная, полная вина. Вино плескалось о стены избы, как о края вселенной, а я пил, словно невыносимую терпкость вечности, закусывая небом, травой, листьями.

Наташа, как неопознанный летающий объект, витала в космическом пространстве мобильной связи.

И я не слышал и половину того, о чем мне говорили. Я был глух и равнодушен к людским стенаниям, как будто очутился не в чреве кита, а в большой и тихой бухте, нирване равнодушия.

— А если я завтра умру? — спросила, словно не у меня, Наташа.

И голос был словно вещий.

Мы все завтра умрем. Но это еще — не повод портить другим людям жизнь и аппетит.

Философия житейского разума учит нас тому, что во всех жизненных передрыгах на свете есть как отрицательная сторона, так и положительная.

Ну, во-первых, если кто-то из нас двоих сыграет в ящик, то в любом случае никто уже не сможет выносить мне мозг!

А во-вторых, я не успел сообразить, что будет во-вторых, она бурно разрыдалась.

Я слушал ее рыдание и пытался понять: мажор это или минор?

Мажор случается нечасто, но нередко заканчивается минором. А вот минор не заканчивается никогда.

Это — вселенская тьма, античная драма, бесконечность. Вино разлуки, горечь разочарования, трава забвения, рондо капричиозо!

А соловей меж тем не затихал, огород пах кислородом. Ночь подмигивала мне звездами, как девушка с подбитым глазом на Александровском вокзале.

Глаз ей разрисовал, видимо, муж или хахаль. И она была красива. Драма к лицу некрасивым.

Весело и зло назло судьбе пищали комары.

Соловей фистулой выводил мелодию одиночества.

В конце концов, если смерть неизбежна, как управдом, подумал я, то пусть все идет своим чередом. Пусть все идет прахом.

Потому что конец света — это не конец жизни. Жизнь продолжается, даже если мы по недоразумению попали в ад.

Завтра все обязательно выяснится, если оно, это завтра, наступит!

А не наступит завтра, то все равно что-нибудь да наступит, жизнь движется вперед поступательно.

2

Когда мой космос в ванне проходит на тысячу световых лет ближе к Земле, чем мне хотелось бы, озаряя мой утлый деревенский уголок, когда мне звонят после полуночи космические пришельцы, на меня нападает тревога.

Что-то, видимо, происходит? Гармония мира нарушена? И что теперь со всем этим делать? Куда бежать?

И наутро я вдруг сразу засуетился, я засобирался.

Я засобирался в город. Люблю куда-либо приезжать, чтобы через час вернуться не туда, откуда ты уехал.

А теперь мне нужно срочно по делам в Александров, обязательно и всенепременно.

А потом в этом скучном городе, где старина перемешана с современностью в совершеннейший винегрет, естественно, меня потянет обратно в деревню.

Бежать надо не туда, откуда так радостно вернулся. А обратно. Или туда, откуда нет возврата.

С неба падал, как сумасшедший с крыши вниз головой, дождь. Капли были длинные, долгие, как цезура в амфибрахиях. И тяжелые, как будто бы из свинца.

А я иду по траве, которая под дождем напоминает реку.

Да, жизнь словно река, но вряд ли это утешает, если до станции пять световых километров.

Трава напоминает тину в пруду, когда я плаваю летом, неся на своих плечах все бремя подводного царства, голубоватую, напоминающую еловые лапы тину и отражение в зеркале пруда с березами, ивами, утками и гусями.

Сущность вещей, вещьность сущего.

Все слилось воедино.

Все снова совпало, жизнь складывается из осколков муранского стекла, цветных стеклышек в калейдоскопе.

Мегера поэтическая вызвала своими горестями стихию. Она разрыдалась, а сегодня идет дождь.

Но не все то плохо, когда плохо, если из этого может сложиться музыка!

Слышишь музыку? — спросил я у самого себя.

И сам себе ответил: ничего я не слышу, кроме разве того, как чавкает моя оторванная подошва.

Но тогда послушай, вот песня под названием: «Кстати, а зачем я еду в Александров?»

Джазовая миниатюра, когда тихо сипит труба, придушенная жизнью, а потом почти неслышно вступает пианино.

Название мне понравилось.

И сказал я сам себе: у меня кончилось вино. Надо кормить чужого кота, который приходит всегда ночью, когда у него разыгрывается аппетит.

Черный кот приходит ночью, как последняя электричка.

Черный, как Иона в чреве кита.

И кроме всего прочего, мне надо в Александров, где меня ждет, словно судьба, курьер с сим-картой.

И зачем это я заказал сим-карту?

Нашими поступками управляет злодейка судьба. Значит, так было угодно судьбе. Я ничего про это не знаю. Не знаю, зачем судьбе было угодно забить стрелку с курьером именно сегодня. Но теперь отказываться поздно!

Да и неудобно. Курьер будет звонить, оператор обязательно будет настойчиво добираться до остатков совести, которой у меня нет и, кажется, не было.

И я поплыл, как в пруду, волоча за собой отражения деревьев, гусей и уток, а также прицепившегося отреза мокрого облака.

Мокрая зелень блестела, как только что спрыснутая, словно на рынке из пульверизатора, дежурная песнь соловья, который перепутал ночь и день и голосил круглосуточно, как безлимитная услуга.

Я нацепил джинсовую куртку с капюшоном, как капучин, и влез в старые босоножки.

В походе на станцию есть что-то судьбоносное, что-то монашеское, что-то от пилигримов. От средневековых романов, от хождений, когда люди перемещались в пространстве, как будто переворачивали страницу в книге.

Новая глава, новая жизнь.

Надо мной золотые кудри солнышка из-под облаков, словно красивое и молодое девичье лицо вдруг прыснуло радостным смехом. Дождь и свет, все перемешалось вверх дном, все вверх дном.

Я шел травой, я плыл рекой, ноги разъезжались по сторонам, как у только что появившегося на свет теленка, и я был не уверен, дойду ли я до того состояния, которое у обывателя зовется станцией, а для меня это — катарсис?

Поравнявшись с Николой, заросшим крапивой и березняком, с руинами церкви, на стенах которой птицы стояли по стойке смирно, я подумал, что покровитель плавающих и путешествующих одобрительно помахал мне своим омофором...

Руины Николы — разрушенная в 30-х церковь. Я — пилигрим, я иду в город за правдой, за истиной, которая в конечном счете в вине. Я иду за вином, за виной.

Я иду!

И думаю, что старушки — главный становой хребет местного прихода — изрядно поредел.

Одна из прихожанок сломала ногу. А староста Ирина — руку. При этом совершенно непостижимо, как она будет кормить поросят, которых она взяла на прокорм.

Она сказала батюшке, что народу мало, может, он пока не будет приезжать на службу? Бога решили поставить на паузу.

Две тысячи лет праведники и злодеи разводили костер, чтобы просветить темноту человеческой дикости, строили козни, сажали на кол, убивали друг друга во имя Господня, а сегодня мы объявляем перерыв на обед.

Батюшка, страдающий одышкой, диабетом, хромой, батюшка, которого здесь хорошо взяли на прокорм и, кроме того, слушали всё, что бы он ни говорил, сурово нахмутив бровь, отказался не приезжать!

Нельзя вычесть человека из обстоятельств времени и места, если он сам этого не захочет.

Даже Бога нельзя отменить только потому, что кто-то там сломал ноги, руки или голову.

Это только я умею вычитать самого себя из сложных жизненных обстоятельств, словно извлекая корень из пустоты.

Дождик накрапывал, как пьяный пианист, повсюду натываясь на клавиши. Я прыгал по кочкам, чтобы не утонуть. И все весело, по-летнему, плясало под ногами и вверх ногами, сверкало и пело.

Свежие, как пышки, облака клубились в небесах. Они клубились, как Девятая симфония.

И вот я явился на станцию, но лучше бы я этого не делал!

Электричка подорожала аж в два раза. Не зря пророчила и причитала поэтка.

Как говаривал Гаргантюа:

«Безденежье — недуг невыносимый!»

Люди любят деньги больше жизни. И умирают с деньгами и без денег, не познав всей прелести жизни. А прелесть жизни заключается в том, чтобы не забивать себе голову всяческими пустяками.

3

Александров вымытый и свежий, как рубаха из прачечной, от которой пахнет стиральным порошком. В Александрове шумно и суматошно.

Я посмотрел на плакат: «Требуется швеи и утюжильщица». И подумал, что писатель — он тоже отчасти утюжильщица. Он утюжит дорогу, пространство и время, чтобы написать пару строчек.

А если будет сидеть дома, то тут же захандрит и запьет. И в лучшем случае ничего не напишет, а в худшем — напишет рассказ про то, как пишут рассказ. И все пойдет в его жизни прахом. И будет сниться ему сныть...

У Дега есть картина «Гладильщицы». Чугунный утюг, полуодетая прачка, белье.

Гладильщицы, видимо, французское слово, а утюжилыщицы — русский эквивалент.

Я сегодня обязательно по возвращении напишу об утюжилыщицах. Об их идейной отсталости от технического прогресса. Об их безграмотности. Об их незавидной участи. Тяжелых чугунных утюгах, духоте в тесной комнатухе, потной рубашке утюжилыщицы, прилипшей к мощному торсу. О груди утюжилыщицы, чугунной, как гири. О невыносимой и горькой тяжести бытия. Про то, что утюжилыщица при деньгах, а у меня — одни романы, что тоже неплохо, учитывая перспективы рассказа, который зарождается, как любовь и смерть.

О красоте утюжилыщицы!

О внезапности вдохновения.

О, эта внезапность творческого порыва!

Рассказ надо писать внезапно, захватив себя самого врасплох. Внезапно, в полночь.

Все должно быть легко и беззаботно, как вот мои скитания в Александрии.

Я сповал по Александрову, как ковид, заражая прохожих толчеей и бестолковостью.

Потом мы стали созваниваться с курьером.

В чем еще польза от курьеров?

А в том, что ты вдруг сам себе кажешься значительной личностью, с которой хотят встретиться.

Преисполнившись значимости, я решил не сразу попадаться курьеру на глаза, как та самая утюжилыщица, которую ищут и не могут найти.

Да, я давно зарыл свой талант в землю, но, не ровен час, могу и отрыть. И тогда начнется война. Война со словами. Война и так начнется.

Но надо быть начеку!

Курьер был поначалу на дальних подступах к Александрову, в Карабанове.

Мне показалось, что Карабаново так же далеко от Александрова, как Ватерлоо от Аустерлица.

И я пошел за вином в большой и просторный, как кладовка, магазин, потому что там никого, кроме меня, никогда не бывает.

Магазин был рядом с аптекой, чтобы заодно запастись и алкозельцером от похмелья.

Я выбрал вино, как выбирают судьбу, неторопливо проходя мимо прохладных полок, как Наполеон проходит мимо стройных войсковых шеренг.

Но, окрыленный процессом, совсем забыл что сегодня не при деньгах. Поэтому сделал очень важный вид знатока вин и углубился в изучение года выпуска и региона, которые меня категорически не устроили. Причем настолько, что продавец чуть было не побежал менять этикетку на бутылке, которая меня больше устроит. Но я был неумолим и неукротим, как Наполеон.

Мои и курьера маленькие фигурки на размеченном шахматном поле Владимирской области Александровского района передвигались совершенно стихийно.

Дебют не складывался, Карабаново отступало неохотно, тем более мои босоножки натерли мне палец, палец кровянил и напоминал свиной окорок, который я покупаю на рынке, когда есть деньги.

Солнце, свившее гнездо под синим куполом, меланхолически поглядывало на прохожих: бабу с носками и старого, выдавшего виды деда, небритого, как все провинциальные деды, да еще с вениками, продавца в соломенной шляпе всего и вся, кажется, поселившегося на рынке. Он напоминал соломенное чучело на огороде.

Тетка на рынке в тесных лосинах обмеривала лифчиком бабкину талию, как будто пытаясь поймать бабочку в сачок.

Я слушал кукующего в трубке курьера, который пытался выудить мою неуклюжую фигуру из цугванга, словно рука шахматиста, и двинуть ее в бой.

Лимузин курьера бороздил выщербленный плацдарм будущего ристалища на улице Ленина, а я крутился волчком, как будто наступил эндшпиль, между аптеками, заполненными бабками с таким длинным списком лекарств, как будто бы грехов на исповеди, что хватит до второго пришествия, пышной, вырывающейся из своих сдобных берегов и панталонов булочной, винным и ЗАГСом.

О, Карабаново — колыбель моего успеха и славы!

А что еще на этой земле, утопающей в дождях и лишенной света, нужно человеку, покуда он не склеил ласты?

Винный, аптека и ЗАГС — этапы большого пути, деградации таланта, который решил бросить вызов вечной темноте, истеричным поэтессам и зигзагам судьбы!

В результате голос в трубке, как будто бы архангельский, сказал:

— Будьте у ЗАГСа!

И я стал слоняться у ЗАГСа, как будто мне надо жениться или развестись.

И я вспомнил свою первую жену, как она гневно требовала развода. Я бы развелся с ней и теперь, еще раз, если вдруг тогда, лет тридцать тому назад, недоразвелся.

И я решил, что надо раз в тридцать лет снова разводиться, чтобы подтвердить свой статус анахорета!

Все эти пошлые перемещения в пространстве и во времени, дешевые фокусы памяти, и на всякий случай я решил заодно бросить, тем более покуда этого никто особо не замечает, еще один, дополнительный, вызов судьбе.

Поскольку этак, по-новому перетасовав колоду прошлого, ты всегда рискуешь на повторение пасьянса.

Подъезжали люди и машины, словно ночью сны, и дама полусреднего возраста и веса поинтересовалась у меня, где здесь юристы.

Будь она симпатичнее, я бы достал из-под земли ей и юриста, и вино с багетом. Но я не люблю безразмерных. Толстых люблю.

А это не одно и то же. У женщины должна быть форма, как у булочки.

Женское тело должно иметь свои границы, как сказал мой знакомый пограничник.

И так я уже битый час торчал у ЗАГСа, хотя, судя по всему, день сегодня был выходной.

Однако я упорно, как памятник вечному жениху, от которого сбежала невеста, вращал в пыльный скверик с крапивой.

Лист крапивы своим ажурным узором напоминал ножовку.

Я ожидал курьера с симкой, как посланника...

Рассказ складывался, как пазлы, из милых пустяков. Так птица вьет себе гнездо из травинок, соломинок и того, что плохо лежит и ярко блестит.

Однажды я оставил безхозный рулон туалетной бумаги на крыльце, прошитом закатными лучами деревенского ядреного солнца, дрозд тут же утащил и его на строительство гнезда.

Симку я, кажется, в итоге получил!

В эпилоге я встал в очередь на станции, как на исповедь, поскольку очередь была недвижима, как имущество.

Мы стояли в кассе за тетушкой, у тетушки с рюкзаком тряслась голова, словно голова не могла вместить в себя все творящиеся в мире безобразия, в том числе подорожание билетов!

Мы стояли долго, я вспоминал поэтессу, тетушка все качала головой, и я подумал: не хватил ли ее удар?

4

...Возвращался я вечером, все так же влажная земля расставляла мои ноги в том порядке или беспорядке, который нужен именно ей, но не мне.

Подметка, как ненасытная пасть, глотала пучками траву, сурепку, одуванчики, лопухи, никак не насытись.

Было душно, как в комнате уютяжищицы, я поливал голову водой, но пот прожигал насквозь глаза.

Но главное, я купил вино в магазине и забыл, что было вчера и, главное, что будет завтра.

Древние греки и римляне использовали в качестве средства для поднятия духа и антидепрессанта напиток под названием непенф.

Или «вино забвения»!

И я забыл ночь, бурную женскую истерику Наташи и чем она была вызвана. И понял, что вернулся к самому началу.

К началу, к сотворению мира.

Я наконец услышал музыку, сотканную из птичьего хора, речного шелеста травы, широко зевающих дверей электрички, машинной возни и тишины мироздания.

Было хорошо, как в джазе, когда все забыли основную мелодию, а я пил вино забвения и слушал соловья!

Было хорошо, как будто бы я ничего еще не написал...

ПОТОМ

В то лето все шли дожди. Но иной раз, когда на небо выбегали, словно массовка на просцениум, холодные и злые тучи, солнце просеивало дождь, как сквозь сито. И я ехал за молоком на своем велосипеде, похожем на осла.

За спиной, как набат, звенели две трехлитровые банки. Велосипедное колесо — летнее солнцестояние. Половина лета, половина — осень. Равноудаленность от человечества воодушевляет. Хорошо, когда кругом никого. В одиночестве есть что-то библейское. Одичание.

Федяйково одичало от одиночества и собачьего лая, ленивого, а потому у лая нет даже эха. Собаки, как египетские жрецы, снисходительны. Они провожают мою ногу, запускающую ход истории, взглядом, лишенным кровожадности. И я больше не ощущаю себя жертвой обстоятельств. Дорога в моих руках. Осел прыгает на ухабах. И ветер у меня на посылах.

Левый поворот руля. Лохматая мельница за жестяным, словно таз, забором о двух крыльях. Третье обломал Дон Кихот Полиносовский, помолясь в часовне Святого Георгия.

Часовня проросла сквозь лето, крест твердый, как росчерк карандашного грифеля на бланке квитанции.

Я сказочно богат, я получил гонорар за полгода. Бухгалтерша забыла мое имя настолько, что даже я еле вспомнил его. И теперь я выбираю это лето с ливнями, эту дорогу, ведущую, в сущности, в никуда. Эту непролазную грязь, солнце и запах коровы.

На краю Федяйкова и, кажется, света поселились армяне из Ноева ковчега. Они пасут коз, коров, делают соленый, как поцелуй океана, сулугуни, тающий во рту, высижива-

ют свежие диетические яйца и добродушно улыбаются загорелыми лицами. Так улыбаются дети Ноева ковчега после потопа. После потома.

После потопа, как известно, выжили армяне и основали общину. Здесь, в Федяйкове. Все, как и встарь. А я вроде бы — статист.

Ной и его большое семейство: Марат, Сильва, Ильшхан, молчаливый работник.

Армяне — последние русские земледельцы и крестьяне. Врата без дверей, входи всякий, кому надо и не надо.

В нос ударяет запах лука, перца и жареного мяса. Семейство Ноя вечеряет.

Сам Ной, как Христос на Тайной вечере, во главе стола. Словно апостолы, семейство, уцелевшее после потома, рядом.

— Игорь-джан, проходи, садись, гостем будэш. У моей жена, Сильва, дэнь рождения.

И был День рождения у Сильвы. И мы с Ноем преломили хлеб, и угостил он меня от щедрот своих: водка, громадные куски мяса, горы мяса, мясной Арарат поглотил меня. И стал я маленький, как в детстве, а Ной, заросший шерстью ста овец, был отцом.

— Я за рулем! — пробовал было я шутить. Но, как и любой шут, был неубедителен, а смешон.

— Обижаешь!

Обидеть Ноя в день рождения его жены?

Никогда!

И я поднимал тост за хозяйку — в частности, а за всех армян вообще. Потом после того, как сын Ноя разлил коньяк «Ной», сразу после этого эпохального момента реальность уплыла из-под моих ног.

Восточная сладость обволокла меня, «Ной» разливался по жилам живительным соком. И я подумал, что мои предки, возможно, армяне.

Ну конечно, на Дону каждый третий если не украинец и русский, то армянин. Иногда, правда, еще и цыган, грек или еврей, но армянин обязательно.

Всевышний, как известно, был кузнецом. Так вот, на хуторе Пролетарка работал кузнецом дедушка Филипп, в кожаном фартуке, в косоворотке и с улыбкой — яркой, как южное солнце. Так вот дедушка Филипп рассказывал, что Бог выковал сначала одного чугунного болвана, а потом ударом молота расколол его на куски. Так получились русские, греки, украинцы, цыгане и армяне. Евреи были всегда, до и после.

К тому же мы еще, кажется, пили солнце из рук матери всех армян Сильвы, и потом Ной сказал: если ты, добрый поселянин, был в Ереване и тебе открылся из-под мохнатых бровей сам Арат Араратович Арапетян, то можешь быть уверен: в твоих жилах течет армянское. И то верно: коньяк в моих жилах отплясывал танец с саблями Хачатуряна. Сабли выскоблили внутри меня все сомнения. И мы рвали мясо зубами, вгрызались в сочную плоть жизни. Барашки, свиньи — не библейские животные, парнокопытные твари, но у нас с армянами не как у людей. Мы сбежали из Ноева ковчега в Новый Завет, чтобы начать все заново. Возможно, мы что-то напутали с причинно-следственными связями и грамматикой, словно кто-то внушил нам, что Ноев стал или был Новым. Но еще известный армянский поэт Пушкин сказал как-то, что не так все просто, как кажется.

Итак, я въехал на осле в село русским, а стал армянином. А дальше, покуда арба истории не тронулась... кто знает, что будет дальше?

Главное, что мы не сомневаемся друг в друге. Мы есть, и никого больше, а остальное приложится. Если люди собрались под голубым сводом, вселенная мычит в хлеву, как будущность, а мы пьем за любовь, детей, женщину, чья улыбка согревает сильнее ненадежного и тусклого русского солнца, которое этим летом проглотил крокодил, то что дальше?

Дальше — тишина, прерываемая звуками. Слова, лишенные смысла.

— Игорь-джан, ты не говори, ешь, в словах правды нет, потом скажешь! — говорит Ной, вытирая текущий по губам сок жизни.

— Нет уж, я скажу, прости, Ной! — с кубком в руках, пьяный и гордый, как Сократ, я, кажется, возвышаюсь выше Александрийского столпа. В моих руках солнце мира! Армяне — мои друзья и родственники. — Вот я приехал сюда на Генрихе Сократовиче, его папа сам Сократ. Мой сын поет итальянские песни вместе с Лизой Авалян. И вообще вокруг, в сущности, одни армяне. Это солнце мы отныне будем называть коньяком, чтобы оно нам чаще улыбалось. И сказал Творец: пусть всегда будет солнце...

Пиршество перешло в апогей, как перихей в амфибрахии. Армяне улыбались, одна Сильва не пригубила. Она сохраняла благоразумие в этой купели безудержной любви и безумия. А я зачем-то вспомнил все Арно Бабаджаняна, Хорена Оганесяна, Дживана Гаспаряна и Хачатуряна с саблями. Мы говорили про Спитак, Арцах. Не забыли и о «Ное».

Дудук печально выводил узор на канве моей русской судьбы, но он сегодня ничуть не печальный. Этот шум дождя, это эхо прибрежных волн озера Севан — торжественное посвящение меня в армяне, в большую и дружную армию армян.

— А Фрунзик? — вдруг сказал молодой виночерпий и Ганимед, который наливал в мой кубок обжигающий нёбо «Ной». Сын Ноя.

— Что Фрунзик? Разве я не сказал еще про Фрунзика? В Ереване Фрунзику поставили памятник и молятся, как святому. Если я ничего до сих пор не сказал про Фрунзика, это только потому, что Фрунзик просто подразумевается. Он по умолчанию — любовь и доброта, растворенная во всех нас. Разве можно не любить Фрунзика? Э-э-э?!

— А ты знаешь, — и голос виночерпия прозвучал, как гром, — что я — племянник Фрунзика Мкртчяна?!

— Не может этого быть, хотя...

— Э-э-э!

Земля под ногами шаталась. И мы пошли к арбе по имени «фольксваген» проверять подлинность родословной племянника от Ноя до Фрунзика Мкртчяна. Я вымыл руки в умывальнике, в котором отмокали большие, как шпаги, шампуры. Огромные, какие бывают только в ковчеге по эксклюзивному заказу небесной канцелярии.

Святой Георгий, обернутая в фольгу вечернего неба печаль. Он освещал наше простодушие.

— Читай!

И я прочитал по слогам: «Garegin Mkrtchyan».

Как же я забыл, что Фрунзика узнавали не по паспорту, а по носу. Нос Фрунзика — иерихонская труба. Все верно, нос Гарика не обманывает, он — четвертинка Фрунзика, печального, великого и смешного святого.

Что же было потом?

Потом я, сияющий и радостный, как апостол, которому Христос на Тайной вечере сообщил великую тайну Бытия, заплатил за Сильвино молоко, яйца триста рублей.

Но, Господи, нашу совместную с армянами последнюю трапезу я никогда не буду измерять количеством сребреников, ибо я никогда их не предам! А они, надеюсь, — меня.

И я отбыл восвояси. Свояси были далеки и неласковы. Горы и леса лежали на моем пути, как лист чистой бумаги, который еще пуст и небесный бухгалтер не расписался в ведомости. Шашлык из барашка был тяжел, как земная юдоль. Коньяк сковал мои члены пленительной слабостью, когда хочется спать и любви. А мне надо было крутить эти чертовы педали, которые стали тяжелы, как вериги. Осел встал как вкопанный.

— Э-э-э!

Молоко сзади на багажнике взбивалось в сливки, а потом в масло, я ехал все время на восток, чтобы рассказать в деревне Поиносово людям всю правду об этой жизни. И главное, рассказать, что Фрунзик не умер, он жив, он вечен, как Ной!

Мне открылся этим пасмурным днем Фрунзик, как открывается избранным счастливым Арарат. И я почти, если доберусь до дома, буду счастлив.

Дорога тянула меня назад и вниз, лес был неубедителен, как три часа тому назад. И небо в пруду стало свинцом. Блеснувшая амальгамой зеркальной потусторонности изнанка жизни.

Жизненные обстоятельства пытаются меня напугать. И я прыгнул в эту мертвую воду, разбив голову о тишину и разогнав головастика. И вынырнув по ту сторону добра и зла, обжигаемый холодом, как огнем гончарным, я стал тем самым чугунным болваном из рассказа бабушки Филиппа. Травянистый настой из водорослей, головастика укрепил мои силы. А молоко стало маслом. Наше прошлое, извлеченное из провалов памяти любовью ко всем смертным, как большая, трепещущая жабрами в предсмертных судорогах рыба.

«Значит, любовь отменяет смерть, — думал я, крутя педали и пришпоривая осли. — Мы вспомнили Фрунзика, и возник Гарик, и он тоже Мкртчян...»

Никогда после и до, никогда потом Фрунзик не возникал на краю вселенной, в Федяйкове. И хотя Сильва все так же улыбалась, но улыбка была словно эхо. Убывающее эхо истории, которой никогда не было. Заботы или дождливое лето выкрали ее радость. Ильшхан и вовсе исчез. Однажды он мелькнул в каких-то серых шароварах, как призрачок. Но меня, по-моему, не узнал.

Ничего, по сути, и не было. Было лето, дождь, и солнце выкатило мне навстречу на осле. Было время летнего равноденствия. А потом... Не было ни коньяка, ни Фрунзика, хотя и могло бы.

Летом в деревне воображение может сыграть с человеком злую шутку. Он вдруг погружается и переживает то, чего не было и не будет. Но — возможно. Он ведь этого хочет.

И тогда наступает, наступает торжественно и гордо сапогом на горло время «потом»...

И я снова кручу педали и мчусь туда с обрыва. И окунаюсь в эту холодную реку, и забываю, что я — это я.

Река называется —

Потом.

Все мы там будем...

ВЕЛЬЯМИНОВО. ВСЕ ЕЩЕ БУДЕТ!

В Вельяминове темнеет рано, словно возле села вечно гуляет Золотая Орда и регулярно выжигает посадки дотла.

Поэтому и пустота в Вельяминове, хоть волком вой.

И вроде коттеджи кругом, люди прохаживаются туда-сюда, собаки лают, все чинно и благородно, но — пусто. Ведь, согласно энциклопедии, село основано Протасием Вельяминовым аж в XIII веке.

XIII век! Кромешная тьма веков. Подумать страшно! От крещения Руси прошло каких-то три столетия. Еще Мамай не ваялся. Ивана Грозного не поминают всуе недобрым словом даже новгородцы. Смутное время — далекое и неизвестное будущее — звездолеты, бороздящие просторы вселенной. Петр Первый — в воспаленном воображении сумасшедшего, а все остальное — вилами на воде. Да и будет ли, неведомо?!

Москва еще не третий Рим, а — село городского типа с деревянными домами.

Такие достижения цивилизации, как канализация — утопический роман!

А меж тем Вельяминово уже стоит себе и в ус не дует! И предок известного актера Петра Вельяминова, который всю жизнь играл колхозников, тщательно скрывая свое боярское прошлое, собирается бороться с Рюриковичами за престол!

Вряд ли вельяминовцев по ночам не допекают языческие призраки. Перуны и Дажьбоги. До рождения Дмитрия Донского, родственника Вельяминовых, еще пятьдесят лет с гаком. И после — почти вся история государства Российского.

И Вельяминово все это скоро увидит. В XV веке это славное местечко вблизи Москвы сожжет Давлет-Гирей, очередной Джавдет, за плечами которого белое солнце пустыни!

А спустя восемь веков на автобусе приеду я, чтобы в местной пиццерии откусывать кофейю.

В окошке, как в подрамнике — храм Преображения Господня.

Вот так бы сидеть здесь вечно, никуда не торопясь, лениво поглядывать в окошко на Преображение, цедить из чашечки сгущающиеся сумерки и не думать решительно ни о чем.

Хорошо ни о чем не думать в конце декабря в словно мерцающих сумерках!

Стрелки замерли, часовой механизм заржавел, время пошло обратно, или, как пишут в фантастических романах, вспять!

Если бы не Преображение, пиццу и кофе пришлось перенести километров на шестьдесят пять на северо-запад.

Крепко засесть, как Чапай с «максимом», в каком-нибудь торговом центре. Или — смешаться с толпой, ассимилироваться с ордой. Жить безоглядно и тупо, глядя на окружающий мир сквозь витрину «Ашана»!

А в Вельяминове — ни души. Тишину можно ощутить, как женщину, не веря тому, что это — не сон, и, как и все хорошее, он исчезнет, растает, стоит только прикоснуться.

Вельяминово — кладбище времени. Его сюда свозят со всей округи, складировуют и утилизируют!

Одна-две избушки в глубине села несут на себе несомненный отпечаток наличников. Они желтеют в брезжущих сумерках не ярким, а слегка разбавленным декабрем, светом фонарей. Их ненадежный, тусклый свет словно фары дальнобойных машин, которые утешают Каширское шоссе справа налево и слева направо. Свечение наличников словно вызов тьме веков.

Но все же как так: ничего?

В самом, почитай, центре села лежит камень бел-горюч:

Село Вельяминово основано в 1279 году боярином Протасием Вельяминовым.

Но куда умчалось это навеки ушедшее время?

Кузнецы в сыромятных ремешках на голове и кожаных передниках, с молотом и раскаленной подковой, зажатой щипцами, пахари и косари с обветренными лицами, старики и старухи у плетня, глядящие вдаль, молодая девка, подобравшая подол, и корова, из-под которой струятся пар и молоко, малец без штанов, отбивающийся прутиком от шипящей, как сковорода, гусыни, — где это все?

Ничего не осталось. Один лишь храм Преображения с чудотворной иконой Богородицы Млекопитательницы и проступившим на стекле темным силуэтом древней иконы. Но и это — всего лишь конец XIX века. Старых стен уже не существует. Цер-

ковь взорвали в 1936 году. А этот граненый, немного грузный, как будто испытывавший всю брэнность земную, барабан восстановили в 2002-м.

Все остальное — знакомое до дрожи типовое жилое пространство с призрачной маршруткой, которая каждые полчаса уносит парочку-тройку нетрезвых или сонных пассажиров с ветерком до метро «Домодедово».

Маршрутка мчит все прямо и вперед, как будто счастье там, в Первопрестольной, у метро «Домодедово», или там, куда летят самолеты и ходят поезда. А здесь — только одно Преображение — на всю округу, серую и притихшую, как мышь.

Но только как-то ничего не преобразается. Ни здание почты с колосьями пшеницы латунной чеканки периода недоразвитого социализма, ни здание Сбербанка с такими же обшарпанными серпом и молотом.

Время гвоздануло Вельяминово молотом о наковальню. И остались от былой славы серый прудик с Набережной улицей, деревянный остов, вставший на дыбы из каких-то кирпичных развалин, словно скелет динозавра в палеонтологическом музее, припаянный к вечной мерзлоте магазин «Продукты» с надписью «Вход сбоку».

Но входа, а заодно и выхода ни сбоку, ни где еще. А есть такое вот объявление, листок формата А4, прищипленный к дереву:

31 декабря в 15.00 у почты будет продажа кур-молодок. Возраст 5 месяцев, отличная племенная молодка яичной породы. Дешево, цены снижены на 30—40 %. Приезд в указанный день и время будет в любую погоду. Последняя распродажа в этом сезоне по прошлогодним сниженным ценам!!!

В пиццерии, взобравшейся на плечи продуктового магазину, одиноко, хоть застрелись. Лишь одна барменша-бандерша, крашеная брюнетка с усами, басит из угла:

— И еще не забудь, Коля, три ящика «Jack Daniels»!

Коля не забудет, свинья не съест, так и живут.

Новый год на носу, в кафе три залы. Есть где разбежаться вширь и вглубь. В средней зале с темными обоями сцена и вбитый, словно кол в спину вампира, шест для стриптиза!

Стриптиз в коттеджном поселке — такая же примета времени и реальность, как Золотая Орда в XIII веке.

А кофе медленно испаряется, словно сквозь меня просеивают минуты, часы, мгновения, века. Или я просеиваюсь сквозь них?

Солнце песчинками в часах истекает, последние минуты, секунды, дни...

Но куда же канула такая уйма времени? В какую прореху? Кто его умыкнул?

Где следы пребывания в Вельяминове человека?

Преображение? Но там — Бог. Одинок и брошенный всеми на кресте.

Батюшка, не верящий ни в Бога, ни в черта, обитает по соседству, в кирпичном, словно игрушечном, доме. Домик аккуратный, двухэтажный, как в раю. По двору ходит вальяжный и раздувшийся, словно шарик воздушный, рыжий кот.

Батюшкин!

Время иссякло. В это место вбили кол для шестового стриптиза. И по вечерам здесь извивается целлюлитная Джессика из Житомира.

И это все, что осталось от тысячи лет христианской цивилизации!

Трудно представить себе, что пройдет еще восемь веков и над Вельяминовым накопец взойдет солнце. Вспыхнет, как лампочка Ильича, заря новой жизни!

А может, и вспыхнет, кто ведает?

Может, как раз все у Вельяминова впереди! Кур-молодок по шибко сниженным ценам завезут только тридцать первого. Виски с содовой, шестовой стриптиз отойдут в прошлое, и потомкам, кузнецам и пахарям, надо будет долго и упорно объяснять на пальцах молодым, что это такое. И никто так и не поймет: что и зачем! И лишь слепой дед Ермолай, которому перевалило за сто, скажет, что его прадед, тот, кажется, был на стриптизе и говаривал, крикнув после рюмашки, что это — вроде рыбалки. Только вместо наживки баба трепыхается, а мужики должны поймать эту русалку на свой уд!

И мне сладко от дремы, в которую меня погружает по-осеннему теплый зимний вечер, неяркое солнышко, мутнееющее вдалеке по-над крышами.

Но покуда несущек не завезли, все кругом невзрачно, словно не выспалось.

Однако пора назад, в будущее!

Тридцать первого будут куры яичной породы, а завтра во дворе гостиницы — еще и еноты в клетке.

Маленькие обаятельные негодяи потянут свои маленькие цепкие ручонки из клетки за бананами. Бананами их кормит Петрович. Работник в вязаной шапке, с одним-единственным желтым зубом, мешочками под глазами и неторопливой, но бодрой и довольно связной речью алкоголика, регулярно похмеляющегося с утра.

Петрович любит енотов, еноты с полосатыми хвостами отвечают ему взаимностью. Он знает о енотах гораздо больше, чем сами еноты о своей нелепой и где-то даже никчемной жизни.

Никчемной, потому что это за жизнь в клетке, сквозь которую белый свет, как шахматная доска, и непонятно, с кем воевать.

Еноты с аппетитом трескают яблоки. Петрович подробно и охотно рассказывает новому посетителю о повадках енотов. Видимо, потому что с енотами хоть и хлопотно, но особо не разговоришься. А лисы, те и вовсе все время только и делают, что — спят, почти как русская история, покуда ее не разбудят декабристы с Герценом.

Петрович и еноты — вот и все, что есть в Вельяминове, хотя оно в пяти верстах от гостиницы, где томится вдали от Домодедова с бутылкой пива командировочный бурят из Золотой Орды:

— Что это за тема? Когда я уеду?

— Вы же сами сказали, что поедете на следующей.

— Это я сказал? Что за фигня?

И правда, что за фигня?

Вельяминово, Барыбино. Стиптиз и «Jack Daniels». Еноты и кролики, Мамай, хорьки и Петровичи...

Но — полно. Все еще будет!

Главное, чтобы несущка не подвела, снясла яичко, а машина тридцать первого — продралась из тьмы веков к центру города!

Сергей МАККЕ

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ», ИЛИ НОВЫЙ ГОД

ЧАСТЬ 1

Я чуть-чуть посмеюсь и негласно немного поплачу.
Вспомнив все, что случилось в уходящем проклятом году.
На остатки стихов я чернила и силы потрачу,
Хоть шагая вперед — никуда уж давно не иду.

В Новом году, все, конечно же, будет иначе:
Не заплачет ребенок, и не будет гореть самолет.
Возвратится ко мне госпожа под названьем удача,
В Вифлееме звезда непременно на небо взойдет.

В Новом году меня будешь ловить с полуслова
И с разрыва любого продолжишь на память строфу.
И вернувшись с чужбины под крышу родимого крова,
Я тогда непременно все совсем неизменным найду.

ЧАСТЬ 2

А пока Новый год, под разрывы хлопушек и дронов.
В новогоднюю ночь, как всегда, довоенная блажь,
Мы украсили ель, пусть напалмом испорчена крона.
И разрывами мин осветим новогодний пейзаж.

Поднимаем стакан под удары кремлевских курантов,
Забываем года под знакомый устойчивый звон.
Но пора выводить и меня, как Вергилий вел Данте,
Среди ада по нити ведет наш оптический дрон,

Где чистилища нет и прощенья искать бесполезно.
Мы шагаем вперед, отбивая за пядию пядь.
Семь кругов впереди! Но сияет надеждою нежность...
Что в раю Беатриче смогу я, как Данте, обнять...

Сергей Макке родился в 1955 году в Ленинграде. Физик-теоретик по образованию. Поэт и создатель музеев по призванию. Автор поэтических циклов «Мартовские иды» и «Письма из римской провинции», опубликованных в последние годы.

ВРЕМЯ НАЗАД

Я в Новый год дописываю пьесу,
В ней жизнь пойдет совсем наоборот:
Чиновники с насиженного кресла
Обратно возвращаются в народ.

Дурные мысли все исчезнут сами,
Тоска плетется в дальний уголок.
Осколки зеркала летят на стену к раме,
И в жизни снова есть какой-то прок.

Мои друзья моложе год от года,
Букет летит к невесте от подруг,
Обратный круг продельывает мода,
И паспорта про возраст дико врут.

Летят назад все выстреленные пули.
Осколки превращаются в снаряд.
Кусочки тел промеж кровавой бури
Вновь образуют марширующих солдат.

Взлетают вверх три сотни целых кресел,
Куски обшивки образуют самолет.
Обратный путь у всех ракет известен
И «Бук» дежурство боевое не несет.

Все в жизни в первый раз, и молодеет мама,
Мой старый кот вновь обретает прыть.
Из старой азбуки для рифмы слово «рама»,
И от тоски не тянет больше ночью выть.

НОВАЯ ЭПОХА

Стучалась в дверь, теперь стучится в ставни
Эпоха новая и ветер перемен.
Надежды старые все рухнули недавно,
Оставив кровь от резанных в горячке белой вен.

Нет места старым и испытанным пророкам.
Реальность новая сжигает книги вех.
Я, сберегавший прошлое по крохам,
Как антиквар, храню сокровища прорех.

Стареет мир моих безумных планов,
И я устал менять в моем блокноте шрифт.
Ушло прекрасное, что наполняло нас недавно,
И проза в жизни нашей заменила стих.

Стареет мир философов отпетых,
Теперь их книги — украшение стен.
Все старые и новые заветы
Становятся resistance перемен.

Грядут другие времена и нравы,
Мир забывает все проблемы стариков.
Искусства все, в которых нет нам равных,
И знание наше, как изношенный покров.

Грядет другая, чуждая эпоха,
В которой места нет былой стране,
Без рассуждений, хорошо ли это? Плохо?
И только ты, надеюсь, помнить будешь обо мне...

НЕБЕСНЫЙ АНГЕЛ

Небесный ангел! Из бумаги?
Висит на елке лишь игрушкой?
А в детстве приходили маги!
А утром сласти — под подушкой!

Был Новый год — всегда со снегом!
Льдом во дворе залита горка!
Спасались от мороза бегом,
Жуя от мандарина корку.

Мы знали: фею встретить можно,
Волшебники приходят часто.
А в русской сказке — непреложно,
К финалу кончатся несчастья.

Был папа добр, красива мама.
Под елкой прятались коробки.
От нас сокрыта жизни драма.
Девчонок поцелуй робки.

И все мечты осуществимы,
Лишь только загадать желанье.
Небесным ангелом хранимы,
Но надо звать его заранее.

Катка хоккейного коробка.
Банан, поделённый на части.
Вручает приз, смеясь неловко,
Та, у которой ты во власти.

Пусть долго ждать, я верил в чудо,
Шарами украшая елку.
Я в тех годах, увы, не буду.
И жизнь прошла моя без толку.

Но в Новый год, опять, как в детстве,
Я елку жду и Дед Мороза!..
Бумажный ангел по соседству
Отводит от меня угрозу.

РАССКАЗЫ

ЗВЕРИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

Бармалей

Рони, красивую породистую шнауцерику, вывели из комнаты, в которой на большом овальном матрасе с невысокими бортами копошились ее щенки.

Шнауцеры — собаки активные, сторожевые, могут и цапнуть, а мы пришли всей семьей, с восьмилетним сыном. Мы молча уставились на щенячью лежанку, на кучу малу. Щенки были примерно одной величины, на толстеньких лапах, с вислыми, не купированными пока ушами, но с уже обрезанными хвостами. Они играли друг с другом, трогательно тыкались носами в сестер и братьев, повиливая коротышками-обрубками вместо хвостиков.

— Вам кого? Девочку или мальчика?

— Мальчика, — твердо сказал наш сын Вова.

В этот момент из живой кучи вылез и подковылял к нам щенок, желая обнюхать бо-тинки трех пришельцев. Я взяла Рониного детеныша на руки, перевернула на спину и увидела его детородный орган. Щенок попытался меня лизнуть.

— А можно вот этого? И как его зовут? — спросила я Сергея, хозяина щенячьей мамы.

— Пока никак. Всему помету дали букву «Б», вы уж назовите, будьте так добры, как-нибудь на эту букву.

Мы уже знали, что нам дадут паспорт ух-какого-породистого щенка, что мама его — известная на всю Москву медалистка, а родной дедушка — знаменитый чемпион мира среди миттельшнауцеров — голландский пес с веселой кличкой Акапелла-Балалайка. Сын призеров и внук чемпиона мира с серьезной родословной — за наличные доллары мы покупали не абы кого, не ублюдка, не дворняжку беспородную, не метиса, а настоящего собачьего принца. Действие происходило в 1990 году.

Года полтора назад мы разбогатели. Вылезли из нашей бедняцкой однушки в Бескудникове, перебравшись в большую двухкомнатную квартиру. Советский Союз тогда еще не распался, построить кооператив было сложно, и мы нашли вариант обмена неподалеку, в Лианозове. Соседи подсказали нам адрес алкоголика, который после

Елена Данченко — поэт, прозаик, переводчик, рецензент, журналист. Окончила факультет журналистики КГУ (Кишинев) и училась в Высшей школе переводчиков г. Утрехта (Нидерланды). Автор шести книг стихов и одной книги переводов совместно с американским переводчиком. Лауреат и финалист многих конкурсов: имени Ольги Бешенковской (Германия), Дюка Ришелье (Германия—Одесса), Международного литературного фестиваля (Прага), «Музыка перевода» (Москва), «Лучшая книга года» (Германия), премии имени Игоря Царева, лонг-листер Бунинской премии, Волошинского конкурса, премии «Белла» и других. Автор публикаций стихов, переводов, прозы и публицистики в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Знамя», «Смена», «Москва», «Иностранная литература», «День и ночь», «Урал», «Зарубежные записки», «Дарьял» и др.

смерти родительницы решил обменять свою квартиру на меньшую с доплатой. Мои родители помогли нам деньгами (ах как вовремя! — иначе дефолт последующих лет изничтожил бы их в пыль), алкоголик с удовольствием взял доплату, подписал нужные документы и отправился пропивать свое «богатство».

К тому времени, так и не защитив кандидатскую, муж ушел из хиреющей на глазах науки, из НИИ, в котором он служил мэнэссом, или, как тогда шутили, малонужным сотрудником, и подался в область малоизведанную, советским людям незнакомую — в бизнес. В горбачевское время он сколотил кооператив при своем НИИ и торговал с друзьями научной аппаратурой. А в ельцинское время муж с головой ушел в оптовую торговлю, поставляя из-за границы и продавая экзотические фрукты, тогда только-только появившиеся в Москве, импортные сигареты и алкоголь. У нас тогда впервые появились деньги, на которые можно было купить продукты с рынка, даже мясную вырезку, и одежду с оптовки. Мы «упаковались»: через друзей достали мебельную стенку из ДСП «Фрагмент», переплатив посредникам вдвое, а мягкий уголок золотистого бархата добыли в комиссионке. Муж приволок в дом телевизоры «Сони» и «Филипс», видеомagneтофон, швейцарские кастрюли, кухонную технику. Сделали ремонт в квартире, купили кухонный гарнитур. Сменили нашу самую первую машину — древнюю «единицу», изготовленную еще итальянцами в Тольятти, на новенькую голубую «девятку». В общем, к 1990 году мы считались преуспевающей буржуазной семьей.

Уже не вспомнить, кто и когда захотел завести собаку в доме. По-моему, все-таки я сама, и меня поддерживали муж и сын.

— Ты не представляешь, как я хотел иметь собаку, это было моей самой заветной мечтой детства! — признался муж. — А родители не разрешили и завели мне только младшего брата.

— Собака, пусть у нас живет собака, я тоже хочу собаку! — запрыгал Вовка.

— Ну вот, пусть хоть у нашего сына она будет, — муж подвел итоги голосования.

Уже в машине, по дороге в Лианозово, щенок написал мне на джинсы и в квартире, не успев приземлиться на пол, напрудил лужицу.

— Ну все, мать, — сказал муж, — ты хотела собаку, теперь ухаживай сама за своим бобиком-бэбиком.

А я и не отказывалась. Вытирала лужи, варила каши на костном бульоне, выгуливала щенка в первые пару месяцев по четыре раза в день, мыла лапы, вечно грязную обувь и полы...

Облюбовав холодильник, наш щенок с маниакальным упорством подходил к нему, задира заднюю лапку и писал прямо под агрегат.

Мы спустились к машине, вытащили из-под шоферского сиденья резиновый коврик с бортами и постелили его у входа в кухню. Теперь в ванной у нас на подхвате постоянно стояло ведро с тряпкой — убирать собачью мочу из автомобильного коврика, а гостей мы вежливо просили перешагивать через собачий туалет.

Однажды к нам пришел приятель и поинтересовался, почему у нас постоянно работает стиральная машина.

— Так у нас же теперь песик! — сказала я.

— Он что, так много носит?

— Он не носит, а носится и прыгает мне на грудь! В лужи лезет, в болото, сапоги у меня вечно грязные...Вот и стираю свой комбинезон постоянно, штаны, носки...

Надо сказать, что с поселением у нас собаки мой гардероб сильно изменился, теперь я носила спортивную обувь, шерстяные носки, комбинезоны, спортивные штаны,

резиновые сапоги, а туфли на каблуках и юбки вынимались из шкафа только при вылазке в центр или в гости.

Над мной подшучивали подружки, потому что я не только мыла лапы, а при надобности и под обрубок хвоста у собаки, но даже чистила ему зубы. Натурально: обычной зубной щеткой и пастой. В одной руке я держала щетку, а в другой лейку душа, направляя ее в пасть, чтобы пес не глотал пасту. И он, представьте себе, терпел.

Мы называли его Бармалеем. Хотя ну какой он был Бармалей? — добродушнее и веселее нашей собаченции я не встречала! А кликали мы его по-разному: Барька, Барик, Бармалюшка.

Маленький неуклюжий толстячок щенок вырос в крупного мускулистого шнауцера с невероятно красивой мордой. Для стандарта своей породы он был слишком крупным, и не зря дети нашего двора дразнили его «ризеном», по названию более крупной породы ризеншнауцера, но самое обидное было — правое ухо. В те поры шнауцерам купировали не только хвосты, но и уши. Операция была произведена неудачно: левое ухо встало, как полагается, торчком, а правое заваливалось на темя, а иногда и падало вниз, напоминая шапку-ушанку почтальона Печкина из мультлика «Трое из Простоквашина». Мы, «трое из Лионозова», понимали, что нашему красавцу никогда не занять первых мест, и после первой же выставки, на которой наш Барька взял-таки бронзу и диплом, оставили это занятие навсегда. Мы любили его и без медалей.

А уж как он любил нас!

Когда во входной двери поворачивался ключ и мы вваливались в дом после какого-нибудь вечернего мероприятия — похода в гости, в театр или в кино, Барька оглашал подъезд нашего многоэтажного дома на Керамическом проезде залиvistым лаем, сменяющимся радостным визгом и высокими прыжками — любимый зверь старался допрыгнуть до наших физиономий и расцеловать каждого по очереди. Восьмилетнего Вовку приходилось поддерживать — Барька мог его запросто опрокинуть на пол. Муж немедленно брал псика на поводок и спускался во двор — выгуливать.

В выходные дни, если у нас не был запланирован культпоход, мы долго гуляли в парке. Лианозовский парк велик, и Барьку было где побегать. Шнауцериное племя — настоящие стайеры, они развивают скорость до шестидесяти километров в час, и когда-то эти собаки служили в Германии сопровождающими дилижансов. Выносливые и шустрые псы бежали впереди дилижанса, охраняя его от внезапных нападений. Учувя опасность, они оглашали округу лаем, предупреждая возницу и пассажиров о появлении грабителей. А голос у шнауцера громкий, залиvистый, и строжа они отменные. В той же Германии предки шнауцера работали вместе со сторожами — обходили город и стерегли покой горожан.

Зимой мы запрягали Барьку в санки, и он возил маленького Вовку по парковым дорожкам, а Вовка заливался счастливым смехом. До сих пор, закрывая глаза, вижу искрящийся в свете фонарей утоптаный снег дорожки, падающие снежинки, плотные сугробы по бокам, как бы обшитые серебристой люрексовой тканью, и мелькающие лапы Барьку в белых оборочках...

Кто не знает, шнауцеров стригут по определенному стандарту: под животом и грудью выстригают «юбку» — под грудью седая шерсть длиннее, у паха она совсем короткая. Длинную бороду не стригут, только чуть подстригают и чешут, делая квадратной, а длинные брови не трогают, и они падают на глаза смешными светлыми водопадами. И шерсть на лапах не стригут, поэтому каждая как бы в оборочке. Барик был удивительно похож на моего мужа: такой же длинный нос, такая же квадратная борода бывшего ученика, только у мужа она выглядела менее аккуратной.

— Старший сын похож на маму, а младший на папу, — любил говорить муж.

Так вот, Барька катал сына на санках, и иногда на виражах санки опрокидывались. Вовка, в своем комбинезоне похожий на вареную колбасу, валился в снежный сугроб на обочине, хохоча, а Барька разворачивался и подбегал к нему, носом и лапами поднимая его из сугроба. Мы снова усаживали ребенка в санки, и веселье продолжалось.

У Барика были серьезные, как у всех шнауцеров, удлиненные, крупные челюсти и крупные, белые и крепкие клыки. Пасть почти что крокодиля. Но наш добродушный пес никогда не пускал зубы в ход, не зная своей мощи. Он любил всех: детей, стариков, любых гостей, даже пьяных.

Как-то пришли к нам знакомые мужа, из когорты бизнесменов-нуворишей. Я, как обычно, накрыла стол в кухне, мы поставили вино, коньяк. Один из гостей назюзюкался. Пошел в туалет, а потом незаметно исчез. Нашли мы его в гостиной сидящим в кресле в состоянии нирваны. Расхристанный пьяный мужик с галстуком набок, улыбаясь счастливой младенческой улыбкой, растекся в кресле, а Бармалей, упершись ногами в его белую рубашку, вылизывал красную пьяную физиономию.

Мужик почти спал, блаженно повторяя: «Бармалюша, Бармалюша...», и не хотел уходить домой. Пришлось вызывать ему такси.

Барик спал в нашей комнате, на кресле. Мама прислала мне интересную, скорее всего гардинную ткань, что-то вроде серебристого с желтыми узорами атласа, которая очень подошла нашему мягкому гарнитуру. Я сшила из ткани накидки на диван и кресла. Барька облюбовал одно из них, напротив нашего дивана. Туловище его умещалось на сиденье, а голова всегда лежала на подлокотнике. Он спал спокойно и умел улыбаться во сне своими черными длинными губами. Клянусь вам, это была настоящая улыбка: углы его пасти приподнимались, нос немного наморщивался, и морда выглядела счастливой. Иногда ему что-то снилось, и он повизгивал, а однажды мы увидели, как он, спящий, вдруг начал быстро перебирать лапами и глухо порывивать — ему снились его собачьи сны: то ли за ним гнались, то ли он убегал от погони. Он не мог нам этого рассказать, и мы его тогда не разбудили... Я только погладила его вздрагивающее тело и тихо сказала:

— Баринька, малыш, успокойся, ты дома, ты с нами, все хорошо, — и он перестал «бежать».

В еде он был неприхотлив, как и все терьерные собаки. А годы выдались страшные, голодные. В продуктовых магазинах не было ничего, кроме хлеба, круп и консервов «килька в томате». Москвичи выкидывали собак на улицы, потому что нечем было кормить детей. Однажды в январе мне пришлось быть свидетелем горестной сцены. Я стояла на автобусной остановке и, навьюченная пакетами с овощами, ждала свой автобус, чтобы добраться до дома. Пыхтя и вздыхая, подъехал двойной автобус-гармошка. Двери распахнулись с шипящим вздохом, и из них на снег выпрыгнул роскошный породистый молодой доберман-пинчер шоколадного цвета. Без ошейника... Совершенно один, он, скуля, запрыгивал во все двери длинного автобуса подряд, снова выпрыгивал, потом пробежался вдоль, ища хозяина. А хозяина не было. Доберман плакал самыми настоящими слезами. Его обманули, завели в автобус и бросили на произвол судьбы... я чуть не зарыдала тогда сама, но что мне было делать? Руки заняты овощами, дома семья, маленький сын и маленький тогда еще щенок... куда брать еще и взрослого добермана? Я стояла на остановке и кричала:

— Чья собака? Отзовитесь, чья собака бежит без поводка?! — но не отозвался никто... Я не знаю, что стало с тем брошенным доберманом. Тогда я еще не ведала, что первый собачий приют уже четыре года как существовал в Москве, но информации в открытом доступе не было, и сами собачники ничего о нем не знали. Своего компью-

тера у меня тоже не было до 2001-го, только в тот год я стала юзером сети, но это случилось много позже.

Муж трудился на собственной фирме, вернее, на фирме, которую организовали он и его два товарища, и называлась эта фирма по первым слогам их отчеств. Название прекрасно помню, но не оглашу, о причинах расскажу позже, потому что история фирмы напрямую связана с судьбой Бармалея.

Мы не бедствовали и даже жили хорошо по сравнению с большинством москвичей, потому что жена одного из трех совладельцев торговой фирмы работала завмагом и доставала дефицитные в те поры продукты, даже мясные балыки. И уж для нашего Барика мы всегда получали мясные кости, а в магазинах я покупала ячневую крупу. Из этих двух продуктов варила собачью кашу, добавляя в нее капустные листья, морковь, зелень. Барик ел жадно и быстро. Что удивительно, любил яблоки и арбузы. В сезон мы разрезали арбуз, ели его сами и давали куски Бармалею. Он аж повизгивал от предвкушения удовольствия, следя горящими глазами за тем, как мы режем арбуз. На лету хватал куски и съедал за секунду с громким смачным хрустом! Ну как было не расцеловать его бородатую морду, выражавшую довольство и собачье счастье! Мы и расцеловывали.

При всем своем добродушии Барик был дрессированным псом. Он знал команды. В Лианозово приезжала девушка-дрессировщица и выучила нашего собакина основным командам: «Сидеть», «Стоять», «Лежать», «Апорт», «Ко мне», «Голос».

А потом наступили смутные времена. Муж никогда не рассказывал мне о делах фирмы и никогда не давал мне много денег на расходы. И я не понимала почему. Я не понимала, почему жена партнера мужа ходит в новой норковой шубе и ездит в Лондон, а мы в лучшем случае выбираемся на три недели в Гурзуф и живем там в сарае, а о покупке норковой шубы и речи быть не может. Я спрашивала мужа, он огрызался и отвечал: «Я не смотрю в чужую тарелку и тебе не советую». Я не понимала, почему семья партнера въехала в новую пятикомнатную квартиру на Чистых Прудах, а мы так и сидим в двушке на окраине, и из нашего окна Кольцевая вся видна... ведь муж уходит на работу в семь утра, а возвращается в одиннадцать вечера в лучшем случае, и у него только один выходной. Я знала только, что партнер сделал себя генеральным директором фирмы, а муж стал финансовым директором и добывал кредиты. Я не завистливый человек, но я не понимала материального взлета семьи партнера — совсем недавно они жили в коммуналке на Кутузовском проспекте с двумя детьми и мамой жены. Ведь мой муж трудился не меньше партнера, если не больше, а денег в доме особых не было. Ради чего, собственно, я оставила работу? Зачем я ежедневно мою, стираю, добываю провизию и готовлю, организую ремонты и жизнь семьи, если ни семьи, ни денег нет? Деньги, конечно, были, но не те, для которых надо убиваться на работе по двадцать часов в сутки. Немного света на эти странные обстоятельства пролил мой товарищ, с которым я когда-то работала в журналистике и которого по делам занесло на фирму мужа.

— Лена, я могу конечно, ошибаться, но кое-что я учуял, — рассказал Леша. — Дело обстоит примерно так: твой муж берет кредиты в банках на закупку чего-то. Они действительно это что-то закупают, но не на все кредиты. Часть сумм так называемый гендиректор прокручивает тихо и исключительно в свою пользу. Заработанными деньгами он, понятно, не делится, а тратит их по своему усмотрению. Отсюда и шуба, и Лондон, и квартира в центре Москвы.

До меня дошло. Из моего мужа, бывшего ученого, сделали лошару. Его использовали, как дурака...

В памяти начали всплывать его шутки, пересказанные мне друзьями-поэтами. Как-то мои друзья спросили его, что для него значат наличные деньги, ведь приходится их иногда возить чемоданами.

— Да я к ним отношусь как к формулам, — ответил бывший физик-мэнээс. — Ну, бумажки, зелененькие такие

А потом началось самое страшное: бандитские наезды на фирму. Ни мой муж, ни его хитроумный партнер не знали одной важной вещи. Пока они торговали сигаретами, куриными окорочками и киви, все было более-менее безопасно. Но они повысила ставки и попытались торговать цветными металлами. И лучше бы они этого не делали. Скорее всего, их небольшая фирма попала в поле зрения конкурентов. И даже не скорее всего, а наверняка. На фирму начали приходить бандиты. Владелец фирмы ежедневно устраивали «качели»: это когда с утра приходит одна банда и требует денег, а под вечер — другая. Я узнала, как мне тогда показалось, невозможное: оказывается, муж и его хитрый партнер взяли в нескольких банках в общей сумме миллион долларов кредита, отправили деньги в Казахстан и начали ждать металлы. Понятно, что цветные металлы никто не прислал, а кредитные деньги попросту украли. Муж начал пить. Особых ценностей мы не нажили никаких: у нас не было дорогой квартиры, золота, бриллиантов, мехов... нам было не из чего платить долг. Мы жили тогда в ежедневном ужасе: вечером в квартиру вваливался полупьяный муж, мы хватали самое ценное: ребенка, Бармалея, дедов стул семнадцатого века и картину Миши Штырева «Европа», для которой моделью послужила я сама, грузили все это в машину и ехали ночевать к друзьям. Все машины, принадлежащие фирме, кроме личных, были отобраны.

И наступил самый страшный день. Муж сказал, что мы должны развестись, иначе нас всех убьют, а так — не убьют и я сохранию хотя бы квартиру, оплаченную деньгами моих родителей еще до бизнес-эпохи.

Я и сама хотела развестись еще за несколько месяцев до этого разговора, потому что жить в непрерывном ужасе я больше не могла... Я не могла больше простаивать ночи у окна, высматривая голубую «девятку», несущую моего мужа из центра города в нашу лианозовскую глухомань, и отстирывать его рубашки со следами чужой губной помады и запахами чужих духов и виски...

Денег у меня не было от слова совсем. Сбережений и работы не было, разумеется, тоже. Надо было думать о прокорме себя и малолетнего сына. Выбора не было, и я попросила забрать Бармалея с собой и отвезти к свекрови в Красноармейск.

...Та сцена прокручивается в мозгу и отдает невыносимой, вытягивающей душу болью каждый раз, когда я ее вспоминаю.

Муж собрал вещи, подозвал Бармалея, надел на него ошейник, взял на поводок. Баррик подпрыгивал и поскуливал от восторга, как всегда, когда хозяин вел его на прогулку. Но в этот раз он поехал гулять далеко — за девяносто километров от Москвы, в маленький закрытый городок Красноармейск, где жила мама мужа. Моего Барика увозили прочь из дома, в котором он вырос и жил два года с лишним...

Дальнейшее помню как дурной сон. Уходя, муж оставил двести рублей: на те деньги я могла купить ровно четыре пакета молока. И все. Сил работать не было, да и никто нигде меня не ждал. Мама прислала мне деньги на билеты. В полубессознательном состоянии я собрала сына, кое-какие пожитки, и мы отправились на Белорусский вокзал, где сели в поезд и укатали в Оршу. В ту самую Оршу, которая, начиная с 1917 года, спасла мою семью. В свое время там оказалась моя бабушка, бежавшая из голодного революционного Петрограда. Там она встретила моего будущего деда, вышла замуж и родила маму и двух моих теток. В Орше после войны поселилась моя прабабушка, потому что война не оставила ей даже коммунальной комнаты в Ленинграде, и деваться ей было совершенно некуда. В начале девяностых в Оршу сбежали мои родители,

не в силах больше жить в националистической антирусской Молдове, после более чем сорока лет жизни в республике... По установившейся семейной традиции этот тихий белорусский город спас и нас с сыном от бандитской перестроечной революции, спустя почти восемьдесят лет после Великой Октябрьской, и буквально через два года после поселения в ней родителей в старом дедовом доме. А дом уже был поделен между двумя сестрами — мамой и теткой, и в нашем распоряжении оказались только две комнаты, одна из которых была проходной.

В Орше я свалилась. Натурально, на сорок дней. Я не могла и не хотела жить. Я не могла встать с кровати и что-то сделать, хотя бы помыть посуду. Я могла только лежать в кровати, опухать от слез и спать под антидепрессантами, от которых зверски хотелось пить. Мама в свои семьдесят один год должна была тянуть всю семью: внука десяти лет, почти лежачего мужа в анабиозном состоянии Альцгеймера и свалившуюся от горя дочь тридцати трех лет. И мама сдружила. Вовку отдали в оршанскую школу недалеко от дома, где он совершенно не понимал, почему он должен учить белорусскую мову и где его били за лучшие знания по математике. Мама ходила в школу разбираться с хулиганами и ставила их на место, жестоко таская за уши, чтобы не смели впредь обижать москвича.

Каждое утро мама ходила на базар с тележкой и огромным ящиком с яблоками — торговать, а Вовка после школы бежал не обедать, а подменять маму за прилавком. Две пенсии и оршанские яблоки со старых дедовых деревьев в артритных наростах и седом мху кормили нас.

Постепенно я начала очухиваться от развода. Вставать, умываться, убирать дом, ухаживать за отцом и готовить еду. К лету я совсем выздоровела и сама начала торговать на рынке всякой всячиной. Мама ездила в Минск, на Комаровку, где покупала сигареты, папиросы, шоколад, конфеты в коробках для перепродажи на оршанском рынке, и за прилавком мы стояли уже на пару — две сигареры, две Карменситы — молодая и пожилая. Даже Вовка включился в семейный бизнес: он торговал газетами вразнос и даже заработал себе на первые наручные часы.

У нас с мамой появился план: купить дом, хороший дом в хорошем районе для всей семьи, чтобы в доме были горячая вода, и ванная, и теплый туалет. К тому времени мама начала получать выплаты из Германии как бывшая узница Равенсбрюка, и мы поняли, что купить дом в Орше нам по силам. А деньги зарабатывали на будущий переезд и ремонт.

Я застряла в Орше на долгих три года. После расставания с мужем я не видела его года полтора, с той самой страшной зимы 1993 года. И вот летом 1994 года он явился в Оршу. Внезапно. Особенно не распространяясь о себе, он принес горячайшую весть.

Однажды в Красноармейске его мама вывела Бармалея гулять почти ночью (понятно, что муж не жил у свекрови постоянно). Ну что из себя представляет город Красноармейск? «Три дома, две сосны», как охарактеризовал его когда-то муж. По ночам и движения на улицах нет. Но надо же было такому случиться, что какая-то шальная машина вынырнула на дикой скорости из ночной темноты и сбила нашего Барьку насмерть.

— Я похоронил его в лесу, а на могиле поставил камень, — сказал бывший муж и заплакал.

Заплакала и я, сев на кровать, на которой пролежала почти без движения сорок дней.

С рынка вернулась мама и уронила лицо в ладони.

Гибель Бармалея скрывали от меня год.

В чем был виноват наш Барик? Только в том, что несмышленишем проявил любопытство и подошел к нам, двум молодым дуракам, не сумевшим сохранить ни семью, ни собаку?

В одной из книг эзотерика и парапсихолога Сергея Лазарева «Диагностика кармы» я прочитала, что собаки и кошки гибнут, спасая своих хозяев, беря на себя их карму. Мой муж добизнесменился до того, что несколько лет скрывался от бандитов у чужой женщины, не нажил ни гроша и потерял семью. Он ходил под пулями, но не уехал из Москвы, из которой в тех обстоятельствах любой нормальный человек бежал бы куда глаза глядят, «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», в любую сибирскую глухомань. Получается, если верить Лазареву, Барик спас его от неминуемой смерти. Да будут прокляты все деньги мира, если их цена — гибель собак, разводы, предательства, безотцовщина, нежелание жить и болезни!

Наш Бармалей, которого мы так любили и который так беззаветно любил нас, погиб. И я больше никогда не увижу его черных блестящих глаз под водопадами бровей, его неправильного уха а-ля почтальон Печкин, его черногубой улыбки, его белесой бороды. Не увижу, как он резво бежит по снегу, катая моего сына на саночках... а в ушах будет вечно звучать его голос, его звонкий, до хрустального звона, лай и его радостное повизгивание, в котором было столько жизни и веры в своих непутевых хозяев.

С тех пор я не могу завести собаку. Бармалей был и остается одним-единственным. Вот так.

Нахалка

Мы прозвали кошку Нахалкой.

Эта холеная, крупная и пушистая кошка с наглым взглядом, часто выражающим полное безразличие, живет на нашей улице несколькими домами ниже. Серая с белым, длинная и густая шерсть ее лоснится от хорошего питания и вольной жизни. Дом, в котором она обитает, выглядит богатым и нарядным: на террасе стоит дорогая садовая мебель, ухоженные цветы выглядывают из горшков. В доме любят кошек — их несколько, и мы часто видим их на террасе или возле дома. Они греются на уже не раскаленном, как летом, а на приятно согревающем андалузском октябрьском солнышке. Иногда на своей террасе, иногда на столбиках, соединяющих решетчатые фрагменты ограждения, а иногда и на участке необитаемого дома напротив. Участок размером с небольшую комнату, метров пятнадцать. Мы не знаем, приезжают ли в заброшенный дом хозяева хоть иногда — в нашей деревне мы живем, в общей сложности, полгода в году, — но кошачья хозяйка повадилась вешать там выстиранное белье и коврики для просушки. Ей так удобнее: входная дверь в ее дом находится прямо напротив соседского заброшенного участка. Вот и кошки с котами решили, что и они могут вольно располагаться в чужом дворе — как на террасе собственного дома. Разноцветные кошки — среди них есть черная, белая, рыжая и разноцветная — валяются на солнце, а когда оно начинает припекать, переползают в тень. Заодно они справляют там нужду, и заброшенный участок резко пахнет кошачьей мочой.

Но только Нахалка считает, что она имеет права на нашу улицу целиком. Познались мы с ней лет пять назад, и тогда у нее не было прозвища, а имени ее мы не знаем до сих пор. Сначала она подходила ко мне, лакалась и терлась о ноги, а я ее гла-

дила, чесала за ушком, спрашивала, как ее зовут. Кошка мурлыкала, не отвечая. Потом она начала ходить за мной по улице, иногда вскакивая на столбики невысоких соседских заборов, чтобы мне было удобнее ее погладить и поболтать с ней.

Потом кошка начала заходить в нашу урбанизацию и вбегала в нее первой, как только я приоткрывала дверь нашей металлической ограды. Дальше — больше. Ничто же сумняшеся, Нахалка с совершенно хозяйским видом повадилась заходить в нашу квартиру без приглашения и располагаться в ней как у себя дома. Будучи заядлым кошатником, муж не выгонял ее, а ласкал и чесал за ушком. Потом начал подкармливать и без того сытое и весьма упитанное, как кот из мультика про попугая Кешу, создание. Помните знаменитую Кешину фразу: «А вы бывали на Таити?» Его слушали дворовые звери, среди которых был рыжий кот, похожий на подушку с торчащими четырьмя конечностями, когда он падал на спину, хохоча. Нахалкины габариты поменьше того мультяшного кота, но приближаются к его подушечной форме.

Мы начали замечать нехорошие вещи. Раньше мы имели привычку, уходя на пляж, оставлять окно на общий проход в урбанизацию приоткрытым. Мы живем в угловой квартире на первом этаже, окна и входная дверь забраны металлическими коваными решетками, сквозь прутья коих невозможно пролезть даже карлику или ребенку. Но мы не учли, что то, что невозможно карлику, вполне по плечу коту или кошке. Так вот, в наше отсутствие Нахалка спокойно протискивалась сквозь прутья решетки, шла в кухню и ела там все, что ей было по вкусу, а объедки сбрасывала на пол. Когда она умудрилась сбросить лапой даже кусок хамона, подвешенный на крюк над кухонной столешницей, объесть его наполовину, а оставшееся мясо скинуть со столешницы на пол, наше терпение лопнуло. Мы решили положить конец нашим отношениям. Мы начали закрывать окно на общую территорию, даже когда находились дома. Приходя под окно, Нахалка устраивала акции протеста: сначала она пыталась открыть окно лапой, но даже если мы случайно оставляли полусантиметровый зазор между створкой окна и рамой, он оказывался слишком узким для ее лапки. Когти не справлялись — они лишь царапали твердый пластик. На жалобное, а потом на требовательное мяуканье мы никак не реагировали. Наоборот, мы закрывали окно плотно. Тогда Нахалка становилась на задние лапы и — вы не поверите — начинала передней правой лапкой сердито стучать в стекло, как человек.левой передней она опиралась о стекло. Но и это ей не помогало. Раз, второй, третий — трюки изобретательной животины не прекращались. Я подходила к окну, отрицательно качала головой и показывала на выход из урбанизации. Нахалка смотрела не меня желтыми злыми глазами, и тонкие лезвия зрачков резали меня взглядом.

— Извини, дорогуша, но тебе придется забыть дорогу к нам.

Муж несколько раз снимал кошку с внешнего подоконника и аккуратно выносил за забор урбанизации, давая понять, что не стоит к нам больше приходить.

Я не знаю, что именно привлекало Нахалку в нашей урбанизации, но она основательно поселилась на нашей территории, а дома только ночевала. Она будто хотела показать нам, что проживет и без нас и всем соседям будет мила.

На дворе царит октябрь, на редкость теплый, сухой и почти безветренный. Вода в бассейне хоть и прохладная, но терпимая для купания. Холодной ее считают местные и уже не купаются, а нам — в самый раз. Когда мы не успеваем ездить на море — все-таки до ближайшего пляжа пятнадцать минут езды, а еще стулья и сумку с полотенцами надо тащить из багажника по песку, а не всегда хочется или не всегда успевается из-за срочных дел, — мы с удовольствием бултыхаемся в бассейне, наблюдая ласточек, со свистом рассекающих воздух, или вертолетики голубокрылых стрекоз, приземляющихся на бортик бассейна. Здесь же, у белых пластиковых лежаков, неред-

ко можно увидеть Нахалку. Она греется на солнце, иногда лениво переползая в тень больших цветочных горшков с денежными деревьями и алоэ. Время от времени она занимается йогой: потешно переворачивается на спинку и шевелит всеми четырьмя лапками. Или, лежа на спине, покачивается влево и вправо.

— Привет, Нахалка, как дела? — поприветствовала я кошку, от которой мы оттреклись еще год назад.

Нахалка сделала вид, что не расслышала. Ноль реакции. Морды не повернула, усами не пошевелила и даже не посмотрела в мою сторону.

— Ты можешь со мной не разговаривать, но наше мясо ты больше трескать не будешь, — сказала я, выйдя из бассейна.

Закрывая дверь ограждения бассейна (по правилам она закрывается на ключ), заметила людей в проеме двери квартиры на первом этаже. Там живут англичане — Стив и Люси.

— Is this your cat?¹ — спросила я выглянувшего из двери Стива, прекрасно зная, что кошка не его.

— No, it's a cat of all of us², — ответил он.

И что вы думаете? За попытку поговорить с опальной кошкой и небольшого обсуждения ее статуса с соседом последовала классическая кошачья месть.

На следующий день мы почувствовали странный запах на террасе. Там растут цветы и стоят несколько пустых горшков из-под погибших растений. Один из керамических горшков формой похож на ночную вазу. Не кто иной, как Нахалка ночью пробралась на нашу территорию и наделала лужу в горшок! И в этом нет никаких сомнений. «Вот вам, гады, за то, что вы отвадили меня от дома», — будто хотела сказать она, переводя на кошачий язык известные слова Экзюпери. Конечно, мы в ответственности за тех, кого приручили, но не за тех же, кто нас начинает внаглую использовать. А вы как считаете?

БАБУСЕНЬКА

Мама называла ее мамочкой, а я — бабушкой Женечкой или бабусенькой, такая она была маленькая, кругленькая, похожая на бусинку, с которой рифмовалась. И по дому она перекатывалась легко и неслышно, как бусинка-бисеринка. Круглое личико, покрытое морщинами, внимательный взгляд из-под чуть в стороны нависших монгольских век («матвеевский разрез глаз» — говорила мама), схваченные на затылке коричневой пластмассовой гребенкой коротко постриженные волосы пегого цвета (бывшие шатенные, а тогда — с проседью), одни и те же платья — их было всего два и оба темные и однотонные, простые чулки, носимые с круглыми резинками, простые бескаблучные туфельки тридцать пятого размера на шнурках — такой я ее запомнила. Помню руки бабушки — морщинистые, с узловатыми суставами и аккуратно подстриженными ногтями на пальцах с потемневшими от грубой работы трещинками. Эти руки без усталости трудились: месили тесто, чистили и резали овощи на обед, пекли сырники или драники, жарили котлеты, заваривали пойло собаке, мыли посуду в тазу (от таза шел содово-мыльный пар), убрали, вытирали пыль с листьев пальм, росших в оршанском доме в кадках. Эти руки сновали над грядками, сажали, пололи, снимали ягоды с кустов малины, крыжовника и смородины, а потом несли их ведрами под

¹ Это ваша кошка? (англ.).

² Нет, это кошка всех нас (англ.).

колонку у дома — помыть, чтобы сварить из них варенье или протереть с сахарным песком... Руки бабушки меняли постельное белье внукам и деду, стирали в корыте, крахмалили и подсинивали, гладили, потом застилали постели свежим бельем.

Бабушка говорила спокойно, не повышая голоса. Она была совсем другая, чем моя крикливая, бурная мама. На бабушеньку невозможно было обидеться. Однажды я сама обидела ее, по глупости сказав какую-то гадость, а было мне лет около восьми. Бабушка ничего не ответила, поджала губы и вся как-то подобралась, обозначив дистанцию. Мы стояли в столовой оршанского дома, у резного буфета. Бабушкой не было сказано ни одного слова, но я поняла, что я лажанулась. И мне стало стыдно. И я попросила прощения у бабушки. И больше никогда ее не обижала.

В гостиной на другом буфете, еще более нарядном, чем столовский, — полированном, отделанном дорогим шпоном на дверцах и с мраморной выдвижной доской для резки хлеба, стояла фотография в старинной тоненькой металлической рамочке. На фотографии, сделанной в питерском фотоателье Cabinet Portrait в 1925 году, на венском стуле сидела молодая прекрасная женщина с длинными волосами, расчесанными на прямой пробор и убранными в узел на затылке, в шелковом платье, лакированных туфельках на каблуках, с янтарным ожерельем на шее. Слева на высоком табурете сидела маленькая девочка лет двух — чистый ангел, а по правую руку прекрасной незнакомки стояла другая девочка, постарше, с решительным взглядом узких рысьих глаз. Головы обеих девочек украшали одинаковые пышные банты, повязанные обручами на головах. Когда я спросила, кто это, мне объяснили, что это моя бабушка в молодости, а девочки — та, что постарше — мама, а та, что помладше — Асенька. В рассказанное трудно было поверить: эта красавица и есть моя бабушка?! Как же так вышло, что она так выцвела и постарела?.. Кто и зачем превратил прекрасную незнакомку в обычную старушку с темном застиранном платье и в вечном переднике? Куда делись ее чудесные длинные волосы, шелковое платье, янтарное ожерелье, лакированные туфельки на каблуках, надетые на шелковые чулочки?.. И кто такая Асенька?

...Бабушка родилась в 1901 году в Санкт-Петербурге, третьим по счету ребенком в семье Николая Матвеевко, моего прадеда. Как мне рассказали, мой прапрадед был царским военным. А прабабку звали Агриппина Николаевна. Девичья фамилия ее была Николаева, а история ее отца, моего прапрадеда, очень любопытна.

Прапрадедущка был круглым сиротой — его нашел на дороге полк, подобрал и воспитал. Мамина тетя — двоюродная сестра бабушеньки и моя двоюродная бабушка — тетя Зоя Амадова, рассказывала, что ребенок был явно из богатой семьи. Его нашли в корзине на атласном матрасике, завернутом в дорогое одеяльце и кружевные пеленки, на шее был золотой крестик. Кто и зачем выкинул младенца на дорогу? Какая за этим кроется тайна? Чья дворянская или купеческая дочь, залетев по недоразумению, а скорее всего, по любви (в те годы «недоразумения» случались редко) и не сумев выйти замуж за любимого человека, вынуждена была отнести плод той самой любви на тракт, по которому шли военные? Этого мои близкие не знали, а даже то, что знали, я выведала значительно позже — в советское время такие разговоры не приветствовались (никто на темы происхождения семьи не заговаривал, а если бы даже я, ребенок, и проявила интерес, все рассказы были бы крайне ограничены). С маминной тетей Зайкой, как называли в семье нашу тетю Зою, я начала встречаться в те поры, когда та была уже старушкой за девяносто — она жила в Москве, а я — сначала в Кишиневе, а потом тоже в Москве, но из-за разных обстоятельств мне постоянно было недосуг установить контакты с маминной родней, которую больше знала лишь понаслышке (отчасти это мамина вина: она крайне редко навещала московских родственников, когда приезжала ко мне в Москву, и меня на встречи с ними почти не звала).

Как бы то ни было, военные назвали младенца-прапрадедушку по имени последнего царя — Николаем. Отчество и фамилию отец моей прабабушки тоже получил по имени царя и стал зваться Николаем Николаевичем Николаевым. Стал он, понятное дело, военным. Его дочь Агриппина вышла замуж за прадеда Матвеевко, тоже военного и тоже Николая, и у них родилось пятеро детей: первенец и старший сын Коленька, затем Клавенька (Клавдия), затем Женюрка (моя бабушка) и двое младших — Лидочка и Левушка. Детей именно так называли, как я только что написала — по-старомодному и ласково.

Прабабушка Груня и прадедушка развелись еще до революции. Тогда это было редким делом, но прабабушка настояла. Семейная история гласит, что однажды моя прабабушка вернулась домой из города, куда она ходила за покупками. Предполагаю, что то был не город, а городок, потому что из-за рода занятий прапрадеда моя прабабушка жила с ним в гарнизонах. Так вот, прабабушка Груня вернулась домой, зашла за чем-то в спальню и увидела, что в их супружеской чистенькой, застеленной кружевным бельем кровати лежит ее муж... с ее лучшей подругой. Была ли та подруга замужней или нет, не знаю-не ведаю (о том история умалчивает), но Груня не стала скандалить. Она пошла собирать чемоданы. Собрав чемоданы и пятерых детей, она поехала напрямик в Варшаву к своей родной сестре, тете Мане. На поездках, с пересадками. Тетя Маня, вернее, моя двоюродная прабабушка, была женщиной эмансипированной по тем временам: детей у нее не было, и она трудилась начальником отдела Варшавской железной дороги. Ее муж, тоже военный, служил в Варшаве, а жили они в центре города, на улице Маршалковской, в восьмикомнатной квартире. Бездетные супруги делили квартиру с еще одной сестрой, матерью тети Зайки. Самой тете Зайке было на тот момент то ли семь, то ли восемь лет, но память до самого конца у нее была превосходная, и внезапный десант моей оскорбленной прабабки с выводком она запомнила.

К этому поступку моей прабабушки потомки Николаевых и Матвеевко относятся по-разному.

Стоило мне на каком-то семейном собрании защитить прабабку и одобрить ее поступок, как на меня накинута тетя Кира Матвеевко, двоюродная сестра мамы:

— Алена, ее муж винулся и в ногах валялся у Груни, лишь бы она его простила! А она из-за своего упрямого характера не простила и — фыыы! — помчалась в Варшаву! Она разорила семью тети Мани, денег-то своих у нее не было, а детей — целых пятеро!

— Теть Кир, а вы представляете, что это такое: быть красивой молодой женщиной, верной мужу и любящей женой, доверять ему и вдруг — увидеть такое! А тут еще и лучшая подруга в койке оказалась! Это же шок! Такая сцена может жизнь разбить...

Сцена разбила в итоге жизнь семьи. Хоть бы не с подругой он там оказался, тогда можно было бы неверного супруга и простить...

Тетка Катя встала на сторону Киры.

Мама относилась к событию, предшествовавшую ее рождению, философски-спокойно: «Что было — то сплыло». Тетя Зайка Груню никогда не осуждала.

История не знает сослагательного наклонения.

Последствия исторической прадедушкиной измены оказались печальными. Сначала все шло неплохо: придя в себя в Варшаве, прабабушка Груня вернулась в Петербург и начала хлопотать. Сначала она оформила развод, что было трудно, но возможно в случае супружеской измены, потом выхлопотала для себя и детей небольшую пенсию, а детей устроила в хорошие учебные заведения: девочек в Смольный институт благородных девиц на казенный счет, а старшего Николая определила в кадеты. Младший тогда был совсем еще мал.

Несчастья пришли вместе с Первой мировой войной и революцией. Бабушкин старший брат Николай погиб на той войне. Судьба их сестры Клавдии (Клавеньки) оказалась тоже драматичной. Выйдя замуж до революции, уехав с мужем-гинекологом Цихановским в Белоруссию и родив там ребенка, она вскоре заболела чахоткой. Началась революция. Чтобы спасти дочь, Груня повезла ее в Крым, в хороший теплый климат. В какой-то момент они оказались отрезаны от остальной части России. Без денег и работы, разумеется. Моя железная прабабка не сдалась, а нанялась рабочей — плести рыбацкие сети, чтобы покупать себе и Клавдии еду. Молодая женщина начала выздоравливать, но в Белоруссии внезапно умер от дифтерита ее маленький сын Гогочка. Этого Клавдия не пережила и начала снова чахнуть. Она умерла молодой...

На момент революции в Петербурге без присмотра — без отца и без матери — остались трое детей: моя шестнадцатилетняя бабушка Женя, почти выпускница Смольного, Лида, на несколько лет младше, и маленький Лева. Бабушка рассказывала, что послереволюционной зимой в голодном Петрограде они ели селедочные головы и картофельные очистки. Не выдержав, дети отправились к родне в Оршу, к тому самому гинекологу Цихановскому, мужу Клавдии. Лида держала в руках куклу, а бабушка вела за руку маленького Леву.

Дальнейшую бабушкину биографию я знаю смутно. Другая тетя — Нонна, двоюродная сестра моей мамы со стороны Тихоновых, то есть деда, рассказала, что бабушка в Орше познакомилась с дедом и в какой-то момент пришла к ним в дом со словами:

— Вася, я буду у вас жить.

Васе было в тот момент лет девятнадцать-двадцать, а бабушке — на два года меньше. Вероятно, бабушке некуда было деваться, а дед, как и она, был выходцем из Санкт-Петербурга и одного с ней класса. Дед скрывал происхождение всю свою жизнь, но тогда, возможно, рассказал бабушке, какого он на самом деле роду-племени, и они уговорились молчать. Ренегат, он отошел от своего сословия и в 1917 году пошел вместе с младшим братом Шурой служить в Красную армию. Стало быть, году в 1920—1921-м он был социально защищен новой властью как красноармеец.

Итак, бабушка с дедушкой начали жить вместе, а в августе 1922 года родилась моя мама. Бабушке на тот момент было всего восемнадцать лет. Гражданская война еще шла, но где-то на окраинах России, а в Орше советская власть уже прочно установилась. Через год родилась Асенька, вторая дочь. Вообще-то, по документам ее звали Анной, но бабушке нравилось именно это имя, и младшую дочь она назвала в честь тургеневской героини. Асю я никогда не видела, разве что на двух сохранившихся фотографиях. И ее не пощадила жизнь, хотя она росла в полной семье и все, включая мою маму, ее защищали. Когда Асеньке было десять лет, ее ударил пеналом в висок мальчик из класса. Удар спровоцировал менингит, который в те времена плохо лечили (или поздно спохватились, упустив начало болезни?). Ася умерла, и мама рассказывала, что первое время бабушка ночевала на ее могиле...

А потом много чего было... Дед не пускал бабушку работать. Сначала ревновал, потом опасался, а может быть, с самого начала и ревновал, и опасался, что горожане вычислят непролетарское происхождение обоих. Бабушка знала три иностранных языка. Лучше всего — французский и очень хотела преподавать его в школе. Не случилось...

Мама вспоминала, как дед просил молодую бабушку не слишком роскошно одеваться, чтобы соседи не просекли происхождение и не донесли, «куда надо»... Уж какая там роскошь! — просто бабушка и прабабушка умудрялись из лоскутов мастерить модные платья, изредка покупая кружева на рынке.

А еще мама вспоминала, как несколько лет в тридцатые годы, во время сталинского «репрессанса», в коридоре их дома, в укромном углу стоял «клунак» — по-бело-

русски котомка — со всем необходимым: мылом, зубным порошком и щеткой, теплыми носками и сухарями.

А дед запасся несколькими фотографиями из деревни, уж не знаю, где он их взял. Так, на всякий случай.

И однажды в дом пришли. Какая-то сволочь стукнула. А пришли, как водится, ночью.

Бабушка и прабабушка не растерялись, накрыли стол для «дорогих гостей»: водка, сало, котлеты, картошка, соленья — все лучшее, что было в погребе и на кухне. А дед стал увлеченно врать про деревенское происхождение и показывать фотографии: «Вот смотрите. Это моя матка³, а это наша корова». Не знаю, как ему удалось внушить чекистам, что он деревенский. По-моему, его происхождение было написано на его лице: правильные благородные черты несколько продолговатого лица, удлинённый нос с легкой горбинкой, большие голубые глаза выдавали происхождение отнюдь не пролетарское. Замечу: только под старость деду удалось внешне слиться с народом: он располнел, обрюзг, облысел, одевался просто — дед — и дед.

Случилось чудо: деда не арестовали.

А бабушка закопала себя в огороде, больше не порываясь работать в советской школе. Ученица Смольного, она умела все: стряпать, стирать, штопать, вязать и, как я уже рассказала, шить. Вместе с прабабушкой Груней — а прабабка прочно обосновалась в семье бабушки Жени, лишь изредка предпринимая вояжи в Москву к младшему сыну и в Самарканд к младшей дочери — они постоянно что-то шили и перелицовывали. Из поношенных пальто взрослых сооружали модные пальто для детей, себе шили платья и даже белье. Покупали только обувь. На семью из пяти человек приходилась только одна дедова зарплата, и ее не хватило бы, если бы не практически натуральное и безотходное хозяйство, заведенное бабушкой и прабабушкой.

В Орше у них всегда были сад, огород, курятник, а излишки еще и продавались на рынке: зелень, овощи, ягоды, яблоки, яйца. Бабушка и дедушка держали свинью, а до войны даже корову. Мама и Асенька весной и летом вставали рано, до школы шли в поле и собирали траву для коровы, а на каникулах пасли ее. Дед охотился, держал пчел, рыбачил сетью и удочкой. С охоты приносил дичь, а иногда и волчьи и лисьи шкуры — на шапки и воротники для зимних пальто. Бабушка и прабабушка готовили в печи зайцев и рябчиков, запекали «городнину»⁴ — морковь и свеклу на гарнир. Так и жили. Как все, бедно, бережливо, но не голодали. А когда в тридцатые годы в СССР начался настоящий голод, семья снесла в Торгсин самое ценное: остатки золотых фамильных украшений, уцелевших в революции. Мама помнит роскошное кольцо с большим бриллиантом, сгинувшее в торгсиновской ненасытной пасти. Туда же ушла и платиновая монограмма Немировича-Данченко — буквы Н и Д, которые дед как-то отделил от карманных часов своего знаменитого деда-писателя, но часы при этом сохранил. И каким-то чудом сохранил золотую галстучную булавку Василия Ивановича Немировича-Данченко с маленьким бриллианчиком в окружении рубиновой крошки, и эта булавка хранится у меня, и дай бог, чтобы мою семью минул тот страшный голод прошлого века, когда за масло и муку приходится отдавать самое дорогое... А монограмму жалко — исчезло доказательство того, что часы принадлежали Немировичу-Данченко, чей внук и наш дед завещал моему двоюродному брату.

...А потом была война. Деда поставили организовывать отправку людей на фронт, а потом он ушел туда сам, отправив семью в деревню, где бабушка Женя и мама ра-

³ Матка — мама (белор.).

⁴ Городнина — «огороднина» (белор.), то, что растет в огороде.

ботали в поле за миску похлебки для себя и малолетней Кати. Младшая бабушкина дочь родилась в 1935 году, взамен ушедшей — на этом настояла мама, выклянчивая у бабушки сестренку...

Когда началась война, Кате было пять лет.

* * *

Я просыпаюсь оттого, что мне хорошо. Я чувствую счастье так, как его может чувствовать только ребенок: просто оттого, что я есть. И я уже большая: мне целых одиннадцать лет, и впереди целая летняя жизнь! Веки щекочет солнечный луч — моя кровать стоит вдоль окна оршанской бабушкиной спальни, а белая занавеска закрывает только нижнюю часть окна. Я открываю глаза и вижу ярко-голубое небо, и солнце, кувыркающееся — оп-ля! — в небе, и крону яблони с зелеными пока еще яблоками. Я слышу щебет птиц, шепутных июньских птиц, воздающих хвалу теплому июню. В окно бьется шмель, и стекло низко гудит от соприкосновения с мохнатым аэропланом. Мое чувство похоже на лимонадные пузырьки: настроение почти ощутимо шипит и лопается от распирающего счастья внутри: я есть, я есть, я есть и буду вечно быть!

Моя кровать такая же старомодная, как кровать бабушки, как вся мебель столетней давности в доме. Мебель дед привез после войны со склада в Риге. До того она то ли принадлежала богатым рижанам, то ли это была трофейная мебель, привезенная из Германии, толком не знаю, но дед полностью обставил их послевоенный дом, выстроенный на улице Советской, на горке. Мама рассказывала, что на их мебель многие приходили смотреть, как в музей: в Орше такая остановка была у немногих. А некоторые предметы были просто ослепительными, например, итальянский стул семнадцатого века. Спинка стула вырезана из целого куска дерева: он сделан в виде неполного силуэта песочных часов. В середине спинки, на овальном плато — пасторальная сцена: опираясь на длинный посох, молодой пастух в тирольской шапочке трубит в рог, стоя на пригорке, а рядом резвятся три козы, та, что слева — с колокольчиком. Овальное плато спинки окружено деревянным сквозным объемным узором из цветов и листьев. Листья искусно заверчены в трубочки, цветы вырезаны натурально: лепестки, тычинки... На фигурном, плавными изгибами вырезанном сиденье видна еще одна сцена: коза с козленком на фоне ели. Стул этот не простой, а с секретом. Если нажать на защелку под сиденьем, оно откидывается назад, а внутри есть небольшое пространство с пружиной в виде металлической гнутой пластины. К основанию стула изнутри приклеена старинная бумага с орнаментом, вернее, то, что от нее осталось. На коричневом от времени клочке с рваными краями очень красивым каллиграфическим почерком написано что-то латиницей, которую я не могу разобрать. Смогла только определить, что текст написан на итальянском языке. Сверху, в виньетке напечатано крупными буквами: «AIRS». Кто автор записки, приклеенной к внутренней стороне сиденья? Кому принадлежал стул раньше? Не знаю, но человек, смастеривший стул, был искусным мастером. Сидел тот человек, никуда не торопился, вырезал эту драгоценность — как долго? Сколько часов, дней, месяцев? Дедов стул со мной, и все, видевшие его, в один голос говорят, что он — самый дорогой предмет в нашем доме. Не могу с людьми не согласиться.

Еще в бабушкиной спальне стоят «красный шкафчик», небольшой платяной шкаф, диванчик и огромное, высокое — торсом до самого потолка, большой красоты трюмо. Бельевой шкафчик сделан из красного дерева, поэтому называется красным. В старомодном платяном шкафу, в который я давно сунула свой любопытный детский нос,

пахнет нафталином, и там висят непривычные вещи: например, огромная охотничья доха деда — длинная примитивная дубленка мехом внутрь (на фотографиях дед именно в ней сидит у костра на охоте, подпоясанный широким солдатским ремнем). Еще там висит длинное кожаное пальто, прилично поношенное, — в молодости дед работал начальником уголовного розыска в Орше. Диванчик оббит бежево-коричневым плюшем и застелен белой льняной накидкой с рюшами по краям. На нем сплю я, когда в Оршу приезжает мама, она спит в моей кровати, а меня передислоцируют на пухлый диванчик. Я не ропщу, на диванчике тоже удобно, и его небольшого размера до поры до времени хватает для моего роста, а позже, когда я подрасту и не смогу больше уместиться на диванчике, на нем будет спать мой двоюродный брат Сережка.

...Я просыпаюсь, потягиваюсь в своей кроватке и носом старюсь уловить запахи из кухни. Кухня находится в противоположном конце дома. Бабушка наверняка приготовит что-то вкусное: оладьи с яблоками и со сметаной или драники, политые растопленным салом и жареным луком, а может быть, блинчики с творогом или яичницу на сале. А дед заварит чай в белом фаянсовом чайнике с зелеными тонкими ободками и поставит на стол чайные чашки по количеству присутствующих в доме. Чайные чашки у бабушки и дедушки тоже немецкие, белые, среднего размера, у каждой есть блюдце. На стол ставится варенье, сливочное масло в белой масленке, того же трофейного завоза, что и чашки, кладутся серебряные чайные ложечки. Некоторые из них еще из бабушкиной молодости, непонятно каким чудом сохранившиеся в революцию и Отечественную войну, непонятно как избежавшие сдачи в Торгсин... На одной ложечке имеется монограмма «НМ» — стало быть, это ложечка или бабушкиного брата, или ее отца... Я еще слишком мала, чтобы интересоваться такими вещами...

За столом я наслаждаюсь бабушкиной вкусной едой — вроде просто готовит, а во много раз вкуснее, чем мама! — и атмосферой столовой. Я могу сейчас закрыть глаза и перенестись в оршанскую столовую 1971 года. Я помню клеенку на овальном столе (скатерть помню смутно, бабушка к тому времени устала стирать и крахмалить, и скатерть уже стелилась только по праздникам), точеные овальные ножки стола с кругляшами (о них трудно побить колени), двухэтажный буфет, на котором сверху на газете сушились яблоки, от которых столовая всегда вкусно пахла сухофруктами, и этот запах впитали обои и даже мебель. В нижнем отделении буфета, за двумя дверцами с ключиками хранятся тарелки, а в верхнем пузатом отделении, меньшем по объему, за стеклом стоят рюмки, рюмочки и еще маленькие пятидесятиграммовые граненые стаканчики зеленоватого оттенка, из которых дед Вася любит пить водку. А за двумя изогнутыми дверцами по бокам буфета стоят чайные чашки, стопочки блюдца и сахарница. Мы едим старинными вилками с потемневшими костяными черенками. Еще у бабушки имеются десертные ножи, которыми чистят фрукты, они тоже с костяными черенками. Но мы пользуемся ими редко, поэтому они лежат, завернутые в салфетку в одном из буфетных ящиков.

...Я закрываю глаза и переносусь в 1971 год, в тот самый оршанский дом... Из спальни дверь ведет в проходную комнату — она служит кабинетом и дедовой спальней одновременно. Дедова кровать стоит в углу за ширмой. Над ней висит большой шерстяной ковер, на ковре — рога оленя, с которых свисает ружье. Я никогда не видела, как оно стреляет, потому что меня не брали на охоту. Ружье добротное, немецкое, трофейное, с серебряными украшениями (по завещанию деда оно тоже досталось брату). В другом углу стоит черно-белый телевизор, купленный дедом для одной цели: смотреть футбол. Бабушка телевизором не интересуется, а мы с Сережкой вымаливаем у деда разрешение посмотреть «Спокойной ночи, малыши», а иногда и редкие filmy не про войну. Между телевизором и ширмой, рассекая пространство комнаты

пополам, перпендикулярно стене стоит бюро — старинный письменный стол, покрытый зеленым потертым сукном, в стиле ар-нуво. Стол состоит из двух тумб, столешницы и двух высоких шкафчиков над столешницей — слева и справа, и он украшен резьбой в виде водяных лилий, кувшинок, колонн, на нем — латунные накладки, в замках дверец с гранеными стеклами — изящные старинные ключики, которые мне нравится вертеть — открывать и закрывать дверцы просто так. Стол полон сокровищ: наряду с бумагой, перьевыми ручками и чернильницами с высохшими чернилами, там хранятся: бутылочки с чернилами, наполовину и на треть пустыми, расчески, сломанный серебряный футляр для расчески, украшенный флористической резьбой, сломанная серебряная столовая ложка, которую дед пробовал починить (безуспешно) при помощи расплавленного свинца, деревянная щетка для волос, линейки, циркули, кусачки, тоненькие напильники разного размера, лупа, игральные карты, круглые резинки, бритвенные лезвия, бритвенный прибор, собачьи ошейники и еще много чего, нужного и ненужного в хозяйстве. Под столом, там, где помещаются ноги сидящего за столом, стоит большое зеленое эмалированное ведро, полное гречишного меда и накрытое такой же эмалированной крышкой. В доме еще есть подобные ведра и еще банки — в разных местах. Мед — объект дедова бизнеса. В деревне Рюмино у деда есть несколько пчелиных домиков на пасеке, и дед туда постоянно ездит на автобусе: зимой возит патоку пчелам, летом собирает мед и продает его на центральном рынке. Если столовая пахнет сушеными яблоками, то дедова комната насквозь пропахла гречишным медом: тяжелым, темным, сладким до приторности и с горчинкой. У стола и перед телевизором стоят два стула и кресло — тут сидим мы с Сережкой и смотрим телевизор, когда нам позволяют. За нашей спиной в углу стоят высокие напольные часы с маятником. Маятник — тик-так, тик-так — тиктактично отсчитывает минуты нашего детства, но мы об этом еще не догадываемся, вдыхая привычный запах гречишного меда и слушая, как дед лупит мух сложенной в трубку газетой.

Между часами и одним из стульев снова дверь — она ведет во вторую половину дома. Слева — изолированная столовая, справа — открытое пространство, в котором расположилась большая русская печь, облицованная белым кафелем. Перед печью к полу прибит железный лист, чтобы угли падали на него, а не на деревянные доски. К печке прислонилась кочерга. В столовой мы уже были. Комнатка с печкой имеет одно окно — на наш забор, за которым улица. К стене напротив печки, уже не помню в который год, перенесли буфет из столовой — когда семья стала собираться в Орше одновременно с внуками и правнуками. Но в 1971 году правнуки еще не родились, и буфет еще стоит на своем изначальном месте — в столовой, а у стены проходной комнатки стоит разве что деревянный окованный сундук. Мы с Сережкой иногда копошимся в его нутре. Ой, чего там только нет... немецкие пластинки с фашистскими маршами и немецкими эстрадными песенками тридцатых и сороковых годов, старинные кружева и натуральный выцветший шелк распоротой женской блузки столетней давности, флакончики из-под духов с едва уловимыми ароматами улетучившейся дореволюционной жизни, пожелтевшие письма и открытки... Все это пропало после того, как при разделе дома муж тетки дядя Вася по-шустрому уволок сундук на их часть чердака и распорядился имуществом по-своему... Многое было выброшено за ненадобностью; письма, открытки почти все пропали, только часть писем тетка — через пару десятилетий — подарила моей двоюродной тете Кире. Из «печного» пространства проходной комнатки следующая дверь ведет в кухню. Кухня тоже проходная — слева вход в маленькую комнатку, куда дедушка начал брать квартирантов после бабушкиной смерти, а пока, в 1971 году, там стоит печка, а за печкой — кровать с железной сеткой, на которой ле-

том спит кто-нибудь из теткиной семьи. Комнатка такая крошечная, что, кроме печки, кровати, тумбочки и настенной вешалки для одежды, там ничего не помещается.

В кухне тоже почти ничего не помещается, потому что в ней три двери и одно довольно широкое окно. Перед окном в углу слева расположена плита, справа — фаянсовый умывальник, а между ними — стол-тумба, на котором бабушка готовит. В тумбе — самая необходимая утварь: кастрюли, в основном алюминиевые, такие же алюминиевые и эмалированные миски всех размеров. В верхних выдвижных ящиках — половник, ложки и вилки для готовки. Стоит основательный самодельный табурет, который можно переставлять туда-сюда: наверху в нем прорезь для удобства переноски. Из кухни дверь справа ведет в крошечный коридорчик с входной дверью. А слева в каморке дед со временем оборудовал туалет — поставил унитаз без сливного бачка. Унитаз сливался водой из трубы, перекрытой вентилем. В этой же каморке дед поставил деревянную колонку с душем. Ее можно было топить дровами и мыться горячей водой. Банный день — раз в неделю, желающие мыться чаще снабжаются мылом и мочалкой и отправляются на Днепр.

Перед входной дверью — небольшое крыльцо с маленьким навесом, не защищающим от дождя. Ну а дальше — забор и участок в десять соток, вытянутый к Днепру. За участком — болото, куда мы бегаем посмотреть на лягушачьих детенышей — головастиков, копошащихся в иле. Они такие смешные, когда превращаются в маленьких лягушечек! По вечерам мы слушаем лягушачьи концерты и, обороняясь от комаров при помощи одеколona «Гвоздика», не открываем окна до того, как не выключаем свет. Открыты только форточки, затянутые сеткой, даже если день был жарким.

Я съедаю свой завтрак и помогаю бабушка убрать со стола. Посуда переносится в кухню, на плиту ставится кастрюля с водой и нагревается: в доме нет горячей воды. В тазик для мытья посуды наливается холодная вода, потом добавляется горячая, немного соды, самодельная мочалка из старого капронового чулка мылятся хозяйственным мылом, и посуду моют в следующей последовательности: сначала чашки и блюда, потом тарелки, потом вилки и ножи и только потом сковородки. Жир со сковородок сначала удаляют старыми скомканными газетами, а если к ним что-то серьезно прилипло и не отдирается, то в сковороду наливают немного воды и кипятят прямо в ней на газу, потом держат сковородку на плите до следующей мойки.

— Алешка, а поехали за навозом! — предлагает дед. Я с энтузиазмом соглашаюсь. Дед называет меня мальчиковым именем. Во-первых, это сокращение от «Аленушки», имени, которым меня называют мама и бабушка, а во-вторых, затаенная дедова досада, что я родилась девочкой. У деда были три дочери, и старшая внучка тоже девочка. Перебор женского населения семьи уравновесили два зятя и долгожданный внук Сережа, но для деда я все равно «Алешка».

К поездке за навозом дед готовится тщательно. На Днепре у него лодка, привязанная к металлическому колышку. В конце мая — начале июня дед выносит из сарая твердую смолу в ведре и идет на Днепр. Там он разводит небольшой костер, плавит смолу и обмазывает днище лодки, тщательно размазывая смолу по корме и носу «судна». У деда обычная деревянная лодка с уключинами для весел, вне сезона «навигации» весла хранятся в сарае, а лодка зимует под снегом и дождем на берегу, перевернутая вверх дном. И каждый год ее смолят, чтобы не рассыхалась и не протекала.

Собираясь за навозом, мы берем старые навозные ведра, а я прихватываю туесок для земляники: на том берегу Днепра страсть как много ягод, и пока дед собирает коровьи лепешки, я ношусь про пригоркам и собираю спелую ягоду. Людей там нет, толь-

ко лариновские⁵ пасут своих коров вдоль реки, а дальше и до самой Лариновки тянутся золотистые пшеничные поля.

От нашего дома идти до берега Днепра пару десятков метров. Наш берег более-менее пологий, а противоположный — покруче. Речная вода желтоватая, по цвету донного песка, на берегу растут незабудки... сейчас их почти не осталось, но ведь я сейчас нахожусь в лете 1971 года... Вдоль берега в траве много клевера и других полевых цветов, и я часто набираю букеты, а у самой кромки воды растут незабудки, и их голубые бисеринки с белыми точками совпадают цветом с небом. Из воды тянутся маслянистые ярко-желтые кувшинки, белые лилии, над цветами летают стрекозы с прозрачными крылышками и разноцветные бабочки... За стрекозиным неподвижным полетом и траекториями передвижений бабочек над водой я могу наблюдать бесконечно, потому что могу бесконечно сидеть в теплой воде, нащупывая ступнями на дне валуны побольше, чтобы влезть на них и снова нырнуть в теплую, как молоко, реку... А еще я могу подобраться к кувшинкам и нарвать целый букет, вдыхая их острый дурманный запах...

В оршанском саду у нас стоит скамейка, а для меня из дома вынесли маленький столик, чтобы я могла на каникулах читать свои английские книги. Мне нравится читать по-английски. В 1971 году я читаю «Матушку Гусыню», адаптированную для советских младшеклассников английских школ. Но особенно много я читаю по-русски. В доме у бабушки есть хорошие книги, и я перечитала их все: «Петр Первый» и «Детство Никиты» Алексея Толстого, рассказы Джека Лондона и Пришвина, повести Пушкина и Тургенева, пухлый том «Жизни Дэвида Копперфилда, рассказанной им самим». Историю английского мальчика я перечитала несколько раз — каждый раз с головой уходя в перипетии его несчастного детства. И каждый раз, лихорадочно перелистывая страницы, отчаянно желала, чтобы его страдания поскорее закончились, ненавидя его притеснителей: отвратительного отчима Мэрдстона и его сестрицу, мерзкого Урию Гипа — и улыбаясь эксцентричной бабуле мальчика Бетси Тротвуд и милейшей Пегготи.

Лето за летом я перечитывала историю Дэвида, и для меня он стал живым оршанцем, вроде соседского Витьки Можейко или Сережи Кучинского из углового дома перед Днепром. Да и в днепровской воде уже плескались волны бледного Дуврского пролива. Бабушкина спальня расширялась, стена исчезала, и я оказывалась в комнате другой бабушки — Бетси Тротвуд, разглядывая «старомодную мебель, натертую до блеска, неприкосновенное бабушкино кресло и столик перед круглым зеленым экраном в окне-фонаре, ковер, покрытый дорожкой из грубой шерсти, кошку, подставку для чайника в камельке, двух канареек, старинный фарфор, чашу для пунша, наполненную сухими лепестками роз, высокий шкаф, хранивший всевозможные бутылки и горшочки». Обстановка Бетси напоминала мне нашу оршанскую обстановку, была ее естественным продолжением: и у нас была старомодная мебель, натертая до блеска, ковры, старинный фарфор, столики... А чашу для пунша вполне могла заменить бабушкина германская супница.

«Простите, бабушка, но я — ваш внук» — эту фразу я смаковала и готова была повторять вслух снова и снова, потому что на ней закончились страдания юного Дэвида.

У бабушки — не у бабушки Дэвида, а у моей — был курятник. Он был построен за домом. Ежеутрене меня посылали проведать курочек, насыпать им пшена и принести снесенные ими яйца, для чего мне вручали зеленую эмалированную миску с зерном.

— Смотри не выпускай кур в огород, — каждый раз напутствовала бабушка.

⁵ Лариновка — деревня под Оршей.

Я старалась не выпускать кур, но хулиганистые птицы иногда вылетали из сараюшки и зигзагами бежали в огород, хлопоча крыльями и быстро перебирая лапками. Я закрывала сарайчик и бежала следом, голося на весь двор: «Бабушка, куры!», примерно так, как бабушка Дэвида Копперфильда кричала: «Дженет, ослы!» Бабушка (моя, не Дэвида) выбегала из дому и вместе со мной ловила курицу, которая могла потоптать подросшие посевы, поклевать растения. Хитрая наседка пряталась под сизыми листьями капусты. Главное было вычислить место ее схрона и подкрасться по возможности бесшумно. Сцапав беглянку, мы торжественно несли ее в сарай, невзирая на клетот возмущения и попытки вырваться.

А яйца мы варили на завтрак всмятку или жарили яичницу на сале, и то была самая вкусная яичница в мире!

Напротив курятника был ледник, или погреб, слева — дедов сарай, где стоял верстак и пахло стружкой, столярным клеем и пылью. В сарае была свалена совсем ветхая мебель, и я заглядывала туда редко, боясь пауков. В погреб меня посылали принести что-нибудь: картошку, банку с солеными огурцами или варенье. Я быстро спускалась по ступенькам вниз, брала нужное и еще быстрее поднималась вверх к солнцу и теплу.

В доме, вернее сказать, при доме жило еще одно существо — собака Стрелка. Это была крупная русская гончая, покрытая рыжеватой шерстью, с белой грудью. У деда всегда были только русские гончие, потому что они лучшие в мире охотники на зайцев и лис. Я не помню, чтобы в 1971 году Стрелка охотилась вместе с дедом, но дедова привычка держать в хозяйстве гончую была сильнее его, и сильная умная собака сидела на цепи при входе на наш участок, а лаять начинала еще при приближении к дому. Когда мы приезжали в Оршу, Стрелка звонко лаяла, не узнавая, а потом при звуках наших с мамой голосов лай сменялся восторженным повизгиванием — Стрелка приветствовала нас, прыгая высоко на цепи и желая лизнуть нас обеих. Моей обязанностью было кормить Стрелку. После обеда бабушка собирала все съестное: остатки супа, косточки, хлебные корки, складывала все это в отдельную, собачью кастрюлю, добавляла овсянку и варила Стрелке собачью кашу. Когда варево остывало, мне разрешалось вынести собачий чугунок во двор и поставить у собачьей будки. Собака радостно вылетала из будки, виляла хвостом в благодарность и шумно ела, чавкая и порывая. Крупные кости ей предлагались отдельно — погрызть.

Мне было жалко Стрелку. Только два последних года до ее смерти дед разрешал мне с ней погулять, наказывая не выпускать поводок из рук. Выглядело это так: Стрелка летела вдоль Днепра, я след за ней, за мной летела коса. Чаше дед гулял с ней сам — брал ее на поводок и выходил к Днепру в компании соседских дедов. Почему он боялся ее отпустить, не знаю; умная собака не тронула бы маленького ребенка, а кошек вдоль Днепра не водилось. Иногда дед мыл Стрелку: заводил в воду и тер мочалкой. Стрелка потом отряхивалась, разбрызгивая воду, и долго пахлов псиной.

...Похоронили нашу верную Стрелку в саду, и несколько лет после того дед не заводил собаку. Только через несколько лет завел небольшую дворняжку Розку, для сторожевых целей и это было лучше, чем держать гончую на цепи.

Стрелка умерла в 1970 году.

Однажды вечером следующего 1971 года, когда мы с бабушкой укладывались спать, она вдруг спокойно сказала:

— Я устала жить. Мне бы хотелось умереть.

На дворе стоял июньский вечер, прекрасный и теплый. Свет в комнате был выключен, и мы приоткрыли окно, в которое влетел запах любимых бабушкиных нарциссов, растущих под окном.

— Бабушка, ты что? Такая жизнь красивая, а ты решила умирать? Почему?

— Устала от жизни, — повторила бабушка, — от жизни можно устать.

Мне было одиннадцать лет, и я не поняла, о чем она толкует. Хотеть умереть, когда каждый день солнце восходит и так тепло в саду, на улице, у Днепра, когда можно купаться, сколько захочется — хоть каждый день! — это казалось невероятным!

Ну и что, что бабушка древняя и ей целых шестьдесят девять лет, ну и что?! Зачем умирать-то?

Бабушкино желание исполнилось в том же самом 1971 году. Однажды ей стало плохо. Ее начало рвать кровью. Дед испугался и отвез ее в больницу, вызвал по телефону маму. Мама примчалась из Кишинева, взяв отпуск за свой счет. Подтянулась тетка Катя. Через несколько дней меня привели в больничную палату, в которой лежала бабушка, — попрощаться.

— Аленушка, — слабо сказала она, разглядев меня. На больничной койке я увидела мумию, непохожую на мою бабусеньку... Бабушка умирала, и я увидела смерть даже не рядом с ней, не над ней, а в ней самой. Я никогда до сих пор не видела смерть так близко, да еще и вошедшую в тело дорогого мне человека. И я испугалась и выбежала из палаты, чего не могу простить себе до сих пор... Моя бабушка умерла тем июнем, не дожив до семидесяти лет, и ее похоронили на оршанском центральном кладбище. Бабушку в гробу я не видела. Меня не пускали в столовую, где до похорон стоял гроб — на столе, который бабушка всю жизнь накрывала и с которого сметала крошки. А теперь она сама превратилась в крошку, которую скоро сметет и засыплет оршанская земля.

— Бедная моя мамочка могла бы жить да жить, — повторяла мама и плакала. На самом деле у бабушки была запущенная пневмония, перешедшая в крупозную форму: она неудачно сходила в баню, сильно простудилась и не пролечилась вовремя антибиотиками. Слабость нарастала, отсюда и произошло ее равнодушие к жизни и нежелание жить, обострившееся тем летом. Оршанские врачи сначала не находили ничего, а потом поставили диагноз: «рак желудка». К сожалению, рвота кровью бывает не только при раке желудка, но и при нелеченой пневмонии, но я предполагаю, что бабушкино желание больше не быть на белом свете оказалось сильнее медицины. Она бы все равно нашла способ умереть, потому что была несчастлива: ее жизнь сложилась не по ее желанию, а так, как сложилась. Дед был довольно грубым человеком, бабушку он ценил, но без благодарности и по-настоящему не любил... Как было сказано в одном из советских фильмов: «Не было между ними черемухи»...

Детство еще продолжалось, но без бабусеньки оно уже не было таким, как раньше. Сначала умерла Стрелка, через год — бабусенька. Меня еще отправляли в Оршу по инерции, но жизнь там уже была не та: дед готовил невкусно, дом убирала и мыла я сама. Братишка ловил рыбу и не помогал по хозяйству, а я поколачивала его за то, что он имел привычку приходить с рыбного лова и босыми своими ножками, перепачканными до колен черным жирным илом, шлепать по только что вымытому мной полу... Об этом я жалею точно так же, как о том, что однажды по глупости обидела бабусеньку...

Дед меня не очень любил и привечал меньше, чем остальных внуков.

Годам к восемнадцати я перестала ездить в Оршу совсем. Начала туда снова ездить только в двадцать шесть лет, уже после смерти деда, и это совсем другая история.

СУДЬБА ПОДЛИННЫХ

Когда поэт молод и никому не известен и еще только намеревается прогреметь в отчизне или хотя бы стать заметной фигурой в литературе, его время летит, да так, что порой поэту хочется попросить его придержать коней, потому что на такой скорости ему все никак не собраться с духом, чтобы сказать главное — то, что уже крутится у него на языке. Вот сейчас время остановится, и он скажет *всем им* то, что они давно и безрезультатно ищут в самих себе и в чем нуждаются, как в глотке воздуха после удущья. Но время не слышит поэта. Оно уходит от него, а он еще не сказал ничего из того, что обязан сказать. Еще вчера у него, двадцатидвухлетнего, было все впереди, но уже сегодня ему, двадцатидвухлетнему, вдруг становится страшно: он ведь может опоздать, не состояться, не выразить то важное для *всех*, что знает один только он.

А в это время в телевизоре дама с внешностью парикмахерши и улыбкой воровки на доверии, стоя у микрофона перед заполненным залом, читает что-то невыносимо пошлое про «волшебство в бокале». И притихший зал с благодарностью внимает этому воровству, почему-то названному вечером поэзии. Поэт болезненно кривит лицо, потому что Парикмахерша с улыбкой воровки уверяет его в том, что ее добрая поэзия — для него.

И поэт негодует, потому что поэзия не бывает доброй или злой, она бывает только поэзией. А то, что он слышит, — подделка, в которой нет ничего, в чем бы «дышала почва и судьба», но есть бесстыдный подлог и фальшивые слова. Буря возмущения поднимается в поэтовой душе, потому что сотни простодушных людей, сидящих в зале, отныне будут знать, что фальшивые слова на фальшивые чувства и есть поэзия.

И вот поэт уже узнал ее, эту воровку на доверии. Это же она, мадам Пошлость — энергичная, бесстыдная, заточенная на успех у широких масс, колесящая по стране с концертами, на которых читает свои фальшивки, соблазняет малых сих мертвыми словами о жизни, а в свободное время издающая саму себя в поэтической серии вместе с Ахматовой, Цветаевой, Пастернаком и другими подлинными и бессмертными, чтобы простодушные и нищие духом уяснили, что и Пошлость столь же подлинна и бессмертна.

И тут поэт может опустить руки, поскольку не понимает, как и зачем ему жить дальше: время убегает, а он все не может сказать то, что должен сказать. Да, он пытается — пишет стихи, которые, кажется, никому тут не нужны. И лезет к нему из всех щелей правда этого века: верней писать фальшивые слова на фальшивые чувства, чтобы тебя хотя бы на час приравнивали к бессмертным, нежели пытаться изречь неизъяснимое — то, что знаешь только один ты.

У поэта нет больше сил терпеть этот порядок вещей.

И, как Иов многострадальный, он спрашивает Небо, долго ли еще ему вот так.

Но разве поэт не знает, что Иов гнил тридцать лет, потеряв и семью, и имущество, и здоровье? Разве для поэта открытие то, что судьба Иова — и есть судьба подлинных и бессмертных?

Разве Пушкин, Гумилев и Мандельштам — не мученики, а Заболоцкий, Пастернак и Ахматова — не страстотерпцы?

За свой дар поэт платит собственной кровью, а радость творчества, возносящую его к звездам, всю его жизнь уравнивают власница и вериги судьбы Иова многострадального.

Конечно, это жестоко по отношению к человеку.

Но разве поэт — человек?!

А теперь самое главное: готов ли поэт быть преданным, оклеветанным, нелюбимым и изгнанным? Есть ли у него решимость не есть досыта, а если есть, то в поте лица своего, не имея ничего в жизни, кроме собственного дара? И еще, пожалуй, самое болезненное: готов ли он умереть непонятым, непризнанным и найти вечный покой в общей яме?

Если готов, то в добрый путь.

Но я ему не завидую.

Евгений КАМИНСКИЙ

Александр СТРАШИНСКИЙ

* * *

Как несуразно протекала
Моя беспутная весна!
Бродил по паркам и кварталам
В объятьях вымысла и сна.

Смотрел на трещины на льдине,
Вдыхая марта аромат,
Пока приятели твердили
Мне, дураку, про сопромат...

А жизнь начало отмечала:
Спешили парочки в кино,
Гитара бойкая брэнчала,
Табачный дым влекло в окно.

Вода покрапывала с крыши.
Стояло солнце высоко...
А мне грачиный гомон слышать
Тоскливо было и легко.

* * *

Ни друзьям, ни близким я не ближний,
Я им милость окажу едва ли.
С детства я в людском семействе лишний,
Не гуляю с ним на карнавале.

Александр Сергеевич Страшинский родился в 2000 году. Студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Участник литературной студии «Парабола». Лауреат нескольких литературных региональных и всероссийских конкурсов. Автор сборника стихотворений «До нежности, до шепотка...» (2021). Живет в Ярославле.

Ни нарядов никаких не мерю,
Никогда не надеваю маску
И с тоской смотрю, как мама в сквере
Ласково склонилась над коляской...

Но увидев паренька с девчонкой,
Я желаю, чтоб в их жизни хлипкой
Век плыла ладонь его тихонько
По щеке, приподнятой улыбкой.

Озеро во взгляде отразилось,
Скромно дразнит зыбью золотою.
Так чужая жизнь мне полюбилась,
Точно ничего моя не стоит.

* * *

Сегодня мне приснилась арка,
Ее железные цветы
И как тогда, в тот день, из парка,
Не обернувшись, вышла ты.

На солнце волосы светились
Твои прекрасно, как во сне.
Я знал: «Надолго мы простились», —
Но грусти не было во мне.

Я постоял, чуть-чуть подумал,
Поулыбался и вздохнул,
А тут, как в сказке, ветер дунул,
И голубь с ветки упорхнул.

И солнце спряталось устало,
Скользнув по зеркалу пруда...
От взмаха легких крыльев стало
Так тяжело, как никогда.

* * *

Безбрежен, свеж был зимний лес,
Внезапно веяло свободой,
Невдалеке шумело что-то,
Сиял меж веток свет небес...

Но снег порхающий сковал
Легчайшим бархатом округу.
И мы катились друг за другом.
С горы. Мальчишек шумный вал.

На санках. Нас заснять хотел
Какой-то трогательный малый,
Но кадры дымка застилала.
И с сосен рыхлый снег летел.

А ты стояла наверху,
Махала мне и улыбалась
И так навеки и осталась
Смотреть сквозь снежную труху.

* * *

Остановись, вдыхай холодный воздух,
По телу воздух медленно пусти.
Пусть тяжело перетекает в просто
И серебрится тихо на пути.

У берегов сгустившаяся тина.
В осоке перебитое весло.
Земную жизнь пройти до середины –
И с этим-то тебе не повезло.

Вылавливая мысли о высоком,
Реки, залитой зыбью, на краю
Стоишь воздушным Александром Блоком,
Не пережившим молодость свою.

* * *

Облаков наносы,
Как всегда, грустны.
Церковка. Покосы.
Золотые сны.

Завтрак трактористов
Прямиком в полях.
Пляска золотистых
Искр на куполах...

Все бреду, бродяга,
С рюкзаком вдали,
И не работяга,
И не соль земли.

* * *

Трава сияла в утреннем саду,
И я стоял, и яблони шумели,
И плыло солнце, яблоко в меду,
В такой густой и вязкой карамели.

И я смотрел, отбросив боль и страх.
Для памяти и скорби было рано.
Моргаю — на распахнутых глазах
Сиреневые вспыхивают раны...

И я за взгляд наказан был и вот
Смотрю на небо, выйдя из застенка:
Хотя закат походит на восход,
У солнца нет медового оттенка.

* * *

И все зима. Стою, меня заносит,
И слышу хор церковный за стеной,
И, опускаясь, снег меня возносит
Над этой неприбитостью земной.

Прошелся по аллеям побеленным,
По улицам безлюдным походил.
Здесь я слонялся Вертером влюбленным
И обозленным Гамлетом бродил.

Здесь я отрекся от людского хора,
От мира, от бессмысленного дня...
Не знаю, мир ли, меч ли, только скоро
Должно коснуться нечто и меня.

ИЗ ЦИКЛА «УТРО»

2

Озеро. Вот я и здесь!
Щебет, осока, прохлада.
Редкая рябь — всё, что есть,
Редкая рябь — всё, что надо.

Вот и на спящем лугу!
Вдаль убегает дорога.
Вдаль... Переходит в строку...
Стихла, ни слова, ни слога.

Стрекот, ромашки, покой.
Сроки, расчеты — пустое!
Мысль, проблестев стрекозой,
Тонет в пестрейшем просторе.

Бродишь — ни планов, ни дел.
Стадо поодаль пасется.
К небу возносится день,
Светит бездонное солнце.

3

Кручу педали, вспоминаю:	Дорога на меня несется,
И мчишься ты, и следом я,	Гудки, грузовики вокруг —
И отстаю, и догоняю,	Но волосы в оправе солнца,
Но, как всегда, ты не моя.	Но смуглые изгибы рук!
Но катятся велосипеды:	И сколько мне еще осталось
Я еду за тобой в закат.	До робкого объятья, до...
Со лба стекает пот, но еду,	Все катится — и боль, и радость —
Быстрее, никогда назад!	В лучшее навсегда.

5

Помню печальную ночь. Мы вдвоем у костра.
Звезды сияют, и мы просидим до утра.
Мы расстаемся, ты просишь прощенья, прощаясь:
«Все завершается. Что ж, в тишине посидим.
Мы расстаемся, и ты остаешься один...»
Как? Обвыкаться на свете, умнея и маясь?

«Дальше ничто — и последние дни пронеслись. —
С пеплом во мрак отлетает тоскливая мысль,
Взгляд в этой ночи, в печали теряется, тонет. —
В жизни иной, все продолжится в жизни иной!
Пруд заискрит, ты решишься остаться со мной,
Выпустишь бабочку чувства из чутких ладоней».

6

Так и снится, бывает: на солнце трава маслянится,
И сверкает река, и леса голубеют за ней,
И, щеки ненароком касаясь, порхает ресница,
И сияет, сияет трава наших радостных дней.

Только там, в этих снах, ты решила назвать меня милым,
Я с любовью касаюсь губами стыдливой спины.
Наслаждаюсь блаженным, к утру умирающим миром.
Я расстался с тобой, и на мне не осталось вины.

...И меняются кадры: ты шуришься, вишню срывая.
Просыпаясь, я медлю, истому стараюсь продлить,
Но врывается в комнату ветер, окно раскрывая,
Все проходит, и всполохов сна воедино не слить.

Ну, пойду! За трудом, за куском немудреного хлеба.
День и светел, и долог, светлее и дольше — тоска.
Перекинемся словом с соседом, и гляну, как водится, в небо:
Бессловесно на взгляд откликаясь, летят облака.

Мария НИКИФОРОВА

* * *

Что если мне уехать в Крым?
Стать одиноким чудиком?
Наврать чего-нибудь родным
и умотать с этюдником?

И стать веселым и простым
художником из Ярика.
Что если мне уехать в Крым?
Там виноград и яблоки!

* * *

Собачьи следы на песке,
и желтое небо над морем,
и мы все о чем-то там спорим,
и чайки кричат вдалеке.

А девочка рядом стоит:
зашедшая в воду по пояс,
неясно о чем беспокоясь,
на солнце, прищурясь, глядит.

И я вспоминаю мультфильм:
как девочка ждет не дождется,
но к ней никогда не вернется
попавшийся в сети дельфин...

К чему наш беспомощный спор,
и всякое счастье, и горе,
когда на нее, точно море,
отчаянье смотрит в упор?

* * *

Лежит на льду узорном
коралловый закат,
и в розовом морозном
пруду домишки спят.

Мария Ивановна Никифорова родилась в 2001 году. Участник литературной студии «Парабола», дипломант молодежного регионального литературного конкурса «Важно — быть услышанным» за 2022 год и Третьего всероссийского конкурса «Поэзия. Полдень. XXI век». Автор книги «Воздух в занозах». Живет в Ярославле.

Над ними и под ними
закат велик, как царь.
Как ярко, как красиво
в пруду цветет январь!

* * *

Я стояла весной на протоке,
где сплетаются косы воды,
как мои перекрестные строки,
наполняя затоны, пруды.

Затопляя заливы и склоны,
прошлогодних бурьянов вихры.
Я всегда отношусь благосклонно
к сиротливости этой поры.

Под ботинками почва просела,
просочилась в них тихо вода.
Я промокнуть совсем не хотела
и могла бы уйти без труда.

Но, захвачена этой стихией
и совсем не владея собой,
все стояла, твердила стихи я,
непонятные даже самой.

Не своя, а — чужого простора
возвращалась под вечер домой
и смотрела, уже с косогора,
как вода шла вдогонку за мной.

* * *

Дети корову снимали,
за шею ее обнимали.

Наливали ей чистую воду,
чесали широкую морду,

Корова была башкастая,
как будто в рогатой каске.

маникюра при том не жалея.
Корова мычала, млея.

Мордой тыкалась влажной
и не казалась важной.

Не знала, что как-нибудь часом
станет коровьим мясом.

* * *

Ну а помнишь тот дом под густой и высокой березой?
Он тебя так настойчиво ждет и скучает давно.
Его темные окна наполнены сумрачной грезой.
Неужели дожидаться тебя ему не суждено?

Там, у шаткой колонки, поставлю я старенький велик,
буду в окна смотреть сквозь густой и запущенный сад.
И мне вспомнится, как половицы негромко скрипели,
вспомню твой простодушный, наполненный мудростью взгляд.

Там в разлитом свете дремлет старенький письменный столик.
Ляжет света квадрат на давно уж не крашенный пол.
Ты из кухоньки сумрачной выглянешь, сдержанный стоик,
одиноким аскет. Где же твой золотой ореол?

Я на пыльную клавишу вдруг надавлю ненароком,
и печатной машинки согнется железный сустав.
Гулко звякнет металл, и пронизет внезапно, как током,
прозвенит колокольчик, кого-то тихонько позвав.

Нынче дом опустел и под осень стал чуть угловатым.
Налетает листва, осыпает всю местность кругом.
Только гуси проточные тихо над домом звенят, и
только солнце последним лучом забирается в дом.

* * *

Неумело держу кофемолку.
Всю неделю слегка сбита с толку.

Наливая дымящийся кофе,
вижу в чашке твой тающий профиль.

Обхожу твои тапки в прихожей.
Ты в Москве. Ты московский прохожий.

Слепо ставлю обратно на полку
эту чертову кофемолку.

* * *

Повесил голову давно
мой ангел, слепленный из глины...
И снова вечер длинный, длинный,
гранат и красное вино.

Но снова свечка на столе,
и мысль: «Как этого немало!»,
и тонкое стекло бокала,
и отсвет грусти на стекле.

«МЫ ПРОСИЛИ МНОГОГО ОТ ЖИЗНИ, НО СУМЕЛИ И ЕЕ ОТДАТЬ»

С началом Второй мировой войны английские поэты, как и их советские собратья по перу, не уклонились от своего гражданского долга. Они первыми шли добровольцами в вооруженные силы, первыми отправлялись на фронт борьбы с нацизмом. Они мужественно сражались с врагом, и многие из них пали смертью храбрых. Список погибших составляет сорок имен. Среди них были такие талантливые авторы, как Кит Дуглас и Сидней Кейс, считавшиеся надеждой английской литературы.

Поэты внесли свой вклад в общую победу над нацистской Германией, которую союзники — Советский Союз, Великобритания и США — тогда одержали вместе. Однако последовавший период охлаждения не способствовал развитию дружеских культурных связей. Поэтому английские поэты, павшие на полях сражений, ныне практически неизвестны российскому читателю. Эта журнальная публикация позволит частично восполнить досадный пробел. Стихи переведены на русский язык впервые.

Стивен ХАГГАРД

Поэт, писатель, актер. Родился в 1911 году. Учился в Королевской академии драматического искусства. С началом Второй мировой войны служил в Британском разведывательном корпусе на Ближнем Востоке, занимаясь сбором секретной информации. 25 февраля 1943 года был найден застреленным в поезде, следовавшем из Каира в Палестину.

ЧАСОВОЙ

Я часовой, и грозен мой приказ.
Раб превратился в деспота на час.
Рычащий цербер кованых решеток,
Я различил на лицах тьму гримас,
Пока мой штык взидал на околоток
И скалился с дозорной башни Марс.
Так окаянство звездных пирамид
Мне радость, а врагу беду сулит.

Моя застава дремлет до утра,
Ее объемлет потная жара,
Смрад проникает даже в сновиденья.
И завтрак, приготовленный вчера,

Увы, протух еще до потребления.
Солдаты просыпаются — пора!
Звонят шаги по гулкой мостовой.
Аминь последний час сторожевой.

Уж над заставою заря встает,
И музыка колеблет небосвод:
Затрепетали песни в птичьем горле.
Вдруг грохот резанул, как ледоход,
Как символ вечной ярости и горя, —
Так вражеский патруль, орлиный флот,
Вздымаясь к солнцу в небе голубом,
Из наших ружей высекает гром.

Кит ФУТТИТ

Поэт. Родился в 1922 году. С началом Второй мировой войны поступил добровольцем в Королевские военно-воздушные силы. Погиб 21 января 1944 года в ходе самого мощного налета британской авиации на столицу германского рейха Берлин.

ДВЕ ПАРЫ БАШМАКОВ

Давай задернем шторы
И свет приглушим тут.
Все к празднику готово —
Случаен наш дебют.

Не будет репетиций,
Подсказок и кивков.
Пусть сохнут в коридоре
Две пары башмаков.

Когда бы час за часом
Тобой пленяться мог,
Я бы забыл про Бога
И яблочный пирог.

Когда б любовь взыграла
Симфонией весны,
Мы б возлюбили ближних
И не было б войны.

Скажи мне, дорогая,
Что любишь ты меня.
Тебе оставлю сердце,
Навеки уходя.

Давай не станем медлить
И тратить лишних слов.
Уж чистят в коридоре
Две пары башмаков.

Сидней КЕЙС

Поэт. Родился в 1922 году. Учился в Королевском колледже Оксфорда. В апреле 1942 года поступил добровольцем в британскую армию. Сражался на Тунисском фронте. Погиб в бою 23 апреля 1943 года, прикрывая отступление своего взвода.

Грохочет барабан — в поход зовет
К земле обетованной и обильной,
Чтоб среди скал найти счастливый грот,
Взойти на золотую гору мира.

Мы юны, чтоб идти в такую даль,
У нас ни компаса, ни знаний, ни сноровки,
Ни даже веры — твердой, словно сталь,
Что двинула отцов на дальний Север.

Друзья, оставьте хлеб и отчий дом,
Доверьтесь целиком слепой надежде.
А кто засомневается потом,
Костями пусть ляжет в сумрачной пустыне.

Идите без оглядки — лишь вперед,
Держите курс на Эверест желанья.
Никто не завоеует тех высот,
Где только облака бредут стадами.

Там божества бессмертные живут.
И вам их ледяные отраженья
Отваги не заметить придадут
Усмешку горечавки или гальки.

Поют о смерти флейты на ветру.
Ступайте к полю битвы роковому
И без опаски встаньте на юру,
Взирая на заоблачную стену.

Вам ворон не пророк и не беда.
Быть может, здесь свою мечту найдете,
Но вы не обретете никогда
Ни Ханаан, ни золотую гору.

Брайан ОЛЛВУД

Поэт. Родился в 1920 году. В 1941 году поступил добровольцем в Королевские военно-воздушные силы. Был командирован в Северную Африку. Погиб в воздушном бою в небе над Италией 30 июня 1944 года.

ЭКИПАЖ

Бомбардировщик возвращался налегке.
Рычаг дрожал в руке, но не в моей руке —
Моя осталась прохладиться на песке.

Я совершить на холм посадку приказал.
Воздушной раны синеву перевязал.
И в пабе на холме фунт лиха разменял.

Лежу в обнимку с койкой, ласковой едва.
Вверх вздернута нога, и кругом — голова.
Красавица на фото молвила слова.

Ты для войны или игры рожден на свет?
Горят фабрики, но в том виновных нет.
Им полыхать огнем и через тыщу лет.

Вот и сошли друзья на вересковый луг.
От солнечных лучей попрятались вокруг.
Пусть древняя земля излечит их недуг.

Кит ДУГЛАС

Поэт. Родился в 1920 году. Учился в Оксфордском университете и Королевском военном колледже. В 1941 году поступил в британскую армию и был направлен воевать в Северную Африку. В день «Д» участвовал во вторжении в Нормандию, где погиб смертью храбрых 9 июня 1944 года.

VERGISSMEINNICHT

Враг через месяц отступил назад,
И мы, кошмарный одолев озноб,
Вернулись в свой разрушенный окоп,
Где гнил на солнце вражеский солдат.

Был рядом снимок памятного дня,
Где девушка готическим письмом
Любимому писала об одном:
«Vergissmeinnicht! Не забывай меня!»

Был рядом мрачный оружейный ствол.
Тогда в бою, испытывая пыл,
Он так по танку моему лупил,
Как будто сатана в него вошел.

Мы видели: его ремни, значки,
Гордась великолепием своим,
Едва ли не куражились над ним,
Когда он распадался на куски.

Но зарыдала бы она тотчас,
Зловонных мух увидев суету,
И лопнувшего чрева черноту,
И запорошенный бумажный глаз.

Любимый и солдат — един овал,
Едина плоть, и сердце, и душа.
И смерть, солдата выбрав не спеша,
Любимого сразила наповал.

Фрэнк ТОМПСОН

Поэт. Родился в 1920 году. Учился в Оксфордском университете, где вступил в Коммунистическую партию. С началом Второй мировой войны стал сотрудником Управления специальных операций. Выполнял секретные задания в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Для связи с болгарскими партизанами был сброшен на парашюте в окрестности Софии, схвачен жандармами и после пыток расстрелян в ночь на 10 июня 1944 года.

ЭПИТАФИЯ

Тот, кто видит голубые дали,
Кучевые видит облака,
Обратится тот к земной печали,
Лишь услышит гром издалека.

Так и мы, чья жизнь — в мечтах былинных,
Чьи сердца пылали и цвели,
Оставляя книги на вершинах,
Гордо в сумрак смерти низошли.

Но прошу: не надо слез на тризне!
Радость на камнях должна сверкать.
Мы просили многого от жизни,
Но сумели и ее отдать.

**Перевод с английского
Евгения ЛУКИНА**

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Поэт, писатель, переводчик, историк. Автор сорока книг поэзии и прозы. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Лауреат ряда международных и российских литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

Вера КАЛМЫКОВА

НЕБО И ЗЕМЛЯ СТАРОГО ОСКОЛА

...И никто меня не разубедит, что, путешествуя, мы догоняем, точнее, пытаемся догнать время — уходящее вовсе не назад, как нам кажется, а вперед, и чем дальше, тем стремительней. Если уклад жизни меняется быстро и радикально, оно переходит на чемпионскую скорость. С нею один способ борьбы — снизить темп: *чуть помедленнее, кони, чуть помедле-н-не-е...*

А иначе — оторвутся от нас славные герои прошлого и помчатся, что твоя Птица-тройка, в немыслимую будущую былинную даль, откуда вернутся, быть может, только к нашим потомкам.

Русская провинция всегда была заповедником времени. Даже в советскую эпоху перемены не захватывали маленькие города, не стягивали петлю на широких плечах купеческих домов или на подкупольных барабанах старинных храмов, хотя вот им, конечно, везло куда меньше. Пассионарии уезжали из отеческой глуши в Москву, в Ленинград; в родных местах оставались те, кому незачем было спешить. В таких семьях рождались будущие краеведы, и в 1990—2000-х годах явили они миру громадную библиотеку русской старины: книги, как правило, в мягких обложках, не очень толстые, но многочисленные, об истории местности, о самоотверженных учителях-просветителях, храмоздателях, художниках, разработчиках недр, если таковые имелись, инженерах, фабрикантах-благотворителях, ремесленниках — словом, обо всех, кто хоть чем-то отметился на своей и нашей общей земле.

Призвание — слово, которое мы часто понимаем как синоним «таланта», упуская еще один смысл — *быть призванным, то есть осознать свое предназначение*. В 90-е годы призваны по всей России оказались священники, бизнесмены и краеведы. Первые две специализации были не то что невостребованы — невозможны, опасны в советское время. А потом началось... Помнится, в 90-е годы с гуманитарных факультетов, где мальчиков раз, два и обчелся, подхватывались будущие перспективные философы-филологи-историки, и фьюить! — в духовную семинарию. Как, откуда, почему? Родители, вчерашние коммунисты, под валидолом, а кто и с проклятиями. То же происходило и в технических вузах, даже в театральных или цирковых училищах. Таковы батюшки моего поколения.

В бизнес тоже шли отовсюду. Краеведом, конечно, можно было стать и раньше, да только результаты изысканий публиковать можно было и не все, и не всегда, и далеко не везде. Слишком многое открывалось в городских архивах такого, чего советская власть знать о себе не желала.

Вера Владимировна Калмыкова родилась и живет в Москве, поэт, кандидат филологических наук, редактор, автор научных и научно-популярных книг и статей.

Да и нет такой профессии — краевед. Историк, педагог — сколько угодно. А краеведение, пожалуйста, в свободное от работы время. С учетом того, что архивы работают в обычном режиме, как и любое предприятие или организация, с девяти до шести. Хочешь в фонды — крутись-вертись. Это кем же надо быть, чтобы?.. Так нет и профессии подвижника. Им был легендарный Анатолий Павлович Никулов, автор книги «Оскольский край. Рассуждения по поводу» и серии книг «Оскольские древности». Многие годы он каждый свой отпуск проводил в РГАДА, обнаружил и опубликовал многочисленные документы об истории Старого Оскола с первых десятилетий его существования (в основном XVI—XVII века). Впоследствии — почетный гражданин Старого Оскола.

Нынешние блогеры сетуют, де, мол, в этом городе мало что можно посмотреть. Пожмешь плечами: а чего вы хотите после Великой Отечественной? Первый год Старый Оскол стоял островом: Белгород пал, Курск пал, Харьков пал, в Осколе переформировывали страшно побитые воинские части, спасали раненых, эвакуировали, кого могли, и все это под фактически непрерывными бомбежками. С середины лета 1942-го по февраль 1943-го держалась нацистская оккупация. Выгнали врага — невыносимо думать, с какими человеческими потерями, — город стал тыловым центром для освобождения Белгорода, Курска, Харькова.

Немногим зданиям Старого Оскола удалось пережить людей.

За национальной стариной с тем же успехом можно и в подмосковный Солнечногорск, например, съездить.

Интересное, кстати говоря, наблюдение. Пока мы активные социальные единицы, востребуем сегодняшние технологические достижения и соответствующий уровень комфорта, а в информационном плане можем и сторонникам реставрации советского строя подсюсюкнуть, особенно по вопросам бесплатного образования и медицины. Стоит нам стать туристами, так подавай дореволюционные ландшафты, причем желательно постарше, постарше, лучше бы, конечно, век этак двенадцатый. Ну, шестнадцатый, конечно, тоже сойдет...

И все же я поехала бы в Старый Оскол, не доведись уже побывать здесь. И не на два-три дня, выкроила бы побольше.

И для начала отправилась бы на то место, откуда начался поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев. Да-да, тот самый, из «Слова о полку Игореве».

Семьдесят километров от города. Машину придется брать, никуда не деться. Формально и вотчина другая — Чернянский район Белгородской области. Но — слово тянет, имя, топоним! Никуда не деться: река — Оскол.

Рядом, рукой подать — село Холки. В Игорева времена крепость Холок. Считается, что княжеское войско шло от Путивля в половецкие земли как раз по Белгородчине и возле Холка остановилось, чтобы дожидаться подкрепления, дружины буй-тур Всеволода, князя Трубчевского и Курского. Встреча была оговорена заранее.

Сейчас здесь, совсем рядом с тем самым полем, Свято-Троицкий Холковский пещерный монастырь. Место красивейшее. Холками так и тянет назвать здешние холмы. Рядом с монастырем — памятник князю Святославу, внуку Рюрика, разгромившему в X веке Хазарский каганат. Оно было дело хорошее, нужное, но почему памятник — именно здесь?..

Оскольцы это место любят показывать. Так подумаешь — ну, ландшафт. Красиво, величественно. Но не так чтобы выдающееся что-то, в России таких много.

А взяла бы я с собой книгу со «Словом...» и прочитала бы его — оно ведь маленькое совсем, меньше десяти страничек, — прямо на этом поле. Поставила бы личный памятник, нерукотворный — стихотворный.

Вдуматься: почему — Игорь? Почему не Олег, прибавивший щит на врата Царьграда? Почему не Владимир Мономах с его красивейшим «Поучением», со всей его Соломоновой печальной мудростью:

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя Бога со святыми Его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным Судьею, не покаившись и не помирившись между собою.

Нет же, не Мономах — Игорь! По сути, послушник (не велено же было на половцев после побед Святослава ходить), неудачник (войско положил, сам еле спасся).

Олег — еще скандинав, рус, но как бы не вполне русич. Мономах нам ближе, но немножко слишком византиец. А Игорь — уже вполне наш, русский. И прагматические цели его похода, более или менее ясные историкам, а в «Слове...» не упомянутые вообще, заменяются чистой доблестью, мужеством ради мужества:

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством,
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

«Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем плененным быть;
так сядем, братья,
на борзых коней
да посмотрим на синий Дон».
Страсть князю ум охватила,
и желание отвесть Дон Великий
заслонило ему предзнаменование.

«Хочу, сказал, копьё преломить
на границе поля Половецкого,
с вами, русичи, хочу либо голову сложить,
либо шлемом испить из Дона».

Насчет рек сразу уточним: приток Дона Северский Донец течет через Белгородскую, Ростовскую, Харьковскую, Донецкую и Луганскую земли. В Старом Осколе свои реки — Оскол и Осколец.

Но не снизошел повествователь «Слова...» до всех этих частности, другую задачу себе поставил. Русская земля в тот момент не нуждалась в защите, свидетельствуют историки. Лучше дома сидеть да землю пахать, чем в поле половецком мертвым лежать, выступает здравый смысл. Но есть у Игоря цель: посмотреть на синий Дон. Шлемом из него испить.

Ветер дальних странствий. Золотая, в ореоле славы, победа.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото, и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами, и плащами, и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и топям,
и дорогими нарядами половецкими.
Червлёный стяг,
белая хоругвь,
червлёный бунчук,
серебряное древко —
храброму Святославичу!

Знаете ли вы, что такое паволока? Шелковая ткань. За отрез можно было купить раба. А аксамит? Тот же шелк, но с тканым рисунком золотой или серебряной нитью. Из тех древних материй, которые мастерица могла изготовить по квадратному метру, скажем, за год, а если слишком усердствовала, то слеpla.

Красавицу половецкую в охапку да в седло, а всю эту красоту заморскую, богатство баснословное — в топь, в грязь и пустить коня прямо по ней. Знай наших!

Поэтому — не Олег, не Мономах. Игорь. Он, со всеми своими просчетами и победами, — внутренне, душевно наш.

...И когда возле Старого Оскола 17 человек из 409-го истребительно-противотанкового батальона 31 января 1943 года остановили полутысячную нацистскую группировку, в этом есть что-то от Игоря Святославича. От его совершенного, непрактичного, непобедимого мужества. Между прочим, мономаховского, ибо свое мужское дело князь делал, как понимал его, честно.

Стоянка войска Игоря Святославича в летописях не зафиксирована, говорится лишь о реке Осколе (тогда города часто получали имена рек, та же Москва примером), и место определили археологи — по огромному количеству находок разнообразных предметов, характерных для скопления массы вооруженных людей. Дело понятное:

тренировался в стрельбе — древко треснуло, наконечник укатился; отрабатывали приемы боя — не выдержал клинок; или стремя отвалилось, или конская сбруя лопнула, все бывает. Но не бывает без причин, чтобы много-много всякого такого само по себе собралось в одном месте.

При всей моей любви к зиме, к снегу — эх, жаль, что климат у нас не позволяет создать музей Игорева полка под открытым небом. Такое можно делать только там, где потеплее и посуше.

Если бы довелось приехать в Старый Оскол впервые, набело... Хотя разве первая поездка была черновиком? Сколько впечатлений дал мне этот город, причем еще до выхода из поезда. Подъезжая, я обратила внимание на громадные искусственные горы — отвалы отработанных после добычи железа пород — и кладбище у их подножия. Стихи я пишу медленно, раскачиваюсь годами, но все же стихотворение родилось, пускай и пару лет спустя. Поэт Стефания Данилова, намного меня моложе, говорит — страшное. Не знаю; по мне так жизнь, почти как у степного акына, что увиделось, то и спелось.

Отвалы отработанных пород,
нагроможденья рукотворных гор.
Привычный рудокопам обиход —
пустой породой заполнять простор.

А у подошвы звезды да кресты:
кладбищенский размеренный чертеж.
Предметы человеческой пустоты,
и кто был полон чем — не разберешь.

Здесь завершен веществ круговорот,
закончены полезные труды:
могилы отработанных пород,
отвалы человеческой руды.

И все же, если бы довелось приехать сюда впервые... Я ходила бы по городу и сначала любовалась бы не столько достопримечательностями, сколько панорамами. Исходила бы его весь, докуда смогла бы. Над Старым Осколом очень много неба, он холмистый, и на подъеме, как часто бывает, ты как будто и идешь в небо. Видевшее здесь и подданных Хазарского каганата, плавивших железную руду и оставивших городу имя своего этноса, и орды Батыева нашествия, и великих князей литовских, и снова ордынцев князя Яголда, православного подданного Великой Литвы, и русскую охранную крепостцу в XVI веке, а затем уже и город на ее месте. Вспомнила бы, что *Старым* город стал в середине XVII века, когда появился на Белгородчине еще один Оскол, прозванный *Новым*.

Русский язык с его огромным количеством созвучий-перекличек, да вдобавок и после Хлебникова, утверждавшего, будто сходно звучащее близко и по смыслу, соблазняет, конечно, подумать и об *осколе-осколке*. Отбросим искушение: все здесь цельно. Небо собирает. Несмотря ни на что...

До 1937 года на самой высокой точке, видный со всех сторон, стоял Богоявленский собор, построенный, как говорится, *трусами и усердием* купца Алексея Ивановича Иванова. В предыдущие столетия оскольские храмы были преимущественно дере-

вянными, и если не ветшали, то горели. В начале XIX века город заметно разбогател, и купечество, как и по всей России, начало вкладываться в церковное строительство. А тут еще и разгром Наполеона, конец французской империи, торжество русской, православной. Не в одном Петербурге Исаакий, не в одной Москве Богоявление в Елохове — повсеместно закладывались и вырастали громадные соборы, порой и пораньше, чем в столицах: работы в старооскольском храме завершились в 1840 году против 1858-го в Петербурге и 1853-го в Москве.

Стиль всех этих зданий скорее ампир, чем классицизм, — знак культурной победы над французским узурпатором, устроившим конюшни в кремлевских соборах Москвы. *Ампиром* (буквальное значение слова: «имперский стиль») по чужой империи — вряд ли осознанно, но и бессознательно весьма остроумно.

Не какой-нибудь пришлый Батый, не хазары, не литовцы постарались смести с лица советской земли даже память об этих величественных зданиях. Как и воспоминания, чему они посвящались, что происходило внутри. Так не стало Казанско-Николаевского, Благовещенско-Михайловского храмов, Ахтырской и Успенской церквей.

Можно взять карту старого города и наложить ее на сегодняшнюю, выделяя утраты разного времени и по различным причинам всякий раз другими цветами.

До мурашек страшно думать, как легко, просто и жестоко народ после большевистской революции 1917 года расстался со своими святынями. Сегодня, когда историю XX века стараются переписать все кому не лень, главное, конечно, не допустить повторного стирания нашей национальной памяти — и потому подойдем ко всем монументам павшим в Великой Отечественной войне или трудившимся во имя Победы. Летом 1943 года женщины, девушки и подростки всего за 32 дня построили 95 километров железной дороги Старый Оскол — Ржава. Их подвиг увековечили в 2008-м. Погибшие на фронте упокоены в тридцати братских могилах. Здешние монументы очень просты: это колонна и орденоносная стела, уходящие в небо. Помнящее все.

И потом пошла бы я в местный краеведческий музей, земное хранилище материальной памяти. Весной 2025 года многие российские музеи и выставочные залы открыли экспозиции, посвященные 80-летию нашей общей победы над нацизмом. Староосколец дал своим выставкам значимые названия: «Цена Победы», «Эхо войны и память сердца». *Цена!* Раньше пели: «мы за ценой не постоим». Теперь думаем о ней.

И не преминули музейные работники отметить роль этого края в изменении мира после 9 мая 1945-го: «Белгородская область — родина Победы».

Кстати сказать, Старооскольский краеведческий музей родился в 1923 году благодаря усилиям местных хранителей истории. Создавался он на основе пожертвованных граждан, отдававших на государственное хранение семейные реликвии. Но — война. Погибли почти все экспонаты. И новая волна подношений от горожан. И возрождение музея. Опять с нуля — и до солидной многотысячной коллекции. До нового здания в доме купца Лихушина, одного из самых ценных экспонатов — нет-нет, все-таки некоторые дореволюционные здания здесь стоят.

Будучи центром Курской магнитной аномалии, Старый Оскол в послевоенное советское время добывал руду и лил сталь. Он и до сих пор остается одним из лидеров металлургической отрасли. Стоит доехать до смотровой площадки недалеко от края карьера Горно-обогадительного комбината, чтобы посмотреть вниз и увидеть маленькие-маленькие машинки, ползающие по дну глубокого-глубокого карьера. А потом узнать, что машинки — самые большие в мире, громадные. Если смотреть вблизи.

Существует, однако, нечто такое, что не меняет масштаба в зависимости от точки зрения. Это изобразительное искусство. В Старом Осколе множество первоклассных живописцев, можно говорить о местной художественной школе.

Откуда она взялась, спрашивается?

Жили здесь гончары, специализировались на печных трубах. Есть версия, что делали они и глиняные игрушки аж с XV века, еще когда город не был официально русским. Но это, скорее всего, из разряда «благоуханных легенд»: археологическими данными не подтверждено. Анатолий Павлович Никулов, например, эту версию научной не считал.

Другое дело, что легенда порой продуктивнее фактов, и на ее основе с 1990-х годов развивается здесь старооскольская глиняная игрушка, как бы продолжающая древнюю традицию. Но дело-то еще интереснее: формы, пластика коников, уточек, погремушек только кажется простой, на самом деле попробуй вылепи. Фальшь обнаружится сразу. Тот самый дух народа, который рукой не потрогаешь, только внутренним зрением узнаешь, дух вне формы, над конкретикой, проявляется в созданиях художников — через века, вопреки всему. И бренд «Старооскольская глиняная игрушка», и творчество Владимира Лобынцева и Натальи Никишиной, членов Союза художников России, разрабатывающих здешний канон, — это подтверждение другой, не на фактах основанной правды.

А вот факт. Наверное, из-за того, что в средневековье город переходил из рук в руки, а новые владыки исповедовали различные религии, здесь долго держались языческие традиции. Народные украшения хранят их следы; реконструкцией узоров занимается художник-прикладник Ирина Шаповалова, много работающая и с традиционной здешней росписью деревянных предметов обихода. Находятся люди, желающие восстановить утраченный декор прадедовских сундуков (не все, видно, в музей попало) или обставить новое жилище в русском стиле. Профессиональный грамотный художник — важный союзник в таком тонком деле.

Народная, крестьянская Россия почти вся была резная и раскрашенная. Местные традиции — дело у нас распространенное. Но народные промыслы или даже наследные умения мастеров, мистически переданные через поколения, — лишь один фактор, его недостаточно. Должно быть что-то другое...

И тут свою роль сыграло, как ни парадоксально, металлургическое производство. Стойленский горно-обогачительный комбинат в самом Осколе, Лебединский рядом, в Губкине, Оскольский электрометаллургический комбинат.

Опять вопрос: при чем здесь металлургия-то? Она-то с какого бока?!

Пути развития культуры парадоксальны. Колоссальную роль играет запрос, заказ. Мы привыкли, что новые формы, смелые проекты появлялись по инициативе или церкви, или богатых людей. Так было в средневековье и в эпоху Ренессанса. В Советской стране заказчиком глобальных проектов являлось, как правило, государство. И на государственных предприятиях нужны были художники. Речь ведь идет о времени, когда в нашей стране слово «дизайн» было ругательным, компьютеры назывались ЭВМ (электронно-вычислительная машина) и занимали площадь размером с жилой деревенский дом (а то и два), но на промышленных предприятиях все равно постоянно требовалось что-то нарисовать или красиво написать. Называлось «промграфика» — промышленная, стало быть. Художники, по образованию станковые живописцы и графики, приезжали на завод или фабрику с прозаической целью — заработать и становились художниками-оформителями (должность в штатном расписании предприятия). Некоторые остались в Старом Осколе навсегда.

Мою фантазию будоражит Другой — понятие, введенное ученым Михаилом Михайловичем Бахтиным и ставшее краеугольным камнем для мировой гуманитарной науки в самом широком смысле. Другой — не такой, не отсюда, не из логичного источ-

ника, неправильный, неожиданный. Пишется с заглавной буквы, чтобы не путать с обычным местоименным прилагательным. Удивительно, что Другим для будущей школы оскольских художников стала металлургия.

Как, например, для Ильи Хегай, чей художественный альбом составила филолог и искусствовед Лариса Анпилова. Философ Вадим Лукьянов писал о судьбе Хегай:

Илья Хегай родился в ту зловещую пору российской истории, когда, по слову О. Мандельштама, наше общество поставили в столь трагичные условия существования, что люди под собою уже не чуяли страны, взвихренной, перевернутой с ног на голову. По слову другого, более позднего поэта-изгнанника, И. Бродского, «мы увидели абсолютно голую основу жизни, нас раздели и разули и выставили на экзистенциальный холод». Поколения, которым суждено было стать современниками, свидетелями и жертвами колоссального социально-политического и антропологического советского эксперимента, испытали на себе в 1930–1940-е годы страшный и беспрецедентный коллективный опыт тотальной человеческой, онтологической социальной бездомности. Людям этой эпохи (а среди них и маленькому, а затем и юному Илье Хегаю) была продемонстрирована ужасная, как бы из тьмы внешней ворвавшаяся в старый привычный мир новая радикальная истина о практически полной, вопиющей незащищенности, хрупкости, почти космической безосновательности человеческого бытия. И это — внутри беспощадных и неодолимых никакими индивидуальными усилиями государственных процессов коллективизации, раскулачивания, насильственного переселения «подозрительных» народов («наций-шпионов») и сословий, ужесточения внутренней классовой борьбы, духовного, психологического и физического террора, а затем и событий Второй мировой войны. Многие русские писатели на опыте революций и Гражданской войны связали космическое и социальное в единый, почти библейский образ великой всеобщей — неба и земли — катастрофы (см., например, «Апокалипсис нашего времени» В. Розанова, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Кощееву цепь» М. Пришвина и др.). Следующее писательское поколение прозревало и описывало ее уже на опыте мирного, но не менее беспощадного социалистического строительства второго и третьего послеоктябрьских десятилетий (например, «Чевенгур» А. Платонова, «Погорельщина» Н. Клюева, «Кулаки» П. Васильева и др.).

Трагическую бездомность и незащищенность бытия в полной мере ощутила на себе и семья Хегаев, обрусевших корейцев, депортированных осенью 1937 года с насиженных и обжитых мест Дальневосточного края СССР в бесконечные, чужие и неприветливые казахстанские степи, бывшие в 1930-х годах местом массовой и варварски осуществляемой высылки разнообразных категорий гражданского населения со всех концов огромного Советского государства. Здесь, кстати, Хегай встретился и со своим учителем, еще одним депортированным художником старшего поколения, Владимиром Эйфертом (1884–1960). Как пишет в посвященном Хегаю очерке Л. Анпилова, «семилетним мальчиком в теплушке, под охраной красноармейцев маленький Илья и его родные были доставлены на окраину Караганды, где в землянке, в горести и нищете им, „японским шпионам“, довелось прожить двенадцать долгих лет». По нашему мнению, именно этот детский опыт и разнообразные художественные подходы к его осмыслению, объективированию, а возможно, и преодолению и стал одним из самых заметных — связующих многие десятилетия творческой активности — мотивов живописи Хегай. То, что указанными выше писателями и поэтами внутри или вне советского государства транслировалось посредством слова, живописцу предстояло передать с помощью образов, изобразительных эйдосов и вечно-таинственной магии художественного свето— и цветомира.

Еще один художник, Алла Филимонова, первоначальное художественное образование получила в художественной школе г. Шауляя (Литва), затем училась в ленинградской-петербургской Репинке, позже в Курске. Оказавшись в Старом Осколе, она и сама стала преподавателем. Ее больше всего привлекала акварель: «Мне кажется, — говорила она, — эта техника отвечает моему характеру. В первую очередь, своей подвижностью, а во-вторых — неожиданностью, расположенностью к чуду». Хотя, конечно, и другие графические материалы позволяли Филимоновой выразить то, что для нее было так важно — открыто эмоциональное восприятие мира.

Основная черта ее индивидуальной манеры — умение сочетать выражение сильной эмоции, остро пережитой в отдельный момент, с широким художественным обобщением, без которого невозможен реализм. Она редко фиксировала взгляд на деталях, работала мягким широким мазком, год за годом выходя все на большую и большую глубину. За кажущейся простотой таится парадокс: акварелью «по-мокрому», требующей быстроты художественного решения, она создавала образы, глубоко продуманные, не раз переосмысленные. Быстрый взмах руки и легкое касание широкой кисти снимали избыток интеллектуализма, помогали Алле Филимоновой передать непосредственное чувство; отсутствие детализированности подталкивало к универсализации, а отсюда уже прямой путь к символу.

Много света, воздуха, основное внимание уделено поэтичному воплощению переходного состояния природы. Мягкие переливы красок нежного рассвета. Воздушная трепетность растений. Лиричный, трогательный образ туманного утра, дождливого дня. Все чаще — тональное решение образов. Тоскливое серое небо сливается с верхушками осенних деревьев, перетекая в линии раскинутого до горизонта лоскутного одеяла распаханых полей. Бурые, коричневые, землисто-серые тона создают картину хмурого осеннего дня, усталости поздней осени. Образ становится жестче, сдержанней. Восторженность восприятия мира сменяется вдумчивой сосредоточенностью. Тема родной земли дополняется важным акцентом: линия горизонта становится ниже, главным слагаемым становится образ высокого неба, единственного на всей земле старооскольского неба. Характерные образы — широкое поле под высоким сводом, уходящая вдаль от родного плетня дорога — воплощают знаменитый русский хроно-топ, извилистый путь жизни, путь-дороженьку...

Все у Филимоновой было очень лично. Концентрированно. Немного словно.

Широко и конкретно. Узнаваемо. Темпераментно.

Везде преодолевались границы только своей судьбы, только своего опыта.

Нигде ничего не акцентировано. Ничто не самодостаточно. Любая деталь вписана в контекст и видна на его фоне так выпукло, будто целое создано специально для нее.

Из любой точки пространства видно во все стороны света.

80 лет исполняется в том году художнику Андрею Галюзину — ровеснику Победы. Тоже приехал в Старый Оскол, чтобы работать в промграфике. И — остался здесь. О том, что Галюзин делает сейчас, рассказывает белгородский журналист Олег Гончаренко.

Судя по работам художника, его вдохновляет все окружающее. Создание портретов — важная часть творчества Анатолия Галюзина. Они не просто фиксируют знакомые образы, но открывают внутренний мир самого автора. Анатолий Арсентьевич позволяет заглянуть в свою душу, тем самым стирая границы между художником и зрителем.

Натюрморты мастера отличаются легкостью, воздушностью, насыщенностью цветовой палитры. В них художник передает свое видение простых предметов, наделая их собственным характером и выразительностью.

Но по-настоящему свята для него память о страданиях народа в трудные годы. Посетителей выставки встречает триптих «Красная линия», посвященный донбасским событиям. Они не могут не волновать художника родом с Луганской области. Да и сейчас в Донецке живет его старшая сестра. Все части триптиха — про разрушенные жилые дома, промышленные здания. О том, что это Донбасс, говорят характерные силуэты терриконов.

«Я сердцем чувствую эту тему, и горжусь, и сочувствую нашему воину, — говорит автор. — Сюжетов, которые она дает, не исчерпать. Я живу на пятом этаже, а внизу детский садик. Как-то слышу: воздушная тревога. Смотрю вниз — дети разбежались с игровой площадки, прячутся в садике. Сразу стало ясно: можно приступать к работе».

На рисунке «Опустевший пляж Белого города» изображен пляж на правом берегу Северского Донца. Действительно, пустой. Стоит бетонное укрытие, а в небе — след ракеты. Вой сирены ракетной опасности не запечатлеть на бумаге. Но чувства горожан в эти минуты передать можно.

На каждой из трех монотипий, объединенных названием «Весточка», — дети и фронтовые письма их отцов. Они резонируют с воспоминаниями тех, кто испытал тяжелые последствия войны. За этот триптих Анатолий Галюзин в 2022 году получил премию конкурса «Прохоровское поле» в номинации «Графика». Памяти о Великой Отечественной войне посвящен еще один триптих — «Под покровом Пресвятой Богородицы».

Юрия Болотова называют самым пишущим оскольским художником. Считается, что в день он выдает по картине. Так ли это, не знаю, но продуктивность его потрясает. Действительно, сотни и тысячи холстов, с которых смотрит нам в лицо преображенное мироздание, показанное сильнее и чище, чем в природе. Только суть, без оболочек. Земля, созданная в красках. Болотов чувствует Черноземье по-пастернаковски, как свое тело, исследует мир, как философ — человеческую душу. И вместе с тем картины его лишены рефлексии, в них нет ничего отжатого, вторичного, всякий раз это сильный эмоциональный удар, сильный — но не лишаящий зрителя внутреннего равновесия. «Колорит Юрия Болотова нередко построен на контрастах, это роднит его произведения с традициями древнерусского искусства, — отметила Лариса Анпилова. — Отсюда — и некоторая сказочность, и былинная образность». Сам живописец говорит так:

Художник должен писать каждый день. Каждый день писать, почему? Потому что это все равно, что игра на фортепиано. А когда он пишет каждый день — он чувствует материал, чувствует пластику. Он видит мотив, композицию. Для художника важно работать каждый день, как и пианисту. Нельзя останавливаться, если ты остановился — ты уже потерял что-то. Чтобы это все наверстать — уже нужно время.

Художники для себя ставят какие-то вешки. Одна вешка, другая, третья, пятая, но каждый раз она либо отвечает росту, либо падению. В любом художнике, в любом творчестве, есть рост и падения. Такая амплитуда и вообще не понятно, что это такое, а в конце концов, может, и света нет в тоннеле.

Показать, что ты можешь и что ты сделал за какой-то период времени хочется прежде всего художникам, а потом уже и зрителю. Я думаю, что зритель на меня не обидится. В первую очередь мы видим в глазах художника, как он это воспримет. Немного по-другому, немного самобытно. Но всегда это надежда на то, что ты будешь находить новые струнки, новые открытия для себя делать и продолжать работать. Вот так как-то.

От чернозема — избыточность рождений, плодovitость. Маленький город — макрокосм. Вокруг него вся земля. И она же на полотнах Болотова, художника, что называется, *нутряного*, видящего ее сердцем.

Своя художественная история у Валентины Бочаровой, в свое время окончившей художественно-графический факультет Курского университета. Ее работы — это живопись... текстильная. Бочарова также работала художником-оформителем на одном из здешних предприятий, а потом ушла в чистое творчество. Она работает с традиционными русскими народными материалами — цветными нитями и лоскутом. Женское рукоделие собственно искусством никогда не считалось, но имелось едва ли не в каждом доме: вспомним круглые коврики, вышивки на подушках, длинные дорожки на деревянных полах. В церкви тканые и вышитые предметы лицевого шитья, порой из драгоценных материалов.

Появление телевизора все поменяло: созерцание голубых экранов заменило женщине кропотливую работу над гладью. Прошло несколько десятилетий, и в Россию традиционное занятие вернулось под английским названием *пэчворк* — буквально лоскутное шитье. И вновь засели над узорами государственные служащие, желающие отдохнуть от рабоче-семейных проблем над рукоделием.

Валентина Бочарова превратила это занятие в искусство. Ее огромные картины-панно выполнены в разных жанрах: здесь портреты, пейзажи, натюрморты, многофигурные композиции, что угодно для души и ума. Глядя на ее работы, зритель восхищен самым делом. Занятно, что, видя картину маслом, он таким вопросом чаще всего не задается.

В Старооскольском художественном музее, недавно открывшемся после ремонта, хранятся работы Юрия Болотова, Ильи Хегая, Аллы Филимоновой, Анатолия Галюзина, Валентины Бочаровой. Но и многих, многих других: например, одного из советских классиков, Станислава Косенкова, дом-музей которого находится в Белгороде. И Масабиха Ахунова, Виктора Афанасьева, Елены Марковой, Леонида Строганова, Михаила Маторина, Валерия Пименова, Виктора Рейхета, Григория Цейтлина, Марьяны Медник. Музей молодой, существует всего с конца 80-х, а коллекция представительная. Понятно, что музейные собрания в нашей стране продолжают теми или иными способами пополняться, хотя без госфинансирования с этим всё сложнее.

...Что я смогла? Несколько зарисовок — но разве сказано обо всех художниках?

А можно ли исчерпать тему творчества? Додумать до конца интерпретацию хотя бы одной картины одного мастера?

Но зачем, в конце концов, рассказывать все? Оставлю читателю воздух.

Для собственных открытий. Для того, чтобы увидеть небо и землю не направленным со стороны взглядом.

Нужно только приехать сюда. В вечное будущее. К небывалому небу.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕФОЛТА

Вы когда-нибудь задумывались, сколько может стоить буква? Одна-единственная буква: «а» из «аркады», «акведука», «арлекина» или «акаций», а может — из «акции»; «б» из той же «буквы», «бумаги», «банкноты»? А если так: «а» без акции, «б» без банкноты? Котируется ли она, буква — конечно, не будем же мы кошунствовать, ставя вопросительный знак рядом с банкнотой, — каков ее курс, насколько он прихотлив, какова его мера в золотниках? Да-да, цена буквы, ее денежное выражение? Не биткоин, но ведь тоже знак. О, не стоит начинать искать, сколько кому издатели платят за один авторский лист, высчитывать, сколько в него, в этот авторский лист, помещается букв, делить и получать значения в доли копейки. Независимо от того, какой размер шрифта вы выберете, грош цена вашим расчетам.

Если высокие материи почитаемы нами более, чем блага материальные, то буква для нас, конечно, выйдет бесценной. Ну, на такой ответ можно рассчитывать, если обратиться вопрос к истинному ценителю: писателю, филологу, а можно и — к читателю, в общем, к тому, кто не мыслит своей жизни без слова, а стало быть, и без буквы. С их когортой все понятно, а если пощупать (очень осторожно) кого подальше, попрагматичней да порасчетливей? Промышленника, дельца, например, банкира (с вашего позволения, обойдемся без слова «бизнесмен»). Не подумайте только, что мы их — ценителя и дельца — разведем по разные стороны от буквы, поставим каждого у барьера и выдадим по пистолету. Во-первых, даже если мы так и поступим, то многоуважаемые ценитель и делец все же окажутся на равном расстоянии от не менее уважаемой буквы, во-вторых, что бы там себе дуэлянты ни навоображали, а ружье будет у буквы, целиться и решать ей, кого помиловать (если, конечно, кого-то миловать). Выбор ее, сколь очевидным бы ни казался, не предопределен. Могла выйти очень даже нетривиальная штукавина. Судите-ка сами. Наберитесь немного терпения, продержитесь через ветвистые кустарники слов, и я вам докажу, вы убедитесь(!), что одна-единственная буква может стоить миллионы, сотни миллионов настоящих хрустящих или цифровых, но не менее настоящих, рублей. Достаточно для затравки. Пора нырять в кусты и рыскать — я вам обещаю, вы наткнетесь на драгоценную букву.

Поверили? И правильно сделали. Все было, только не у нас. Есть такой город — Сьодган. Не ищите его на карте — примите на веру, что он есть. В нем происходит все то же самое, что и у нас, только у нас о многом, что происходит, не знают, а там знают и о том, чего не происходит. Так вот, эта история случилась в Сьодгане, она о том, что никогда не происходило и не произойдет.

Айгуль Разитовна Ахметова родилась в Воркуте (Республика Коми). Высшее экономическое образование получила в Уральском федеральном университете. Публиковалась в «Новом журнале» (2023), в журнале «Урал». Живет в Екатеринбурге.

* * *

— Кидайте за ворота бутылки с зажигательной смесью! В бухгалтерии ваша зарплата! Заходите, забирайте! — гремел непонятно откуда (не из разверзшихся небес же в самом деле) густой голос, лишь на «зарплате» выдавший некую по-пороссячи взвизгившую нотку. Даже отъявленному мошеннику надо совладать со звуками. И жаба душист, и врать неудобно, когда сам не веришь. Тут к полиграфологу не ходи. Собственно, если не веришь, с чего жаба-то душист? — не было там, за воротами, никаких денег. Даже всю макулатуру, бухгалтерию то бишь, уже вывезли недели три назад. Тем, к кому обращался голос, было не до полиграфолога и макулатуры, но очень даже до своего хозяина, вдруг обратившегося в Великого и Ужасного Гудвина. Правда, если и было что в его в распоряжении, то точно не Изумрудный город, в самом романтическом случае — антрацитовый поселок. Ужасного доставало для внушения уважения сотням работников. По крайней мере, до тех пор, пока он им платил. Но вот что случилось — перестал! С десятков лет кормил-поил, а тут — как отрезало. Вот уже два месяца не видали люди своих кровных, но на работу исправно выходили. Да и куда им в их небольшом рабочем поселке было податься, если не на работу? Их нафтагонный завод был хоть куда — на зависть родне и соседям. Многие грезили трудоустройством на него с тех самых пор, как он открылся. Немало воды, то бишь мальты (нафты, нефти), утекло с тех пор, что-то строилось, что-то выходило из строя, в последнее время стали доходить до рабочих тревожные слухи: поговаривали, что крупный кредитор грозит обанкротить завод за какие-то астрономические суммы долгов. Но постойте: ведь этот самый кредитор в лице высокого начальства не так давно изволил пожаловать к ним, «экскурсию» вон сами рабочие проводили, хозяева вместе с этими высокопоставленными ходили везде, вместе восхищались, руками махали, смеялись каким-то шуткам, в весовой для грузовых фур взвешивались, театрально восторгались чьим-то бараньим весом. И хмурились, правда, но это оттого, что один из них (напоминающий слоненка из мультфильма «Тридцать восемь попугаев»), поправляя очки, начал сыпать заумные слова, оторванные от действительности: оборачиваемость, говорит, какая у вас, производственный, финансовый цикл, рентабельность, маржинальность и все в том же духе — а на кой ему это? Смотри, что показывают, не занудствуй, не за обеденным же столом считать всю эту дребедень, настроение себе и другим портить, процесс пищеварения сбивать. В целом впечатление стороны произвели друг на друга приличное: хозяин был обходителен и с самой мелкой гостевой сошкой, руки жал, рядом с собой усаживал, вперед пропускал, на вопросы отвечал; кредитор тоже не лютовал, головой кивал, глядел покровительственно-благодарно, чуть склоня голову набок. Гости уехали довольные — по всему видно, что сговорились, кошмарить не будут. А тут — такое. Не так: а тут — такое! В первый раз зарплату задержали где-то через месяц после этого достопочтенного десанта, но все же выплатили спустя недели две. Высаживался он, десант этот, в январе, на Крещение, еще обсуждали, кто где нырять собирается и собирается ли. Но это все еще не «такое!»: что, пролетариат без зарплат не сидел, что ли? Ну, и очевидно же, что лучше вожденный бумажный хруст (читаем: короткое сообщение на телефон о зачислении заработной платы) хоть через месяц ожидания, чем поиски работы, которой нет, — надо переезжать со своим скарбом, жилье снимать, перевозить семью, устраивать детей в садики и школы, ходить по собеседованиям, ждать... Не оберешься расходов. Так что все молчали и бодрились, уходить не помышляли. Верили и ждали.

* * *

Март. Зима и рада бы уйти — нетерпеливо топталась, но легковесная весна, чем-то увлекшись, недопорхнула до сих закотившихся в земные ямочки мест. Среда, для офисного работника — вожделенная маленькая пятница, но для здешнего трудового люда обычный день, разнежившийся под шерстяным клубком солнца. Оно еще не грело, но, играючи, тянулось к предметам и распластывало у их бочков сиреневые тени, тонюсенькие, точно кусочки, отсеченные скальпелем. Снег поскрипывал под тяжелыми сапогами и ботинками, мрачнел и оскорблялся, когда в его нежную плоть бесцеремонно вонзалась и проникала в самую глубь грубая лопата, но тут же успокаивался, обнаружив себя в большом красивом сугробе, который больше никто не топтал, — благодать. Благодать была кругом: все аккуратно, разлиновано, подметено, убрано. Ни одной отклоняющей мысль от верного курса детали. Выполняй свою функцию, вырабатывай план, приноси пользу, носи деньги домой, в торговые центры, кафе и рестораны — смазывай, смазывай рыночную систему, устремляй ввысь кривую спроса, не скупись.

Собаки довольно и приветливо крутили хвостами — их накормили, приласкали еще до начала смены, что еще надо? Под сосредоточенным взглядом диспетчеров запустили перерабатывающие установки, приняли, прогнали через негнущуюся платформу весов и отпустили несколько раз груженные и опорожненные фуры: нефть подвозили, готовую продукцию отправляли, и уж близился никем не подгоняемый, а все же предвкушаемый обед. На заводе была своя столовая, новенькая, свежая, светлая — только отстроили, даже оформить до конца не успели; ну, до этих тонкостей просто (и не очень) работяге особого дела нет. Спелые женщины-стряпухи в хрустящих, как тонкий хворост, белоснежных передниках душистыми, но без сбивающей аппетит парфюмерной отдушки руками (они не были в перчатках — и не надо!), с аккуратно стриженными розовенькими ноготочками, сноровисто орудовали половниками, разливая супы, по-дирижерски точными движениями накладывали пюре и котлеты, как-то торжественно передавали вазочки с салатами, протягивали стаканы с компотом и морсом. Труженицы, неизменно улыбчивые, пахнущие теплой выпечкой и молоком (представьте себе, здесь за вредность потчевали молоком), старались от души, прозорливыми сердцами чуя, что их расположение не в последнюю очередь влияет на благосостояние всего завода.

И вот пока рабочие предвкушали тепло, уют и отдохновение под аккомпанемент бряцающих вилок, ложек, поварешек, к королевству Великого и Ужасного подвигался черный смерч. Это могли бы быть крылатые обезьяны из свиты злой колдуньи — смотрелись они не менее грозно, но образ у них был все же человеческий, хотя за спрятанный за черными масками лик нельзя ручаться: на каждом из них зияли прорезы-провалы для глаз и у некоторых — створки-губы. Никто из заводских ничего не успел понять, нежданно-негаданно бравые молодчики с автоматами наперевес оказались рассредоточенными по всему заводу. Работники, не успев опомниться, нашли себя уже выдворенными за ворота. Правда, переодетыми в личную одежду и в шапках без касок. Нет, на них никто не направлял ружье, не угрожал и даже не поторопливал, им только объявили, что в отношении их завода (краткой скороговоркой огласили наименование юридического лица) введена процедура конкурсного производства, полномочия их Великого прекратили свое действие, руководитель сменился на конкурсного управляющего. Налетевшие ребята выглядели устрашающе, да и «ребятами» их звать язык повернулся бы не у каждого — одним словом, бойцы! — но силу не демонстрировали и не применяли. Кто его знает, что могло бы случиться, решишь

кто-нибудь из работников возразить или проявить сопротивление. Но никто не решился. Не потому, что решительных не было. Ни у кого не было возможности понять, кто прав, а кто виноват. Хозяина защищать с лопатами в руках? — а сдался он им, этот хозяин, коли денег не платит, коли разоряет и завод, и их? В конце концов, какая разница кто их будет разорять? Так что собрались все без лишних слов и выставились вон. Нервы работников немного пощекочивало: не каждый день такие приключения случаются, такой выброс адреналина. Даже по телевизору подобные сюжеты давно не доводилось видеть. Сочная вышла бы картинка, если б кто успел ее зафиксировать. Пока было одно лишь изумление, а впереди маячили думы об ипотеках, учебе детей, запросах жен, ремонте квартиры, ремонте машины... и дальше по списку.

На что рассчитывал Великий, продолжающий повелевать из неведомых чертогов? На то, что сотрудники бросятся штурмом брать ворота, за которые их давеча выставили? А что ему, видящему в своих работах неразумное послушное стадо, еще подумать? Ведь подчинялись же! До самого сегодняшнего дня, даже без оплаты труда, не бросали завод, *его* завод. Его завод, построенный не на его деньги, не его руками, зато его руками доведенный до банкротства. Великий и Ужасный, хоть и любил удобно складывать ручки на своем набрякшем животе (пузико, заменяя выпяченную грудь, придавало сходство с вороном), знал, что сегодняшнее вторжение — это еще не полный крах, много за что еще оставалось бороться, но бороться в первую очередь для себя, не ради завода, а ради того, что из него еще можно было выжать. И эти люди — один из инструментов его борьбы. Где это видано в наши времена: сотни людей оставлять без работы в маленьком региончике?! Да ведь на его, Великого и Ужасного, плечах, облаченных в дорожный пиджак, все держится! У него в ногах должны валяться и просить, чтобы он простил сегодняшнюю выходку! Так и будет! — целый план уже зрел в голове: написать заявление на арбитражного управляющего в органы, влить в СМИ информацию о его ангажированности с кредитором, о сговоре, о рейдерском захвате, навеститься к губернатору раньше, чем это сделают его кредиторы. Да, пожалуй, так. Но это не все: надо еще умаслить других арбитражных управляющих — тех, что поставили на двух юридических лицах, по которым тоже раскидано (между которыми «распилено») имущество завода, перепрятать вывезенную документацию (главное — проектную, за бухгалтерию переживать — пустое дело: какую версию не возьми, правды нигде нет). «Ну, зараза же этот банк „R“! — на кошачьих лапах вокруг меня кружил-кружил и сцапал!» — заводился Ужасный, временами целиком проваливаясь в переживания происходящего. Действительно, что это кредитор «напал»? — стоило дожидаться, пока хозяин завода выжмет из него последнюю копейку, да упрячет концы в воду. Пусть время идет, истекают сроки для оспаривания сделок. Бедный бенефициар (произношу это слово и представляю Бонифация): еще вчера думал о том, какую новую квартиру в столице купить младшему сыну — все-таки из школы выпускается, какой новой машиной себя побаловать, кольцо жене присмотрел, серьги любовнице выбрал, можно сказать, был полон рот забот. И что теперь? Вместо приятных хлопот, за которыми все должны были рассыпаться в благодарностях, выражать восхищение щедростью, хваткой, состоятельностью дарителя во всех сферах, которую он готов был многократно подтверждать и доказывать, ему нужно самому выпрашивать, юлить, подлизываться, думать о судах, о долгах! Да еще и зарплату рабочим наверняка придется выплатить. Ух, кровососы! Вот тебе и квартира, вот тебе и сережки.

А я между тем сидела в машине и задавалась вопросом: что я здесь делаю? Зачем вообще я сюда ехала (как будто меня несла сюда своя воля или каприз), что собиралась делать? Вершить судьбы? Рыскать по заводу в поисках денег, чтобы затем, едва не лопааясь от распирающей гордости, раздавать их страждущим? Призывать к отве-

ту хозяина завода, апеллируя к его совести? Воспитательницей гладить мальчика Мишу по голове и уговаривать: мол, делись конфетами, не жадничай, куда тебе столько? Ты ж не один, надо со всеми вместе «играть». В конце концов, эти конфеты они же тебе притащили на своем горбу! И вот уже лицо воспитательницы в праведном гневе наливаются краской, а в руке, несмотря на брезгливость и гуманность (она обычно действует до тех пор, пока не задеваются личные интересы, а они тут есть: я восстанавливаю справедливость, а какая-то жадина мне в том препятствует!), оказывается кожаный ремень. Ну да, ну да, Робин Гуд в юбке, не хватает лука и стрел! Но я не наивна. Ладно — я уже не столь наивна. Но, помилуйте, легко ли принять и смириться со своей незначительностью и бессмысленностью изо дня в день выполняемой работы? Да, не без моих рук был совершен этот «рейдерский захват»: пришлось звонить и выискивать ЧОП, готовый решиться на такую авантюру. «Сокол», «Гвардия», «Сова», «Стрелец», «Легион», «Зевс», «Армада» — всякие были, но неизменно давали отказ: никто не хотел лезть в эту мутную историю, никто не хотел подмачивать свою и без того сомнительную репутацию. Мне же, увязшей в этой истории, ничего не оставалось, как продолжать попытки еще кого-нибудь в нее затянуть. Русалочки проказы. И вот из множества опрошенных наконец попалась и выудилась фирма с названием «Витязь», готовая рискнуть. Времени на подготовку практически не было, действовать «Витязю» предстояло уже на следующий день после переговоров. Как ни странно, его это не смутило. Что было дальше, вы уже знаете.

Моя роль ничтожна, все, что требовалось, — выполнять беспрекословно команды. Нынче мое назначение и вовсе было простым (команда, правда, избежала артикуляции и письменного оформления, но годы дрессировки научают угадывать желания своих распорядителей): наблюдать и делать вид. Наблюдать за происходящим и делать вид, что от меня что-то зависит. И я наблюдала, хотя наблюдать было нечего.

За мной тоже присматривали.

Неподалеку прохаживался, выпятив серую грудь и заложив за спину крылья, как гордый кардинал, любопытный ворон. Он ступал, широко расставляя лапы, отрывал их от снежной скорлупы с таким тягучим движением, словно высвобождал из липкого гудрона. Смотрел этот гордец, как умеет, боком, с гордо вздернутой головой, словно бы окидывая небрежным взглядом свои владения. Да уж не сам ли хозяин в новом обличье изволил пожаловать? А хоть бы и он! — я резко отвернулась от ворона, немного даже приподнявшись на сиденье. На смысл происходящего я уже не рассчитывала, но поиски налета значительности еще не оставила, а в них и не то могло примерещиться.

У запертых ворот завода толпились люди. Человек двадцать пять-тридцать, не больше. Серые с красными полосами ворота из профнастила, оцепившие приземистый нафтагонный завод со всех сторон, изображали непоколебимость, глухоту и немоту — даже ревучий северный ветер не мог их разболтать. Они были неприступными и как будто даже непроницаемыми.

Я наблюдала из машины и думала: может, выйти, попробовать пройти на завод, за ворота? Тут же одернула себя: да кто я такая? Что значит — кто?! Представитель кредитора, как-никак. Не будем ворочать старушек-процентщиц, без них достает «стариков», готовых ссужать под процент. У одного из таких «стариков» я и находилась в найме. Их тысячи, периодически из их стройных рядов кто-нибудь да выпадает — разделяют участь небезызвестной старухи-процентщицы. Но мой — нет, мой держался молодцом.

Выйди, и что толкового ты сделаешь? Ничего. Зато сколько вредного могло выйти из моего вмешательства! Да только дверцу открой и ногу на снег выставь. Стоит ли говорить о том, чтобы вонзаться в толпу и, проткнув ее насквозь, проникать

за неприступные ворота? Живо представила переполох, который в моей власти устроить. Ничего не стоит разыграть из себя бабочку, взмах крыла которой вызывает землетрясение. Не знаю, насколько настропалены рабочие против крупнейшего кредитора своего работодателя, но вполне можно допустить, что они, если и не набросятся на меня, то попытаются прорваться за ворота вместе со мной. Помнится, за воротами на длинных цепях бродят огромные алабаи и кавказские овчарки, их будки воткнуты по всему периметру завода, с довольно большими промежутками между собой, но длина цепей была такова, что как будто слепые и звенящие лучи, то натягиваясь и топорщась, то обламываясь и волочаясь, терзали заасфальтированную полость завода. Казалось, там не собаки носятся, а рабы таскаются с кандалами на ногах. Асфальта, кстати, там было много. Он там был почти везде. Аккуратные дорожки, на которых ни окурка, ни фантика, обрамляли ровно выстриженные зелененькие газончики. Все чисто, опрятно, все по совести.

Еще вариант — стать лицом, якобы вынесшим якобы имеющиеся на заводе деньги, предназначенные для выплаты заработной платы. Растерзают. Причем поди пойми, кто успеет. Там же очередь из них выстроится: работники, их работодатель, мой работодатель, до органов едва ли что дойдет (такой вот каламбур: органы не дойдут до органов).

Сколько было сидеть и ждать, да и чего ждать? Что хозяйский нос будет явлен народу? А мне с того что? — что с этим носом делать? Не хватать же за него, в самом деле, не вертеть, хотя это было бы забавно, несколько мгновений, но забавно, да и плагиат это уже! Ждать того, что кто-нибудь решится и бросит-таки за ворота бутылки с зажигательной смесью? Заставать этот момент во мне не было никакого желания. Любопытство — ему, да, неробкого десятка, так и хотелось себя казать. Ему, неугомонному, все бы встрясоочки какой-нибудь, какого-нибудь фуэте от реальности. И все же я допускала, что пока здесь топчутся люди, пока что-то их здесь удерживает, есть шанс для развития событий. Кто его знает, сколько бы я здесь просидела со своим упорством и упрямством, если бы им не составлял компанию водитель, торопящийся пуститься в обратный путь (все же нам предстояло пять часов езды), и если бы не время года — зима, в этот самый день решившее напомнить, каким лютым оно умеет быть. Благо в машине было тепло, но не снаружи: рабочие переминались с ноги на ногу, растирали руки, все плотнее кутались, но продолжали мерзнуть.

Я была здесь раньше уже дважды. И оба эти раза заставляла завод полным сил, урчащим, цветущим: все в нем крутилось-вертелось, бежало, варилося. В первый раз приезжала одна: до города добралась ночным поездом, остальной путь преодолела на такси и пешком. Вот тогда, в мое первое посещение, как бы я ни пыталась усмирить свое любопытство и предвкушение встречи с грандиозным, а чего-то ожидала. Еще бы: целый завод, производство, это вам не бумажки перебирать, не по стулу в ожидании перерыва елозить! В отрочестве открыла я в себе восторженность, граничащую с благоговением перед детенышами (и даже выкидышами) индустриализации, как будто бы забыв о первом поразившем воображение ее отпрыске — поезде: змеиная неторопливость, постепенное ускорение, ленивая тяга и — резкий бросок!.. Многократность повторений не смазывала впечатление: роковое влечение жалило неизменно.

* * *

Знакомство с нефтью подготавливалось мне жизнью потихоньку. Оглянувшись в передышке на прошедшее, можно усмотреть некую последовательность, поступательность в движении к нему. Еще студенткой я заглядывалась на книги по нефтепе-

реработке, отвечающие мне с книжных полок громким призывом. Навеки повисшая на белоснежной обложке черная маслянистая капля, напоминающая живую протоплазму, расплывающаяся лужа, бочка нефти, нефтяная качалка, неисчислимые узлы неисчислимых же серебристых труб — во всем проступала неизъяснимая романтика. А деньги? Конечно, нефть не могла не отдавать денежным душком — хотя бы потому уже, что цены этих призывно глядящих книг для меня, получавшей тогда стипендию, едва покрывавшую расходы на поездки до университета, не были подъемны. Я задалась было вопросом: а что же библиотеки? — но вспомнила, что до университетской библиотеки соблазнившие меня новинки доходили далеко не сразу; а та библиотека, в которой они ютились, ничего не давала на дом. «Читай в библиотеке, никто не мешает!» — воскликнула я сама себе, да осеклась: ежедневные четыре часа, затрачиваемые на дорогу, бесплатные стажировки в банке до, после, а иногда и между занятиями не оставляли шансов попасть в читальню (и уж тем более засесть в ней) в ее рабочее время. Но — довольно оправданий! То было мимолетное увлечение, не страсть, на которую всегда найдутся средства, и не что-то настоящее — так, прихоть.

Уроков мне преподано немало, не все усвоены, некоторые приходится повторять до сих пор, но осознание того, что на свете ничего нельзя познать без сравнения, наступило. Не оттого ли до нефти мне явился уголь? Ему был обязан своим существованием город, в котором я родилась и выросла. В моем повествовании он будет почти что безымянным — многострадальный, пусть останется городом за Сивой Маской.

За Сивой Маской углю поклонялись, им дышали в прямом смысле слова, его возносили. Он был пылающим сердцем Данко. Но уголь не только лег в основание города, от его же искры разжегся один из земных филиалов ада, горнило которого пылало тем ярче, чем более разъяренное и неистовое становились ветер, снег, дождь, темень. О, сколько тысяч крыльев здесь было опалено, сколько тел и душ обратилось в прах! Я ни о чем этом толком не знаю, но я дышала этим прахом, гарью, я носила трагедию не только где-то в так называемой поколенческой памяти — мои легкие были наполнены ощущением трагичности мироздания.

Георгию Александровичу Ч., потомственному геологу, основателю города за Сивой Маской, приписывают следующие слова:

«Однажды я услышал, как ругают меня: „Оторвать бы голову тому, кто открыл этот город“. — „Почему?“ — спрашиваю я. — „Чтоб больно было, — отвечают, — как больно было тем, кто прошел ГУЛАГ“. — „Но разве я виноват?“ — думаю я».

Всегда и везде нам нужен виноватый. Будто, если бы в этом пустынном месте, то вспыхивающим всеми оттенками цвета коррозии, то вздымающимся флюоресцирующими сугробами, среди вечной мерзлоты, не открыли бы угольное месторождение, в другом месте лагерь не появился бы, не было бы тысяч и тысяч ссыльных, не было бы без вины виноватых. Да мне ли о том писать! — я ловила лишь эхо, отголоски тех событий, вглядываясь в воткнутые в снег кресты, не способные пронзить вечную мерзлоту, в останки длинные деревянных заборов — они тоже стояли обессилившими перехлестнувшими крестами, подпирающими друг друга, и вслушиваясь в завывания и стенания, скрежет и хруст под колесами вагона, десятки раз катившего меня в эти края и прочь от них.

К моему рождению на месте общественного ада осталось только пепелище. Впрочем, для меня был бережен ад персональный. Я была дитем заполярной кочегарки, морозы, ветра и пурги меня не терзали, но баякали. Ад бывает вполне сносен, куда ничего не познано за его пределами.

Снег моего детства, оконные подоконники и я сама были припорошены угольной крошкой, но известно мне было об угле совсем немного — не больше, чем о небе,

воздухе и том же снеге, — почти ничего я не знала о технологии его добычи. Слово «клеть» узнала уже покинув шахтерский городок, прожив несколько лет в тысячах километров от него. Да и вынесено оно из шахты по добыче вовсе не угля, а золота. А сама клеть мне представлялась подвешенной деревянной камерой, в которой томился узник за свои прегрешения. Черный, белый и красный — изящное сочетание. Уголь, снег, кровь. Шахта, взрыв метана, обрыв троса, обрушение кровли, отслоение горной массы, обрушение породы. Я прожила за Сивой Маской меньшее количество лет, чем количество аварий, которые успела застать: двадцать. И это только аварии с человеческими жертвами, прогремевшие в новостях, означенные в газетах «Заполярка» и «Час пик». Шахты «Юр-Шор», «Центральная», «Комсомольская», «Северная», «Октябрьская», «Аяч-Яга», «Воргашорская», «Заполярная». Плата за расковырянное, истерзанное черное сердце с насмешливо-издевательским блеском.

Уголь был повсюду: взгляд то и дело наталкивался на плакаты с вагонами и тележками, груженными углем, с чумазыми шахтерами в ярко-оранжевых касках с тускло (ярко?) светящими фонарями, с надписями «Черное золото», «Больше угля — Родине», «Уголь — наше будущее», «День шахтера — главный праздник», «Иди в забой!». Последний призыв я, не разбираясь в разнице предлогов «в» и «на», уяснить для себя не могла: что следовало сделать: спуститься в шахту или убить несчастного северного оленя? Оленям тоже поклонялись, но это не мешало их умерщвлять. Понятное дело, никаких неувязок никто в этом не видел. А на меня при виде фразы «Иди в забой!» каждый раз уставлялись смиренные оленьи глаза с примесью удивления во взгляде: неужели? Впрочем, ни им, ни мне не требовался ответ, так что образ был мимолюден настолько, чтобы ребенку от него можно было отмахнуться, и неизбывен — чтобы проступить сквозь года.

Стоит ли удивляться, что много лет спустя, оказавшись в краях, где добывают не уголь, но нефть, я с затаенных предвкушением чего-то необыкновенного — словно это были неземные создания, неопознанные объекты (а для меня они таковыми и являлись) — высматривала из окон автобуса или автомобиля нефтяные качалки. Я инстинктивно выискивала на новых местностях «идола», которому, я была уверена, там тоже должны были поклоняться.

* * *

Но не одним детским воспоминаниям об угле обязана я своим предвкушением — в конце концов, я ни разу не была на шахте, хоть и повсеместно ощущала незримое присутствие исполинского огнедышащего чудовища, которое мне мнилось гигантским насекомым, чем-то вроде горбатой мокрицы, хотя «тельце» этого существа я ни разу и не видела — только высокие дымящиеся трубы — должно быть, ставшие дыбом усища. Так вот, по-настоящему пробило, вытянулось и окрепло обозначенное ощущение при моем дебютном посещении настоящего производства.

Цель моего посещения, практически остановившего свою работу завода, была конкретна и расплывчата одновременно. Конкретна: оценить объем имущества, которое может быть выставлено на торги в процедуре банкротства. Расплывчата: объем основных средств и товарно-материальных ценностей насчитывал тысячи и десятки тысяч позиций — справиться за каких-то три-четыре часа было нереально, а большего в моем распоряжении и не было. Задача осложнялась еще и тем, что я совершенно не имела понятия, что из себя представляет все то, что перечислено в представленной мне инвентаризационной описи (спасибо и на том, что ее предоставили): двутавр, круг 16,

круг 150, круг 14 медь М2, лист 12, лист 120 сг, лист 120 ст, трубы всевозможных размеров и материалов, уголки, швеллеры — гнутые, с каким-то буквами и цифрами, деловая обрезь, кабеля и пр., и пр. Вы спросите, зачем вам это. Вот! И я задавалась тем же вопросом: зачем мне все это? Я не в состоянии все это понять и найти во множестве запертых складов. Да, конечно, мне дали провожатого с ключами — ходи, смотри, повторно инвентаризируй. Но какой в этом был толк? Проинвентаризировать лучше и точнее, чем это уже сделали помощники арбитражного управляющего за проведенные здесь месяцы, я однозначно не смогу. Странно было бы думать иначе. Хотя, признаюсь, была у меня мысль, что мне необходимо все перепроверить, удостовериться в действительном наличии всего поименованного в списках, попутно разобраться в деятельности предприятия, на котором работали две тысячи человек! Нужно обладать или непрошибаемой глупостью, или невероятной наивностью, чтобы считать себя способной постичь махину за день. Я успешно сочетала в себе и то, и другое, а все же понимала, что за день мне не управиться. Вот если бы мне дали месяц...

Это был завод, который в добанкротные свои времена собирал буровые установки. Он встречал огромным зданием заводоуправления, некогда выкрашенным краской бледно-персикового цвета, нынче покрытым ветряными и временными — все равно что оспенными — рубцами. Внутри уныло ждала гулякая проходная с высокими потолками — нужно было оформить пропуска, пройти через турникеты. Далее следовало узкое помещение с внезапно снизившимися потолками и вспученным линолеумом на полу, похожее на коридор, а за ним, за его дверью, открывались плохо освещенные длинные производственные помещения с гораздо более высокими потолками, чем на проходной, подпираемыми многотонными кранами и балками (я взглядывала на них мельком, проходя, оттого они отпечатывались в моей памяти как окаменевшие от напряжения обнаженные торсы титанов), заставленные неизвестным мне оборудованием, смутно напоминающим разросшиеся детали из школьного курса черчения («построить аксонометрическую проекцию», «сделать изометрическую проекцию» — эти премудрости мне не давались, но будоражили воображение), пересеченные узкоколейками, больше похожие на склады и ангары, не произвели на меня особого впечатления. Разве что запах металлической стружки и краски ударил в голову. В сопровождении арбитражного управляющего и инженера завода я переходила с одного участка на другой, вполуха слушая историю производства непонятно чего — совершенно потеряла нить, задумавшись о том, как же может быть один процесс для выпуска совершенно разных деталей. А если не разных, а одной, то почему же мы разбираем последовательность выпуска только одной, ведь не собрать из одной детали сложное оборудование? Она что, эта деталь, самая главная? Ну нет же, эта деталька так же важна для конечного оборудования, как я для своего работодателя, то бишь легкозаменима.

Но пройдя наконец каких-то тридцать три помещения, провожатые вывели нас на улицу, на просторную снежную площадку. Впрочем, хорошо расчищенная, чуть сверху она должна была напоминать неглубокий кратер с аккуратной каемочкой плотных сугробов. Ближе к противоположной к месту, где стояла я со своими сопровождающими, кромке, гордо, как ракета, возвышалась огромная махина, кверху становящаяся все более невесомой, ажурной, как будто бы сплетенной металлической паутиной, — это была буровая установка для кустового бурения на глубину до пяти тысяч метров, с нагрузкой на крюке триста двадцать тонн. По мере приближения к ней она разрасталась, открывала свою грандиозность. В названии модели установки были три подряд идущие буквы: «М», «К», «С». Мне было неловко оттого, что на меня,

как на представителя кредитора, которому была заложена эта «МКС», пытались произвести впечатление, растолковывая устройство оборудования, принцип его действия, функциональные особенности. Инженер воодушевленно рассказывал, я смотрела ему в рот, почти не ощущая инженерского ко мне не то снисхождения, не то пренебрежения. Глупая, глупая попала ему банковская служащая. Я еще чувствовала себя не выучившей урок ученицей, на голову которой (голова в каске — ура!) вот-вот должны посыпаться вопросы строгого преподавателя, но уже попала под власть самостоятельно синтезированного впечатления: какая же это буровая, это Эйфелева башня. Я стояла в ее распорках и, запрокинув голову, пыталась взглядом добраться до ее макушки. Она на меня тоже смотрела. Мне чудилось, что несмотря на приписанные мною ей французские корни, смотрит она на меня очень по-русски, властно. Мне говорят: «Лебедка играет ключевую роль в регулировании нагрузки и скорости подачи долота», а я вижу, как словно вырезанная из белоснежного с голубым переливом агата лебедь скользит, мягко шлифует выпуклый кабошон лабрадора, по неведомому замыслу оказавшийся втиснутым в податливый кратер-оправу. «Конструкция емкостей позволяет облегчить очистку от оседающего шлама». «Максимальное рабочее давление вертлюга...» — вертлявый люк всасывал в себя воду, лишая кабошон выпуклости, наконец люк звучно заглотил последнюю порцию воды, лебедь, растеряв свою величественность и грациозность, шлепнулась об асфальт.

«Частота вращения стола ротора, обеспечиваемая приводом, составляет...», «змеевик для обогрева масляной ванны...», «число шкивов кронблока...» Неужели рассказчику невдомек, что я его не понимаю? Неужели нельзя растолковать пусть один технический нюанс так, чтобы у меня сложилось о нем хоть маломальское представление? А стоит ли сетовать? — ну, подумаешь, какой-то «стол ротора» у меня превратился в стол, за которым восседает Шляпник со своей компанией и совсем уж ни о каком чае не помышляет — только бы удержаться на месте; змея плавает в наполненной тяжелым, цитринового цвета маслом ванне; где-то в сказочном саду бродят при полном обмундировании «шкивы» не кронблока, но кронпринца. Говорите, говорите, вещайте что хотите — пойму и представлю все свое.

Я сумела разглядеть и запомнить талевый канат, который передает вращательное движение буровой лебедке. Моей осевшей лебеди, пожалуй, не мешало бы придать хоть какое-то движение, но мне слабо верилось, что связь с тросом могла добавить ей изящности. При всех своих изгибах и грациозной поворотливости на водной глади, лишенная ее, она в лучшем случае напоминала напыщенную гусыню, то бишь гусыню в квадрате.

Этот корявый, расшатанный завод, могучий, неповоротливый, до сих пор работает. А про мою Эйфелеву башню чуть позже мне пришлось услышать, что у нее «ржавые мозги». В моих глазах ее это не унизило, не уменьшило, в конце концов, она не мозгами меня сразила, а молчаливым величием бездушности монстра, слепого человеческого руками. Ну а то, что от нее мало пользы, — что ж, это только роднит ее с произведением искусства: пусть будет памятником инженерной мысли, производству. Подходящая форма для воодушевления, стало быть, изобретатели, которые доведут это «инновационное» оборудование до ума, найдутся. И покупатель ведь нашелся. Не один десяток миллионов отвалил за изящную конструкцию с «ржавыми мозгами», немало вложил в то, чтобы вывезти ее, маломобильную, вросшую в свою опору, с производственной площадки. Где она, применяется ли по назначению — то мне неведомо. Не умея и не желая видеть ее вскрывающей земную плоть и пускающей кровь, я решила, что моя Эйфелева башня все-таки оказалась ракетой и, преодолев силу притяжения, устремилась ввысь, к негасимым звездам и неведомым мирам.

* * *

Итак, первое явление нафтагонному заводу. Ожидая встречи с фыркающим, хрипящим и похрапывающим огнедышащим драконом, я прокручивала в голове вопросы, которые нужно задать владельцу завода, финансовому директору, бухгалтеру и пр. — тем, с кем удастся встретиться и переговорить: так, мощность нафтоперерабатывающей установки, соотношение сырья — газового конденсата и нефти, длительность производственного процесса, как часто происходят закупки сырья, в каких объемах (очень мне тут нужна была достоверная отчетность, отражающая периодичность и тоннаж поступающего сырья — без этого не понять сумму главной расходной статьи), объем резервуаров для хранения сырья и готовой продукции, выход фракций (это уже нужно для определения так называемой «маржинальности»), надо было понять, как скоро рассчитываются покупатели, сколь долго ждут поставщики, какой кассовый разрыв получается, чем кроют и пр., и пр. Не такие уж и сложные вопросы, не правда ли? Может даже показаться, что бери себе да записывай ответы — вот тебе и целая финансовая модель бизнеса (ну, налоги еще, заработная плата, кредиты, логистика — вычитай да вычитай, будет тебе чистая прибыль!). Возьми еще отчетность, посмотри и можешь представлять себя «бизнесвумен», готовой заведовать своим (воображаемым) заводом, отдавать распоряжения, которой нипочем решать что вопросы снабжения, что вопросы реализации. Ничегошеньки мне не видно за этими «снабжением» и «реализацией»: ни черной жижи, ни светлого топлива. Не разглядеть превращения, волшебства. А ведь и то, и другое было!

Заводик был небольшой — не заводище, выдувающий густые клубы черного дыма, а свечной, даже камерный, что ли, с небольшой глубиной переработки — это значит, что много выходило тяжелого нерентабельного мазута, а светлых фракций, получается, сравнительно мало. Не было мощной дорожки из оранжевого кирпича, встречал он своими аккуратными, не очень-то высокими серо-красными воротами, из-за которых виднелась красная крыша административного здания, верхушки серебристых резервуаров и ангаров, нагроможденных из серого профнастила. На территории завода моим глазам предстали: небольшое серое административное здание с упомянутой красной крышей в форме усеченной пирамиды — раз трапедия, два трапедия... пузатый фонтан, из которого вырывались струи не нефти, но искрящейся воды, ровненькие дорожки, ежики газонов. Первым делом меня провели в офисы, показали доску почета, банкомат моего работодателя, походя выдали каску и снова вывели на уличную площадку.

Снова линии, упрощающая прямота, пунктиры небольших построек с нахлобученными на них треугольниками крыш — началось, прервалось, другое, третье, цилиндр серебристого резервуара напоминает срезанный забетонированный кусочек кровеносного сосуда, и снова квадраты, прямоугольники, тетраэдры. Все настолько неживое, что, казалось, даже смерти не должно было быть до этого места дела.

Реальность не расщеплялась, не ворсинилась, была свита туго, не за что было зацепиться, не за что потянуть. Гладь, гладь, ни одной шероховатости, ни одной лунки, в которую забились бы многозначность. Все с прямым назначением, с четко обозначенным функционалом. Но я знала, что мне это лишь кажется, что это просто я не умею разглядеть. Пока я выискивала трещинки, провалы в вязкие миры, сернистая нефть черными атласными лентами взвивалась, взмывала вверх, извивалась змеей, ища исхода, попадала в камеры пыток, подвергалась воздействию высоких температур, трансформировалась, исходила, почти погибала, но во что-то превращалась, тя-

нулась гудроном, рвалась на части, боролась и сдавалась; человек ее месил, человек не давал ей быть тем, чем она являлась на самом деле. Нафта умирала, рождались легкая депрессорно-реологическая присадка (что ж, и нафта впадает в депрессию?) и тяжелый мазут. По безжизненным венам текла принудительно впрыснутая кровь.

Меня вели в святую святых, к сердцу нафтагонного аппарата. Как я себе представляла нафтагонную установку? Как большинство обывателей: колонны и многоярусные переплетения труб, устремленные вверх, к небесам, реакторы, узелки, много узелков и извивов, лабиринты, коленца, стыки. Я рыскала взглядом по производственной площадке, но ничего этого не видела. Куда же они все это запрятали, во что завернули? Наконец мы подошли к небольшому домику, выдержанному в едином стиле с другими постройками, — тот же серый с красным профнастил, та же геометрическая выверенность. Что же? Где же обещанная установка? Вот открылась дверь домика, возможность рассмотреть его внутренности мне еще не представилась — проем заслоняла спина моего провожатого, потом она утонула в темени, я шагнула через порог и, несколько секунд спустя пообвыкнувшись с полумраком, едва разгоняемым жидким желтым свечением непонятно откуда свисающей лампочки (она беспомощно сползала с потолка на стену), поняла, что очутилась в логове невиданного существа. Горизонтально подвешенное цилиндрическое тельце справа, на него вертикально усажено цилиндрическое тельце чуть потоньше, от обоих тельц отходят трубы и трубочки, провода, горизонтальные и вертикальные металлические конструкции, снова возникает горизонтальный цилиндрический резервуар, но уже значительно больше, чем первые два, потом еще вертикальный, внизу лежат перебинтованные, словно тяжелый, изъятый из пожара или из аварии больной, трубы, такие же тянутся буквой «Т» к вертикальным тушкам. Что из них ректификационная колонна, что конденсатор-холодильник, а где кипятильник? И зачем здесь болтается жестяное ведро? — нелепость. Все вместе напоминало мне срезанный клоч спутанных волос Горгоны, не успевшей далеко отойти, гуляющей где-то тут же, в сорочке. Может быть, и нефть — это всего лишь ее черная кровь?

Наконец, скучное, но неизбежное движение для полного распада порядка и простоты (установлено опытным путем: не всегда распадается что-то сложное на простое, сложность не брезгует прятаться под затасканным покровом простоты). Не было ничего понятно, во всем находились несостыковки. За простой производственной цепочкой: от приемо-сдаточного пункта нафта доставляется автоцистернами на завод, там перерабатывается установками с определенной производительностью, готовая продукция загружается в резервуары товарно-сырьевого парка, а затем отбывает по железной дороге конечному потребителю — крылось множество деталей, нюансов, сочетаний, которые даже не требовалось тасовать, чтобы начать водить меня за нос. От каждого нового ответа отпочковывалось два, три и так далее вопроса, ветки разрастались и становились все тоньше, все хрупче, до тех пор, пока не начали гнуться и обламываться под плодами фактов. Факт номер один: вариантов бухгалтерской отчетности со всеми ее расшифровками, предоставленных клиентом к анализу, было четыре, расхождения в ее значениях исчислялись не единицами, не тысячами, а десятками и сотнями миллионов условных единиц: «Ну, не учли финансовое вложение, а тут забыли дебиторскую задолженность, а вот здесь переоценили основные средства...» Так вот, ни один из этих вариантов отчетности не подтверждал ответы хозяина и финансового директора (бухгалтер предпочитала отмалчиваться, да ей и не давали слова) относительно показателей оборачиваемости, длительности какого бы то ни было цикла во всем производственном процессе. Еще чуть-чуть духоты, последние безвоздушные мгновения. Кое-что объединяло все четыре варианта от-

четности: обвитость практически каждого ее значения, каждой циферки плюсом внутригрупповых операций. Действительное количество так называемых «аффилированных» компаний, составляющих группу, намного превышало количество обозначаемых собственником. Попробуй разбери, что из хозяйственных операций действительно имело место быть, что — имело место быть, но в большем или в меньшем объеме, а что — просто выдуманно. Эти дельцы те еще выдумщики! Беспорядочные связи между собственными фирмами, вследствие которых рождается не только путаница, но и дети. Впрочем, не будем ступать на эти топкие тропки, это, скажем так, не экономические, не деловые, а «иные» связи (кавычки обусловлены тем, что авторство в обозначении этих связей принадлежит не мне).

Множество раз опускались мои руки, ибо мне не под силу было разобраться во всех хитросплетениях, не собрать четкую схему: данных было много, но недостающих деталей куда больше. Я строила предположения, вытягивала одну за другой связанные компании, пыталась представить, что бы сделала сама на месте клиента. Не было большей глупости, чем решить, что он руководствовался доступной мне логикой в запутывании следов, мне не постичь его мотивы — я не делец. Нужно было на что-то опереться, на какое-нибудь предположение, а дальше собирать факты под него, отмечать все, что это предположение отвергало. Мне оставалось сочинять собственную сказку. Так что я сама себя упорно водила за нос, в усердии вызывала минуты духовного подъема — жизненные силы вскипали. С каким энтузиазмом, например, я чертила и рисовала схему завода! Ну только что не высунув язык, и это несмотря на топографический кретинизм. Границы земельных участков, кадастровые номера, обременения: так, тут наша ипотека, тут — другого банчка; тут — огромные резервуары, эти новые, наш залог, чуть дальше — старые, не наши, там — весовая, дальше — железнодорожная эстакада, а вот — столовая, о, маленькие домики — павильончики с нафтагонными аппаратами, операторная, диспетчерская. Что-то заштриховано, что-то разукрашено, выделено маркером: ни один 3d макет не удостоился такой симпатии, какая досталась его плоской модели. Да кому ж она нужна? В первую очередь она нужна была мне — почти невозможно что-нибудь предпринять, не поняв хоть в каком-то приближении устройство вверенного проекта. Надо сказать, что позже эта моделька приобрела большой спрос у потенциальных покупателей завода — уменьшенный, он оказывался в весьма подробном представлении на экране смартфона.

Не раз я предпринимала попытки начать с самых оснований — с химического состава нефти и ее фракций, с формул и физических свойств. Я вглядывалась в нефть так пристально, как только позволяли способности и время. По большому счету, я мало что могла себе представить и уяснить, но сколько удивительных слов бултыхалось в бочке с черной жижей! Это была настоящая топь, из которой нефть меня к себе манила. Так манят густые речные воды — они кажутся такими же маслянистыми. «Крекинг», «дистиллят», «лубликанты», «ЭЛОУ» (четыре буквы, между прочим, — много) — электрообессоливающая установка, «облагораживание топливных фракций», «каталитический риформинг», «каталитический крекинг». Чудные слова, из которых так и норовило что-то пробиться, но это что-то выглядело, казалось только нос, как мыши из нор, и тут же ныряло в них обратно. Удивительные вещи оставались неуловимыми: вот в огромном разветвленном аппарате доводят густую, тяжелую, тягучую субстанцию до кипения, дым в колбочках клубится, все пузырится, лопается, оставляет по себе кратеры, и из аппарата выходит уже нечто новое, более легкое. Тем метаморфозы не исчерпываются. Кипение прекращается, чтобы вновь возобновиться. За одной перегонкой следует следующая. Интересно, до каких пор можно нагревать нефть?..

Моего ли то ума дело? Должно ли меня интересовать что-то более, чем не преобразование даже, а мутация — та стадия, когда нефть, продукты ее перегонки обращаются в деньги? Конечно, а еще больше меня должно волновать обращение денег: «деньги-товар-деньги» — вот что мне полагается знать. Что же до нефти, вполне было достаточно формулы ее ценообразования.

* * *

А как все начиналось! Шикарные инвестиционные проекты, губернаторская поддержка, масштабное освещение в СМИ (до сих пор на просторах Интернета гуляет фото с перерезанием красной ленточки), статус VIP-клиента у кредитора, совместные с управляющим банком мероприятия: охота, рыбалка — в общем, всякие виды загородного отдыха. Откуда я берусь утверждать последнее, как будто бы со знанием дела? Уши будешь затыкать, а все равно услышишь: городок маленький, все друг друга знают; благодетели даже умудрились найти мою электронную почту и написать о моем должнике — мол, зарегистрировал одноименную компанию, про которую мы ни сном ни духом, начал переводить на нее лицензии, имущество, работников — что вы с этим делать намерены?.. Впрочем, я забываюсь: повествование ведется о том, чего не было, а лишь могло бы быть. Но не было. Действительность бывает так невыносимо пресна, что пренебречь возможностью упомянуть или развить любую побочную не линию — черточку, загогулину, которая позволила бы порезвиться воображению, никак нельзя.

Мы («мы» — это мой работодатель, мои руководители и я — как производная функция) с дражайшим клиентом ведь не сразу рассорились в пух и прах. В пух и прах профессиональные кредиторы со своими должниками вообще не ссорятся. «Худой мир лучше доброй ссоры». Редко когда кредитору выгодно банкротство своего должника. Ему сподручней реструктурировать задолженность — графики погашения по-менять, срок возврата кредита увеличить, под эту тему оформить дополнительные залоговые и поручительства, доли в уставном капитале (это, между прочим, позволяет осуществлять права участника общества — правда, то еще право: не знаешь потом, как от него откредититься; представьте ответственность за пожароопасный объект, коим является нафтагонный завод, например; ну, или заверши строительство жилого дома без дополнительных вложений — кредитор, он хоть и кредитор, а лишних денег и у него не бывает... у него особенно не бывает).

И мы собирались, дружили, спорили, перетягивали невидимые канаты и тянули друг из друга жилы, ругались (не совсем откровенно — все-таки это непрофессионально), потом снова сближались — так сказать, лояльность по отношению друг к другу проявляли (так это называется: «проявить лояльность»), мирились. Хоть и в суде, а все же — «мирились». Мировое соглашение, значит, заключали. Во сколько заходов мы его согласовывали, сколько всего кредитор пытался отжать, сколько всего должник пытался скрыть!

— Оформите поручительство компании «Т», — требует кредитор.

— А что это за компания? Я ее не знаю! Откуда вы ее взяли! — парирует должник, без пяти минут обычный, хотя нет — снова VIP-клиент.

— Он был одним из крупнейших ваших поставщиков, второй участник бизнеса владеет пятьюдесятью процентами в уставном капитале, — вынужден кредитор что-то доказывать моим неокрепшим голосом.

— Вот у второго участника и просите поручительство, мне откуда знать! — мой голос явно вызывает раздражение, которое я ощущала и по ту, и по эту сторону монитора — наши переговоры проходили по видеоконференц-связи. По ту — понятно: я транс-

лировала неудобные просьбы и задавала вопросы, которые для сохранения отношений следовало бы оставить в тени. По эту — по той же причине: нужно было искать точки соприкосновения, а я, в своем искреннем желании закрыть риски, которые мне не позволяют прорваться через службу андеррайтинга, усиливала конфронтацию.

— А где он находится? Он на связи? — не сдаюсь я.

— Он теперь не при делах, — ответы все отрывистей, мне хорошо знакомо это отрицание: чем большую настойчивость проявляешь, тем больший отпор получаешь, но когда еще мне представится возможность обозначить все вопросы в присутствии высшего руководства? Если что, все эти незаданные вопросы полетят в меня меткими стрелами при первом аудите. Оставалось только выбирать меньшее из зол. Вот и продолжаю скакать бесполезной назойливой пешкой и за черных, и за белых — против всех. Выматывающий процесс.

— Но он же не продал свою долю, получает дивиденды?

— Не продал, но я с ним уже года два не общался, — со мной вел беседу обиженный ребенок. Обиженный и униженный — тем, что ему приходится иметь дело со мной, офисной крысой, которой и не снился пожираемый опрашиваемым лакомый кусочек сыра, не наделенной ни властью, ни полномочиями, но без конца зудящей.

— То есть он не будет выступать ответчиком по мировому соглашению? — я уже почти раздражаюсь на саму себя.

— Будет, почему не будет? Он же поручитель, значит, и мировое подпишет! — мои неумность и непонятливость выбеживали дражайшего собеседника.

Мне оставалось его только добить. И из той околесицы, что я понесла дальше, можно сделать вывод, что я это сделала. На самом деле я пошла на попятную, ибо сменила-таки направление разговора. «Все, что надо, включим в мировое соглашение, — подумала я. — По крайней мере, реакция будет не столь бурной».

— Давайте обсудим более подробно условия, дефолтные ковенанты: EBITDA должна поддерживаться на уровне не менее... сотен млн условных единиц, соотношение Долг/EBITDA на уровне не более... выход светлых высокомаржинальных фракций не менее тридцати шести процентов в общем объеме готовой продукции, предоставление актуальных финансовых моделей по группе компаний на ежеквартальной основе, мониторинг заложенного имущества на ежемесячной основе, недопущение превышения суммы предъявленных исковых требований десяти миллионов, оформление в залог нефтяных установок...

— Передавать установки в залог мы не будем, — прервал меня мой собеседник. — Вы нас больше кредитовать не намерены, но нам же нужны оборотные средства, на что мы нефть закупать будем? Работать на давальческом сырье невыгодно, мы так не сможем с вами рассчитаться в установленные сроки. Мы планируем заложить эти установки в другом банке, у нас есть одобрение, — налет обиженности сдуло, пыльца была легковесна; похоже мы коснулись вопроса, к которому Ворон был готов, теперь он всю хлопал крыльями и каркал.

Вот тут уже и я начала закипать: на кой мы с ним сюсюкаемся?! Ведь понятно же, что обманет, ничего толком не погасит, так только, время выиграть пытается, не может скрыть раздражения от того, что до нас снисходить приходится. С чего это мне понятно-то, что за предвзятость? — воскликнет кто-нибудь возмущенно (мой внутренний голос: какое право я имею быть уверенной хоть в чем-нибудь? вдруг не обманет, вдруг правду говорит?). Но вот пожалуйста — непреложные факты, имевшие место быть в вымышленных условиях: во-первых, письмо о принятом решении о финансировании из другого банка не представлено; во-вторых, имущество, которое должник отказывается предоставить в залог, ранее в залоге моего работодателя находилось, да толь-

ко под тем же предлогом необходимости привлечения дополнительного финансирования больше года назад из-под обременений выведено; в-третьих, связь с найденными связанными компаниями-контрагентами, на которые направлялись существенные суммы денежных средств, рьяно отрицается (компании — «пустышки», только-только учреждены, без имущества, а в их адрес переводятся десятки и сотни миллионов денежных единиц с назначением «оплата за сырье»); в-четвертых, оборудование, покупка которого финансировалась кредитором, не поставляется вот уже пять лет; в-пятых, бухгалтерская отчетность без конца корректируется, значения дебиторской и кредиторской задолженности вихляют, взмывают ввысь и падают, все никак не зафиксируются. И этот перечень можно продолжать. Так ли уж я и предвзята?

Что ж, пойдем и дальше, перейдем на личности. Уважаю я, что ли, вот этого дутого магната? Нет, не уважаю! О, образ его незауряден: я видела, в каком состоянии он содержит завод, слышала, что каждое утро приезжает на него к пяти утра, до пробуждения своего детища, что нарочно оставил одну старую постройку на заводской территории, бельмом глядящую в окно начальственного кабинета. Забыла свое изумление от этих рассказов? Не забыла, но и недоверие тоже помню: нельзя же совсем не верить своим глазам и ощущениям. Да ты сама его и нарекла этого Ворона «крепким хозяйственником»! Нарекла-то нарекла, да все же не верила до конца, что вот этот хорохорящийся, плутающий в ответах, пытающийся задавить нас гордо выпяченным пузом, придерживаемым двумя сложенными на нем руками (должно быть, кортизоловые отложения из-за ранних подъемов и постоянных стрессов, ну не наел же он в самом деле!). Ну не верю я в то, что это вот этих рук, напоминающих ковши крота, дело. Вот долги — их дело! Дело загребущих ручищ с пальцами-колбасками, выдавившимися из широких печаток, с отполированными младенчески розовыми ногтями. А чтоб целое хозяйство на тысячи квадратных метров в исправности и рачительности содержать — не верю. Ну не верю! Так и видится мне тень за этой широченной фигурой, скромная, безмолвная, шустро мелькающая тень. Что до пяти утра — ранним утром менее приятно надзирать, чем днем, что ли? Смотрю я на этот капризный курносый, приплюснутый (как будто в детстве кто-то очень старательно его вдавливал изо дня в день), коротенький носик, ничем не примечательные губы (по крайней мере, они не выдают сладострастия, даже если оно и присуще их обладателю; действительно, сладострастие вовсе не обязательное условие для того, чтобы зачинать одного ребенка на стороне, пока жена под сердцем носит другого; темперамент — что тут скажешь), дутые щеки с небольшими ямочками (щеки больше всего отсылали к маленькому маменькиному сыночку, взбалмошному, упрямому и своевольному), и не могу себя заставить разглядеть серьезность, основательность, дисциплинированность, надежность натуры. Нет следов надежности ни между кустистых бровей, ни на не очень высоком лбу, ни на подбородке. То ли глаз мой не остер, то ли маскировка персонажа хороша. Да и придираюсь я, похоже: вон, знающие люди, умудренные жизненным опытом руководители, никаких уловок со стороны клиента не усматривают, на полном серьезе считают не только возможным, но и нужным делом мировое соглашение. Так что дави-ка ты свою мнительность, как некогда хотелось раздавить двухвостку (напрасная кровожадность — ни разу не справилась с панцирем), смотри чуть дальше и шире, не цепляйся за шероховатости, не ведись на свою симпатию или антипатию. В конце концов, кажущаяся непоколебимой убежденность в чем-либо не раз разбивалась о рифы реальности. Но голос внутри меня буквально вопил: давайте покончим с этим фарсом — банкротить, чем быстрее, тем лучше! Он же нас обманывает, он — мошенник, он «плохой»! Детский лепет. О, эта жажда возмездия, справедливости или чего-то там еще! Эта ослепляющая категоричность.

Нет, проявляющая, придающая всему резкости. Особенно одной точке зрения — своей. Потешь гордыню, поддразни самодовольство: скажи то, что не могла произнести вслух: я была права. Безмерно права, блистательно права, да я буквально читала мысли, как от меня того и требовали! Вот это чутье, вот это безошибочность! Какое самодовольство, что ж, упивайся удачей, кредитная крыса, — скажете вы, да? Как бы не так. Кому нужна моя правота? Кому, и чего она стоит? Во-первых, моя правота, расходящаяся с мнением, со сформировавшимся и реализованным решением тех, кто эти решения имеет право принимать, подлежит уничтожению и, ввиду невозможности его полнейшей утилизации, забвению. Не имей глупость ее высказать. Во-вторых, что с моей правоты сотням работников завода, если он обанкротится? Сотням работникам с семьями, со своими обязательствами, планами и мечтами? В-третьих, что мы, как кредитор, будем делать с заводом, когда обратим взыскание на его имущество, не имея в залоге ключевых активов — перерабатывающего звена (нафтагонных аппаратов)? Вот вам чай, вот вам вода, а самовар найдите сами? Кому мы это дело продадим? Нет, продать не продадим, разве что всучим ненароком, отдадим за бесценок. Да и глупость не безгранична, самозванца в себе начинаешь прищипывать: кто я такая, чтобы принимать решения, или хотя бы принимать все происходящее близко к сердцу? До первого меня, разумеется, и не допустят, тут волноваться не о чем. Со вторым дело обстоит не так просто: это очень выгодно, чтобы подчиненный, исполнитель брал на себя непосильную ответственность — это надо поощрять, ведь тем легче будет на него навесить вину. А виноватый сотрудник — это почти всегда (если не перегнуть) хороший подчиненный. Нет лучшей мотивации, чем искупление вины. Вы, уважаемые руководители, еще расточите на него щепотку душевной щедрости: мол, так и быть, закрою на сей раз глаза на твой проступок, раб ты мой бестолковый — все, холоп у вас в кармане, то есть у ваших ног.

Однажды, в беспрецедентном порыве гнева (я тогда еще не успела привыкнуть к тому, что мои усилия идут насмарку из-за вмешательства третьих лиц, насчет случая — спору нет, он всегда был полноправен), я задала-таки моим повелителям прямой вопрос: как распределяются ответственность и результаты по проекту в моем ведении? Если и бывает что-то прямее, чем прямое, то вот он, этот ответ, вполне претендует на превосходящую степень прямоты: «Ответственность за проект — на тебе (то есть на мне), а результаты делим между всеми». Каково, а? Зато честно! Сколько лет прошло, до сих пор в восхищении.

Отказался наш дражайший Клиент оформлять в залог вожделенные аппараты нафтагонные. Наотрез. А нам нужны были эти аппараты — позарез. Не особо на что-то рассчитывали, но и сдаваться — не в наших правилах. Так что, недолго размышляя, мы пошли на уступки, на хорошие уступки, но не отказались от своей цели. Сформированное нами предложение предоставляло совсем крохотную лазейку для осуществления наших планов. Прояви клиент чуть больше внимательности и осторожности, он бы тут же законопатил щель, пролезть в которую мы не оставляли надежды. Нужно четко понимать, что если бы предложение, о котором идет речь, исходило от меня, то, конечно, его бы отвергли, забраковали, над ним бы еще и посмеялись. А так, транслируемое высокопоставленным уважаемым человеком, оно не могло остаться без внимания, так просто не отмахнешься. Пустые в моих устах слова, произносимые устами начальственными, приобретали сакраментальный смысл. Стоит ли удивляться тому, что когда Клиенту выдвинули условие оформить нафтагонные аппараты не сразу, а спустя, например, полгода, к тому же в том лишь случае, если они не будут к тому времени заложены в другом банке под сумму кредита не менее оговоренного значения, он довольно легко согласился. Действительно, почему бы и нет: что, не найдет-

ся банчок (да свой есть, карманный), который выдаст небольшой кредит под залог не абы чего, а перерабатывающего комплекса? В конце концов, можно демонтировать оборудование и продать его, в отрыве от двух других звеньев — приемки и хранения. Разве можно отказать уверенному в себе человеку, мускул которого дрогнет с меньшей вероятностью, чем гроза расколется небо посреди зимы? Сколько изящества, чувства собственного достоинства, умения со всем управляться и справляться. Никакой суеты, никакого сомнения. При таком раскладе разочарованию места не оставалось. Хотя расчет, по моим оценкам, был неверный, а исход плачевный: не видать нам в залоге установок. Зачем мы идем на поводу у клиента, зачем позволяем ему почувствовать свою силу? Выглядит так, будто мировое соглашение нам нужно больше, чем должнику.

Мировое соглашение заключили, то самое условие об оформлении нафтагонных установок при таких-то и сяких-то условиях включили, суд утвердил. Но погодите думать, что на этом все: договоренности достигнуты, мир заключен, баланс интересов соблюден, конфликт исчерпан. Как бы не так! Договоренности всенепременно будут соблюдены? Конечно, можно ли допустить что иное: серьезные взрослые люди, обмен полновесными, прям-таки неподъемными словами, какая-никакая публичность (хотя где это видано, чтобы перед холуями расшаркивались).

Исполнялось мировое соглашение ровно один месяц, задолженность снизилась ровно на один миллион условных единиц. В три раза больше времени ушло на подготовку и согласование этого мирового соглашения. Этим дело не закончилось: мы еще с полгода обхаживали друг друга и исполняли ритуальные танцы, один из которых нашел свое описание выше, — я о поездке на завод. Клиент, понятное дело, выигрывал время. А мы?.. Мы были доверчивы, милосердны, терпеливы — в конце концов, такими надлежит быть тем, кто сильнее.

Шли месяцы, VIP-клиент совсем не совестился и ничего не платил, но не позволял перейти к сколько-нибудь решительным действиям, сочиняя и преподнося нам одну сказку за другой. Он все время нас чем-нибудь забавлял и развлекал. То новые договоры поставки нам представлял, то официальные заверения из других банков, то выводил на связь своего основного поставщика — миллиардера (представьте себе: поздний пятничный вечер, стоишь в примерочной в магазине, напяливаешь на себя какую-нибудь тряпку, а тебе, мельчайшей сошке, звонит он — головоломка на вечер: с чего он звонит тебе, какую выгоду он ищет через тебя), который тоже был заинтересован в заводе как в переработчике.

И на завод мы метнулись, поддавшись чарам очередной сказки. «Пойдите на встречу, дайте только время. А лучше дайте кредит... Я закуплю собственного сырья, слезу с давальческой иглы, маржу нормальную снимать начну, погашать буду, расплачусь за пять лет. Не могу без оборотки, ну, дайте хоть сумму вдвое меньше той, что мы вам задолжали».

* * *

В нашем деле верить нельзя. Ни во что и желательно никому. Исключение — принятые и вступившие в силу судебные акты. Но там не до веры, бери и исполняй. Беспрекословно. Бездумно. Бесчувственно.

Подошел срок оформлять залог нафтагонных аппаратов. Подготовили, отправили клиенту официальное письмо с просьбой (после будет с требованием), сопроводили телефонным звонком, съездили к нему с готовыми договорами залога — результа-

та ноль. Ни разу вслух или письменно не отказал, но и договоры залога не подписал. Ни единого свидетельства, подтверждающего отказ от исполнения обязательств.

Что ж, когда просьбы обратились в требования, письма стали завершаться следующей формулировкой: «В случае неисполнения Вами в срок до 01 сентября такого-то года условия п. такого-то Мирового соглашения о заключении договоров залога в обеспечение обязательств по кредитным договорам №№..., кредитор будет вынужден принять меры по защите своих прав и законных интересов, в том числе путем обращения в суд».

Ой, а вы знаете, вы знаете, каким интересным может быть Закон? Нет, я не про пользу — с ней все понятно, каждый так или иначе сталкивался. Но доводилось ли вам когда-нибудь замечать красоту, заключенную в сводах его статей? Федеральный закон, Пленум, Гражданский кодекс, Гражданско-процессуальный кодекс, Закон о несостоятельности (банкротстве). Нет, не ласкает ваш слух, не обдает вас волнами гармонии? Хм, странно. Может, все дело в повторении? Лучший способ понять — это повторять непонятное. А еще лучше — пытаться выучить наизусть.

В Съезде, естественно, свои Законы, Пленумы, Постановления и пр., но случайное совпадение формулировок вовсе не следует рассматривать в качестве плагиата. Ведь он у них на самом деле не свершился, остался потенциальной возможностью, вариантом события. Все, что свершилось, — у нас. Все, что могло бы быть, но не произошло, — у них.

«Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством»¹.

«Согласно пункту 4, если сторона, для которой в соответствии с настоящим Кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор»².

Всем знакомый Консультант говорит прямо: «Понуждение применимо, если одновременно соблюдаются следующие условия:

- заключение договора обязательно для этой стороны;
- имеют место факты, свидетельствующие о ее уклонении от заключения договора».

«Понуждение» — это вовсе не доведение до нужды и не насилие, это, скорее, деликатное склонение к исполнению долга, это наставление на путь истинный, если хотите. Понудить — это ведь вовсе не принудить. «Добровольно принятое обязательство» — какая гуманность, какой деликатный намек на ответственность при отсутствии непосредственно слова «ответственность»! Как будто бы к ответу никто и не собирается призывать. Много ли в нашей жизни добровольно принятых обязательств? Даже сама жизнь принята недобровольно. «Согласно пункту» — снова мягкость, движение по шерсти: пункт уже несет в себе значение согласия, подразумевает его достижимость. А это «уклоняется»? — не тут ли кокетство, изящество движения, намек на возможность его корректировки, возвращения в колею, от которой кто-то слегка отклонился? Не проступок, нет, просто занос. Конечно, сделка — это волеизъявление сторон, так что тот, кто «уклоняется» от ее заключения, он просто заблуждается, не более того. Нужно его, как ребенка, погладить по голове и подтолкнуть к правильному, взаимовыгодному действию.

Поди только разбери, что для кого «обязательно», сколько этих фактов «уклонения» нужно набрать, на сколько градусов и от чего сторона должна отклониться. Главное —

¹ Абзац 2 пункта 1 статьи 421 ГК РФ.

² Статья 4.445 ГК РФ.

в моральные и философские категории не впасть. По крайней мере, не впасть невзначай. Намеренно, с умыслом — пожалуйста, выдумывай сказки, убеждай других, только не верь в них сам. Иначе провал.

Разве это скучно, разве утомительно? Для слегка извращенного вкуса это даже упоительно! Более того — не лишено поэтичности.

Вот в эту поэтичную историю мы и потащили нашего достопочтенного клиента. Схватили его за руку и потянули в судебные тяжбы. Он не особо упирался — не чувствовал опасности, наверняка даже наслаждался щекочущим его маленький носик, которому явно в этом вопросе, в этом процессе не хватило нюха, ощущением азарта. Собственно, отсутствие беспокойства, граничащее с безалаберностью, и довело его до суда: иначе как объяснить то, что он не удосужился обременить вожаемые нами нафтагонные установки чьими бы то ни было правопритязаниями — куда же делся «карманный» банчок? Лень, забывчивость и случай — вот что оказалось на нашей стороне. Вообще, Случай — это главный герой любой истории. Он любит отсиживаться где-нибудь в тени, но не любит, когда его не принимают в расчет. Не то чтобы мы сильно принимали... но уповали на него, да.

Долго ли, коротко ли, конкретика такова — судились полтора года: отложения, перерывы, снова отложения, — но мы выиграли дело, получили заветное: «Понудить ООО „Дай“ к заключению договоров залога с Кредитором „Отдавай“ в обеспечение обязательств ООО „Дай“ по Кредитным договорам №№ от... в отношении следующего перечня имущества...» В этом перечне имущества были поименованы земельные участки, операторные и те самые нафтагонные установки. Ура, свершилось! Имущество, стоимость которого оценивалась в сотни миллионов условных единиц, было оформлено в залог. Свершилось, да. Только Его Величество Случай, хоть и не дама, а особа все же весьма капризная и переменчивая. Нафтагонные установки благодаря колдовским чарам Великого и Ужасного из самостоятельных предметов обратились в то, что документально существует лишь в качестве придатка: вы же помните домик с лампочкой, сползающей по стене, — тот самый ларец, в котором хранились клоки волос с головы Медузы? Так вот, эти ларцы звались павильонами. Соответственно, имущество было прописано в судебном акте так же, как и в проектной документации: «павильон с НУ». «НУ», как вы поняли, — это нафтагонные установки. Чувствуете, да, что мы резко оказались в эпицентре интриги? Буквы пошли, буковки. Не спешите: все-таки их здесь две. Впрочем, вижу, явственно вижу тех, кто уже обо всем догадался. Ну, может, не уяснил себе технику вопроса до конца, но осенился верной догадкой. Еще немного терпения, мы вплотную подобрались к разгадке. Во сколько, вы думаете, оценивается все это дело, которое удалось оформить в залог (оставим за скобками действия, манипуляции, переговоры и увещевания, к которым пришлось прибегнуть, чтобы привести судебные акты в исполнение, судите сами: понудить заключить равно понудить подписать; что ж теперь, пыточную заводить, чтобы заставить господина клиента что-то подписать, руку ему отрывать?)? Все вместе стоило шестьсот сорок шесть миллионов условных единиц, а каждая «НУ» — примерно по восемьдесят миллионов. Цены все были ориентировочные, на банкротных витринах решает спрос, а не предложение. Да и товар специфический — во-первых, уцененный, во-вторых, просто морально устаревший. А какой шлейф оспариваний может тянуться за имуществом, а какие технологические сюрпризы таятся в таких покупках! Попробуй еще запустить завод — дешевле свой отстроить. Можешь не сомневаться, что бывший собственник руками бывших рабочих максимально усложнил жизнь будущему, что все гайки, винты и болты вывернуты в самых важных местах.

Пока мы потирали руки и формировали лоты, всерьез думая о торгах, рассчитывая на скорое закрытие проблемного проекта, юристы должника раскидывали мозгами, скрипели ими под неусыпным взглядом Великого и Ужасного, нарекающего всех своих крючкотворцев Страшилой, в общем, всячески выискивали лазейки. И ведь нашли! Каким изящным, нетривиальным был их ответный ход! Конечно, там была и апелляция, и кассация, но стоит ли о них! Вы чувствуете мою восторженность, пожалуй, даже гордость за своего должника (да простит меня премного уважаемый кредитор, он же мой работодатель, кормилец и благодетель, но ухищрения, на которые пустился «мой» должник, пытаюсь загнать нас в угол (или вырваться из угла самому), вызвали во мне почти ликование и прилив энергии). Ну, больше не томлю, барабаны, дробь которых здесь вполне уместна, заменит перестук барбатионных тарелок (о, вы только вслушайтесь в это бормотанье: «барбатионные»). Не находите, что это здорово, когда твой враг тебя восхищает?! Пока ты — это не ты, а лишь инструмент системы, винтик-шпунтик своего работодателя, ты почти неуязвим. В твоей воле мнить себя титаном или аватаром — размеры ощущаемого тобой могущества имеют обратную зависимость от размеров твоей глупости. Или личности. Но мы отклонились в самый неподходящий момент. Итак, дражайший наш клиент подал вот какое простенькое заявленище в суд: об исправлении опечатки! Вот те на! Выкуси-те-ка! Уважаемый, говорит, суд, отмените-ка свое определение, дело так-то и так-то, не отказываюсь от исполнения Вашего высокого постановления, целиком и полностью повинуюсь, только будьте любезны, исправьте в своем судебном акте маааленькую такую опечаточку: уберите букву «с» из названия «павильон С НУ» — лишняя она там, по чьему-то неразумению закравшаяся, *случайно* закравшаяся, ну, не пришей кобыле хвост, вот вам в подтверждение и верная версия проектной документации. Видите, здесь никакой «с» и в помине нет, все, как надо. А установочки-то у нас отдельно живут, как полагается, в виде оборудования, на другом юридическом лице (да, на одноименной новой компании, а что тут такого? — все в рамках обычной хозяйственной деятельности), ни в какие объекты недвижимости мы их не включали — извольте заглянуть в бухгалтерский баланс, в оборотно-сальдовые ведомости, в расшифровки.

Я обомлела, ознакомившись с заявлением должника. Вот это туз выпал из рукава! Ай да ловкач юрист, ай да затейник! Дать кредитору техническую документацию с буквой «с», дабы уверить его в комплексности имущества, а самому меж тем сострять версию без этой буквы — выдать, так сказать, «начинку», а «тестом», так и быть, поступиться. Умно, хитро, не топорно. Хоть волком теперь вой на «с» — не серп ущербный, а мы — как кредитор! Но погодите, погодите, может, рано опускать руки и рвать волосы? *Случай*-то на этот раз на чьей стороне, что ж мы за него что-то решаем? Хлоп меня по лбу! — не Случай же будет суд вершить! Вот именно — суд! Суд разберется. С чего ему идти на поводу у должника? Разве что *Случай*... Но глупости, глупости! Зачем ему, куда ему эти новые документы, что мешало должнику представить их при рассмотрении дела судом первой инстанции? Больше года судились, что ж никто не обращал внимания на «опечатку», кочующую из отзыва в отзыв, из одного судебного акта в другой?

Даже негибкое слово, служит, как и я, в добровольно-принудительном порядке самым разным системам. И от него не убывает. Судите сами (насколько достанет смелости): уважаемый суд, эксплуатируя слово (пользуясь его милостями) в качестве своего карающего инструмента, констатирует: «Под опиской понимается неправильное написание слова, цифры, имеющих какое-либо значение для лиц, участву-

ющих в деле, или для органов, исполняющих решение. Опечаткой признается та же самая ошибка, но допущенная при изготовлении решения при помощи технических средств: на пишущей машинке или на компьютере»³.

Между прочим в судебном акте есть и такое: «Представитель ответчика — С. возражал», «Представитель истца — Б. настаивал»... Да-а, целый человек, а вот смотри-ка, и на него достало одной буквы.

Но забудем о людях, читаем дальше, ищем, ищем, про заветную буквы «с»... А дальше до боли знакомая фраза, которую я в своей неугомонности множество раз прочитала еще до вынесения решения по нашему делу в судебных актах разных разбирательств, словно бы не веря своим глазам, сомневаясь в применимости к нашему конкретному случаю: «...исправление судом описок, опечаток и арифметических ошибок допускается только без изменения содержания решения тех выводов, к которым пришел суд на основе исследования доказательств, установления обстоятельств и применения закона»⁴.

Что ж, на сей раз *Случай* не стал особо вмешиваться (невмешательство — само по себе дело *Случая*) и перетасовывать карты, хоть и пришлось понервничать, а все же и этот судебный акт был в нашу пользу, он гласил: «...удовлетворение заявления об исправлении описки приведет к изменению содержания решения суда по делу».

Черным — нефть по белому — снег: оформлению в залог кредитору «R» подлежит «навес С НУ».

Вздох облегчения. Мелкая многоножка нервной мурашки пробежалась по моему телу. Нет восторга, нет воодушевления, нет торжества победы. Есть бессилие, но не то бессилие, какое бывает при поражениях. Это не моя игра. Но это игра, в которой ответственность за проигрыш — на мне, а награда за победу делится между всеми, но не поровну. Те, кто делят выигрыш, те, кто рвут в клочья кабанью шкуру, не ведают, что игра не принадлежит им — все игра *Слова* и *Случая*. Я смотрю на сбегавшуюся свору, брызгающую слюной, на плотоядный оскал, но не на раздираемую плоть. Я хмурюсь — нет, не от отвращения — сложно испытывать отвращение к силе. Я просто не хочу быть рядом с ними *сейчас*, меня страшат их окровавленные пасти и огонь, мерцающий в глазах. Мощь, безоглядность и неотвратимость стихии! Я плачусь, я группируюсь и сжимаюсь так, будто удаляюсь для того, чтобы получше разогнаться и врезаться в беснующуюся стаю — нет, не хищников — шакалов! Но вместо рывка я лишь замираю на месте в нелепой позе, со сжатыми кулаками и зажмуриваю глаза: по-другому мне от них не укрыться. Я проваливаюсь внутрь себя, слой за слоем, глубже и глубже, огни мельтешат с нарастающей скоростью, но уже в моих глазах; кажется, я мчусь в вагоне метро — мчусь в неподвижном нескончаемом вагоне, касаясь его стенок, стекол, заполняя собой его полость, раскаляясь, расплавляясь, но не рассредоточиваясь. Скоро, скоро освобождение, впереди — темное солнце с расходящимися лучами. Затмение. Я размякаю и разжижаюсь, сила тяжести куда-то влечет меня. Я не сопротивляюсь, мне хочется просочиться, пробраться наружу, но не вытечь. Для этого нужно препятствие, и оно у меня есть — металлическое солнце, которое маячит передо мной. Оно меня сдержит. Я — паста, чернила (нефть?), устремленные к белой бумаге (к снегу?). Хоть бы капнуть, хоть бы впитаться, вьестись, вгрызться. Черной буквой. В белоснежную плоть. Что мы есть? — мы суть буква.

³ Статья 179 АПК РФ.

⁴ По смыслу статья 179 АПК РФ.

К 130-летию Сергея Есенина

Анатолий СОБЕННИКОВ

«РАДУНИЦА» С. ЕСЕНИНА в контексте мифа о России в русской поэзии

3 октября 1995 года в селе Константинове родился поэт Сергей Есенин. В Википедии он назван «представителем новокрестьянской поэзии и лирики, а в более позднем периоде творчества — имажинизма». После революции Есенина называли кулацким поэтом, попутчиком, советским поэтом, антисоветским. Однако, на наш взгляд, прав современный авторитетный исследователь: «Личность и творчество Есенина некорректно рассматривать в жестких рамках, определяемых политической и тем более политологической терминологией. <...> Есенин шире новокрестьянской поэзии»¹.

Не вписывается он и в теоретические построения его приятелей имажинистов — В. Шершеневича и А. Мариенгофа. Биография и творчество любого крупного поэта в большом времени (М. Бахтин) становится мифом. Но нас интересует не биографический миф, а иная мифология — ценностная. Ценности — в национальной культуре, а не в социуме, не в господствующей идеологии. Так, Родина прежде всего безусловная личная ценность, и только после этого она становится общей ценностью этноса или государства. Безусловно, Есенин — крупнейший представитель именно русской поэзии, не советской.

Одна из сторон биографического мифа — крестьянское происхождение поэта, а в силу этого — его малообразованность. Однако дед, Никита Осипович Есенин, «много лет был сельским старостой, умел писать всякие прошения, пользовался в селе большим уважением как трезвый и умный человек»². Бабушка была «набожна и любила

Анатолий Самуилович Собенников — доктор филологических наук, профессор. Родился в 1952 году в селе Хоринск Бурятской АССР. Окончил филологический факультет Иркутского госуниверситета (1974), аспирантуру Томского госуниверситета (1985). Автор литературоведческих статей и монографий, сборников стихов «Свет» (Иркутск, 1999), «Sic transit» (Иркутск, 2002), «Помедли, время» (Иркутск, 2010), критических статей. Публиковался в журналах «Русская литература», «Вестник Московского университета. Серия „Филология“», «Байкал», «Сибирские огни», «Сибирь», «Сибирском филологическом журнале», в альманахах «Зеленая лампа», «Иркутское время». Работы опубликованы в Болгарии, Германии, Канаде, Польше, США. В апреле 2024 года вышла монография «Мифы русской литературы: история, поэт, Россия, народ» (СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2024).

¹ Скорыходов М. В. Сергей Есенин: истоки творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 128.

² Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 77.

ходить по монастырям»³. Есенин получил неплохое по тем временам образование: окончил Константиновское четырехгодичное земское народное училище с похвальным листом, Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу, в Москве посещал университет им. Шанявского.

Детей в земском училище приобщали к знаниям по учебнику Д. И. Тихомирова «Вешние всходы»⁴. В нем были разделы: «Семья», «Труд и знание», «Телесные и духовные потребности», «Из общественной жизни», «Из жизни древнейших народов» и др. В разделе «Церковнославянское чтение» в популярной форме были представлены тексты Священного Писания: *Добрая земля плод приносит, Притча о талантах, Не суди других, Не убий, Примирайся с врагами, Не воздавай злом за зло, Прощай обиды, Любите врагов ваших, Твори милостыню в тайне, Притча о богаче безумном, Марфа и Мария, Просите и дано будет, Главные заповеди закона Божия* и др. И главное для будущего поэта — стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Плещеева, Майкова, проза Достоевского, Льва Толстого и других русских писателей.

В рамках биографического мифа можно рассматривать и одежду молодого поэта. Профессор И. Розанов вспоминал появление Есенина на поэтическом вечере в Москве в «Обществе свободной эстетики» в Галерее Лемерсье: «...какой-то парень странного вида. На нем голубая шелковая рубашка, черная бархатная безрукавка и нарядные сапожки. Но особенно поражали пышные волосы. Он был совершенно белоголовый, как бывают в деревнях малые ребята»⁵.

Но современники запомнили и другой образ. Так И. Эренбург: «наблюдал воочию» «лакированные башмаки», «пестрый галстук и модный пиджак. Все это украшает светлого, хорошенького паренька, говорящего нараспев, рязанского Леля, Ивана-счастливицы наших сказок»⁶. На что П. Н. Медведев позже ответит: «...легенду о немудрящем пастушке, о полевом Леле, пришедшем на городские стогна, пора оставить»⁷. Однако нам не хотелось бы углубляться в биографический миф, о нем написаны десятки работ. Современница поэта верно отметила: «Родина, Русь — вот стержневая тема творчества Есенина.<...> Есенин — однолюб. Тот круг тем (революция, смерть, любовь к женщине, гибель), которые находили место в творчестве Есенина, развивались на основе заполнившей его стихии — любви к России, „Руси“, как предпочитал он говорить»⁸.

Любовь к родине — это духовная традиция, о ее значении для культуры хорошо сказал С. Хоружий: «Духовная традиция занимает особое положение в ряду всех традиций, прежде всего, по своей онтологической природе. Именно в ней, из всех феноменов человеческого существования, человек реализует себя в своем отношении не к сущему, а к бытию, выступая как некоторый род бытия, онтологически определяемый энергийным отношением-устремлением к иному роду, инобытию, или же к бытию в собственном смысле, бытию как таковому»⁹.

Духовная традиция порождает особые мифы, связанные не с повествованием о богах и о героях, а с пониманием и интерпретацией духовного феномена. Значительную

³ Указ. соч. С. 78.

⁴ См.: Вторая книга для классного чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и в семье / Сост. Д. И. Тихомиров. 27-е изд. М.: Тип. А. Васильева, 1902. — 225 с.

⁵ Розанов И. Есенин и его спутники // Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. М.: Работник просвещения, 1926. С. 74.

⁶ Эренбург И. Портреты современных поэтов. М.: Первина, 1923. С. 41.

⁷ Клюев Н. Медведев П. Н. Сергей Есенин. Л.: Прибой, 1927. С. 26.

⁸ См.: Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. М.: Работник просвещения, 1926. С. 101.

⁹ Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Издательский дом «Парад», 2005. С. 17.

часть первого сборника поэта «Радуница» занимает цикл «Русь», в котором Русь — это не историческое, а мифологическое пространство, это «святая Русь».

Миф о святой Руси возник в народных недрах: «...в с я н а ш а д р е в н я я п и с ь м е н н о с т ь, довольно богатая и церковно-патриотическими произведениями, вплоть до XIX века не знает термина „Святая Русь“. Она плод низового, народного творчества. Он родился и хранился в неписанном народном предании, „каликами перехожими“, в так называемой народной литературе», — писал А. Карташев¹⁰.

В эпоху становления Московского царства и позже — Российской империи — сформировался иной государственный миф: «Москва — третий Рим, а четвертому не быти». Но в XIX веке «Святая Русь» стала частью и государственного, имперского дискурса. С этим образом-мифом мы встречались уже при обороне Севастополя в 1855–1856 годах. И. Ярошевицкий восклицал: «Восстань же дружно, Русь святая / Своим врагам на грозную месть»¹¹. В «Песне ратника» говорилось: «Посмотрите, Русь святая / Поднялася до конца / И оружием играя, / Встала вокруг Царя-Отца»¹². К. Ф. Соваж призывал: «Братья, Русь зовет на битву / За Отчизну и Царя»¹³.

В становлении мифа о России как святой Руси большую роль сыграли славянофилы и Ф. И. Тютчев:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя¹⁴.

«Бедные селенья», «скудная природа», «долготерпенье», «смирренная нагота», «ноша крестная» — все это знаки кенотические, знаки святости и богоизбранности.

Подобные мифемы находим и в стихотворении А. С. Хомякова «России»:

И вот — за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол Творца прияла ты, —
Тебе Он дал свое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье

¹⁰ Карташев А. В. Воссоздание Св. Руси. Париж, 1956. С.29–30.

¹¹ Ярошевицкий И. Судьбы России//Чтение для солдат. 1855. Кн. 5. СПб.: В. Исаков. С. 57.

¹² К. Кв. Песня ратника// Чтение для солдат. 1855. Кн. 4. СПб.: В. Исаков. С. 59.

¹³ Соваж К. Воззвание русскому народу//На тя бо, Господи уповахом, да не постыдимся во веки. Стихотворения. В пользу раненых. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1854. С. 5.

¹⁴ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 1. М.: Издательский Центр «Классика», 2003. С. 71.

Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд!¹⁵

В 1915 году во время Первой мировой войны А. Блок публикует цикл «Стихи о России», в котором предложил современникам символично-мифологическое понимание страны «Россия», не совпадающее с историческими мифами Российской империи и с газетно-журнальными публикациями здесь-и-сейчас. Блока интересовали некие вечные основы русской жизни, отраженные в мифе «Святая Русь».

О возможном влиянии этого цикла на «Русь» Есенина писал еще П. Н. Медведев: «...это же перепевы блоковских „Стихов о России“, некоторых, наиболее архаических мотивов этих стихов. Так приходит в творчество Есенина колдовское влияние Ал. Блока, а через него, в русских темах — и Некрасова»¹⁶. О блоковском тексте говорил и Ю. Прокушев: «...по настроению „Русь“ чем-то перекликается с блоковскими скорбными раздумьями о родине»¹⁷.

Не случайно молодой поэт, приехав в марте 1915 году в Петроград, первым делом идет к Блоку. Блок отправляет его с запиской к М. П. Мурашеву: «Дорогой Михаил Павлович! Направляю к вам талантливому крестьянского поэта-самородка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе и вы лучше, чем кто-либо, поймете его. Ваш. А. Блок. P. S. Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к С. М. Городецкому. Посмотрите и сделайте все, что возможно. А. Блок»¹⁸. В Петрограде Есенин знакомится с Рюриком Ивневым, Сергеем Городецким, Зинаидой Гиппиус, Дмитрием Мережковским и многими другими поэтами.

Но главное, конечно, не личные знакомства, а литературная среда в целом, ее, как бы сейчас сказали, тренды. Еще до Первой мировой войны в русском обществе был запрос на национальные формы искусства и на историю России. В живописи — М. В. Нестеров, С. В. Иванов, М. Врубель, в литературе — А. Ремизов, И. Шмелев, А. Блок. Первый сборник Сергея Городецкого назывался «Русь», и он открывался одноименным стихотворением¹⁹.

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильней, и что смелей!
Где сияет солнце жарче,
Где сиять ему милей?
<...>
Горе горькое изжито!
Вся омытая в слезах,
Плугом тягостным разрыта,
Солнцу грудь твоя открыта,
Счастье добыто в боях!²⁰

¹⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнер, 1909. С.41—42.

¹⁶ Клюев Н. Медведев П. Н. Сергей Есенин. С. 42—43.

¹⁷ Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М.: Современник, 1986. С. 165.

¹⁸ Мурашев М. А. Блок и С. Есенин (страницы из воспоминаний)//Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. М.: Работник просвещения, 1926. С. 65.

¹⁹ Городецкий С. Русь. Песни и думы. М.: Изд-во т-ва И. Д. Сытина, 1910. — 80 с.

²⁰ Там же. С. 5—6.

Такое же название имел третий сборник стихов Любви Столицы, в центре которого была жизнь русской деревни. В стихотворении «Богородица», как и у Блока, Матерь Божья — покровительница Руси:

Шьет она, гадая,
Да скорбя о Руси —
О полях с ложбинами,
О болях с кручинами.
<...>
Взор свой голубиный
Ты о нас печалуй,
Мати-Богородица!
Худо нам приходится²¹.

В 1909 году был напечатан блоковский цикл «На поле Куликовом», вошедший в макроцикл «Стихи о России». В 1915 году он воспринимался как часть военно-патриотического дискурса. Богородица у Блока была покровительницей войска Дмитрия Донского.

Но непосредственным предшественником Есенина в изображении крестьянской, народно-фольклорной Руси был Николай Клюев. В Брюсов в предисловии к первому сборнику Клюева «Сосен перезвон» заметил: «Поэзия Н. Клюева похожа на этот дикий, свободный лес, незнающий никаких „планов“, никаких „правил“»²². Лирический герой Н. Клюева обращается к родине:

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит,
Какое светлое величье,
В природе мертвенной сквозит.
Как будто в поле, мглой объят,
Для правых подвигов и сил,
Под сребротканым, снежным платом,
Прекрасный витязь опочил.
О, кто ты родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для поэтического слуха
Ты полнозвучна и ясна.
<...>
О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайники твоих раздолий,
Открылись торные пути?
Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгинула тоска,
И легкозвоннее метели,
Слетала песня с языка?²³

²¹ Столица Л. Русь. М.: Новая жизнь, 1915. С. 133—134.

²² Клюев Н. Сосен перезвон. М.: Книгоиздательство «В. И. Знаменский и К», 1912. С. 10.

²³ Клюев Н. Сосен перезвон. С. 39—40.

Русь в этом стихотворении, конечно же, не Российская империя, это поэтический миф с фольклорной основой. Есенин писал в автобиографии: «С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распре, большая дружба»²⁴. Несомненно, Клюев (как и Блок) был для молодого поэта в этот период наставником и учителем²⁵. А после самоубийства Есенина Клюев писал о друге юности:

Лепил я твою душеньку, как гнездо касатки,
Слюной крепил мысли, слова слезинками,
Да погасла зарная свеченька, моя лесная лампадка,
Ушел ты от меня разбойными тропинками²⁶.

Речь здесь шла не просто о литературном влиянии, но и о влиянии ценностном: поздний Есенин, по мнению Клюева, ушел от религиозной мифологии и символики к хулиганской лексике в стихах и к бытовому хулиганству.

Первый сборник Есенина «Радуница» вышел в Петрограде в 1916 году. Но многие стихотворения были написаны еще в Москве в 1914–1915 годах²⁷. В русской периодике тех лет, включая литературные журналы, широко публиковались стихи, очерки, рассказы с военной тематикой. «Война все сильнее приковывает к себе внимание писателей, поглощает их мысли, окрашивает их настроение; она заполнила их психологию», — заметил Е. Колтоновский²⁸. Но этого не скажешь о Есенине. В майском номере «Нового журнала для всех» он публикует стихотворение «Я люблю тебя, родина кроткая...», в котором образ родины лишен примет войны и лишен воинственности:

Я люблю тебя, родина кроткая,
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров,
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковках бровей.
Ой ты Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей!..²⁹

В 1915 году он публикует стихотворение «Русь», в котором:

²⁴ Есенин С. Автобиография, 1922 год // Есенин С. ПСС: В 7 т. Т. 7. Кн. 1. М.: Наука-Голос, 1999. С. 9.

²⁵ Исчерпывающий анализ личных и творческих связей двух поэтов дан в книге: Серегина С. А. Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой. М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 816 с.

²⁶ Клюев Н. Медведь П. Н. Сергей Есенин. С. 6.

²⁷ См. комментарии: Есенин С. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Наука; Голос, 1995. С. 423.

²⁸ Колтоновский Е. А. Вокруг войны. Писатели о войне // Русская мысль. 1915. С. 135.

²⁹ Есенин С. Я люблю тебя, родина кроткая... // Новый журнал для всех. 1915. № 5. С. 4.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес,
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.
Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.
<...>
Но бабы получили от своих мужей-солдат «весточки»:
Подхватили тут родные грамотку
За ветловую сели тесьму.
Собрались над четницей Лушей
Допытаться родимых речей
И на короточках плакали слушая
На успехи родных силачей.
<...>
Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем³⁰.

В первом сборнике «Радуница» о военном времени напомнило стихотворение «Рекруты»:

По селу тропинкой кривенькой,
В летний вечер голубой,
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.
<...>
Выходили парни бравые
За гуменные плетни.
А девчоночки лукавые
Убегали — догони!
<...>
По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальные деньки³¹.

«Парни бравые», «девчоночки лукавые», «ливенка» (гармошка), «тропинка кривенькая», «летний вечер голубой» — весь ряд образов далек от военно-патриотического дискурса эпохи и от трагического пафоса мировой бойни. М. Волошин писал:

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он

³⁰ Есенин С. Русь. // Северные записки. 1915. Июль—август. С. 77—80. Стихотворение вошло в сокращенном виде во второе издание сборника «Радуница». (М., 1918).

³¹ Есенин С. Радуница. Пг.: М. В. Аверьянов, 1916. С. 48.

Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен³².

В журнале «Северные записки» Софья Парнок публикует стихотворение «К нам долетит ли бранный огонь?». В центре — памятник основателю Российской империи Петру I:

В дни грозные слышится вновь
Знакомый раскатистый скок.
Взвел бровь,
Тяжкую бровь,
Державный ездок³³.

«Державный ездок» должен напомнить читателям о мощи Российской империи, о связи времен, о близкой победе.

Другой современник Есенина писал в газете «Утро России»:

И Русь творит опять преданья,
Как прежде, в старые века,
И подвигом во тьме страданья
Она, как прежде, велика³⁴.

Лирический герой Сергея Городецкого обращается к родине с пожеланием:

Русь! Не в девах и цветах
Красота теперь твоя,
А в стремительных боях,
В блеске меткого ружья.
<...>
Славь же воинство, вся Русь!
И скажи своей весне:
Не люблюсь, а молюсь
По весне я о войне³⁵.

В невиданной битве сошлись мировые империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская, Британская, Французская, в 1917 году к ним добавились США. Война воспринималась многими русскими писателями как благо. «Что народ идет на войну, — пусть еще бессознательно или полусознательно, — за какою-то правдой, и что эта правда будет возрождением России, — мы все надеемся», — писал Дм. Мережковский³⁶. А Сергей Есенин отдает в «Русскую мысль» стихотворения «Инок», «Калики», «Вечер», все они войдут в его первый сборник³⁷. Но о войне — ни слова. Да и «Рекру-

³² Волошин М. В эти дни... // Русская мысль. 1915. № 5. С. 2.

³³ Северные записки. 1915. № 9. С. 5.

³⁴ Язвицкий В. За днем проходит грозный день... // Утро России. 1916. Февраль. № 38. С. 2.

³⁵ Городецкий С. Русская весна // Лукоморье. 5 марта 1916 г. № 10. С. 1.

³⁶ Мережковский Дм. Война и религия // В тылу. Литературно-художественный альманах. Пг.: Книгоизд-во М. В. Попова, 1915. С. 88.

³⁷ Есенин С. Инок. Калики. Вечер // Русская мысль. 1915. № 7. С. 27–28.

ты» связаны с текущими событиями косвенно. Объяснение простое: в мифе о России сиюминутное соотносится с вечным, время в мифе циклично. Так, у А. Блока четвертое и пятое стихотворения в цикле «На поле Куликовом» начинаются словом «опять». Это слово вводит мотив повторяемости истории. В стихотворении «Осенний день» Блок — последователь Тютчева, Хомякова, Некрасова:

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.
<...>

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?³⁸

За общей картиной нищей страны встает символический образ плачущей Богоматери. Любой миф содержит мифологемы, в их совокупности, сочлененности и существует целое мифа. Природа России включает в себя мифологему пути, мифологему воды, мифологему степи, мифологему леса. В них живет и сохраняется языческая Русь как идиллия. Есенин в своей «Руси» следует не столько за Блоком, сколько за этой духовной традицией. Город, заводы и фабрики, железная дорога, огромная военная машина Российской империи остаются за скобками. «Русь» Есенина в сборнике «Радуница» открывалась стихотворением «Микола»:

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,

³⁸ Блок А. Стихи о России. Пг.: Издание журнала «Отечество», 1915. С. 30.

И как шелковые четки —
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
— Ой, ты лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца³⁹.

Примечательно, что имя святого — Николай — дано в народной транскрипции как Микола (Вешний). Герой Есенина ходит «в лапоточках», «на плечах его котомка», и вся природа Руси соответствует этому описанию. У «плакучих ив» — лик «кроткий», их ветки — «шелковые четки». И когда он проходит по полям и лесам Руси, «злые зори», «злые скорби» оказываются «вдалеке».

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
— О, мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах,
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют⁴⁰.

Таким образом, Русь находится у Есенина под защитой самого Бога, а святой Николай оказывается покровителем русского народа. «Русь» Есенина здесь — это народная «святая Русь», Русь христианская в народном понимании православия, Русь из духовных стихов. Русский народ «скорбью вытерзан», его семейный «уют» — «нищий». Но все это — свидетельство его святости и богоизбранности. Подобное видение не являлось только личным — оно было в духе эпохи. Та же Любовь Столица в сходном ключе создавала образ особо почитаемого в России святого Георгия Победоносца:

Козы, овцы, телки,
Девки и молодки,
Застыдась, сторонятся,
В пояс низко клонятся.

И стоят у взгорий
Смуглые подпаски,
Знахари косматые,
Причты бородатые,

³⁹ Есенин С. Радуница. Пг.: М. В. Аверьянов, 1916. С. 7—8.

⁴⁰ Там же. С. 9.

— Здравствуй, свет-Егорий!
Ждем мы вешней ласки.
Мчись улыбкой алою
Мир крещеный жалую⁴¹.

Георгий Победоносец в этом стихотворении назван народным именем — Егорий. Но в целом русская деревня у Л. Столицы дана в социологическом ключе, а Георгий Победоносец — просто отражение народного мирозерцания. В перечне главок есть: «Деревенские праздники», «Деревенские промыслы», «Деревенская любовь», «Деревенские забавы», «Деревенские святые».

«Новокрестьянские» поэты часто акцентировали социальный гнет, тяжесть крестьянского труда. Лирический герой Петра Орешина горюет в «Деревенских песнях»:

Широка полоса богатея,
Ненасытна царева казна.
Вся деревня под игом злодея,
Вся раздета, темна и пьяна.
<...>
Где ты, Радость Светлоокая,
Русь без края, без конца?
С крепкой думой степь широкая
Обручила молодца!

Я горюю под дубравами
В жаркий полдень и в мороз;
Кто тынами да заставами
Землю-матушку обнес?

Не шуми весна зеленая,
Дай подумать, погадать.
Пусть ответит ночка темная
Мне ли Родина — не мать?⁴²

Февральскую революцию многие встретили восторженно. А. Ширяевец писал, обращаясь к родине в одноименном стихотворении:

Русь, вставай! Довольно муки!
Нет ни тюрем, ни оков!
Слышишь радостные звуки
Вечевых колоколов?

Вьется пурпурное знамя,
Песнь свободы как прибой.
Распрости с больными снами,
Светлый путь перед тобой⁴³.

⁴¹ Столица Л. Русь. М.: Новая жизнь, 1915. С. 128.

⁴² Орешин П. Красная Русь. М.: Изд-во Всерос. центр. испол. ком. Сов. Р., с., к. и. д., 1918. С. 19.

⁴³ Ширяевец А. Алые маки. Песни последних дней. Пг.; М.: К-во «Коробейник», 1917. С. 8. По словам исследователей, «мышление его не выходило за пределы фольклорно-метафорической поэтики».

Сына сельского священника интересовали бытовые картины в жизни деревни:

Базар гудит. Торгуют чем попало:
Дровами, тыквами, капустой, льном.
Коров удоиных навели немало.
Близ них немолчный говор и содом.

Вот баба языком язвит, как жалом,
Барышника в поддевке и с кнутом.
Тот отвернулся, разговор про сало
Завел с гнусавым тощим стариком⁴⁴.

А вот «Базар» у Есенина:

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволя
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьюмою —
Бабий крик, как по утру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру.

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд⁴⁵.

См.: Неженец Н. И., Палеева Н. Н. Поэты есенинской плеяды. Философско-эстетический анализ. М.: Квадрига, 2012. С. 198.

⁴⁴ Радимов П. Коровий торг//Земная риза. Казань, 1914. С. 47.

⁴⁵ Есенин С. Радуница. Пг.: М. В. Аверьянов, 1916. С. 53–54.

Бытовое и социально-типическое растворяется в фольклорно-мифологическом, где «хрип торговков» теряется в «карусельном пересвисте», в «ладе веселом» песни про Стеньку Разина, утопившем «свою княжну». Социальная нищета, невежество, малоземелье, страдания народа — что было у Некрасова, поэтов-народников, у «новокрестьянских» поэтов — Есениным игнорируется.

В мифе о России (Руси) главный аксиологический образ — это, конечно, не Микола, не Егорий, а Мать Божья и ее сын, без них нет мифа. Блок пришел к нему через десять лет творчества, Есенин начинает с него. В конце 1908 года Блок признавался: «Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, — я иду. И вот теперь уже (еще нет 30-ти лет) забрезжили мне, хоть смутно, очертания целого. Недаром, может быть, только внешне неловко, внешне бессвязно, произношу я имя: Россия. Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или погибель»⁴⁶. В. Л. Львов-Рогачевский писал о Есенине: «Разница между ним и представителями русской школы символистов лишь в том, что почвой его творчества является народное коллективное мифотворчество, а не абстрактные настроения индивидуалистической мысли»⁴⁷.

Не с бурным ветром тучи тают,
Сливаясь с кроткой синевой,
Рогульки месяца ныряют
По перелескам, в кудрях хвой.

Я вижу в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа.
— Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорю и полдню у куста.

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И, может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях крылья херувима,
А под пеньком голодный Спас⁴⁸.

Микола, калики, сам лирический герой — странники, а странничество — форма русской святости: ««Странничество» — одна из форм народной религиозной жизни, весьма характерная для русских людей. Религиозный русский человек чаще чувствует себя

⁴⁶ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Худож. литература, 1963. С. 265–266.

⁴⁷ Львов-Рогачевский В. Л. Имажинизм и его образноносцы Есенин, Куликов, Мариенгоф, Шершеневич. М.: Орднас, 2021. С. 53.

⁴⁸ Есенин С. Радуница. Пг.: М. В. Аверьянов, 1916. С. 15–16.

странником, чем оседлым жителем земли», — писал князь Трубецкой⁴⁹. Русь Есенина — это явление коллективного (национального) бессознательного. Сам праздник — Радуница (поминование усопших) — связывает исторический миг и вечность.

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву⁵⁰.

Лирический герой далек от образа святого, он может не заметить в убогом страннике «голодного Спаса», но он не может не увидеть, как в небесах идет «возлюбленная Мати / С Пречистым Сыном на руках». «Кроткий Спас» — в церквях «родной Руси», а на лугах — «веселый пляс», «девичий смех»:

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою⁵¹.

Любовь к родине — основная мысль и эмоция лирического героя: «Черная, потом пропахшая выть, / Как мне тебя не ласкать, не любить», — говорит он⁵². Миф о России (Руси) — аксиологический центр мирообраза поэта. После революции 1917 года советская власть сделала все от нее зависящее, чтобы заменить миф темой, то есть в школьных учебниках говорилось о теме родины у Тютчева, Блока, Есенина и других поэтов. Полемизируя с Есениным, критик-марксист А. Воронский заявил: «Но Руси вообще, Руси отвлеченной в природе не существует. Есть обломки прежней Руси и есть Русь советская.<...> Русь советская будет жива железным гостем, паровозами, электричеством, заводом, нефтью»⁵³. «Русь советская» — это уже другой миф — идеологический — и другая система ценностей. Есенин, несмотря на попытки принять новый миф, остался верен прежнему мифу — «Святой Руси».

В сентябре 1918 году он писал: «То, что сейчас является нашим глазам в строительстве пролетарской культуры, мы называем: „Ной выпускает ворона“. Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не долетев до материка, но даже не увидев его, мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем — образом, крылья которого спаяны верой человека не от классового осознания, а от осознания обстающего его храма вечности»⁵⁴. Первый сборник стихов Сергея Есенина «Радуница» уже давно в «храме вечности». Ибо нет ничего долговечнее мифа.

⁴⁹ Князь Трубецкой Гр. Красная Россия и Святая Русь. Paris Ymka Press, 1931. С. 20.

⁵⁰ Есенин С. Радуница. Пг.: М. В. Аверьянов, 1916. С. 58.

⁵¹ Там же. С. 19.

⁵² Там же. С. 29.

⁵³ Воронский А. Литературные тигры. 2-е изд. М.: Артель писателей «Круг», 1927. С. 199.

⁵⁴ Есенин С. Ключи Марии. М.: Изд. Московской трудовой артели художников слова, 1920. С. 40.

Татьяна НУЖНАЯ

НЕИЗВЕДАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ГИМН ЧУКОТКЕ В РОМАНЕ СВЕТЛАНЫ ЗАБАРОВОЙ «ВАТЫРКАН»

Светлана Викторовна Забарова — писатель-прозаик. Родилась в Южном Казахстане, г. Чимкенте, в семье горного инженера. Приехала в Ленинград в 16 лет, обучалась в музыкальном училище им. М. П. Мусоргского, по классу фортепиано, позже работала концертмейстером и получила второе образование на факультете прикладной психологии СПбГИПСР; в годы перестройки работала в геологической партии от Всесоюзного научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского. Побывала на Крайнем Севере в Магадане — отсюда любовь в северной тематике, к Арктике. Публиковаться начала с 2012 года: повести, рассказы, очерки, книга «Тень беркута». И сразу стало понятно, что в литературный мир пришел яркий, крепкий, талантливый автор, у которого есть и своя тема, и свой герой.

Светлана Викторовна — член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза писателей России, лауреат Международной премии им. Н. В. Гоголя за лучшую книгу прозы (сборник повестей «Сигналы»), лауреат XV Открытого межрегионального конкурса литераторов на соискание премии им. Ю. С. Рытхэу, в 2025 году — председатель литературной премии им. Ю. С. Рытхэу. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Наибольшую популярность Светлане Викторовне принес роман «Ватыркан» (2020), написанный об интереснейшей и довольно экзотической в наше время работе исследователей-геодезистов в труднодоступных северных регионах России. Героями романа стали простые люди: изыскатели, вездеходчики, летчики полярной авиации, геологи, геодезисты, ежедневно рискующие своей жизнью в тяжелейших полярных условиях. Светлана Забарова создает их живые образы на страницах своего романа. И конечно же, сама Чукотка, ее мистическая природа становится полноценным героем романа «Ватыркан».

Практически в любом литературном произведении именно художественный образ становится особым средством структурной и поэтической организации текста. Выяв-

Татьяна Владимировна Нужная живет и работает в Санкт-Петербурге. Ученый-литературовед, переводчик, доктор филологических наук, профессор кафедры философии и культуры СПГУП, доцент кафедры иностранных языков СПбГУ. Автор более 70 статей. Член Русского географического общества, член Союза писателей Санкт-Петербурга, общественный деятель, путешественник.

ление и анализ центральных образов способствуют более полному пониманию поэтики всего художественного произведения. Художественный образ в авторской интерпретации приобретает новые смысловые проекции в ежедневно меняющемся мире литературы. Несомненен и интерес современных авторов к пониманию и описанию заполярных пространств: труднодостижимых и малоизученных уголков нашей планеты.

Основной сюжет романа С. Забаровой «Ватыркан» разворачивается на территории малонаселенной северо-восточной части России на границе Чукотки и Корякии, где геодезическая бригада в 90-е годы по государственному заказу выполняет высокоточное нивелирование. Уже само название романа — «Ватыркан» — закладывает определенную характеристику Чукотки, а точнее, ее части — Хатырки: «Хатырка. От чукотского Ватыркан, сухое истощенное место, от ватык — худеть, тощать, в этом месте люди теряют силы, обессиливают...»¹ Эта промороженная, твердая тундра, лишь слегка подтаивающая летом, требует и от своих обитателей такого же твердого и негибкого характера. Тундра «забирает» слабых, ей не знакомы жалость и милосердие. В экстремальных полевых условиях духовно слабому человеку не выжить, здесь нужно быстро и четко принимать единственно верное решение. Но всем, кто в нее влюблен, Чукотка распахивает свои объятия: «В этой вечной мерзлоте кипит своя особенная жизнь: небо кишело птицей, воды — рыбой, по тундре неслись олени стада, в сопках скакали зайцы, лисы, песцы, возле своих жилищ сторожко посиживали лемминги, краснокнижные лопатни выводили новое потомство, перла из мерзлоты трава, на лежбища шли тяжелыми глянцевыми волнами моржи, стороной, вдоль косы ходили серые киты, фуркая в небо фонтанами...» Так пышно, богато и радостно представлена в романе чукотская фауна, что демонстрирует специфический колорит и создает живой образ Хатырки, несмотря на довлеющий стереотип Заполярья как холодного и мрачного края.

В романе «Ватыркан» Чукотка олицетворяется, она раскрывается перед героями, как кокетливая девушка, желающая заполучить видного жениха, влюбить в себя, привлечь, заставить вернуться и остаться навсегда: «Чукотка будто распахнулась перед ними, обнажилась. Очаровывала, кружила... заманивала, влюбляла яростными чувственными закатами, светлыми дрожащими нежными рассветами, кипением жизни...» Чукотка влюбляет и «держит» человека, хоть однажды близко познакомившегося с ней: «Он освободился от Чукотки, но Чукотка не хотела отпускать его и настигала весной... особенно весной...» Один из героев романа, любящий Чукотку, искренне переживающий за ее разорение, за ее будущее, сравнивает ее с девушкой на выданье, но без приданого: «...бесприданница, золото все вычерпали, новых месторождений не предвидится...»

Особенно остро любит и чувствует Чукотку рожденный там человек. Только он может понять и принять ее холодность, гордость, отстраненность ото всех. Таким человеком в романе является Тамара, она проникновенно любит свою родину, и ей просто не может быть плохо на своей земле. Видя, как в 90-е годы гибнет Чукотка, как бегут оттуда люди, как зарятся на богатства природы и земли иностранцы, Тамара жалеет Хатырку: «Жалела эти горизонты и речные русла и ручьи, и ее безлюдье, оторванность от цивилизации, пусть она такая холодная, гордая, самав себе, но это ее земля, как мать... за это время она научилась понимать эту землю». Здесь в полной мере пейзаж становится созвучным морально-нравственным духовным ценностям персонажей.

Несмотря на то, что главными действующими персонажами произведения являются люди, Чукотка выступает как самостоятельный герой романа, заставляя чело-

¹ Здесь и далее цит. по: Забарова С. В. Ватыркан. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга — ИД «Петрополис», 2020.

века совершать непредсказуемые поступки, а зачастую даже кардинально меняя сюжетную линию повествования: «Весенние влажные ветры, еще хранящие запах снега, но уже пробиваемые терпкими горькими запахами отогревающейся под солнцем земли, будоражили, куда-то звали за собой...» Здесь пейзаж приобретает функцию сюжетной мотивировки, а значит, и оказывает влияние на принципы сюжетосложения романа. Природа этого края спасает от голода бригаду геодезистов, застрявших в «полях», предоставляя возможность наловить много рыбы: «...спасла Чукотка, вставшая на нерест».

В романе Чукотка «разговаривает» с людьми, а в случае с главным героем даже «дарит» ему спутницу жизни, жену. Там, в тундре, среди морошкового поля Вагатин впервые увидел Тому — необычайно красивую чукотскую женщину, тогда он и услышал внутри себя «голос, четко произнесший — „твоя жена“». Позже Тома, умевшая понимать и распознавать знаки родной земли, смеясь, подтвердила: «— Конечно, было, конечно, сказано. — Кем же? — Чукотка сказала. — А тебе сказала? — А мне и говорить не надо, я сразу знала...» И сами герои романа разговаривают с Чукоткой, приветствуют, прощаются, советуются, молят о помощи, благодарят за поддержку. Чукотка «принимает» бригаду Вагатина и помогает выполнить сложную работу: «И только Чукотка пока была на их стороне. Чукотка дала им погоду». Таким необъяснимым метафизическим влиянием природы края на чувства и судьбу человека автор романа добавляет особый мистический, можно сказать, мифический элемент в образ Чукотки. Олицетворение — один из важнейших приемов мифологизации: «Посредством персонификации четче обособляется субъект мифического действия, что является важным условием конкретизации мифологического образа»². В данном произведении образ Чукотки трансформируется в подлинно мифологический образ.

Основные природные объекты: солнце, луна, земля, вода, метеорологические явления — часто становятся объектами мифологизации, особенно в культурах народов, живущих в максимально естественных условиях. В культуре северных регионов до сих пор сохраняется сакральная функция многих природных объектов, и в частности солнца. Эти объекты ложатся в основу образной структуры и Чукотки, и героев, а их маркировка в романе погружает читателя в специфику местного колорита. В романе «Ваттыркан» можно найти немало таких примеров. Первая встреча главного героя с Тамарой, повлиявшая на дальнейшие чувства Вагатина, происходит на морошковом поле, где образ женщины предстает в ярком сиянии солнца: «...среди красно-оранжевого поля, облитые оранжевым же солнцем сидели женщина с ребенком и горстями поедали эту морошку...» Так для героя образ возлюбленной сливается с образом солнца навсегда. Разное солнце — то бледно-желтое в зимней дымке мороза, то ярко-красное в летней тундре, то золотисто-блестящее ранней весной — становится символом радости и любви: «...он был счастливо влюбленный, это тоже ото всего отражалось — как раннее апрельское солнце от покрытого толстым слоем гладкого слюдяного льда беринговского лимана».

Пейзаж в романе является темпоральным маркером, определяющим смену времен года или времени суток: «Изображаемый пейзаж часто выполняет в художественном произведении функцию хронотопа, четко устанавливая время и место действия»³. Однако в случае с чукотским пейзажем — это еще и временная непредсказуемость:

² Нужная Т. В. Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р. де Шатобриана «Атала» // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 149–158.

³ Нужная Т. В., Авдонкина Ю. С. Художественное воплощение метеорологических явлений в романе П.-Э. Виктора «Земли полярные — земли трагические» // Вестник Балтийского федерального

в любой момент может наступить «белый мрак», буран, снежная буря, когда физически невозможно ничего разглядеть: «Поземочка пошла – ооо – собираемся. Поземка – предвестник пурги, придет пурга, себя не найдешь, своей руки не увидишь...» Человечек на Севере живет и действует по указаниям ежедневных природных изменений.

Вся система персонажей в романе так или иначе связана с образом Чукотки: кто-то находит там себе жену, кто-то – дело своей жизни, кого-то Чукотка закаляет, кого-то в прямом смысле слова сводит с ума, кто-то там становится сильнее, выживает, а кто-то погибает. Это является ярким примером влияния образа Чукотки на формирование характера персонажа. Именно климатические условия и природные реалии формируют характер человека, эту особенность заметили еще французские романтики начала XIX века, идеи которых получили дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных писателей.

Взаимоотношения природы Заполярья и человека в романе «Ватыркан» дополняет антропологический аспект образа Чукотки. Несмотря на то, что присутствие человека воздействует на природу, ландшафт или экологию этого региона, именно Природа властвует над человеком. Герои романа осознают эту власть, принимают ее, но, являясь частью животного мира, не могут не противостоять ей, чтобы выжить: «Мы шли и брали, что под руку ляжет, а не брать, тогда что? Подохнуть самим? Нет, деликатности никакой не было между нами и природой. Тогда все казалось закономерным». Особые взаимоотношения с природой в силу профессии складываются у ученых: полярников, геодезистов, метеорологов, геологов и т. п. Эти люди изучают природу, смотрят на нее сквозь математические, физические или химические формулы. Они записывают природу цифрами и словами, но, как ни парадоксально, именно у этих людей чаще всего выявляется мистическое или сакральное отношение к ней. И этот аспект справедливо выделяет автор романа: «...они работали на интуиции и сверхинтуиции, на предчувствиях, допущениях – создавая ощущение полета, как будто ты паришь где-то в центре вселенной в окружении светил и звезд и вокруг тебя бесконечность во все стороны».

С. Забарова часто обращается к пейзажным образам Чукотки для создания портретов своих героев, что, безусловно, усиливает специфику национального колорита в тексте произведения. Соотнесенность портретных зарисовок с животными образами в романе больше связана с описанием коренных народов этого региона. Молодая женщина – Тамара – при первой же встречающейся в романе характеристике сравнивается с самкой северного оленя – важенькой, и этот образ остается устойчивым на протяжении всего произведения: «...удивительное существо, на длинных тонких ногах... С маленького, но крепкого лица с твердым аккуратным ртом куда-то мимо Вагатина глядели оленье, влажно блестящие глаза». В описании древнего природного танца, исполненного Тамарой, ее руки сравниваются с крыльями северной птицы – гагары: «...смуглые ладони вспархивали к щекам легко, как гагачьи перышки, к смуглому лицу с глазами важеньки». Эмоциональное воздействие на читателя усиливает добавление мистического элемента к портретным характеристикам героев: «Этот мистический танец под тягучую музыку, густую, как кровь из вскрытого оленьего горла, приманивал, зачаровывал, звал в пространства без времени и судьбы...» Фигуру Тамары автор сравнивает с древним шаманским изваянием. Другая сцена разделки оленьей туши поражает противоречивостью вызываемых ощущений: «...в его жестоких и резких движениях было что-то мрачно красивое, завораживающее... одуряюще пахло парной кровью, жаром освеженного мяса, смертью и одновременно жизнью...» Жизнь и смерть

сливаются воедино в образе Чукотки: мясо убитого животного дает возможность человеку выжить в жестких условиях бескрайней тундры.

Автор романа «Ватыркан» мастерски пользуется известным романтическим приемом «сопутствующего признака настроения», когда чувственные переживания героев связываются с пейзажными образами. Так, писатель дополняет психологический портрет персонажа, делая его характернее и ярче. Например, в упомянутой уже встрече Вагатина с Тамарой фигуру женщины озаряет солнце, навсегда связывая эти два образа. Другим примером можно назвать то, что, как отмечает сам герой, воздух Чукотки «влияет на химию крови». Именно там, не в городских спокойных, тепличных условиях проживания, а в том тяжелом, полевом выживании мужчина ощущает острую жалость к женщине, желание ее защитить, оградить от беды: «...он чувствовал свою силу перед ней и свою жалость к ней, мужскую жалость, как к тонущему в бурном потоке детенышу оленихи». Природные аналогии сопровождают описания чувств героев, оттеняют настроение персонажа, усиливая психологическое воздействие на читателя. Таким образом психологизм становится ведущей стилистической доминантой романа «Ватыркан».

Пейзаж является неотъемлемой частью практически любого художественного текста. Каждое произведение создает особый образ пейзажного пространства, который дополняет общую художественную картину мира того или иного уголка Земли. Полярные пространства, как наименее доступные и изученные, привлекают особое внимание художников слова, но и требуют особого выражения.

Создание художественного образа Чукотки невозможно без описания северных метеорологических природных явлений: снега, изморози, вьюги, бури, метели, инея, пурги, поземки. Описания этих метеорологических явлений становятся важными для создания специфической художественной концептосферы Заполярья.

Образ снега — центральный гидрометеор в описании Севера, так как он климатически связан с характеристикой полярной природы. Снег лежит на Чукотке около восьми месяцев в году. Этот образ тесно сплетен с понятиями холод/мороз/метель, а часто и Север/Сибирь/Арктика. В романе «Ватыркан» слово «снег» встречается 45 раз, снег сопутствует описаниям всех основных мест действия. Однако именно авторские метафоры создают особый образ снега. Например, оксюморон, сочетающий противоречащие, бинарно-оппозиционные понятия в сравнении снега с пеплом: «С черного купола медленно, крупный и бесшумный падал снег. Он рождался из высокого мрака неба и тянулся вниз, опадая белоснежным пеплом». Снег «рождается», как живое существо. Прием олицетворения природных явлений — наиболее распространенный прием, способствующий «выведению снега» на подлинно персонажный уровень. В романе снег «живет», он подобен художнику-творцу, который при помощи ветра «пишет» свои собственные зимние пейзажи: «Прибрежные ветры прочесывали и гоняли по ней легкие крупинчатые снега, они скапливались во впадинках и старых окаменевших колеях, создавая причудливые то ли узоры, то ли знаки — чукотскую ландшафтную тайнопись».

Описание снега способствует созданию природного колорита и его закреплению в сознании людей, и в разных локациях образ снега воспринимается по-разному. Так в больших городах выпавший снег стараются сразу убрать в силу определенных городских условий проживания, но при этом образ снега меняется с некоего светлого, чистого, радостного объекта наблюдения в дикой природе на грязный, ненужный, раздражающий элемент городского пейзажа: «На улицах стали применять реагенты, и снег превратился в какую-то прогорклую жижу, и вдоль тротуаров, никем не убранный».

ный, образовывал грязные, в сажу выхлопов и копоты, подгорелые сугробы». Совсем иной образ снега вырисовывается в дикой природе Чукотки. Даже весной, когда снег уже тает, его свет, чистота и свежесть наполняют природу: «Природа [...] повернула на весну, потеплело, воздух дрожал, его промывали весенние, напоенные снеговой оттайкой ветры, пронизывало сиянием ободрившееся солнце...» Снег в Заполярье никогда не бывает «грязной жижей», он всегда свежий, серебристый, жемчужный, золотистый, розоватый, любых невообразимых оттенков, а главное — девственный, не тронутый следами человеческой деятельности, что и создает тот образ чистой, светлой природы Чукотки.

Дикая природа Севера живет по своим законам, не прислушиваясь и не подчиняясь желаниям человека. И именно природные явления властвуют на этом побережье, заставляя людей существовать соразмерно их проявлениям: «Не стало, ни земли, ни неба, не было поселка и людей в нем, хозяйничала пурга, утопив все вокруг в яростной мгlistой круговерти». Пурга — еще одна природная вариация снега в совокупности с сильным ветром. Упоминание этого природного явления в романе встречается даже чаще, чем слово «снег». Плащ, «исхлестанный чукотскими и колымскими пургами и ветрами», является самым дорогим одеянием для одного из героев романа даже в городской жизни, поскольку этот плащ лучше всех защищает от непогоды, хранит в себе отголоски былых воспоминаний и возвращает хозяину радость от единения с северной природой. В романе «Ватыркан» пурга связывается особой метафорической идентификацией, схожестью по определенным признакам с героями произведений. Одни с пургой сражаются, борются, другие терпят, переживают, третьи принимают и понимают, а можно и вовсе «пропасть» в пурге, «зависнуть между небом и землей». Например, один из героев по прозвищу Хозяйка «рвал эту пургу, пер вперед, бился с обрушившейся на них всей своей мощью природой».

В северных регионах предвестником пурги является поземка — низовой ветер, переносающий снег и сметающий все следы: «С легким шорохом покров снялся с места, и по низу потекло снеговыми прядями». Опытные полярники знают и умеют различать все виды поземки и ее коварство. Когда в лютый мороз добавляется пурга, в тундре практически не выжить, поэтому образ пурги всегда несет в себе коннотационное значение опасности, угрозы и риска: «...что ты будешь петь в тундре в пургу, при минус пятьдесят, когда у тебя стал вездеход?» Автор романа мастерски подмечает особый характер этого явления в зависимости от времени года: зимой пурга — яростная и жестокая при сильных морозах, осенью — долгая и непроглядная, а весной — менее напористая и продолжительная, «будто стихия растратила свою энергию и вконец обессилела». Пурга на Чукотке разная, и для описания ее заполярных особенностей С. Забарова использует неупотребляемое в речи множественное число этого существительного, что придает специфический лексико-стилистический колорит тексту произведения. Образ пурги неразрывно связывается в романе с образом Чукотки: «Пурга, переправа, Чукотка, одним словом...»

Характерной чертой романа «Ватыркан» становится ярко выраженный анимизм, оживотворение северной природы. Например, северное сияние — одно из красивейших природных явлений, характеризующих Заполярье. Здесь природа демонстрирует человеку всю свою красочную многогранность, необычность и даже мистичность. Без северного сияния невозможно представить природный образ Чукотки. Автор романа использует здесь традиционно сложившийся образ танцующего неба: «...танцующее древний танец Северное сияние».

Особыми, можно сказать центральными, компонентами художественного образа природы являются образы солнца и луны. В северном пейзаже эти образы приоб-

ретают специфический колорит. Часто образы солнца и луны складываются в художественном произведении в бинарную оппозицию «день-ночь». Несмотря на знакомое для читателя понятие «полярный день/полярная ночь», когда в первом случае это явление сопровождается позитивной, а во втором случае — негативной коннотацией, в романе «Ватыркан» оно не становится ярко выраженной оппозицией. Наоборот, появившееся вдруг солнце иногда мешает героям выполнять свою работу, мешает настройкам точного нивелирования, а проступившая сквозь облака луна помогает определить дорогу. Практически во всех описаниях солнца автор использует антропоморфические сравнения: «ободрившееся солнце»; «солнце уже стало потихоньку сползать к горизонту»; «солнце вдруг вырвалось из маревого плена» и др... Луна, являясь физическим объектом неживой природы даже чаще, чем солнце, становилась объектом романтизации: под лунной признаются в любви, происходят тайные свидания, совершаются загадочные преступления и т. п. Образ луны в романе тоже персонафицируется: «В черном небе стоял круглый и твердый зрачок луны»; «на светлом небе дрожал бледный прозрачный лунный диск»; «...еще стоял, постепенноистаивая, голубоватый лунный диск»; «...гуляют волны лунного света». Таким образом природа в романе богата и изменчива, но она предстает как единое целое, сохраняя при этом свои сакральные функции.

Невозможно представить себе природно-пространственный образ Чукотки без описания тундры — основного ландшафтного образа земли в том регионе. Во все времена и у всех народов земля ассоциируется с незыблемой константой, ее наделяют священным и даже сакральным смыслом. Среди коренных народов Севера распространено особое, трепетное отношение к земле, которая хранит могилы предков и придает вдохновение живущим на ней людям. Своей землей, любимым пространством для северных жителей является тундра. Тундра непредсказуема, она колоритна и многогранна. Описание тундры в романе «Ватыркан» не перестает поражать своим разнообразием: оранжево-полыхающая в период созревания морошки, стеклянно-ледяная в период подтаивания, сизовато-дымная в период пожаров, твердая-промороженная в зимнюю стужу. Прибрежная тундра замораживает весной, когда просыпается: «...от земли чуть парило, буро-рыжими пятнами цвел лишайник, перескакивали многочисленные, в мелко-галечных руслах, слегка посеребренные частой рябью ручьи...» Для героев романа тундра живет и взаимодействует с ними: «Издали казалось, что тундра внезапно покрылась коричневатым кочкарником, потом вдруг земля вздыбилась, потекла в стороны... и на них...» Именно эту землю, улетаая, хочет запомнить Вагатин, «эту уходящую от него, быть может, навсегда панораму чукотской земли: каждую сопку, излучину ручья, излом береговой линии, домик метеоролога». Потому что исхоженная своими ногами, долгими часами и днями, она становится для него своей, родной и любимой. Такая земля, как чукотская, являет для человека глубокий повод для размышления: именно она показывает всю силу и мощь Природы по сравнению с мизерностью человеческого воображения, неспособного до конца постичь ее богатство и красоту.

Чрезвычайно богата и ассоциативна колористика романа в описании природных реалий заполярных пространств. Всеми красками представлено северное небо: «маленькое круглое красное солнце в сумеречном серовато-лиловом чукотском небе», «высокий мрак неба», «пустое голубое небо», «чистое жемчужно-розовое небо», «поглощенное тучей небо», «черное небо», «ровное небо в серо-жемчужных разводах» и др.

Береговая зона, то есть зона слияния Земли и Воды, суши и моря, часто привлекает внимание художников и писателей своей неиссякаемой образностью и особенной

поэтичностью: «вся прибрежная полоса сверкала в лучах желтого солнца, как золотосная россыпь», «прибрежные ветры прочесывали и гоняли по ней легкие крупинчатые снега», «вода, капризная, раскинула по прибрежной полосе прихотливые письмена». Сложный береговой ландшафт Чукотки не дано расшифровать человеку. Автор романа находит необычную метафору, сравнивая взаимодействие природных явлений с шахматной партией: «На этом участке земля и вода играли друг с другом сложную многоходовую партию в шахматы». В романе «Ватыркан» берег Чукотки предстает как «слияние земного и небесного в одном великом космическом единении».

Так в пейзажных описаниях Чукотки центральными становятся образы-гидрометеоры: снег, пурга, поземка, изморозь, что соответствует климатическим особенностям региона. Основные природные объекты (солнце, луна, земля) персонифицируются, приобретая при этом сакральное значение. Ландшафтный образ тундры богат ассоциативной колористикой, а олицетворение природного мира подчеркивает безграничную и неразрывную связь человека и природы.

Таким образом, выявленный в романе С. Забаровой «Ватыркан» художественный образ Чукотки непосредственно влияет на принципы сюжетосложения. Природные образы северных пространств служат раскрытию внутреннего действия и создают особый психологический «климат» романа. Действие романа протекает на фоне полярной природы и в тесном соприкосновении с ней. Географическая детализация усиливает эффект правдоподобия, погружает читателя в атмосферу северного пространства и создает образное представление о Чукотке.

Детали чукотского пейзажа, описание традиций, флоры и фауны этого региона, персонификация природных объектов и использование приема «сопутствующего признака настроения» в романе создают национальный колорит, демонстрируют влияние природных явлений на характер и судьбу человека, влияют на расстановку героев внутри системы персонажей и на портретные характеристики людей, а также выделяют специфику психологии героев.

Образ Чукотки выполняет функцию основного эмоционального фона для развития сюжета. Поэтические образы природы становятся звеньями, соединяющими в единое целое полную картину художественного образа Чукотки. В описании северной природы присутствует авторская характеристика пейзажного пространства Чукотки, достоверно отражающая природные реалии, а поэтический стиль подчеркивает специфику местного колорита, создает собственную метафизику романа и неповторимый образ Чукотки.

ЧЕХОВ О ТЕАТРЕ И ЛЮДЯХ ТЕАТРА

1.

Чехов и театр. И мгновенно возникает в сознании набор возможных штампов. Сразу условимся, о чем говорить не будем. О новаторстве чеховской драматургии. О равномерности конфликта. О спрессованности времени. О паузах и ремарках, об интонации и подтекстах...

А о чем будем?

О настоящем отношении Чехова к театру и людям театра. Вопрос, на который мы попытаемся ответить, звучит наивно, совсем по-детски. Вот как сформулировала его известный исследователь жизни и творчества Чехова Маргарита Октобровна Горячева: «„Театральный роман“, или Любил ли Чехов театр?»

И другой замечательный ученый, Алевтина Павловна Кузичева, именно так назвала одну из глав своей монографии «Чехов. Жизнь «отдельного человека»: «Любил ли Чехов театр?» И не раз читала лекции именно на эту тему (этот материал и сегодня легко найти в сети).

Впрочем, тема чеховской любви-нелюбви к театру с большой буквы рассматривается, как правило, в связи с конкретной работой Чехова над конкретными произведениями для сцены. В центре внимания — связанные с этой работой трудности, скандалы и конфликты, успехи и нервозность.

Вспоминают, например, о том, как в 1893 году, то есть после постановки «Иванова», после суда над «Лешим» и именно в связи с этими событиями, Чехов с горечью констатировал: «В режиме нашей Александринской сцены есть что-то разрушительное для молодости, красоты и таланта, и мы всегда боимся за начинающих».

Пафос этого высказывания совершенно ясен. Здесь мы становимся участниками вечного утомительного разговора о частных недостатках театра и необходимости его реформирования. Еще в «Осколках московской жизни» (1884—1885) Чехов иронизировал: «1) Большой театр. <...> Нового ни на грош. <...> В балете вместе с балеринами пляшут также тетюшка Ноя и свояченица Мафусаила. 2) Малый. Нового тоже ничего. Та же не ахти какая игра и тот же традиционный, предками завещанный ансамбль...» В ряду таких комментариев органично выглядит и тирада Треплева: «...современный театр — это рутина, предрассудок. <...> Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно».

Поиск новых форм. Борьба с рутинной. Все это действительно сугубо конкретная история. Над этими бесконечными разглагольствованиями позднее издевались Ильф

и Петров, у них в резиновом штампе Полыхаева геркулесовцы на любой вызов современности отвечали «беспощадной борьбой с головотяпством», «поголовным переходом на новый быт» и, в частности, «поголовным вступлением в ряды общества «Долой рутину с оперных подмостков».

Нас интересует, как уже сказано, совсем иной вопрос: отношение Чехова к явлению в целом. Он напрямую связан с вопросом о смысле существования театра, а значит, с вопросом о естественности и фальши. То есть, по определению чеховского современника, режиссера и теоретика театра Н. Н. Евреинова, с вопросом об истинной театральности и о мертвой театральщине. А далее — о нравственности или безнравственности актерского ремесла, да и самих актеров. О том, что же такое, по Чехову, театр: святое искусство или дешевый балаган?

Квинтэссенция фальши и театральщины — фраза, ставшая названием сборника чеховских рассказов на театральную тему (серия таких сборников, организованных определенной конкретной темой, в течение нескольких лет выпускается издательством «Азбука»). Это перформанс Павы из «Ионыча»: «Умри, несчастная!»

Итак, нас интересует вопрос о чеховской рецепции театра как важной составляющей жизни человечества. Очевидно, следует в первую очередь обратить внимание на формирующий эту рецепцию фон, исторический и биографический.

Фон исторический таков: в конце XIX века для русского общества характерно поголовное увлечение театром: и профессиональным, и домашними или дачными спектаклями.

Не была исключением и семья Антона Павловича. Не будет преувеличением сказать, что детство Чехова прошло под знаком театра. Его брат, Иван Павлович, вспоминал: «Театром Антон Павлович увлекался с самого раннего детства. ...Ходили мы в театр обыкновенно вдвоем. Билеты брали на галерку. Места в таганрогском театре были не нумерованные, и мы с Антоном Павловичем приходили часа за два до начала представления, чтобы захватить первые места <...> Когда мы шли в театр, мы не знали, что там будут играть, — мы не имели понятия о том, что такое драма, опера или оперетка — нам все было одинаково интересно <...> А на следующий день Антон Павлович все это разыгрывал в лицах».

Слово другому брату, Михаилу: «В домашних спектаклях Антон был главным артистом. Будучи еще детьми, мы разыграли даже гоголевского „Ревизора“. Устраивали спектакли и на украинском языке, причем роль Чупруна (главную) играл Антон».

Молодой Антон Чехов — завзятый театрал. Его первые драматические опыты относятся еще к ранней юности; Михаил Чехов вспоминает: «Будучи учеником VII класса, Антон Павлович написал большую драму „Безотцовщина“ и ужасно смешной водевиль „Недаром курица пела“...». Показательно, что первый чеховский сборник составили именно его рассказы из театральной жизни, назывался он «Сказки Мельпомены» (1884).

Чехов взрослый, ставший известным писателем, — «почетный гражданин кулис», знающий и фасад, и изнанку театральной жизни.

Наконец, Чехов в последние годы — знаменитый драматург и создатель нового театра, фактически центр, ось, вокруг которой вращается столичная театральная жизнь. Естественно, он знал лично очень многих, весь цвет этой жизни. Актеры и драматурги, режиссеры и антрепренеры стали неотъемлемой частью его индивидуального социума. Как справедливо отмечает М. О. Горячева: «Это и деловые контакты, и близкое дружеское участие. Он влюблялся в актрис и в результате на актрисе женился. Круг его театральных знакомых составлял цвет культурной жизни России той эпо-

хи. В него входили В. Н. Давыдов, П. М. Свободин, А. П. Ленский, К. А. Каратыгина, А. И. Сумбатов-Южин, П. Н. Орленев, В. Ф. Комиссаржевская, Вл. И. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский, В. Э. Мейерхольд и многие другие».

Как представлен этот мир в его творчестве? Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова дает такие результаты:

Слово «театр» встречается у Чехова 275 раз, 30 раз в драматических произведениях и 245 раз в прозаических. Для сравнения, «ресторан» всего 63 раза, «усадьба» 130 раз, «департамент» 2 раза, «школа» 153 раза, «лавка» 96 раз (плюс еще 33 раза уменьшительный вариант «лавочка»), «участок» — 31 раз.

Слово «актер» мы найдем у Чехова 161 раз да 60 раз «актриса», итого 221 раз, что гораздо чаще других профессий или обозначений социального статуса — скажем, слово «солдат» мы обнаружим 98 раз, «священник» 83 раза, «помещик» и «помещица» в сумме 135 раз, «писатель» и «писательница» в сумме 128 раз, а «крестьянин» и «крестьянка» в сумме всего-то 42 раза! Восемь раз мы встретим слово «полицейский», и только «чиновник» выделяется по частотности употребления — 195 раз, но «актер» плюс «актриса» все равно это количество с лихвой перекрывают.

2.

Чеховская рецепция театра включает ракурс позитивный и негативный. Сначала поговорим о негативной оценке.

Вспоминает И. Н. Потапенко: «...он (Чехов) постоянно убеждал Щеглова: «Бросьте вы театр и кулисы. Ведь это же, в сущности, лазарет самолюбий. За исключением, может быть, дюжины настоящих талантов, все — страдающие *mania grandiosa*»..

Приговор современному театру звучит одновременно и безапелляционно, и беспощадно: «Современный театр — это сыпь, дурная болезнь городов. Надо гнать эту болезнь метлой, но любить ее — это нездорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театр школа, он воспитывает и проч. <...> А я Вам на это скажу то, что вижу: теперешний театр не выше толпы, а, наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра; значит, он не школа, а что-то другое...»

В другом письме читаем: «Современный театр — это мир бестолочи, Карповых, тупости и пустозвонства».

Наиболее наглядно две точки зрения на театр представлены в «Скучной истории». О позитивной мы скажем далее, а негативная, принадлежащая главному герою Николаю Степановичу, схожа с толстовской. Влияние Л. Н. Толстого на Чехова в это время (год создания «Скучной истории» — 1889-й) еще достаточно сильно, всего годом раньше написан рассказ «Именины» — как принято считать, самая толстовская вещь Чехова. Однако задавшись целью обнаружить глубинные истоки подобного отношения к театру как общественному институту, следует обратиться к размышлениям ранних христианских мыслителей, прежде всего Тертуллиана, который пишет в трактате «О зрелищах»: «Подобно как бывает похоть к богатствам, к почестям, к обжорству, к удовлетворению плоти, так точно бывает похоть к удовольствиям и увеселениям. Между прочими родами удовольствий нельзя не считать также и зрелищ. <...> Впрочем, мы уже сказали, что оскверняют нас не места, где сии зрелища бывают, но происходящие там вещи, потому что сии последствия, будучи сами по себе позорны, сообщают позор свой и зрителям».

Мы не можем с уверенностью утверждать, что Чехов читал Тертуллиана, именно этот трактат, хотя в России конца XIX века текст его был хорошо известен (его упоми-

нают Н. С. Лесков и другие). Далее логика ведет нас к Ж.-Ж. Руссо, который в «Письме к д'Аламберу о театральных зрелищах» (1758) утверждает, что театр есть сила, развращающая общество: «Театр вносит в жизнь порок и соблазн тем, что он выставляет их напоказ...»

А вот Руссо Чехов точно читал — и о Руссо беседовал, например, с Толстым.

Толстой утверждал, что в его жизни было два благотворных влияния — Руссо и Евангелие. Знаменитый философ Бенруби категорически сформулировал: «Толстой — это Руссо XIX века». Таким образом, Лев Николаевич может рассматриваться как третье звено в цепочке, ведущей непосредственно к Чехову. Вот что пишет о взглядах Толстого историк и философ Н. И. Ульянов в своей книге «Из давних споров»: «Неправы те, кто думает, будто Толстой отвергал только некоторые виды театра вроде балета, оперы, либо архаические направления — ложноклассицизм, романтизм. В Советском Союзе и сейчас полагают, что на реалистический театр его неприязнь не распространяется. Сам Толстой дает ясные доказательства отрицательного отношения ко всякому театру, и как к искусству, и как к социальному учреждению. Для него он — пагубный цветок цивилизации, растлевающий человечество и уводящий его с пути совершенствования. Он обладает способностью, едва ли не в большей степени, чем музыка, живопись и словесность уводить человека от жизни, от природы и естественного состояния. Отклонение от естественности — величайший грех в глазах Толстого — начало всякой порчи, заблуждений и гибели человека».

Вернемся к «Скучной истории» — разве не о том же размышляет чеховский герой? «Когда актер, с головы до ног опутанный театральными традициями и предрассудками, старается читать простой обыкновенный монолог... не просто, а почему-то непременно с шипением и судорогами по всем теле... то на меня от сцены веет тою же самой рутиной, которая скучна мне была 40 лет назад, когда меня угощали классическими завываниями... И всякий раз выхожу я из театра более консервативным, чем вхожу туда».

Это личное, субъективное мнение Николая Степановича. А вот как он же видит театр с точки зрения жизни социума в целом, когда ставит перед собой задачу быть объективным: «...при настоящих условиях театр может служить только развлечением», которое «отнимает у государства тысячи молодых, здоровых и талантливых мужчин и женщин, которые, если бы не посвящали себя театру, могли бы быть хорошими врачами, хлебопашцами, учительницами, офицерами; оно отнимает у публики вечерние часы — лучшее время для умственного труда и товарищеских бесед».

Еще один важнейший компонент отношения к театру — эмоциональный. Тоска. Она же скука. К феномену скуки в мире Чехова мы ранее не раз обращались. В попытках определить смысл этого слова в общем корпусе текстов Чехова было сформулировано двенадцать вариантов значения в зависимости от контекста, общий же вывод таков: «В целом у Чехова содержание этого знака — указание на поврежденность жизни, ее ненормальность, нарушенность важных связей, искаженность самого существа ее, противоестественность происходящего». Именно так используется слово «скука» в чеховских театральных фельетонах. Вот, к примеру, рецензия «„Гамлет“ на Пушкинской сцене»: «Никто так сильно не нуждается в освежении, как наши сцены... Атмосфера свинцовая, гнетущая. Аршинная пыль, туман и скука. Ходишь в театр, честное слово, только потому, что некуда больше ходить. Смотришь на сцену, зеваешь да потихоньку бранишься».

Это совсем молодой Чехов-репортер, его живой категоричный взгляд (рецензия 1882 года). Но вот поздний рассказ, «Дама с собачкой» — прошло почти двадцать

лет! Гуров отправляется в поисках Анны Сергеевны в провинциальный театр, и восприятие героем театральной обстановки, театрального мира практически не отличается от восприятия в приведенной выше заметке. И здесь правит бал скука жизни — живому, настоящему чувству героев противопоставлена пошлость обстановки и театр как часть пошлого мира: «Театр был полон. И тут, как вообще во всех губернских театрах, был туман повыше люстры, шумно беспокоилась галерка; в первом ряду перед началом представления стояли местные франты, заложив руки назад; и тут, в губернаторской ложе, на первом месте сидела губернаторская дочь в боа, а сам губернатор скромно прятался за портьерой, и видны были только его руки; качался занавес, оркестр долго настраивался. под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок. И Гуров, у которого сильно билось сердце, думал: „О господи! И к чему эти люди, этот оркестр...“»

Обратимся теперь к положительной оценке. Если негативная линия связана с именем Л. Н. Толстого, то позитивная — условно гоголевская.

Мы имеем в виду точку зрения Н. В. Гоголя, заявленную в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности»: «Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Отделите только собственно называемый высший театр от... зрелищ... угождающих разврату вкуса или разврату сердца, и тогда посмотрите на театр».

На позитивной стороне в «Скучной истории» Катя: «...театр — это сила, соединяющая в себе все искусства, а актеры — миссионеры. Никакое искусство и никакая наука в отдельности не в состоянии действовать так сильно и так верно на человеческую душу, как сцена...» Предположим, что юная восторженная Катя не может представлять объективную точку зрения, она влюблена в искусство уже по чувствительной своей девичьей природе («Она была девушка, она была влюблена»). Как и Котик в «Ионыче» — за что обе героини и будут наказаны разочарованием. Но разве не эта великая очищающая и просветляющая сила театра создает атмосферу, в которой раскрывается душа героини в одном из самых трогательных рассказов — «После театра»?

А вот эти «качели», две позиции совмещены в одном тексте — «Лебединая песня (Калхас)». Театр здесь поистине страшен. Это яма, сожравшая жизнь героя: «...зрительная зала представлялась черной, бездонной ямой, зияющей пастью, из которой глядела холодная, суровая тьма... Обыкновенно скромная и уютная, теперь, ночью, казалась она безгранично глубокой, пустынной, как могила, и бездушной...» Рассказ «Калхас» заканчивается абсолютной безнадежностью, но... Но в драматическом этюде под тем же названием в финале звучат другие интонации: «Где искусство, где талант, там нет ни старости, ни одиночества, ни болезней, и сама смерть вполнину...»

Попытка найти разрешение этой коллизии — в выходе за пределы современности. Сегодня тлен, но есть надежда на будущее. И это будущее проступает сквозь тоскливое настоящее уже сейчас. 24 ноября 1899 года Чехов пишет Немировичу-Данченко: «Художественный театр — это лучшие страницы той книги, какая будет когда-либо написана о современном русском театре. Этот театр — твоя гордость, и это единственный театр, который я люблю, хотя ни разу еще в нем не был».

3.

Вторая наша тема — производная от первой — касается людей театра. Количество и разнообразие их в чеховских текстах впечатляет. Представлены фактически все профессии, имеющие отношение к сцене, вся театральная вселенная: актеры-профессио-

налы и актеры-любители, режиссеры и антрепренеры, суфлеры, «рецензенты, пролазы, выдающие себя за рецензентов», певцы и певицы, дирижеры, капельмейстеры и хористки, кассиры, театральные критики, бутафоры, жены, дети и любовницы актеров, мужья и любовники актрис... И конечно, драматурги-драмоделы, и даже театральный парикмахер. И конечно, достопочтенная публика, и профаны, и завзятые театралы, «любители и ценители с зализанными лысынами, попавшие в театральные завсегдатаи»...

Что касается собственно актеров — здесь практически все возможные амплуа: трагик и комик, благородный отец и первый любовник, простак и гранд-дама, резонер и инженер... Именно актеры нас интересуют прежде всего.

Начнем вновь с негативного взгляда. Слово Чехову.

В 1883 году в письме А. Н. Канаеву: «...у наших гг. актеров все есть, но не хватает одного только: воспитанности, интеллигентности, или, если позволите так выразиться, джентльменства в хорошем смысле этого слова»

В 1887 году брату Александру: «Актеры не понимают, несут вздор».

Чуть позже Лейкину: «Актеры капризны, самолюбивы, наполовину необразованны, самонадеянны; друг друга терпеть не могут, и какой-нибудь N готов душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль».

В 1888 году Суворину: «Актрисы — это коровы, воображающие себя богинями».

Вот как вспоминает об отношении Чехова к актерам И. А. Бунин: «Многим это покажется очень странным, но это так: он не любил актрис и актеров, говорил о них так:

— На семьдесят пять лет отстали в развитии от русского общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбием люди».

Немудрено заключить, как М. О. Горячева: «А актеры в массе своей представляли тот человеческий тип, который был так ненавистен ему».

Что в первую очередь вызывает отталкивание? Лицемерие и опошление всего на свете? Простодушная жестокость? Ложь, стремление к наживе, зависть... Уже ранний рассказ «Два скандала» — о самовлюбленности людей творческих, их благоговении перед искусством и парадоксально соединяющейся с ним человеческой жестокости...

Кажется, самое главное — даже не злоба и зависть, не алкоголизм и самоупоение, а дурная театральщина — по Евреинову, мертвый профессиональный театр. Мертвый потому, что подчинен шаблону. Это все тот же вопль «Умри, несчастная»:

«Трагик делал буквально чудеса. Он похищал Елену одной рукой и держал ее выше головы, когда проносил через сцену. Он кричал, шипел, стучал ногами, рвал у себя на груди кафтан. Отказываясь от поединка с Морозовым, он трясся всем телом, как в действительности никогда не трясутся, и с шумом задыхался. Театр дрожал от аплодисментов» («Трагик»).

«Почему трагик и по профессии и по натуре: сильные выражения, сопровождаемые биемием по груди кулаками, ему очень к лицу» («Средство от запоя»). А вот уже зарисовка с натуры — «Опять о Саре Бернар» (1881 год): «Каждый вздох Сары Бернар, ее слезы, ее предсмертные конвульсии, вся ее игра — есть не что иное, как безукоризненно и умно заученный урок. Урок, читатель, и больше ничего!»

Беспросветная пошлость существования оттеняется постоянным фоном театральной экзальтированности, которая холодно и беспощадно воспроизводится насмешливым автором, к экзальтации мало склонным. Вспомним, как писал о нем А. И. Куприн: «Есть люди, органически не переносящие, болезненно стыдящиеся слишком выразительных поз, жестов, мимики и слов, и этим свойством А. П. обладал в высшей степени. <...> В нем жила боязнь пафоса, сильных чувств и неразлучных с ним несколько театральных эффектов».

Комический эффект создается постоянным воспроизведением патетических формул о святом искусстве на фоне смешных и гадких подробностей актерской-антрепренерской жизни. Актеры пропивают все и вся под теми же громкими лозунгами: «Пошли в ход искусство, коллективные начала, паи, единодушие, солидарность и прочие актерские идеалы...» («После бенефиса»).

Нужно ли удивляться негативному отношению к актерам в обществе нормальных людей: «Одолжаться у такого человека, как я... у отставной актрисы...» («Скучная история», горькая исповедь Кати); «Но ведь она тово... извините, актерка была!» («Панихида», родной отец и после смерти дочери вписывает ее в поминальную записку как «блудницу»); «Чудной народ! Одно слово, артист. Будь я губернатор или какой начальник, забрал бы всех этих актеров — и в острог» («Сапоги», наивный взгляд на социальное значение самой профессии актера).

Но как же тогда объяснить позитивную оценку? А ведь позитив есть! Вспомним хотя бы трогательный портрет русского актера в рассказе «Юбилей»: «Русский актер бесконечно симпатичен, когда бывает искренен... Иногда достаточно бывает выслушать какого-нибудь захудалого, испитого комика, вспоминающего бывшее, чтобы в вашем воображении вырос один из привлекательнейших, поэтических образов, образ человека легкомысленного до могилы, взбалмошного, часто порочного, но неутомимого в своих скитаниях, выносливого, как камень, бурного, беспокойного, верующего и всегда несчастного, своею широкою натурой, беззаботностью и небудничным образом жизни напоминающего былых богатырей...»

Вспомним и обаятельнейший образ Щипцова, большого ребенка, богатырски сильного, наивного и нелепого в рассказе «Актерская гибель».

Настоящий гимн человеку, действительно преданному театру — старому, всеми презираемому суфлеру, — звучит в рассказе «Барон».

Остается констатировать, что в отношении к актерам — так же, как и к театру в целом — существуют те же «качели», двойственность, достаточно наглядно проявившаяся уже в раннем рассказе «Он и она». Это ведь сказано об одной и той же героине, сначала в жизни: «Урод и тысячу раз испорченная женщина!», затем на сцене: «Посмотрите, какая она актриса! Сколько глубокого смысла кроется в каждом ее движении! Она понимает все: и любовь, и ненависть, и человеческую душу...»

Это пушкинское:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его святая лира.
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Поневоле вспомнишь слова Толстого: «Чехов — это Пушкин в прозе...»

В заключение позволим себе маленькое рассуждение о всемирной известности Чехова. Слава его от Англии до Японии и сегодня — это все-таки в первую очередь

слава именно драматурга. Но почему же случилось так, при сложном и даже неприязненном чеховском отношении к «театру как таковому»? Может быть, подсказку найдем в замечательной фразе чеховского вечного оппонента, создателя и бессменного редактора журнала «Театр и искусство», крупнейшего театрального критика 1900-х годов А. Р. Кугеля: «Из всех человеческих игрушек театр в своем целом, в своем механизме, в интимной стороне своего существования, есть самая соблазнительная, самая дорогая и, конечно, самая жестокая игрушка».

Да, работа для театра — это такая головная боль! «...Нужно много нервной энергии и устойчивости, чтобы нести бремя русского драмописца». Чехов сравнивает работу над прозой и драмой: «...не перестаю писать рассказы — и в этой области чувствую себя дома, а когда пишу пьесу, то испытываю беспокойство, будто кто толкает меня в шею» — так пишет он А. С. Суворину в декабре 1895 года, будучи уже ведущим русским драматургом...

Но театр завораживает и влечет к себе, это «игрушка», от которой, раз к ней прикоснувшись, невозможно отказаться.

И еще, в качестве вишенки на торте. Любой пытающийся размышлять об устройстве чеховского мира иногда вспоминает общеизвестную антитезу литературы и медицины как законной и незаконной спутницы — любовницы и жены. Но не все помнят интересный вариант этого противопоставления, почти буквально знаменитую формулу повторяющий: «Беллетристика — покойное и святое дело. Повествовательная форма — это законная жена, а драматическая — эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница».

РЕЦЕНЗИИ

**СОМНИТЕЛЬНЫЕ МАГИ:
РАЗМЫШЛЕНИЕ ИСКУССТВОВЕДА**

Вольфрам Айленбергер. Время магов. Великое десятилетие философии — 1919–1929. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2022. — 400 с., ил.

Книга вышла несколько лет назад, но попала в руки только сейчас. Причем она так необычна, что захотелось о ней написать. Необычна уже обложка — на нас глядят из темноты четыре пары глаз: в раздумье опущенные под очками глаза Бенямина, почти безумные Витгенштейна, неожиданно тревожные у спокойного и уравновешенного профессора Кассирера и ускользающие у Хайдеггера — «лиса», как определил его автор. Обложка — весомая заявка на глубину и художественность рассказа. И обращена книга, как мне кажется, не к философам, а к широкому кругу гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Но перейду к ее сути.

А суть парадоксальна. Книга современного немецкого философа и историка философии Вольфрама Айленбергера представляется мне сознательно или бессознательно провокативной. При ее прочтении невольно задумываешься: о магах ли идет речь? Может, неверно найдено название? Или это такая хитрая авторская уловка? Название триумфально и неколебимо — перед нами маги от философии, причем даже время их творческих свершений становится «великим». А ведь философия не физика и не химия, это некое обобщенное знание и интеллектуальный опыт человечества. Иными словами, речь о мудрейших людях своего времени. К тому же они названы «магами», а это даже нечто большее, чем мудрость. И тут меня берут сомнения...

Маги в русском языке — это волшебники, волхвы. Они (вспомним Пушкина) владеют даром предвидения, «не боятся могучих владык», и небеса им покровительствуют. Они вступают в активное взаимодействие с миром, как-то его преображая. Что же мы видим в той по-своему замечательной книге, правда, порой со смысловыми «темнотами», идущими не то от философов, не то от автора, не то от переводчика?

Автор избирает для анализа четырех первостепенных немецко-австрийских философов, определивших важнейшие пути современной философии: неокантианства (Эрнст Кассирер), экзистенциализма (Вальтер Бенямин, Мартин Хайдеггер), философии языка, логики и математики (Людвиг Витгенштейн). При этом трое из четырех — евреи, что надо особенно отметить, так как впереди, причем совсем близко от заветного десятилетия — годы истребления евреев по всей Европе. Автор, виртуозно применяя романную технику, рассказывает о каждом из персонажей не по отдельности, а монтаж-

но включая «кусочки»-главки о каждом из героев в единую хронику их десятилетнего сосуществования «на пике» творческих достижений. Важно, что эти достижения органично включаются в их человеческую жизнь. Айленбергер отслеживает случайные и неслучайные совпадения их философских концепций, их реальные и мысленные споры о человеке. Кассирер и Хайдеггер вступают в полемику на Давосском философском конгрессе 1929 года, где темой стало «Что есть человек?», Беньямин и Хайдеггер оказываются принципиальными антагонистами, по-разному глядящими на человеческое существование...

Академического толка университетский профессор Кассирер занят философией символических форм, иначе разнообразными «языками» человечества: от искусства и науки до танца и цветов, с помощью которых человечество «терапевтически» приспособливает под себя окружающий мир, создавая собственную культуру. Современность, где в этом смысле не все гладко и технические аспекты явно опередили гуманитарные, философ противопоставляет гармоничной культуре Возрождения.

Некий «бог» для кембриджской философской элиты, в частности для круга Бертрана Рассела — Витгенштейн, — создает на фронте Первой мировой «Логико-философский трактат» (1921), который должен снять все философские вопросы (в пределе «закрыть» философию), но пока что его не в силах понять даже ближайшее окружение (тот же Рассел). В трактате речь о человеческом языке, который дает искаженную картину реальности, так как это взгляд не с «божественных», а с человеческих позиций.

Молодой марбургский преподаватель Хайдеггер на лекциях и в книге «Бытие и время» (1927) пугает и завораживает студентов темой радикального одиночества человека в мире, потерей им подлинного существования и, как следствие, его бытия — к смерти. Необходимо прорваться к подлинности, прыгнуть в бездну.

И лишь Беньямин, который тщетно пытается стать в Германии университетским преподавателем философии (как некогда гениальный Генрих Гейне), не создает какой-то «одной» философской системы, пописывает статейки, которые не печатают, но потом повлиявшие на всю мировую культуру (и даже на искусствоведение, положим, в знаменитом эссе об ауре «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости», 1936).

Все прекрасно и замечательно, кроме... кроме ближайшего европейского будущего и собственной судьбы наших героев, о которой они, по автору — маги, то есть провидцы и волшебники, словно бы и не догадываются. И напоминают слепцов из картины Брейгеля Старшего «Слепые» (1568), вереницей бредущих к смертельной яме. Но прямо перед этой ямой автор останавливает свой рассказ. Десятилетие славных открытий закончилось. Постойте, и магизм тоже закончился? Но почему? И что впереди? Все же в авторском «Заключении» мы об этом узнаем, хотя можно узнать и из других источников. Люди-то знаменитые.

Людвиг Витгенштейн вынужден будет покинуть родную Вену, где построил дом для сестры непонятного стиля, который так и хочется назвать «Холодным», в духе «Холодного дома» англичанина Диккенса. В британский Кембридж наш философ и переберется после позорного аншлюса. А до этого в Вене увлечется фотографией и сделает фантастический «обобщенный» снимок своего семейства. Мне он представляется «портретом» ашкеназских евреев перед истреблением.

Семейство Кассиреров, где глава сделал блестящую академическую карьеру и, став ректором Гамбургского университета (1929), может ощутить себя «передовой фигурой немецко-еврейского патриотизма» (как не без злой иронии пишет автор), после прихода к власти Гитлера вынуждено спешно бежать, минуя Швейцарию, в США. Причем при себе у Эрнста и Тони яд на случай, если их задержат нацисты.

Самая горестная судьба у Беньямина, покончившего с собой в 1940 году в отеле на границе Испании и Португалии, где немецким беженцам было объявлено, что их депортируют назад в Германию.

И только у немца Хайдеггера в житейском плане все отлично. Хотя как сказать. Жена ему изменила, родила ребенка от другого, впрочем, для него это житейские мелочи. Хуже, что пришлось пожертвовать любовью к юной студентке Ханне Арендт ради своей философии «радикального одиночества». Ну и для упрочения карьеры, которая при Гитлере сложилась превосходно. Он — член нацистской партии, в 1933 году в одной из первых лекций в роли ректора Фрайбургского университета призывает студентов равняться на фюрера.

В сущности, он станет одним из тех «безличностей», которых так клеймил в своей философии. Айленбергер бесстрастно констатирует в «Заключении» противоречие между его «тотальным метафизическим «обездомливанием» и «полным обуржуазиванием собственной жизни». Ханна Аренд впоследствии, стараясь защитить бывшего возлюбленного, писала, что у него был не то что плохой характер, его просто не было. Думаю, что она лукавила. Чтобы сделать такую карьеру, нужен был железный характер. Причем все силы были направлены именно на карьеру и профессию. Но ведь этот философ в итоге проиграл — проиграл любовь, проиграл доверие к своей философии. И тоже явно не маг, особенно если вспомнить послевоенные политические разборки. В чем же дело? Почему наши «маги» на магов не тянут?

Не знаю, к этому ли вел хитроумный автор, но дело, как мне кажется, в страшном отдалении философии героев книги от реальной жизни, в обобщенно теоретических и чисто интеллектуальных построениях их концепций. Причем в такую грозную пору, когда, положим, их современник и соотечественник Карл Ясперс обратился к традициям философии гуманизма, а во время фашистской диктатуры вместе с женой-еврейкой каждый день ждал ареста, наши философы в избранное автором десятилетие обитают каждый в своем «особом» мире, не воспринимая зовов и отчаянных криков современности. Пожалуй, только неудачливый Беньямин исходит из реальности, когда даже его не слишком счастливая любовь к латышской коммунистке Асе Лацис «перевернула» его мировоззрение, заставив вспомнить библейскую «Песнь Песней». В 1926 году он едет за ней в «коммунистическую» Россию, оставив об этой поездке поразительный «Московский дневник», запечатлевший интереснейшие подробности тогдашней московской жизни, в частности ее безумный ритм. Сами жители его уже так остро не ощущали. «Московский дневник» Беньямина — произведение высокого художественного накала, пронизанное печалью расставания с возлюбленной, удивлением перед возникающим новым миром, где уже наметился «культ» вождя, но видны и ростки чего-то нового. Возможны, как он писал в одном из писем, как осуществление, так и крушение революции. Как мне представляется, Беньямин проявил в этом дневнике талант художника и почти «магическую» философскую проницательность.

Кабинетного ученого Кассирера даже крики соседа, что им пора перебираться в Палестину, не заставили оглянуться вокруг и задуматься о будущем культуры, которая низвергалась в пропасть.

Витгенштейн делал попытки как-то адаптироваться к реальности, он воевал добровольцем, попал в плен, под влиянием философии Толстого поехал в глухую австрийскую провинцию преподавать младшеклассникам в народной школе. Кончилось все скандально. Он дал затрещину нерадивому ученику, от которой тот потерял сознание. После инцидента он подал в отставку. Но эти его попытки не отразились на его

философии. Впрочем, есть мнение, что призыв молчать в его трактате, когда о чем-то невозможно говорить, носит этический характер и призывает не лгать. Но ведь возможны и иные толкования.

А у Хайдеггера реальная жизнь, как уже было сказано, абсолютно его философии противоречила.

Тут мне вспомнилась замечательная «Переписка из двух углов» (1920), имевшая место в то же десятилетие, но только в послереволюционной России. Переписывались поэт и философ Вячеслав Иванов и философ и литературовед Михаил Гершензон,правляющие нервы в одной комнате московского санатория для работников науки и литературы. Пишут друг другу, находясь рядом, только в разных «углах» комнаты. Иванов выступает защитником мировой культуры, а Гершензон, как называл это Зигмунд Фрейд, испытывает «неудовлетворенность» культурой, ощущает «изнеможение» от накопленных знаний: «Это знание не я добыл в живом опыте. Оно общее и чужое... В любви и страдании мне их не надо».

Живой опыт, любовь и страдание — очень важные слова. Они обращают философию к иной жизни, к человеческому сердцу. Мне кажется, что в философии наших «магов» этого критически недостает. Да и нужно ли это там, где все строится на логике, разуме, мышлении или на обдуманной, закрытой для живой изменчивой жизни мыслительной конструкции?

Некогда немецкие романтики отдавали предпочтение искусству перед философией. Как говорится, в этом что-то есть. Во всяком случае, мне такой подход близок. Искусство всегда прозорливее и магичнее философии. И в то же самое время, когда наши «маги» не видели неподалеку ямы, куда провалится европейская культура, была напечатана пророческая книга Франца Кафки «Процесс» (1925), тогда же, между прочим, когда вышла «Моя борьба» Адольфа Гитлера. Вот Кафка и оказался пророком и магом, увидел ужасную болезнь и предсказал «смертельный» исход для гуманистической культуры Европы.

Кто-то скажет: что, мол, вы пристали к слову? Пусть они не маги, а просто знаменитые философы. Автор подобрал слишком «сильное» определение и несколько преувеличил значение их личностей...

А как все же хочется, чтобы философы действительно были магами и умели совладать со злыми обстоятельствами и злыми волшебниками своей эпохи! Может, мы жили бы тогда в гораздо более гуманном мире!

Вера ЧАЙКОВСКАЯ

КАРАМЕЛЬКА С ТАБАЧНЫМИ КРОШКАМИ

Елена Холмогорова. Недрогнувшей рукой: Рассказы. М.: Редакция Елены Шубиной; АСТ, 2025

Новая книга прозаика, редактора, преподавателя литературного мастерства Елены Холмогоровой представляет собой череду рассказов, выстраивающихся в автороман. Здесь прежде всего главенствует детство как точка отсчета, чьи заданные судьбой координаты поражают: папа — переводчик с восточных языков Сергей Северцев, тетя — известная детская писательница Софья Прокофьева, и папа, и тетя — дети художника Л. Фейнберга, чьей женой была поэт, переводчица с японского Вера Маркова, кото-

рая и записала самый первый текст внучки, это была без малого целая поэма — «Полтавский бой». Стоит добавить, что братом деда был пианист Самуил Фейнберг. Невзвешенная плотность воздуха, заряженного искусством, поиском своего языка как музыкального, так и литературного, быт шестидесятых, навсегда сохранивший отзвук минувшей войны, вдруг наполнялся поэзией, взгляд ребенка фиксируется на удивительных вещах, ценность и боль которых распакуются лишь спустя годы.

А потом я заболела. Простудилась. <...> На следующий день лежала в чуланчике и принимала визитеров. С другого конца деревни приковылял, опираясь на палку, одноногий с войны дед Бокай. В руке у него была зажата карамелька. К ней прилипли табачные крошки. Вот это помню, как вчера. Дороже подарка в жизни моей, наверное, не было.

«Недрогнувшей рукой» — книга без начала и конца: воспоминания, приметы прошлого, рельефные портреты творческой интеллигенции выглядят в ней сегодняшними, написанными будто с натуры, а недавнее, как ковид и изоляция пандемии — делом какой-то прошлой жизни. Такая своеобразная абберация памяти, ведь все на самом деле едино, непрерывно — в прошлом зреет будущее, преломляющее, в свою очередь, минувшее, скрепленное заостренной, как карандаш, памятью и благодарностью. Этой благодарностью наполнены страницы о родителях и учителях, о знаковых встречах со вдовой А. Сахарова Еленой Боннер, вдовой Н. Бухарина Анной Лариной. Будучи совсем молодым редактором, Елена Холмогорова с отчаянной смелостью и внутренней правдой входила не только в дома, но, главное, в души не самых простых по характеру людей (а когда было иначе), ставших еще при жизни частью мировой истории, помогала им создавать те самые миры, в которые теперь можем проникнуть мы, читатели, обратившись к мемуарным книгам Е. Боннер и А. Лариной. Работа редактора не сводилась лишь к процессу подготовки текста к печати, а расширялась до гуманистических обобщений, в которых главным было и есть вера в торжество справедливости и здравого смысла, пусть и поздно, но они все же торжествуют.

И тут выяснилось, что только что по радио передали новость о восстановлении в партии Бухарина... <...> Я была настолько включена в прошлое Анны Михайловны¹, что значительность события и момента казались мне тогда чуть ли не эпическими. Почти ночное мое явление на пороге маленькой застекленной терраски, с букетом ромашек было эффектным. Я и правду увидела первую реакцию. И главное, что я увидела — гордо поднятую голову: справедливость восторжествовала.

Между строк мемуарной книги угадываются огромные сложности, встававшие во весь рост на пути: сомнение, недовольство собой, но автор концентрируется отнюдь не на этом, а на еще одной возможности сказать всем повлиявшим на ее судьбу людям спасибо, сравнивая устройство жизни с японской философией киндуги — определенным подходом к реставрации керамики с помощью лака, смешанного с золотым порошком.

Все складки, трещины, изъяны не только не прячутся, не замаскировываются, а наоборот — подчеркиваются, выделяются золотом. Суть в том, что эти изъяны неотделимы от общей истории предмета, шрамы и заплатки на его теле — свидетель-

¹ Вдова Н. Бухарина.

ство напряженности какого-то момента, когда он не устоял, дрогнул, но возродился в новом качестве.

Это книга открытий, неуспокоенности, ощущения, что жизнь в той фазе, в которой протекает сейчас, представляет собой лишь разработку, в которой столько всего впереди — путешествия, книги, педагогические прозрения и что-то еще-еще небывалое. Елена Холмогорова имеет многолетний преподавательский стаж, начиная с преподавания истории в школе, позднее в высших учебных заведениях, продолжая по сей день делиться своим опытом литературного и редакторского мастерства², в том числе на знаменитых курсах «CWS», ставших для многих авторов возможностью обрести свой голос. Находясь в среде единомышленников, где педагоги и ученики в одной связке обогащают друг друга, преодолевая временами той самой недрогнувшей рукой боязнь чистого листа.

Денис СОРОКОТЯГИН

² Елена Холмогорова — ответственный секретарь, заведомо прозы журнала «Знамя».

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Часть 2

БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА. ИБИЦА (ИВИСА)

Проведя несколько незабываемых дней на Мальорке, паломники «вкораблились» в ладьи и взяли курс на другой остров из Балеарской группы — Ивису, расположенный к юго-западу от Пальмы. (Точнее говоря, о. Мальорка и о. Менорка составляют восточную группу — собственно Балеары, а о. Ивиса и о. Форментера — западную, Питиузскую группу.)

Морской переход был на редкость тихим и мирным; мы старались привлекать к себе как можно меньше внимания. Ведь в этих водах шутить не любят, а к чему это однажды привело, все знают из учебников по новейшей истории. В конце мая 1937 года два испанских республиканских самолета, пролетавшие мимо о. Ивиса, были встречены огнем с немецких кораблей, почему-то оказавшихся в этих водах. Опытные летчики (об их именах умолчим) вынуждены были «потерять» несколько бомб, которые «случайно» попали в немецкий линкор¹. (В то время война велась как в детской игре: «да» и «нет» не говорите, белое и черное не называйте.)

Этот инцидент повлек за собой открытое вмешательство Германии и Италии в гражданскую войну против Испанской республики. После этого итальянские подводные лодки топили корабли, следовавшие в республиканские порты. В числе прочих были потоплены советские суда «Тимирязев» и «Благоев»; подверглись нападению корабли Англии и Франции².

Но вскоре пиратство, впрочем, прекратилось. С 10 по 14 сентября того же 1937 года в Нионе (Швейцария) проходила конференция по борьбе с пиратством в Средиземном море. В ней приняли участие СССР, Франция, Англия, Турция и другие страны. Конкретные решения конференции привели к прекращению морского разбоя³.

Решения этой конференции никто не отменял, и, наверное, поэтому наши ладьи благополучно прибыли в гавань Ивисы — столицы острова. Прямо над набережной,

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Испания 1918—1972 гг.: Исторический очерк. М., 1975. С. 236.

² Там же.

³ Гарсия Х. Испания XX века. М., 1967. С. 252—253.

у которой пришвартовались паломнические суда, возвышалась скала с венчающей ее крепостью. Это целый средневековый городок — тут и кафедральный собор, и солдатские казармы, и жилые дома. Но прежде чем отправиться в собор, нам нужно было уладить вопрос со стоянкой в гавани. Когда владельцы причала сообщили нам размер суточной платы за каждую ладью (с учетом каждого метра длины и ширины), мы поняли, что нас принимают за богатых американцев. Напрасны были наши просьбы о скидке, и было решено просить помощи у местных церковных властей. Викарный епископ встретил нас приветливо, расспросил о наших намерениях, но ничем помочь не смог: на Ивисе разделение сфер влияния, и Церковь не может вмешиваться в мирские дела.

На острове, с его сложной историей, христианство реально смогло утвердиться лишь в XVIII веке, тогда же были сооружены и первые храмы. Впрочем, священнослужителям с очень большим трудом удалось наставить на путь истинный островитян, среди которых сильными оставались их старинные, тайные верования. Так, выйдя после службы из церкви, они, к великому удивлению священнослужителей, плясали вокруг колодцев. Их называли язычниками. Правда, слово это было синонимом понятий «крестьяне», «деревенщина».

Не помог нам и поиск благотворительных центров, которые смогли бы растопить сердце «причаловладельца». Когда-то, в начале 1930-х годов, на острове существовал небольшой кружок молодежи, симпатизировавшей нашей, «отдельно взятой (за горло) стране» Его члены стремились глубоко и разносторонне познать Россию⁴. Но владелец причала, похоже, членом этого кружка не был, и появление бедных пилигримов из загадочной страны, находившейся в периоде полураспада, не взволновало его до слез. А ведь где-то на острове были жители, которые могли бы нам посочувствовать. Быть может, живут здесь еще потомки русской женщины, оказавшейся на Ивисе в начале XX века...

Ю. Я. Соловьев, советник русского посольства в Испании в 1911—1918 годах, вспоминал о таком случае. Когда в феврале 1910 года умер посол России в Мадриде барон Будберг, его похоронили в Мадриде на кладбище, предназначенном для иностранцев. Это было не рядовое событие, и об этом писали в испанских газетах. И вскоре Ю. Я. Соловьев получил письмо, написанное по-русски, но подписанное испанским именем, от одной русской женщины, жившей на Ивисе. Оказалось, что это была дочь писателя Данилевского, вышедшая замуж за испанского офицера, служившего на острове Ивиса. В письмо было вложено 5 песет. Она просила купить на эти деньги фиалок и положить на гроб русского посла. В своем письме она рассказала о своей жизни на чужбине и о том, как она каждую неделю носит цветы на могилу двух русских матросов, похороненных на Ивисе⁵.

Но вообще-то, Ивисе не повезло с Россией. Еще в 1777 году, при государыне императрице Екатерине II, испанцы пытались наладить торговлю солью из Ивисы с русскими городами на Балтике, и в первую очередь с Санкт-Петербургом. По этому поводу даже была переписка, но попытки закончились неудачей, о чем сообщал из Барселоны представитель торгового дома Франциско де Миланс и К^о первому госсекретарю Испании Хосе Моньино: «Мы направили письмо нашему торговому дому, — пишет он, — и получили ответ, что на ввоз соли действует запрет и что ввоз возможен не иначе, как через Ревель»⁶.

⁴ Кулешова В. В. Испания и СССР: Культурные связи 1917—1939 гг. М., 1975. С. 128.

⁵ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. М., 1959, изд. 2-е. С. 280.

⁶ Письмо из Барселоны (19) 30 августа 1777 г. // Россия и Испания. Т. 1. М., 1991. С. 264—265.

А через 200 с лишним лет последовал ответный удар: русские богомольцы должны были уйти от причала и встать в гавани «не иначе как» на якорь. Правда, на следующий день в местной газете написали о том, что в гавани «русских викингов» встретили неприветливо, и они, обидевшись, ушли на рейд. Власть прессы на острове велика, и вскоре сконфуженный хозяин приехал на ладьи бить челом и просить прощения. Но гордые викинги были неумолимы. За это время мы приспособились добираться до берега на шлюпке, а некоторые — и просто вплавь. Кто-то безмятежно проводил время на пляже, а кто-то — скитаясь по острову в поисках новых открытий и впечатлений, — ведь история Ивисы насчитывает не одно тысячелетие.

Долго бытовало мнение, что история острова начинается с 654 года до н. э., когда карфагеняне zaloжили город Эбуса⁷. Эту дату упрямо повторяют многочисленные, в том числе достаточно серьезные издания. А между тем недавние исследования позволили обнаружить на острове исторические мегалиты.

Действительно, с середины VII века до н. э. Ивиса (или по-каталански — Эйвиса) становится одним из центров морской торговли. Постепенно Ивиса богатели: за 300 лет до н. э. на ее берегах встречались греки, финикийцы, карфагеняне, иберийцы и римляне. На первом этапе финикийской колонизации остров служил промежуточным портом между Сардинией и Испанией. Римляне, в свою очередь, обеспечили ему постоянное процветание, но не преминули при этом уничтожить ритуалы прежней религии жителей Ивисы.

А в местном археологическом музее можно узнать многое о древних религиозных культах островитян. Начнем с того, что Ивиса (Эйвиса) означает «остров Виса». Уже в 1858 году нумизмат А. Джудас, а позднее, в 1911 году, египтолог Петри открыли смысл надписи на монетах, имевших когда-то хождение на острове: «Ивсм». «И» означает остров, а «всм» — «Виса». Предпринятые в течение последних лет нумизматические исследования подтвердили это открытие. Практически на всех карфагенских и пунических монетах имеется изображение какого-то бога, которое встречается также в Египте.

Африканский он или египетский этот бог? Здесь мнения археологов расходятся. Египтолог Гастон Масперо придерживался мнения, что бог Вис был привезен на землю Асуана после завоеваний фараонов в Черной Африке. Маленький, с насмешливой улыбкой, Вис победно держит в руке змею.

Долго среди ученых царил неясность. Пришедшего из Египта Виса принимали за финикийского бога Эксмунa, бога планет и ума, которого, в свою очередь, греческие и латинские авторы ошибочно идентифицировали с Эскулапом, богом врачевания: символ змеи спутал толкователей мифов.

Но Вис древнее даже Моисея. Он был богом египетского Нового царства и изображался на фресках эпохи царицы Хатшепсут, которая царствовала в Египте за 15 веков до Рождества Христова. Следы Виса можно встретить в Кадисе, Гранаде и даже на Корсике, где одна деревня носит название Эвиса. Но особую любовь к нему сохраняли на острове Ивиса.

Многие тысячи древних погребений, находящихся в подземельях некрополя Пуиг де Молинс, превращают старый город Эйвиса в один из крупнейших памятников Средиземноморья. Но еще не все камни раскрыли свою историю. Возле некрополя находится святилище Илла Плана, недавние находки в котором подтверждают, что за пять столетий до н. э. Ивиса пережила одну из самых таинственных и, по мнению некоторых, самых мрачных страниц своей истории, если верить установившимся представлениям о карфагенских ритуалах.

⁷ Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Т. 1. М., 1951. С. 18.

В 1907 году в гроте Эскуерам было найдено изваяние богини Танит, в течение многих веков «незримо властвовавшей» на Ивисе. Оно представляет собой бюст женщины с крыльями, сложенными на груди. Вокруг символические знаки — цветок лотоса, лунный серп, солнечный диск, — широко представленные в карфагенском пантеоне. Танит завораживала своих почитателей: смотреть на нее запрещалось, мимоletный взгляд, брошенный на нее, означал смерть.

Иногда ставилось под сомнение существование некоторых карфагенских религиозных традиций: в частности, принесение в жертву богу Ваалу и богине Танит детей и стариков. Однако многочисленные извлеченные из земли погребальные сосуды содержали обожженные детские кости, порой вперемешку с костями животных, что исключает возможность погребения урн без заклания жертв. О принесении в жертву людей упоминается во многих свидетельствах древних, например, в одном из текстов Диодора Сицилийского. Подобно Карфагену знал этот ритуал и остров Ивиса.

Но гораздо больше жертв было на Ивисе, когда многочисленные завоеватели покоряли остров: в V веке н. э. вандалы, потом византийцы и, наконец, еще три века спустя — мавры, победившие вестготов. Мусульмане овладели островом Йевузах (арабизированное название острова) и отдали его во власть Кордовского халифата. Оккупация длилась пять веков; в повседневной жизни островитян и сегодня можно найти глубокий след, оставленный арабской цивилизацией: от устройства жилищ до искусства вышивки.

Но в 1235 году Иаков I Арагонский вырвал Йевузах из рук арабов. Выступив из Барселоны в сентябре 1229 года с 15 тысячами пехотинцев и полутора тысячами конников, он высадился на Мальорке. С этого момента история Ивисы, входившей тогда в королевство Мальорки, сливается с историей Испании⁸.

Ныне на острове ничто не напоминает о былом мусульманском господстве. Два самых больших после Ивисы городка на острове носят имя св. Антония и св. Евлалии. В этих городках, как и в предместье Ивисы, бережно сохраняются небольшие старинные церкви, воздвигнутые в XVI веке. Весь остров утопает в зелени хвойных деревьев — это и сосны, и пинии. Усталый путник может спокойно прилечь в тени их ветвей: ему не надо опасаться коварных рептилий.

Удивительное дело — ни змеи, ни скорпионы на острове Ивиса не выживают. Некоторые скептики решили это проверить и попытались завезти рептилий на остров. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что, немного поползав по красной земле острова, змеи очень скоро погибали. Сохранились предания о том, что финикийцы, почитатели бога Виса, возвращаясь в свои пенаты, всегда увозили с собой землю с Ивисы, чтобы рассыпать ее вокруг своих жилищ и таким образом отвратить от них ядовитых тварей.

ОСТРОВ ФОРМЕНТЕРА

Ивиса входит в группу Балеарских островов, но есть еще и «подгруппа», которая включает в себя ту же Ивису и, кроме того, небольшой остров Форментера и несколько крошечных необитаемых островков. Все это носит название Питиузские острова, что побуждало наших паломников невольно вспоминать о родине: ведь еще в X веке князь Владимир так отвечал мусульманским послам: «На Руси веселие пити, без того не можем жити». Так вот, к одному из Питиузских островов — Форментере — и устремились на всех парусах «русские викинги».

⁸ Ивиса открывает тайны Средиземноморья // За рубежом. 1990. № 45. С. 23.

Прибытие паломников в главную и единственную гавань острова внесло большое оживление в размеренную жизнь местных жителей. Ведь кроме регулярных рейсов парома, соединяющего Форментеру с Ивисой, здесь другой связи с внешним миром нет. Поэтому неудивительно, что вскоре к нам на борт пожаловал мэр острова, который весьма обнадежил морских скитальцев. Поскольку на острове еще было далеко до разгара летнего сезона, а на дворе (то есть в гавани) стояла середина мая, то ладьям было разрешено стоять в гавани целую неделю, а то и больше.

Более того, в один из вечеров мэр пригласил всех паломников на прием, правда неофициальный, и дружеское застолье порой прерывалось появлением местных и заморских хиппи, которые издавна облюбовали этот островок. Но в тесноте — не в обиде, — ведь острова-то здесь «пити — узкие».

Как-то неожиданно паломников взяла под свое покровительство весьма энергичная дама, вот уже больше 10 лет живущая на Форментере. Представившись как Урсула из Западной Германии (1992), она под большим секретом сообщила нам, что, вообще-то, ее зовут Надя и что немцы угнали ее на чужбину из Харькова во время Великой Отечественной войны. Выйдя замуж за немца в начале 1950-х годов, она онемечилась и в разговоре с нами с трудом подбирала русские слова. Ее русско-немецкий язык был довольно своеобразным. Так, подвозя нас на старенькой машине к дому своих приятелей, она перепутала дорогу-тропу и была вынуждена долго колесить в поисках нужного поворота. С долей самокритики Надежда-Урсула сказала при этом: «Кляйне ошипка в голове делает большой арбайт ногам» (Мне пришлось переводить: «Дурная голова ногам покоя не дает».)

А надо сказать, что друзья у нее были влиятельные. В этом мы убедились, когда ее шарабан остановился перед воротами небольшого замка, выстроенного недавно, но в средневековой манере. Хозяин замка — немецкий миллионер — живет здесь почти постоянно. У него в Германии большое предприятие — фирма по производству галантереи. Дела идут хорошо, и он, потеряв счет деньгам, утратил и смысл жизни. Как сказали наши бывалые мореходы, он сбился с курса и «сел на стакан».

Несколько раз пыталась Надежда познакомить нас с ним, но трудно было угадать тот момент, когда он будет в форме. Привратник, охранявший замок, сообщил нам, что хозяин либо «уже заснул», либо «еще не просыпался». Но справедливости ради нужно сказать, что, когда все-таки встреча состоялась, его отношение к гостям было самое радушное. Правда, щедро ублажая странников в местном ресторанчике, «либер герр» смутно представлял себе, кто мы такие и как он здесь очутился...

Но отнюдь не это было главным во время нашего пребывания на Форментере. Островок невелик, и его за день можно объехать на велосипеде либо на мопеде. Эти транспортные средства можно взять напрокат в местных туристических конторах. Итак, отправившись из нашей гавани — Пуэрто-де-ля-Сабина, возьмем курс на юг, чтобы добраться до главного города, а точнее, городка острова. Этот «райцентр» носит имя св. Франциска Ксаверия (XIII век), знаменитого миссионера, насаждавшего христианство в Индии и Японии.

Городок обрastaет новыми постройками, но все же на городской площади все сохраняется по-старому. Здесь похожая на крепость церковь св. Франциска, построенная в 1726 году на место более старой часовни, здесь и украшенные балкончиками с цветами двухэтажные домики. Нам повезло: в храме заканчивалась месса, после чего на площади началось народное гулянье.

Необычны здешние народные танцы: девушки в старинных костюмах словно плывут по воздуху, мелко-мелко перебирая ногами, а юноши прыгают перед ними в бое-

вом задоре, вскидывая ступни на уровень их лиц. Оркестр пиликает каталонскую мелодию в местной аранжировке, и вот один из стареньких музыкантов, оставив скрипку, отважно бросается в пляс и, соревнуясь с танцорами, вскидывает ноги выше головы. Но потряхнуть стариной ему удастся недолго, и через минуту он, не выдержав темпа, сходит с круга и снова тянется к смычку.

А мы продолжаем путешествие по острову. Из «Сан-Франциско» можно направиться дальше на юг, чтобы через несколько километров очутиться на краю обрыва, у маяка на мысе Св. Варвары, где рядом высятся стены старинной крепости. А можно податься на юго-восток, избрав более длинный путь, — через перешеек, вдоль которого проложена дорога, ведущая в городок Эль-Пилар.

Городок назван так в честь местной небольшой церковки с белой колоколенкой наверху. В храме хранится копия чудотворной иконы Божией Матери «дель Пилар». С этой иконой, явившейся в материковой Испании, в Сарагосе, связано много благочестивых преданий, и храмы в ее честь можно встретить во многих уголках страны. Здесь же, при храме, и дом местного священника. Он — единственный падре на Форментере, и его сил вполне хватает, чтобы попеременно совершать богослужения в трех имеющихся на острове церквях.

Если проехать еще два километра по дороге, ведущей к восточной оконечности острова, можно с высокого обрыва полюбоваться на идущие по морю теплоходы, а также осмотреть скромный монумент, воздвигнутый недалеко от маяка в честь Жюль Верна. Надпись на стеле сообщает о том, что именно отсюда отправились герои писателя — «Из пушки на Луну».

Однако пора возвращаться в родную гавань. Не доезжая до Сан-Франциско, берем вправо и через городки Сан-Фернандо и Эс-Пужольс проследуем вдоль лагуны, где раньше добывали соль. Это сложное гидротехническое сооружение, позволявшее поддерживать разный уровень воды в отдельных частях лагуны, разделенных невысокими насыпями. Морская вода, поступавшая по шлюзу в это озеро, интенсивно испарялась под жарким солнцем, а соль, выпадавшую в осадок, местные жители собирали лопатами. (Не эту ли соль собирались продавать в Петербурге предприимчивые жители соседней Ивисы?) Сегодня это привлекает лишь туристов, которые осматривают лагуну по пути к древним мегалитам, подобным тем, что отысканы на Ивисе.

Неделя, проведенная на Форментере, пролетела как один день. В вихре событий, сменявших друг друга, было и такое: жители острова бурно отмечали победу барселонской футбольной команды над итальянской. Всю ночь звучали автомобильные клаксоны, взрывались петарды, шипели ракеты, били барабаны. Не могли остаться в стороне и наши пилигримы. Радист Федя, хорошо «болтавший по-ихнему», быстро подружился с испанцами (простите, каталонцами) и активно включился в празднество. Уже потом, когда в утреннем тумане скрылся берег маленькой Форментеры, кто-то вспомнил, как ночью свалившегося за борт Федю вынимали из воды. А он, дрожащей рукой отбивая морзянку и не снимая с головы наушников с раскалывающейся головы, тихо пел: «Не сыпь мне соль на раны...»

ТАРРАГОНА

Великий короля гишпанского город в Каталонии, на каменной горе, у Средиземного моря, с немалым замком, в котором соборная церковь⁹.

Рудольф Рот, 1741.

Прощание с Барселоной затянулось. Экипажи судов были давно на борту, капитаны давно уже проложили курс к Таррагоне — городу, лежащему на средиземноморском побережье. Но мы не могли дожидаться двух наших паломников, пропавших с самого утра. Кто-то видел их в компании барселонских аборигенов, кто-то слышал, что их обещали привезти на машине. (Наши люди легко осваиваются в незнакомой обстановке и быстро внедряются в любые структуры.) В конце концов было решено отдать швартовы, а незадачливым пилигримам оставить весточку о маршруте. С почтовыми голубями у нас было плохо, поэтому послание обломком кирпича написали прямо на асфальте у причала: «Ребята! Мы ушли в Таррагону!» Такого здесь, наверное, не было со времен Колумба...

Выйдя из гавани, ладьи взяли вправо и легли на курс вдоль побережья. Перед нами развернулась та же панорама, что и в позапрошлом столетии представляла перед взором российских путешественников. «Окрестности Барселоны живописны: огромная цепь больших и малых гор тянется вдоль приморского берега, и все эти высоты оживлены роскошными по внешности замками и башнями»¹⁰, — так писал А. А. Ефрон в 1888 году.

На рейде нашу эскадру приветствовали огромные сухогрузы, контейнеровозы, ролкеры, балкеры, в том числе и под испанским флагом. А когда-то, после поражения испанцев у мыса Св. Винцента (1797), испанский флот практически исчез с моря, поскольку англичане вытеснили его. «Гавани опустели, купеческие суда едва осмеливались проплыть из Берцелоны в Таррагону, или из Кадиса в Малагу, перестали даже ловить рыбу в океане»¹¹, — писал в 1872 году русский испанист А. Трачевский.

Что касается нашей парусной флотилии, то мы еще не знали — удастся ли ладьям добраться до Кадиса, а об Атлантике пока были лишь одни мечты. Ведь как раз накануне — в начале мая — где-то у испанского побережья трагически закончилась экспедиция наших норвежских коллег: они решили добраться на моделях древних драккаров до Кадиса, а затем до Севильи, чтобы посетить Всемирную выставку «Экспо-92», да и себя показать. Но шторм погубил их челны, а «викингов» спасли вертолеты береговой охраны. Так что нам пришлось взять на себя миссию скандинавских «смежников», и потом в местной печати членов нашей экспедиции называли не иначе как «русские викинги».

Впрочем, норвежские мореходы были отнюдь не первой жертвой ласкового, но коварного Средиземноморья. Знаменитый испанский драматург Тирсо де Молина не случайно развернул действие одной из своих пьес на берегу моря близ Таррагоны. Здесь чуть не погиб Дон Жуан (Дон Хуан), и только благодаря помощи своего спутника Каталиона он обрел второе рождение. Вытащив бездыханное тело сердцееда на отмель и ожидая, пока тот очнется, Каталион причитает:

⁹ Рот Р. Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. СПб., 1761. С. 245.

¹⁰ Ефрон А. А. Письма из Испании и Бельгии. СПб., 1889. С. 16.

¹¹ Трачевский А. Испания 19-го века. Т. I. М., 1872. С. 67.

Проклят будь смельчак, который
Вверив утлый челн стихии,
Первым мерить стал морские
Необъятные просторы!

Проклят будь и тот несчастный,
Что края, пустыней синей
Разделенные доныне,
Сшить сумел иглой компасной!¹²

Норвежские викинги смело могли бы подписаться под каждой строкой этого монолога, а наши ладьи тем временем прошли короткий путь до Таррагоны — портового города, основанного еще в античные времена. В середине V века свевы делали набег на Тарракон¹³, а сейчас, похоже, настал наш час.

Таррагона — самый «римский» город Испании. Иберийское поселение, захваченное в 218 году до н. э. римлянами, с I века н. э. стало столицей римской Иберии; римляне называли этот город Таррако. В эпоху средневековья здесь сохранялось еще так много античных построек, что когда в 1488 году началось сооружение порта, то использовались римские «стройматериалы». Порт Таррагоны показался нам небольшим, особенно после барселонского, хотя местные власти расширили его в 1790—1802 годах.

Здесь в основном стоят рыболовецкие суда, и наши ладьи удачно вписались в местный пейзаж. На берегу нас поджидают два пропавших накануне «донжуана»: барселонские друзья подбросили их ночью на машине до Таррагоны. Наше послание, оставленное на асфальте, дошло до них вовремя.

На берегу разложены рыболовецкие снасти, сушатся сети; с небольших траулеров выгружают ящики с рыбой. Она тотчас же попадает в здание «рыбной биржи», где ее выставляют на торги. Посторонних сюда не пускают, но для русских викингов было сделано исключение.

Механика торгов простая: минуя посредников, рыбаки предлагают улов покупателям из таверн, кафе, ресторанов. Разыгрывается каждый ящик с рыбой, и как только цена окажется подходящей, один из покупателей быстро вскидывает руку, чтобы его не опередили конкуренты. Тут же корзину уносят в соседнее помещение, где и оформляют сделку, а на продажу уже выставлена бадья с осьминогами, которые удивленно таращатся на суетящихся вокруг людей. Однако нам надо спешить в город, ведь время стоянки в Таррагоне недолгое.

Таррагона и сегодня богата остатками римской архитектуры. Римские стены с прямоугольными башнями украшают город; в нижней части стен — циклопическая кладка доримской эпохи. Городские стены Таррагоны создали целую проблему в археологии (так называемые циклопические стены): они считаются большинством ученых выражением иберийского крепостного искусства, хотя в нем чувствуется и греческое влияние¹⁴.

Таррагона расположена амфитеатром на западном склоне холма. На вершине — нерегулярно застроенный Старый город. В Андалусии римляне основали больше городов, чем в других областях Иберийского полуострова. В Таррагоне римляне имели свой гарнизон и успешно сражались с карфагенцами. Но в 270-х годах н. э. в Испанию вторглись франки. Они достигли Таррагоны, захватив на несколько лет северо-вос-

¹² Тирсо де Молина. Севильский озорник // Испанский театр. М., 1969. С. 284.

¹³ Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969. С. 17.

¹⁴ Мишулин А. В. Античная Испания. М., 1952. С. 167.

точную часть полуострова, пока их не разгромил римский император Марк Кассиан Постум¹⁵. В Таррагоне была и стоянка римского флота; в античные времена здесь выделялось грубое полотно для парусов¹⁶.

Для того чтобы добраться до древней части города, нам пришлось миновать широкий бульвар — Рамбла Нова, а затем подниматься по старинной улочке к кафедральному собору. Здесь переплетаются различные эпохи: храм, построенный в раннеготическом стиле (1171—1331), воздвигнут на месте святилища Юпитера Капитолийского. Нам не повезло: фасад собора был скрыт лесами — шла реставрация. Интересно: из каких средств оплачиваются эти дорогостоящие работы, — из городской или церковной казны?

Раньше было проще. Так, в XIV веке архиепископу Таррагонскому принадлежал весь город, насчитывавший 1127 дворов¹⁷. Но все же церковная казна не была бездонной, и поэтому еще в 554 году поместный собор в Таррагоне решил, что епископ, объезжая приходы, получает не более трети доходов местных церквей и обязан использовать эти средства для их ремонта¹⁸.

В церковной истории известен также поместный собор, проведенный в Таррагоне в 516 году. В то время город был уже крупным центром: еще в IV веке галльский поэт Авзоний в свой перечень 14 наиболее выдающихся городов империи включил город Тарракон¹⁹. В римские времена в Таррагоне насчитывалось до 27 тысяч жителей. Наиболее многочисленными среди иностранных купцов были греки, евреи и сирийцы. О наличии колоний восточных купцов свидетельствуют надписи, сохранившиеся в Таррагоне²⁰.

В Испании жили не только иностранные купцы, сюда бежали и христиане из восточных провинций Римской империи, которых преследовали на родине. В Таррагоне оседали греки-еретики, вынужденные покинуть Византию из-за своих убеждений. Греческая эмиграция в Испанию была столь значительной, что епископ Тарракона в 517 году просил совета у папы римского о мерах, которые следует принять для того, чтобы не допустить распространения ересей в стране²¹.

Собор 516 года состоялся в Таррагоне при вестготском короле Теодорихе (сконч. в 526 году), который благожелательно относился к христианству. К этому времени римлян в Испании уже сумели сменить вандалы, аланы и свевы. В начале V века вестготы, также появившиеся в Испании, осели главным образом в Таррагоне²². Но это не понравилось местным жителям, и они подняли восстание. Движение повстанцев (багаудов) продолжалось здесь в течение 13 лет; в 454 году багауды потерпели жестокое поражение. Они были разбиты вестготами, которыми командовал Фредерик, брат вестготского короля²³.

Однако и впоследствии багауды пытались бороться против пришельцев. Так, в 464 году знать Тарракона оказала вооруженное сопротивление войскам вестготского короля Эйриха²⁴.

¹⁵ Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Т. 1. М., 1951. С. 33.

¹⁶ Мишулин А. В. Цит. соч. С. 54.

¹⁷ Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1902. С. 56.

¹⁸ Корсунский А. Р. Указ. соч. С. 235.

¹⁹ Социально-экономические проблемы истории Испании: Сб. статей. М., 1965. С. 8.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Там же. С. 36.

²² Там же. С. 12.

²³ Корсунский А. Р. Указ. соч., С. 242.

²⁴ Там же.

Обойдя вокруг кафедрального собора, утешаемся созерцанием средневекового дворика, устроенного при храме. Приятно полюбоваться на него из-под готической аркады с ажурными резными перекрытиями. При местной епархии имеется музей, где выставлена деревянная скульптура XIII—XIV веков, церковная утварь, живопись, гобелены XV—XVII веков. Для любителей старины открыт и музей раннехристианского искусства, основанный в 1930 году. Здесь демонстрируются предметы из раннехристианских некрополей.

Недалеко от собора расположены руины античного города. Впрочем, руинами их можно назвать лишь условно: все здесь приведено в надлежащий вид, и, взобравшись на древнюю крепостную стену, можно взглянуть на Старый город. Вот здание архиепископии и архиепископская башня, недалеко виднеется часовня Св. Павла, напротив нее — часовня Св. Феклы.

Сегодня в Таррагоне ничего не напоминает о мусульманском владычестве, а ведь с 713 года, когда мусульмане взяли Барселону, побережье Каталонии стало ареной постоянных столкновений. В начале IX века экспедиции против арабов не прекращались, сопровождаясь переменным успехом. В 801 году франкский король Людовик Благочестивый отбил у арабов Барселону, а в 809 году и Таррагону. Но вскоре Таррагона снова перешла в руки мусульман. К XI столетию относится еще один эпизод христианско-мусульманского противостояния, связанный с этим городом. Во времена правления папы Урбана II (1088—1099) была предпринята героическая попытка отбить Таррагону у мусульман. А вскоре в послании, адресованном многим графам и рыцарям Каталонии, папа Урбан II пообещал всем, кто падет в походе на помощь Таррагоне, те же привилегии, что и участникам крестовых походов на Ближний Восток, и призвал воинов исполнять долг свой ближе к собственному дому²⁵.

В 1492 году Реконкиста победно завершилась взятием Гранады. К этому времени побережье Каталонии было уже под христианским правлением, и потомки бывших властителей жили здесь на положении побежденных. Постепенно число морисков (мавров, принявших христианство) сокращалось, но в Таррагоне они жили еще в начале XVII столетия²⁶.

А в середине того же XVII века новая напасть обрушилась на простых жителей Таррагоны. Дело в том, что в 1640 году свободолюбивая Каталония «отложила» от Испании в пользу Франции. Договор от 16 декабря 1640 года и манифест от 23 января 1641 года юридически закрепили этот выбор. Но Мадрид не мог смириться с утратой. Испанские войска двинулись по Южной Каталонии, и 23 декабря 1640 года ими была взята Таррагона. Париж (или Версаль) предпринял ответный ход: французские войска поспешили на помощь и установили блокаду Таррагоны²⁷. Так что снова жителям города пришлось быть пешками в политической игре королей...

В начале XIX века очередное испытание: 2 июня 1813 года в районе Таррагоны, не встретив сопротивления, высадился английский десант. Но уже 10 дней спустя при известии о приближении французских войск англичане покинули район Таррагоны, оставив на суше свою артиллерию²⁸.

Впрочем, и в более близкие к нам времена политические бури задевали Таррагону. В 1931 году во многих городах Испании произошел массовый погром храмов, спровоцированный антицерковной позицией республиканского правительства. По-

²⁵ Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 73.

²⁶ Альтамира-и-Кревеа Р. Указ. соч. Т. II. С. 150.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Из истории освободительной войны испанского народа. М., 1959. С. 400.

литика республики в отношении Церкви, проводившаяся в 1931—1933 годах, была самоубийственна и абсурдна. Поджоги храмов в 1931 году — событие, которое долго не могли забыть ни жертвы, ни исполнители. Известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет поначалу приветствовал приход к власти республиканцев, но вскоре проникся скепсисом. Он обнаружил в республиканской жизни непреодоленные, растущие пороки «массового общества в действии»²⁹.

Тогдашний примас Испании кардинал Сегура решительно протестовал против бесчинств толпы, подстрекаемой республиканцами. Но 14 июня 1931 года он был задержан в одном из монастырей Гвадалахары, где намеревался провести собрание приходских священников. Кардинал был выслан из Испании; обязанности примаса стал исполнять архиепископ Таррагоны Видаль-и-Барракер, лояльно относившийся к республиканским властям³⁰.

Но политические игры продолжались, и хотя новый примас Испании проявлял лояльность к режиму, с 1 октября 1933 года республиканские власти запретили деятельность всех патронируемых религиозными организациями частных колледжей, кроме начальных школ, а с 31 декабря 1933 года — и начальных школ. Семинарии, готовившие священников, были поставлены под государственный контроль. Все церкви, монастырские строения, резиденции архиепископов и здания духовных семинарий были объявлены национальным достоянием. Римско-католическая церковь могла использовать их отныне только согласно своему прямому назначению. Движимые и недвижимые богатства Церкви, орденов и религиозных конгрегаций, превышавшие определенный максимум, отчуждались в пользу государства. Были введены и другие ограничения. Правительству предоставлялось право вмешательства в назначения на высшие церковные должности в том случае, если дело касалось лиц, «представляющих опасность для порядка и безопасности государства»³¹.

Но все же влияние Церкви в Испании было по-прежнему велико, и как только расстановка сил в лагере республиканцев изменилась, положение духовенства стало не таким тяжелым, как прежде. 4 апреля 1934 года были восстановлены (отмененные в 1932 году) государственные субсидии духовенству, спасшие от нищеты массу рядовых священников из городских и сельских приходов³². В том же 1934 году Таррагонский архиепископ был освобожден от должности примаса — главой Испанской церкви вместо либерально настроенного архиепископа Видаль-и-Барракера стал И. Гома, поддерживавший связи с кардиналом Сегурой³³.

Так что Таррагона не осталась без своего архиепископа, и все обошлось сравнительно благополучно. А ведь в первые века христианства исповедники веры, не задумываясь, отказывались от компромисса. Здесь же, в Таррагоне, в сохранившемся до наших дней римском амфитеатре, они шли на смерть на глазах 12 тысяч зрителей. В 259 году здесь были умерщвлены епископ Фруктуоз и его диаконы — Аугурий и Евлогий. Впоследствии, в эпоху вестготов, на месте их кончины была сооружена церковь во имя св. мучеников. Сегодня здесь можно видеть только паломников и туристов с путеводителями и фотоаппаратами. А жители Таррагоны предпочитают собираться в новой части города, где выстроена цирковая арена выступления тореадоров. Впрочем, увлечение зрелищами в генах у каталонцев: еще в VI веке вестготский ко-

²⁹ Испания 1918—1972 гг.: Исторический очерк. М., 1975. С. 147.

³⁰ Там же. С. 81.

³¹ Там же. С. 135—136.

³² Там же. С. 159.

³³ Там же. С. 166.

роль Сизебут упрекал Таррагонского митрополита в пристрастии к циркам³⁴. А казалось бы, все должно было быть наоборот...

Но время отхода из порта приближалось, и мы с грустью возвращались в гавань. Ведь неподалеку от Таррагоны находится знаменитый цистерцианский монастырь Санта Мария де Поблет — место захоронения каталонских королей. А для того, чтобы его посетить, нужен был еще один день, но нельзя было отставать от экспедиции: ведь надпись на асфальте может смыть дождь...

В Таррагоне мнения членов экипажей разделились. Куда двигаться дальше? Некоторые предлагали податься на Балеарские острова, о красоте которых были наслышаны. Те, кто наслышан не был, возражали: че мы не видели на этих Балеарах? Ведь идя вдоль берега, можно посетить города с такими «вкусными» названиями, как Малага, Аликанте, Херес... Так, глядишь, можно и до Мадейры добраться. Тем более что до Балеарских островов ежедневно на наших глазах отправлялись большие пассажирские паромы, забитые машинами, грузовиками, трейлерами, — какая уж тут романтика! Еще в XIX веке русский журналист И. Яковлев писал об этом довольно буднично: «До Пальмы (на Майорке) всего 12 часов езды на пароходе. Несколько лет тому назад это удовольствие обходилось в 40 франков. Но с тех пор как пароходные компании стали грызться между собой, оспаривая пассажирскую добычу, цены упали до десяти франков (в 1-м классе). Отлично устроенные пароходы-дворцы „Пальма“ и „Раймон-Луль“ отходят из Барселоны каждую пятницу»³⁵.

Наши споры могли продолжаться долго, но, как это часто бывает в жизни, все решил случай. А для того, чтобы читателям все было понятно, нужно ввести в повествование нового персонажа. Еще в Барселоне, когда зеваки толпились около наших парусных «каравелл», стоявших не так далеко от памятника Христофору Колумбу, на борт «Надежды» попросился скромный молодой испанец, назвавшийся Кристобалем (Христофором). Он заявил, что считает себя «гражданином вселенной», вечным странником, как, впрочем, и мы, и хотел бы принять участие в экспедиции. Оказалось, что он родом с Мальорки, так что никакой он не испанец, а каталонец, а точнее, балеарец. Ведь каждый из Балеарских островов — Мальорка, Менорка, Ивиса, Форментера, Кабрера — имеет свое лицо: еще не так давно море разделяло их серьезной преградой. Между островами есть даже языковые различия, жители каждого из них говорят на особом диалекте каталанского языка, ведь язык, выразитель мысли, средство общения, тоже отстаивался в течение долгого времени.

Кристобаль был зачислен на довольствие и быстро прижился на ладье. В море он наравне со всеми нес дневные и ночные вахты, а в свободное время ловил на леску морскую живность, чем разнообразил наш убогий стол. В морском путешествии не обходится без бак, и вот по ладьям пошла гулять такая: якобы Кристобаль был внедрен в экспедицию испанскими спецслужбами, чтобы за нами присматривало «око государево». Утверждали, что он великолепно знает русский язык, но тщательно это скрывает. Правда, однажды, как утверждали шутники, Кристобаля удалось «расколоть». Утром, когда он крепко спал после ночных посиделок со стаканом доброго хереса, кто-то из наших мореходов шепотом спросил его: «Кристобаль, пива хочешь?» И тот сквозь сон ответил по-русски: «Хочу!»

Потом байка получила продолжение: узнав об этом «проколе», мадридская «Лубянка» понизила полковника Кристобаля до майора, от окончательного разжалования его спасло лишь то, что он потомок Христофора Колумба по прямой линии...

³⁴ Социально-экономические проблемы истории Испании: Сб. статей. М., 1965. С. 59.

³⁵ Яковлев (Павловский) И. Я. Очерки современной Испании (1884—1885). СПб., 1889. С. 453.

Но все это — байки, а за время экспедиции Кристоаль нам здорово помогал и брал на себя все хлопоты по переговорам с портовыми властями. Особенно сильно мы это почувствовали, когда наша «непобедимая армада» нахально вошла в гавань Картахены, где рядом располагаются испанская и американская военно-морские базы.

Кристоаль прошел с нами вдоль всего средиземноморского побережья Испании — от Барселоны до Кадиса. Собирался он и в Атлантику — по следам своего знаменитого предка. Но его планы изменились после того, как в Аликанте на борту многострадальной «Надежды» появился новый пассажир. «Сильно не пожилая» болгарка, жившая в Испании на непостоянный заработок переводчицы, попросила взять ее на борт, обещая честно отрабатывать кусок хлеба синхронным переводом. Братья-славяне не могли отказать почти что землячке, не предполагая, что вскоре им придется вспомнить французское выражение «Шерше ля фам», что в переводе на испанский значит: «Ищите мухейрос».

Впервые нежные каталоно-болгарские отношения начали проявляться в Малаге, и синхронный перевод для этого не потребовался. Желая удержать отважного, но простодушного Кристоаля от коварных сетей, мы робко пытались декламировать строчки из Гарсиа Лорки:

Ах, девушка, мало ли
кораблей в гавани Малаги!

На ладьях появилась новая байка: ведь у Кристоаля хорошая «крыша», зачем же он меняет ее на «болгарский зонтик»?³⁶ Но дружба становилась все крепче, и кончилось тем, что в Кадисе, незадолго до выхода наших убогих ладей в Атлантику, Кристоаль, как малый ребенок, смущенно пряча глаза, был уведен с борта «Надежды». И если местная полиция действительно присматривала за нами, то можем сообщить: «болгарский след» ищите в Кадисе...

Но все это было потом, а в Таррагоне Кристоаль еще ходил в «авторитетах». И когда решался вопрос о Мальорке, то его слово было решающим. После того как капитаны вывели флотилию из гавани Таррагоны, он лично встал на вахту. Ведь впереди была его родная Мальорка, и, быть может, в его душе слагались возвышенные строки. Впрочем, здесь, на морских путях, уже изрядно потрудились его соотечественники-поэты.

Под вечер воздух мерцает,
закат — как сон наяву,
и капли слез золотые
вдали кропят синеву.

³⁶ 7 сентября 1978 года болгарский диссидент Георгий Марков проходил мимо автобусной остановки на мосту Ватерлоо в Лондоне и вдруг почувствовал легкий укол в ногу. Обернувшись, болгарин заметил, что какой-то человек поднимает с земли зонтик, и подумал, что его случайно задела. К ночи у Маркова подскочила температура, и его госпитализировали. Спустя несколько дней он умер, успев, однако, рассказать об инциденте с зонтиком. Врачи, проводившие вскрытие, обнаружили в ноге умершего небольшой платиновый шарик — капсулу диаметром меньше двух миллиметров. Как впоследствии предположили следователи, она была заполнена ядом рицином, который попал в организм после того, как от тепла человеческого тела расплавилась покрывавшая сферу специальная оболочка. Подозрение сразу пало на Държавну сигурност — болгарский комитет государственной безопасности, которому четыре года спустя приписали организацию покушения на Иоанна Павла II прямо в Ватикане. <https://lenta.ru/articles/2013/09/13/umbrella>.

Как будто ветер вернулся
и даль морская близка —
и всех затерянных в море
нашла глазами тоска.

Так выразил свои чувства Хуан Рамон Хименес (1898—1953), скончавшийся в один год с кремлевским каудильо. Но паломников обуревали в море радостные чувства, и они предпочли бы этим строкам следующие два четверостишия:

Изменчивый ветер моря!
Матросский родной очаг!
На сердце ладанка с пеплом,
и синий холст на плечах!

В лазури цветы граната.
Веселье в ладу с тоской.
Мужчине море законом,
а сердцу — ветер морской!³⁷

ЭЛЬЧЕ. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МИСТЕРИИ

Успение Богородицы

Близ крупного средиземноморского города Аликанте находится старинный Эльче, известный своими средневековыми традициями. В Аликанте два железнодорожных вокзала: один на берегу моря и обслуживает прибрежные курорты — Бенидорм, Альтеа, Дения, а другой — более respectable: отсюда поезда идут даже на Мадрид. С главного вокзала на пригородном поезде можно доехать до городка Эльче, лежащего в 20 километрах к юго-западу от Аликанте. Чем же он привлекателен и бывал ли там кто-либо из россиян? — вот два вопроса, на которые надо дать ответ.

В своих испанских записях от 1 октября 1846 года *Михаил Иванович Глинка* сообщает о том, что на пути из города Мурсии в Мадрид «в тартане, запряженной огромной мулою», он заехал «в Orihuela, потом в Elche, окруженный пальмовыми рощами»³⁸. Пребывание русского композитора в Эльче было непродолжительным, и ему запомнилось только множество пальм, растущих в этом городе. Такое множество экзотических деревьев непривычно даже для Испании, где пальмы обычно украшают улицы, набережные. Откуда же здесь появились целые рощи? Ответ на это дает история города, насчитывающего на сегодня около 200 тысяч жителей.

Основанный во времена Римской империи, Эльче (римское Илличе) был завоеван вначале вестготами, а затем арабами. В годы правления Абдаррахмана III (X век) Эльче пережил небывалый расцвет: воздвигались здания и крепостные сооружения, была создана ирригационная система, в результате чего в Юго-Восточной Испании возник крупный оазис и на шестистах гектарах раскинулась пальмовая роща, самая большая в Европе. Здесь самый сухой в Испании климат, с небом, безоблачным большую часть года. Эльче — единственное место в Европе, где финиковые пальмы дают вызревающие плоды³⁹. О времени появления пальмовых рощ в Эльче писал русский пу-

³⁷ Испанские поэты XX века. М., 1977. С. 43.

³⁸ Глинка М. И. Записки Михаила Ивановича Глинки // Русская старина. 1870. Т. 2, ч. IV. С. 434.

³⁹ Испания и Португалия. М., 1947. С. 25.

тешественник П. А. Чихачев, побывавший в Испании дважды, с перерывом в 30 лет. Второй визит русского ученого в Испанию состоялся в 1877 году; вот что пишет он по поводу пальмовых плантаций: «Идриси, подробно описывая город Эльче, как все, что имеет отношение к близкой ему Испании, ни слова не говорит о пальмовых рощах, а знаменитый арабский географ уж, конечно, не преминул бы упомянуть о них, особенно если бы эти рощи, как в наши дни, насчитывали до 60 тысяч деревьев. Следовательно, в XII веке финиковых рощ там еще не существовало. Если эти деревья были действительно посажены арабами, то это было сделано ими только после утверждения своего владычества в Испании»⁴⁰.

Сочетание арабо-мусульманской архитектуры, пальм и голубого средиземноморского неба чем-то напоминает обстановку, в которой зародилось христианство, и этим объясняется, почему Эльче порой называют «испанским Иерусалимом». Русские путешественники не баловали этот городок своими посещениями. Еще один визит в Эльче нанес русский писатель Е. А. Салиас, побывавший в Испании в 1864 году. Ознакомившись заранее с описанием этого городка, Е. А. Салиас решил навестить Эльче, «известный своими пальмовыми рощами».

Как и его предшественник — М. И. Глинка, Е. А. Салиас подъезжал к Эльче со стороны Мурсии, то есть с юга. Вот что открылось с холма взору русского путешественника: «Это была настоящая, неподдельная Африка, нечто вроде христианского Танжера, перенесенного на берег Испании, — писал Е. А. Салиас. — Яркий-белый городок, утопающий в темно-голубоватой зелени целого леса пальм, грациозно, недвижимо и как-то сонно клонящих свои ветви на белый камень оград домов и башен, Эльче казался оазисом в степи»⁴¹.

В те годы финиковые пальмы в Эльче составляли основной доход жителей города. Отсюда к празднику Вербного (Пальмового) воскресения пальмовые ветви вывозились в Италию и во многие города Испании⁴². Интересные сведения приводит один из авторов-французов, посетивший Эльче примерно в те же годы, что и Е. А. Салиас. Он также был наслышан о том, что пальмовые ветви расходились из Эльче по многим городам Испании и за ее пределы. «В числе испанских праздников, которые все более или менее оживлены и шумны, есть один совершенно спокойный, строго молчаливый: это Вербное воскресенье, — пишет французский автор. — У врат церковных расположились торгующие прекрасными пальмовыми ветвями; некоторые из них длинные, гибкие, повисшие; другие напротив, короткие, кудрявые, закручивающиеся причудливыми арабесками; здесь вы видите, как они грациозно переплелись между собой, а там сквозят красивые узоры в их естественной простоте. Продажа их весьма значительна; поэтому весь день улица представляет странное зрелище движущегося леса, но леса фантастического. На другой день освященные пальмы ставятся на балконах, точно огромные гусиные перья»⁴³.

Записки французского публициста, который был и художником, были напечатаны в России в 1876 году. Пытливый путешественник не ограничился общими рассуждениями о красоте пальмового оазиса на юге Европы; его интересовала и «проза жизни», о которой предпочитают не вспоминать в праздничные дни. Итак, вернемся к нашим пальмовым ветвям. «Большинство набожных мадридских женщин, покупающие

⁴⁰ Чихачев П. А. Испания. Алжир. Тунис. М., 1975. С. 54.

⁴¹ Салиас Е. А. Собрание сочинений. Т. 24. Las Espanas. Путевые очерки Испании (1864 г.) М., 1900. С. 501.

⁴² Реклю Э. Народы и страны Западной Европы. Т. VIII. Испания и Португалия. М., 1916. С. 61.

⁴³ Имбер. Испания. Ее роскошь и нищета. СПб., 1876. С. 149.

их (ветви. — *Авт.*), не имеют понятия об опасностях, которым подвергаются срывающие их бедняки, — продолжает французский автор. — Перенесемся в провинцию Аликанте. Под сводом прозрачного, как хрусталь, неба, раскинулась южная растительность... Исполинские пальмовые рощи манят прохожего под свою скудную тень. Подымите голову, всмотритесь внимательно в зеленые верхушки, колеблемые ветром. Вы увидите, как на высоте, причиняющей головокружение, — откуда ствол кажется лишь простым, жалким стеблем, — привязанные к дереву люди срезавают пальмовые ветви, которые расходятся по всей Испании. Привыкнув к опасности, они тянут песню, исполняя свою трудную работу. Каждый год случается, что или лопнет веревка, или вихрь ломает пальму, сучья которой обрубаются; несчастный расшибается вдребезги; его семейство облекается в траур, и никому не придет в голову, что в Вербное Воскресенье много найдется ветвей, обогранных кровью»⁴⁴.

Сегодня, приближаясь к Эльче со стороны Аликанте, панораму города с его пальмовыми рощами уже не увидеть, так как поезд ныряет в тоннель и останавливается у платформы, расположенной под землей. Видимо, городские власти не дерзнули нарушить райскую красоту пейзажа и упрятали лязгающую, свистящую «шайтан-арбу» в преисподнюю. Но как и прежде, путники, добравшиеся до Эльче, следуют к старинному центру города.

Путь от железнодорожного вокзала лежит мимо городского парка, который, по существу, является пальмовой рощей. Тех, кто посетит его, ждет сюрприз: в одном из дальних уголков можно увидеть скульптуру, известную под названием «Дама из Эльче». Это бюст, найденный в 1897 году при раскопках близ Аликанте и датируемый приблизительно V—IV веками до н. э. Тонкие и гордые черты знатной, судя по богатому убору, дамы, выдают влияние греческой скульптуры на искусство древних иберов. Подлинник статуи, разумеется, хранится в местном музее археологии, а в парке, под шелестящими пальмами, выставлена лишь копия.

Кто же был автором этого шедевра? Предоставим слово французскому археологу *П. Пари*, который в начале XX века так писал о «даме из Эльче»: «Нет, не греческий мастер воплотил в этой дивной фигуре Испанию иберов, финикийцев и фокейцев: это испанец — туземный скульптор со свободным духом, несмотря на уроки, которые он, несомненно, получил, которые он, может быть, искал в знаменитых мастерских Греции; это был мастер, рожденный в самом отечестве той пленительной женщины, которую обессмертил его гений... Испания имеет право отнести на свой счет все, что есть в этом шедевре самого изысканного, самого сильного и самого смелого»⁴⁵.

⁴⁴ Там же. С. 150.

⁴⁵ Мишулин А. В. Античная Испания. М., 1952. С. 114.

Contents

Prose and Poetry

- Mikhail Rakhunov.** Poems • 3
Alexey Golovko. The Fate of Patient. *Story* • 8
Olga Viktorova. About the Wonderful. *Poems* • 84
Andrey Makarov. Golden Squama. *Short story* • 88
Evgeny Topchiev. Bricks. Not the time. *Winter stories* • 99
Irina Kiys. In Glass Ball. *Poems* • 110
Igor Mikhailov. Something with Something... Girl with a Quirk. Nepenf. Later. Velyaminovo. Everything Will Still Be! *Short stories. Prev. by E. Kaminsky* • 114
Sergey Makke. „The Divine Comedy“ or The New Year. *Poems* • 132
Elena Danchenko. Animals that Choose Us. Granny. *Short stories* • 135

Non-Capital Russia

- Alexander Strashinsky,** Maria Nikiforova. The Fate of the Authentic. Poems. *Prev. by E. Kaminsky* • 156

Translations

- Stephen Haggard, Keith Footitt, Sydney Case, Brian Allwood, Keith Douglas, Frank Thompson.** „We Asked for Much from Life, but We Were Able to Give It“. *Translated from English by Evgeniy Lukin* • 165

Favorite Corners of Russia

- Vera Kalmykova.** Heaven and Earth of Stary Oskol • 170

Publicistic Writings

- Aigul Akhmetova.** History of One Default • 181

Criticism and Essays

- For the 130th Anniversary of Sergei Yesenin.* **Anatoly Sobennikov.** „Radunitsa“ by S. Yesenin in the Context of the Myth of Russia in Russian Poetry • 203
Tatiana Nuzhnaya. Uncharted Territories: Hymn to Chukotka in Svetlana Zabarovva's Novel „Vatyrkan“ • 217

Theatroteka

- Alexey Semkin.** Chekhov on the Theatre and the People of the Theatre • 225

Petersburg Bookman

- Reviews.** *Vera Tchaikovskaya.* Dubious Magicians: Reflections of Art Critic. *Denis Sorokotyagin.* Caramel with Tobacco Crumbs • 233

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Off the Coast of Spain. *Part 2* • 239

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»

Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18

Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9

Телефоны: (812) 314-72-50, 312-49-23

E-mail: nevaredaction@mail.ru, officeneva@mail.ru

Рукописи принимаются только в электронном формате

Сайт «Невы»: neva-journal.ru. По вопросам, связанным с интернет-сайтом,
обращайтесь по адресу web@neva-journal.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>

*Проект «Сохранить и приумножить наше гуманистическое наследие»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России»,
подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах
прессы у станций метрополитена.

**По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей,
приобретением** отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18,
тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала
«Нева» на территории РФ осуществляет редакция.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 16.07.2025. Подписано в печать 19.09.2025.

Выход в свет 10.10.2025. Гарнитура «Октава».

Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 52

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86

Тел. (812) 207-58-43